

УСТНО-
ПОЭТИЧЕСКОЕ
ТВОРЧЕСТВО
МОРДОВСКОГО
НАРОДА

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ, ИСТОРИИ И ЭКОНОМИКИ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ МОРДОВСКОЙ АССР

Устно - поэтическое творчество мордовского народа

САРАНСК 1979

ере (морд) ш 2020-1101-004
у 808

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ, ИСТОРИИ И ЭКОНОМИКИ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ МОРДОВСКОЙ АССР

Устно - поэтическое творчество мордовского народа

ТОМ СЕДЬМОЙ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1977

МОКШАНСКИЕ ПРИЧИТАНИЯ

САРАНСК 1979

Составление, подготовка текстов, подстрочно-
смысловой перевод на русский язык и комментарии

М. Г. ИМЯРЕКОВА

Запись, расшифровка мелодий и статьи к ним

Н. И. БОЯРКИНА

Общая редакция *Э. В. ПОМЕРАНЦЕВОЙ, А. И. БРЫЖИНСКОГО*
и *К. Т. САМОРОДОВА*

60616

У 0-7-4-3-103 48-79
М 130 (03)-79

© Мордовское книжное издательство, 1979.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мордовские (мокша и эрзя) похоронные обряды и связанные с ними причеты (явсемат, ольксемат — у мокши, лайшемат — у эрзи) являются теперь также, как и свадебные, необязательными (случайными) семейными обрядами. Первоначально они носили общественный характер и были неразрывно связаны с молянами (озксами). Об этом свидетельствуют сохранившиеся до наших дней моляны-поминовения весной и осенью на кладбище в честь предков.

Похоронные и поминальные причеты занимают в составе семейно-бытовой обрядовой поэзии особое место и по количеству, и по социально-художественной значимости.

Мокшанские причеты, как и эрзянские, возникнув в глубокой древности, исполнялись, импровизировались повсеместно не только на похоронах и поминовениях, но и на проводах в солдаты, в моменты различных бедствий и в горестных событиях семейной и общественной жизни. В первом случае плачи являются обрядовыми, во втором — бытовыми, но в обоих случаях они отражают не только деревенский быт, но и внутренний мир, переживания их исполнителей и всего коллектива, участника действия. Поэтому велика историко-этнографическая и художественная ценность этих причитаний.

Нельзя не пожалеть, что мордовские причитания до недавних пор недостаточно собирались и изучались. В связи с этим имеющиеся в нашем распоряжении записи собирателей народного творчества и наблюдения этнографов представляют огромную ценность. Мокшанские и эрзянские похоронные причеты записывали (хотя и в небольшом количестве) мордовские, русские и зарубежные ученые, интересовавшиеся историей, этнографией, культурой и фольклором мордвы. Из зарубежных филологов большое внимание собиранию и публикации мордовских похоронных причитаний, как и свадебных, уделил

Х. Паасонен¹. Им опубликовано 13 эрзянских и 9 мокшанских причитаний в подстрочно-смысловом переводе на немецкий язык. Академик А. А. Шахматов в книге «Мордовский этнографический сборник»² опубликовал несколько эрзянских причитаний-плачей. Ценнейшие записи мордовских плачей, как свадебных, так и похоронных, оставил М. Е. Евсевьев³. Кроме того, имеется ряд кратких описаний мордовских обрядов, связанных с погребальными и поминальными обычаями и традициями. Эти описания в большинстве своем связаны с историей внедрения в мордовскую среду христианской религии, борьбой против языческих культов и обрядов. Они являются частью богатой истории краеведческого, географического и этнографического изучения народов, населяющих Россию. Все эти очерки, заметки о мордовских погребальных обрядах и других обычаях мордвы появились тогда, в дореволюционный период, спорадически в историко-краеведческих изданиях.

Среди дореволюционных изданий заметно выделяется исследование И. Н. Смирнова «Мордва»⁴, в котором большое место отведено похоронным обрядам и воззрениям мордвы на смерть. Монография И. Н. Смирнова интересна и тем, что в ней впервые сделана попытка обобщить (в этнографическом плане) имевшуюся литературу о похоронных обрядах и о воззрениях, связанных с культом предков. Для мордовских фольклористов особенно большую ценность представляют III, IV и V главы этой книги.

Однако И. Н. Смирнов при описании похоронных и поминальных обрядов мордвы, её воззрений на смерть почти не привлекал поэтические произведения, сопровождающие эти обряды.

Этот пробел был частично восполнен в предреволюционные десятилетия собирательской деятельностью финского ученого Х. Паасонена, русского академика А. А. Шахматова и мордовского просветителя М. Е. Евсевьева.

В первые годы Советской власти в публикации похоронных причитаний большую роль сыграла книга М. Т. Маркелова «Саратовская мордва»⁵. В ней наряду со свадебными включены похоронные причитания, неразрывно связанные с описаниями обрядовых действий. Книга М. Т. Маркелова представляет собой образец научного собирания фольклорных произведений.

С созданием в Мордовии высших учебных заведений и научно-исследовательских учреждений в 30-х годах началось систематическое собирание, публикация и исследование памятников устно-поэтического творчества. Ежегодные фольклорные, фольклорно-лингвистические и фольклорно-этнографические экспедиции позволили создать сравнительно большой рукописный фонд, состоящий из произведений различных жанров, в том числе и причитаний.

Причеты из этого фонда наряду с отдельными текстами, опубликованными в сборниках Х. Паасонена, А. А. Шахматова, М. Т. Маркелова, Л. С. Кавтаськина, Д. Кеняева, Т. Талышкиной, традиционные и новые плачи Е. П. Кривошеевой и Ф. И. Беззубовой, опубликованные в различных сборниках и в периодической печати⁶, дали возможность составить специальный сборник «Эрзянские причитания-плачи», который является первой частью седьмого тома серии «Устно-поэтическое творчество мордовского народа»⁷. Второй частью этого тома является настоящий сборник «Мокшанские причитания».

Своеобразие истории собирания и публикации причитаний определяло некоторые особенности обеих частей седьмого тома. В этих книгах явно недостаточно текстов внеобрядовых плачей, исполнявшихся при несчастных случаях, на проводах рекрутов в царскую армию, при падеже скота, неурожая и т. д. Особенно мало записано плачей при проведении обрядов в поминальные дни. Многие тексты причитаний записывались неполно, без магнитофонов, в отрыве от конкретных ритуалов похоронного и поминального обрядов. По этой причине, как в сборнике «Эрзянские причитания-плачи», так и в настоящем издании, большинство текстов причитаний включено по тематическим разделам (причитания о матери, об отце, о сыне, о дочери, о муже и т. д.).

Но, несмотря на эти трудности, седьмой том серии «Устно-поэтическое творчество мордовского народа» представляет собой сборник, в обеих частях которого впервые и довольно полно собраны мокша-и эрзя-мордовские причитания с параллельным подстрочно-смысловым переводом на русский язык. В них многие оригиналы даны со всеми имеющимися вариантами, а мелодии некоторых причитаний настоящего сборника нотированы музыковедом Н. И. Бояркиным в нотном приложении. Им же написана краткая статья, которая является первым опытом научного анализа форм взаимосвязи традиционного поэтического и музыкального строя мокшанских похоронных причитаний, представленных в публикациях в одиночных образцах, рассматривались до сих пор музыковедами не во взаимосвязи с музыкально-ритмической формой, а в отрыве от этих поэтических текстов, что все музыковеды ограничивались, в сущности, лишь фиксацией напевов плачей на магнитную ленту и частичным их нотированием, не задумываясь над их музыкально-стилевыми особенностями.

Определенный интерес представляют в настоящем сборнике те тексты причитаний, которые записаны квалифицированно, неразрывно с обрядовыми действиями. Они включены в раздел «Образцы местных похоронных и поминальных обрядов с причетами». Каждый из четырех текстов отражает своеобразие погребальных обрядов и причетов селений определенного района — Зубово-Полянского, Горбеевского, Краснослободского и

Ковылкинского. В каждом из них причитания плакальщиц композиционно связаны с этапом обрядовых действий, служат словесным объяснением их значений, и в целом они воспринимаются как одно сюжетное произведение. Именно в связи с обрядами каждое причитание наиболее полно выражает свое идейно-тематическое и художественное содержание и служит полноценным материалом для научного анализа.

Как и во всех сборниках серии «Устно-поэтическое творчество мордовского народа», мокшанские оригиналы настоящего сборника даются в соответствии с орфографическими нормами литературного языка.

Подстрочно-смысловые переводы с мокшанского на русский язык даны со строгим соблюдением оригинала, с сохранением по возможности его стилистической и ритмической специфики.

СОДЕРЖАНИЕ И ФОРМЫ БЫТОВАНИЯ ПРИЧЕТОВ МОРДВЫ

Похоронные обряды и причеты — отражение издревле сложившихся воззрений на смерть и загробную жизнь; они служили выражением культа предков, который у мордвы был сильно развит и до сих пор частично еще сохранился в отдельных образцах народного творчества. Одним из древних религиозных представлений о смерти и жизни души покойника на том свете (тона шиса) является убеждение, что похороненный родственник продолжает свое существование. Он может выйти из могилы и выполнить просьбы живых близких, может защитить их от недугов и встречаться с божествами.

И. Н. Смирнов в своем историко-этнографическом очерке «Мордва» отмечает, что смерть, по воззрениям суверенной мордвы, является ничем иным, как переходом из земной жизни в загробную, где умерший будто бы продолжает свою жизнь подобно земной. Он сохраняет там все свои потребности и привычки, полностью завися от всего строя общественной и семейной жизни: он там ест хлеб, занимается извозом, торгует, пьяница пьет, вдовец или холостяк женится, девушка выходит замуж и т. д. Как и на земле, люди группируются в загробном мире по родам, семьям. Каждый новый пришелец присоединяется, таким образом, к своим родителям, дедам и к своему роду. Мордва смотрела на покойников, как на живых, переходящих в иной, сверхъестественный мир. Переходя в тот загробный мир, покойники не порывали связи с оставшимися в живых, вступали в непосредственную связь с сверхъестественными существами, духами-покровителями, становились хранителями интересов своего потомства, его покровителями. Другими словами, они становились близкими к богам, а также и к простым земным жителям. Влияние покойных предков на судьбу живых

потомков проявлялось в двух направлениях: с одной стороны, они были хранителями благосостояния своих потомков, с другой — нравственных устоев их жизни⁸.

Живые, утверждая истину своих слов, ссылались на предков: «Пусть меня мертвый накажет, если я говорю неправду» («Катк кулоф атяньке-бабаньке наказасамазь, кда мон аф видеть корхта»)⁹. Но покойники, как и духи-покровители, якобы не только гневались, но и благоволили к живым людям, если те уважали их и совершали добрые поступки¹⁰.

Таким образом, предки-покойники, от которых зависели благосостояние и нравственные устои их потомков, естественно, являлись объектом уважения и поклонения. Это выражалось определенными магическими действиями (обрядами) и словесными излияниями (причитаниями) живых родственников. Отношение к покойникам у мордвы было двойственным, поэтому все похоронно-поминальные обряды и причеты носят двойственный характер. С одной стороны, они служили в качестве защиты покойников, с другой стороны — способом почитания умерших (приношения, поклоны, словесные соболезнования); живые таким образом стремились умиловить, уговорить ушедших в загробную жизнь, чтобы они не забывали своих родных, навещали и оберегали их. Словом, для выражения такого отношения к покойнику совершались определенные религиозно-магические обряды, которые продолжались с перерывами до 40 дней и сами по себе делились на похоронные (или прощальные) и на поминальные обряды с причетами.

Что собой представляли и как совершались эти обрядовые ритуалы?

Ритуальные моменты прощания продолжались обычно в течение трех дней, начиная с оглашения о смерти, и носили напряженный характер, поскольку предстояло расставание с близким человеком. Эти ритуальные мотивы (обряжение, вынос, погребение), связанные с причетами, проходили в целом как определенное драматическое действие.

Судя по записям прошлого столетия, как только извещали о смерти, к покойнику начинали приходить соседи и знакомые — все несли с собой в дар хлеб-соль, блины, пюре, деньги и клали все на стол. О принесенных дарах сообщали покойнику: в одних местах — лично тот, кто принес, в других — особо выбранный старик (а покойнице — старуха), которые каждый раз при сообщении кланялись умершему, а монеты скоблили над его телом, глухо приговаривая: «Вот тебе деньги, делай на них все, что захочешь, пойдешь, может быть, на беседу, на крестины, на свадьбу, поворожи за нас, живых»¹¹. Иногда, скобля монету, обращались к ранее умершим родственникам: «Родители, бабушки, бабушки! Вот мы посылаем вам 40 фунтов серебра, 40 фунтов меди, полную коробку табака и т. д.»¹².

Когда покойник был обряжен и положен в переднем углу, начинались ритуальные плачи — женские причитания. Обычно причеты по мужу начинала его супруга, по сыну и дочери — их мать, по матери и отцу — их дочери, потом причитывали до вечера все их родственники и близкие женщины по очереди с перерывами. Все причитывали определенные, обращенные к умершему причеты и с такой большой эмоциональной силой, что все присутствующие невольно плакали. Таковы похоронные причеты вступительной части прощального ритуала, которые связаны с подготовительными обрядами и представляют собой первое обращение к покойнику после его омовения и обряжения.

Поэтому эти причеты играют роль вступления, зачина, они выражают переживания, горестные излияния вопленицы, говорят о том, что все в отчаянии от тяжелой вести:

Вай, кодак кулеськ, аляняньке,
Тонь кучф латта азыхень,—
Прасть минь кядьстонк куцдюфис,
Ашесть шилев кургстонк

порьксоньке,
Сембе «вай», «вай» ойксеме;
Цяподеськ кафта кядняньконь,
Пувордаськ эсь кемонь суряняньконь,
Аляняньке-касфтыняньке,
Канды мешень суряняньке,
Жив пингстот тонь, трияняньке,
Пяк ламоль тиф паряне...

(Ой, как услышали мы, папенька,
Тяжелую весть о твоей неожиданной
смерти,—

Выпали из рук наших ложечки,
Не смогли проглотить мы свою
пищу.

Все «вай», «вай» ойкали;
Хлопнули своими обеими ладонями,
Скрутили все свои десять пальцев.
Папенька наш, ты нас вырастил,
Ты нас кормил-поил,
Много добра ты сделал нам...)

Другой вариант:

Ох, алянязе-кельгомнязе,
Тон мезе арьсеть, мезе тиеть,
Тон сембонь ёфси зряскофтыть,
Машфтыть сембонь ёжеда,
Бта ёньда аерфтомась,
Эхянь пачк мянь сембонь керомась.
Вай, монга вастса аф ашеван,
Монга мянь аф корхтаван,
Кали мянь аф явсеван?
Вов, тон ашат ни эзембрыса,

Эзембрыса, шкай ужеса,

Ох, папенька, любимый наш,
Что ты задумал, что ты наделал,
Все мы ведь в отчаянии,
Ты всех словно ошпарил,
Словно рассудка нас лишил,
Будто пополам нас разрезал.
Ой, я тоже места себе на нахожу,
И со слезами с тобой говорю,
Неужели не могу оплакивать?
Вот ты уж в переднем углу

лежишь,
В переднем углу под иконами,

Вельхтяфат ни кели котфса.
Ожка молян тонь малаэт,
Ожка озан тонь ваксозт
Да явсеса ловажащень.
Сон чистой ведьса штаф-нардаф,
Вечнай шамса наряжаф
И седишкава адерляф.

Покрыт уж широким холстом.
Погоди, подойду к тебе поближе.
Погоди, сяду с тобой рядом
И стану оплакивать твоё тело.
Оно чистой водой омыто,
В вечную одежду одето
И от души наряжено.

Эти плачи иногда содержали сообщение о том, что случилось с умершим, как прошли подготовительные обряды: приход родных, омовение, обряжение и т. д. В некоторых вариантах сообщается и о том, что покойник умер очень рано, что он оставил собственноручно построенный красивый дом, много детей, вспоминаются и другие биографические сведения о нём.

Вступительные плачи исполнялись обычно в день смерти, после обряжения, когда покойник лежал еще не в гробу, когда родные и близкие еще только собирались проститься с ним.

Второй цикл причетов начинался с обрядов, связанных с гробом — внесение в избу гроба, перенесение покойника в гроб и вынос гроба с телом из дома на кладбище. Обычно эти обряды и причеты исполнялись на второй день после смерти (у более богатых семей на третий день). Все они составляли второй, наиболее напряженный момент ритуала прощания. При совершении обряда «выноса гроба» напряженность, особенно стои голосов, достигал своего кульминационного момента. Перед выносом гроба присутствующие падали на колени с прощальной мольбой к покойнику: просили его простить причиненные ему когда-либо обиды, почаще приходить из того мира «присматривать за тем, как живется-можетс оставшимся». Затем при поднятии гроба все вставали и направлялись к выходу во двор, а избу обрызгивали водой с венника, произнося в адрес покойного закликательные слова: «Сам ты ступай, нас пожалей, пошли нам доброго здравия, дай нам прожить много лет (или когда умерший уже старый) — столько же лет, сколько ты жил»¹³.

Когда же покойника выносили за ворота, носильщики и все сопровождающие останавливались, чтобы обратиться к ранее умершим и просить их принять в свою среду нового человека и дать здоровья живым. После чего начиналось шествие по улице до кладбища.

Причеты этого напряженного момента содержат в себе вопросы к покойнику о том, куда он собрался-нарядился празднично, для чего неожиданно собрал всех родных и знакомых.

Ох, алянязе-кельгомнязе,
Ков тон тяфта, аляняй,
Апак учсек шать-карьать?
Ков тон тяфта, кельгомняй,
Праздник шамса наряжать?
Мазы карнят тонь пильгеот,
Мазы шамнят тонь лангеот,

Ох, папенька, любимый мой,
Куда ты так, папенька,
Неожиданно оделся-обулся?
Куда ты так, любимый мой,
Празднично нарядился?
Красивые лапти у тебя на ногах,
Красивая одежда на тебе.

Ков шта тяфта тон срхкать?
Ков тон миньге тердемасть?
Апак учсек ризфтомасть?

Куда же ты так собрался?
Зачем же и нас ты созвал?
Неожиданно нас опечалил?

В плачах давалось изображение гроба как нового и вечного жилия без окон и дверей:

Ох-ой, алянйя-трайнязе,
Мазы карень кодайназе,
Шувани карьксонь, понайнязе,
Пильге мерань содайназе,
Вай, тон вечнай кудиязт ни сувать,
Сон хоть олня, но пяк теснана,
Сей-тов афи шарфисеват,
Сон хоть вечнай, но пяк шобдана,
Сей-тов вапомс аш вальманза,
Суваис-лисемс аш кенкшенза...

Ох-ой, батюшка, кормилец мой,
Красивые лапти плетущий,
Тонкие оборы выюший,
Размер обуви знающий,
Ой, ты в вечный дом вошел,
Он хоть новый, но очень тесный,
Туда-сюда не поверишься,
Он хоть вечный, но очень темный,
Туда-сюда смотреть — окошек нет,
Зайти-выйти — двери нет...

Изображались ритуальный вынос покойника из дома и шествие по улице до могилы:

Ох, алянйя-трайняй,
Вай, алянйя, тон месендат,
Коца тяфта тон тушендат?
Вай, трайняй, мес тон эрямс

Ох, батюшка, кормилец мой,
Ой, батюшка, что делаешь?
Куда ты так уходишь?
Ой, кормилец мой, почему для жизни

Эсь кудиясот тон васта аф мушендат?
Вай, тини тон ёфси аф мрдат,

В своем доме ты места не находишь?
Ой, уходишь ты совсем безвозвратно,

Кали аф ужяль тондейть
Горенцякс мазы кудиязе?
Кали аф ужяль атянь-бабань
Шачем-касом юрхтоняне?
Тон мекольцеда тяфта ётат ни
Родной велень улынява,
Вай, аф пильге лангса тон ётат,
Аф эсь мяльсот тон молят,
Родной алят тонь кантядязь,
Калма лангу пачфтядязь,
Равжа модати тонь кантядязь...

Неужели не жалко тебе
Свой дом красивый?
Неужели не жалко тебе
Свой двор родной?
Ты в последний путь отправился
По родной своей улице.
Ох, не на своих ногах идешь ты,
Не по своему желанию идешь ты,
Родные тебя несут,
На кладбище доставят,
В сырую землю тебя опустят...

В некоторых вариантах в этот момент обряда описывается своеобразное хождение по мукам, пока покойник не дойдет до райских ангелов. Эти варианты, несомненно, содержат в себе мотивы тяжелой дореволюционной жизни мордвы.

Наконец последний цикл причетов исполнялся на кладбище при совершении обрядов, связанных с моментом опускания гроба в могилу. В сюжетном отношении этот момент прощального (погребального) ритуала является развязкой.

Перед опусканием гроба в могилу бросали принесенные хозяйственные вещи, кушанья и т. д. для того, чтобы расположить к погребаемому ранее умерших и чтобы покойник продолжал там обычную жизнь. Затем начинался обряд опускания гроба в могилу. Все обращались к покойнику с просьбой простить их

и не бояться нового жилия. Прежде чем поставить гроб на дно могилы, его трижды опускали и поднимали. Если при этом гроб разбивался, все приходило в ужас: это значило, что умерший не хочет успокоиться в могиле и намерен блуждать по свету. Гроб наскоро забрасывали землей и опрометью бежали по домам. Через три дня родные приходили просить Модаву (Держательницу земли) принять покойника и не выпускать его¹⁴.

На кладбище плакальщицы исполняли заключительную часть своих причетов, в которой они говорили о расставании с покойником:

Кодама киге тейнек молема,
Кодама киге/тейнек явома?
Фкя кинясь туй кели паксая,

По каким дорогам нам идти,
По каким путям нам разойтись?
Одна дороженька уходит

Омбоцесь моли оцю вири,

во широкое поле,
Другая дороженька ведет к большому лесу,

А колмоце кинясь пачфти вечнай васту.

А третья дорожка ведет к вечному месту.

Илять тоса аш валда толнят,
Шобдава аш тоса качады трубанят.
Кодак мольхтыма вечнай васту,
Тоса равжа модась арси ацамонди,
Тоса ниже лугась арси

По вечерам нет там светлых отней.
По утрам там нет дымящих труб.
Как мы пойдем к вечному месту,
Там черная земля будет постелью,
Там зеленый луг будет

Шоблавань расась—штама веднянди.

Утренняя роса будет водой

Лиси шинясь — нардаманянди...

для мытья,
Восходящее солнце будет

покрывалом,
полотенцем...

Мы стремились из сохранившихся вариантов по возможности восстановить полный текст похоронного причета, который в целом, как мы видели, имеет основные элементы сюжета. Все эти причеты исполнялись не сразу, а связывались соответственно с тремя моментами прощального времени и служили словесным выражением обрядовых действий похоронного ритуала. Так, в момент подготовительных обрядов над телом покойника причитывалась вступительная часть причета, в момент выноса покойника и движения процессии по улице — основная часть и в момент погребения на кладбище — заключительная часть. Каждая часть причета, сохраняя свою религиозно-обрядовую функцию, неизбежно получала конкретные словесно-стилевые изменения не только в устах отдельных исполнителей, но и варьировалась в зависимости от объекта причитаний, от степени родства покойника, от его пола и возраста. Так, если покойник был холостым, то о нем причитывали как о сыне или внуке, если покойница была девушкой, — как о дочери или внучке. Если покойник был мужчиной, то о нём могли причитывать и как о сыне, и как о внуке, и как об отце, и как о брате, и как о муже, и как о тесте; если покойница была женщиной, — как о дочери и внучке, как о матери и сестре и т. д.

Похоронный причет как самостоятельный жанр бытовал примерно в пятнадцати видах, которые по традиции в обязательном порядке заучивались и исполнялись только женщинами и девушками. Это причет по сыну (цёрань явсема — у мокши, цёрань лайшема — у эрзи), причет по дочери (стирень явсема или тейтерень лайшема), причет по отцу (алян явсема или тетянь лайшема) и т. д. Их легко узнать с первых же строк, в которых упоминается степень родства оплакиваемого покойника или покойницы. Эти жанровые виды нельзя назвать вариантами, поскольку каждый из них имеет свою определенную тематику, свой объект и свои многочисленные варианты. Это отдельные, тематически самостоятельные лиро-эпические произведения, содержащие горестные выкрики и обращения к покойнику, выражающие различные эмоции, мысли о случившемся, в рамках идейной темы и формы повествования, в нормах общей традиционной поэтики.

Следовательно, похоронные причеты, как жанровые виды, различаются только в зависимости от объекта причитаний. Иными словами, каждый причет отличается своей тематикой, своим кругом изображаемых явлений, связанных со смертью определенного человека. Несмотря на то, что причеты разнообразны по содержанию, главная тема их одна — стремление выразить скорбь и горе об ушедшем человеке.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ МОКША-МОРДОВСКИХ ПОХОРОННО-ОБРЯДОВЫХ ПРИЧИТАНИЙ

Эмоционально-насыщенное содержание причитаний проявляется через своеобразную систему их образности, достигается посредством обильного употребления ласкательных слов лексико-морфологических и синтаксических конструкций поэтического языка: специфического применения эпитетов, сравнений, метафор, а также гиперболических, синонимических и других поэтических формул, словосочетаний и т. д., которые часто создаются как импровизация непосредственно в момент причета. Однако импровизация эта создается на основе традиционного художественного опыта, воспринимаемого каждой женщиной с малых лет.

В мордовских похоронных причетах одним из наиболее распространенных приемов создания художественного образа является эпитет. В результате широкого и умелого его использования достигается особая экспрессия и эмоциональная насыщенность плача, что помогает плакальщице донести до слушателей глубину горя, вызванного смертью человека. Придавая с помощью эпитетов всему строю причитаний большую взволнованность, напряженность, вопленица как бы призывает окру-

жающих вникнуть вместе с нею в происходящее, почувствовать и воспринять случившееся так, как чувствует и воспринимает его она сама.

В причитании вдова, родственница умершего или просто горющая о своей неудачной жизни женщина, «подаёт свой громкий голосок», изливает «несносную обидушку», «злодейскую кручинушку», «тоску неугасимую», так как от неё, от «заботливой семьяниночки» уходит «алянсья — ёню прянясья» («муженёк — умная головушка»), «золотань алянсья» («золотой батюшка»), «валда шиньясья» («светлое солнышко»), «валда тяштенясья» («ясная звездочка»).

Во всех этих примерах ярко сказывается характер эпитетов в плаче, их направленность на создание эмоционального отношения к объекту плача. Основное количество применяемых метафорических эпитетов подчинено, естественно, раскрытию главной темы причитаний — выражению чувства скорби по умершему, тяжести переживаний оставшихся. Вот как говорит дочь умершей о себе:

Тяни туят, аваняй, равжа модати,
Тоньфтемот аяш ки прияксон учинязе,
Кургетон машеть монь тацци сускомнязе,
Ох, юмафтыне аванязень-сединязень,
Кода тоньфтемот, аваняй, эриям?
Кода веконызе ётафтома?
Аш ёны-мяляме пугынызе,
(Уходишь, маменька, ты от нас в землю сырую (черную).
Без тебя никто не будет встречать меня на дороженьке,
Выпал у меня изо рта лакомый кусочек,
Ох, потеряла я свою матушку сердечную.
Как мне, матушка, без тебя прожить?
Как мне провести свой век?
Некому теперь наставлять меня уму-разуму).

Другая вопленица в поминальном плаче обращается к покойному отцу:

Ох, батянызе, якстерь валда шинязе,
Ой, трайнызе, ару родник веднязе,
Ой, велясь трайнызе — кевонь стенанызе,
Ой, шобдалгодсь валда шинязе,
Ой, ниле дяканятень, батяняй,
Сембонь тонафтомасть, трямасть,
Ой, вастоваст латцемасть,
(Ой, отец мой, красно солнышко,
Ой, кормилец мой, родниковая водица,
Ой, повалилась, кормилец мой, моя каменная стенюшка,
Ой, затуманилось ясно солнышко моё,
Ой, четырех детей, отец мой,
Выкормил и вырастил,
Ох, всех в люди вывел ты).

В цитируемых текстах обнаруживается еще одно значение метафорических эпитетов — их употребление в целях уточнения,

выделения существенных моментов: «павалилась моя каменная стенишка», «затуманилось мое ясное солнышко» и т. д.

Эпитеты, употребляемые в мордовских похоронных причетах, делятся на две группы: общефольклорную и специфическую, т. е. употребляемую только в данном случае в жанре похоронных и свадебных причитаний. К числу специфических эпитетов в мордовских плачах следует прежде всего отнести эпитеты типа: «юмси вайгяль» («пропадающий голос»), «аф кельгома ломань» («ненавистный человек»), «шкайнь сюдоф ломань» («богом проклятый человек»), «апак учсек ижи» («нежданный гость»).

Существительные, употребляющиеся с подобными эпитетами, теряют свое прямое значение и приобретают переносный смысл. Так, например, если существительное «вайгяль» («голос») употребляют с эпитетом «юмси» («погибающий»), то словосочетание «юмси вайгяль» («голос погибающий») не будет идентичным сочетанию «кулсиень вайгяль» — «голос умирающего человека». В первом случае «юмси вайгяль» — «голос погибающий» будет означать, что голос предназначен для причитаний (буквально: «голос причитающий»). В это сочетание вложен метафорический смысл. Во втором случае эпитет «умирающий» употреблен в прямом смысле.

Специфические эпитеты исключительно ярко и выразительно раскрывают основную сущность образа, показывают в нём то качество, которое является существенным для причитания. Они в плачах служат главным образом средством эмоциональной окраски речи, для передачи трагической напряженности глубоких человеческих чувств. Эпитеты служат также важным средством раскрытия образов, связанных с темой смерти человека.

Вторую группу эпитетов, употребляемых в мордовских плачах, составляют общефольклорные эпитеты, которые могут выполнять различные художественные функции. Однако в целом они не столь эмоционально окрашены, как специфические, так как воспринимаются как обычные, само собой разумеющиеся традиционные словосочетания. При создании внешнего портрета покойника использовались украшающие эпитеты: шелковый, золотой, красивый, блестящий и т. д.

Так дочь, оплакивая отца, говорит:

Ой, батнязе, золотань кядятне-сурянтне,
Ой, батнязе, парьхиень шярянтне,
Скомиянь ланса стройнай станияце,
Олась палозь палы якстерь шаманяце.
(Ой, батюшка, золотые твои ручки-пальчики,
Ой, батюшка, шелковистые твои волосики,
На скамеечке лежит твоё стройное тело,
Побледило твоё огнем пылающее личико).

Представление о необычной красоте, о деловитости покойника в жизни передается плакальщицей образами: «золотань

кядятне-сурянтне» («золотые твои ручки-пальчики»), «парьхиень шярянтне» («шелковистые волосики»), «стройнай станияце» («стройный стан»), «палозь палы якстерь шаманяце» («огнем пылающее личико»). Все эти эпитеты служат выявлению основных отличительных качеств покойника. Основная задача их — создать идеальный образ, усилить его эмоциональное значение.

Для описания положительных качеств покойника, его близких и родных, одежды, обуви, семейно-бытовых отношений, красот природы и создания обстановки мордовские плакальщицы широко применяют традиционные цветовые эпитеты.

Например:

а) **белый:** акша шаманя — белое личико, акша шаманяц равчкодсь — белое личико потемнело, сонь алонза акша скатерня — под ним (умершим) белая скатерть, акша мазы карнянза — белые красивые лапоточки;

б) **зелёный:** пиже луганяса лядеть тише — в зеленом лугу косил траву; пиже, мазы лентаса — зеленой, красивой лентой;

в) **чёрный:** равжа куломась — черная смерть, равжа моданяс суват — в чёрную землю пойдешь, равжа вийнясь сявонзе — черная силушка убрала тебя, равжа кельме модась — черная холодная земля;

г) **красный:** якстерь шаманяц — красное личико, губанза бта якстерь ягоданят — губки, словно красные ягодки, якстерьхть, щёка пряннза — красные щёчки;

д) **золотой, серебряный:** золотань тевнянза — золотые дела, золотань прянц — золотая головушка, сиянь трешникт — серебряные копейки, сиянь шамонза — серебряная одежда.

Цветовые эпитеты придают особую выразительность образу и тем самым усиливают его эмоциональное воздействие.

Среди многочисленных видов эпитетов в мордовских похоронных причитаниях следует особо выделить заимствованные из русского языка определения. Таковы, например: грешнай ломань — грешный человек, беднай алянязе — бедный батюшка, грешнай кукунясь — грешная кукушка, аф знакомай кинява — по незнакомой тропке, страннай вайгяльняц — странный голосок.

Итак, эпитет является одним из наиболее распространённых приемов в создании художественного образа в мордовских похоронных причитаниях.

Мордовские похоронные причитания богаты сравнениями. Особенно часто сравнения встречаются в тех плачах, в которых описывается жизнь покойника, его земные дела, его отношение к родным и знакомым. Нагнетением сравнений усиливается эмоциональное воздействие причитаний, подчеркивается тяжесть утраты. Сила воздействия их еще более усиливается, когда идеализированной земной жизни умершего противопоставляется обрисованное мрачными красками загробное

существование. Поражает удивительная точность и меткость сравнений. Для сравнений берутся самые обычные, известные бытовые предметы, вещи (иголка, камень и т. д.), явления природы (гром, молния, дождь и т. д.). А чтобы подчеркнуть молодость умершего, широко используются сопоставления с цветами, ягодами, птицами.

Сравнение является не только важным средством выражения настроения, душевных переживаний и выявления тех или иных внешних качеств образа, но и придаёт образу законченность, даёт ему определенную социально-бытовую характеристику. Употребление сравнений зависит от поставленной в данном причете цели.

В мордовских похоронных причитаниях большинство сравнений не преследует цели объективного описания, они неизменно приобретают лирическую окраску. Эмоциональный накал причитаний таков, что одного сравнения оказывается мало, за ним следует второе, третье и т. д., и все они связываются в логическую цепочку. При этом главное внимание уделяется описанию портрета и изображению различных переживаний. Сравнением может начинаться плач. Вслед за краткой жалобой: «На кого покинул(а)?» разворачивается цепь сравнений:

Вай, стирязе, стирязе,
Стирязе, байраванязе,
Акша калача шаманязе,
Сура пача трванязе,
Садовой марень шёканязе,
Пакея ёронь сельмонязе.

Ох, доченька, доченька,
Доченька, моя боярышня,
Как белый калач, твое личико,
Словно блинчики, твои губки,
Садовое яблоко — щёчки,
Перепелные глазки...

Через поэтические сравнения в причитаниях раскрываются переживания плакальщицы, выражаются её настроение и тревога в связи со смертью любимого человека. Мать, оплакивая родную дочку, говорит о себе:

Кода вармада марлюняк, люкань,

Как от ветра яблонька,
я закачалась,

Кода сенди, мянцевсь ронгонязе,
Моладонга равчодсь акша
шаманязе...

Как тростник мой стая стибался.
Чернее земли стало мое белое лицо...

И дальше вопленица продолжает:

Наста лэфксаянай, пульзьяфтомайть,

Доченька, Настенька, оставила меня
в немощи

Седизень пидить ногай палаксса,

Жгучей крапивой обожгла моё
сердеченко,

Бта ёрдат седизон сягли салмокет.

Словно горсть иголок в душу мою
бросила.

Гиперболические сравнения в мордовских похоронных причитаниях чаще всего употребляются для выражения скорбных

чувств вопленицы в связи с расставанием с близким человеком. Это видно из приведенных выше примеров.

При сравнительном изображении умершего или самой вопленицы наиболее часто употребляемы березка, яблоня, ласточка, кукушка, голубь.

Иногда в мордовских похоронных плачах умерший сопоставляется со сломанной березкой, а сама плакальщица жалуется, что «от большого горюшка» стала как согнутая березка.

Сравнения, употребляемые в мордовских похоронных плачах, сходны со сравнениями, встречающимися в других жанрах мордовского фольклора.

Особую выразительность, поэтическую силу придают причитаниям метафоры и метафорические сравнения, равно как и метафорические эпитеты.

В мордовских похоронных плачах перед описанием смерти обычно следует метафора-вступление:

Вай, кудняльке шобдалгодсь,
Ошо горяти сонга пичеди,
Вай, вальмя княицьятне
Синь летькса вельхтявьсть.

Ой, в домишке нашем потемнело
От большого горюшка,
Ой, оконные стекла расплакались,
Они от горюшка влагой покрылись.

Такое участие неодушевлённых предметов в общей горе — характерный для причитаний приём.

Вся окружающая природа — растения, птицы, солнце, месяц — отвечает состоянию причитающей:

Вай, шняське лажназь валдопты,
Ошо пичефксти вальмя лангса
панчфсь
Лованзон лоддась, панчфонза
люмбайхть.
(Ой, и солнышко светит горестно,
Ой, от горя у цветка на
подоконнике
Листья завяли, лепестки поблекли...)

Во всех приведённых выше примерах один и тот же поэтический приём — перенесение человеческих чувств на окружающий мир и показ его сочувствия человеку. Приём этот подчинён одной цели: подчеркнуть силу горестного чувства.

Стараясь выразить меру горя семьи умершего, плакальщица прибегает к необыкновенно ёмким, предельно выразительным метафорическим образам. Женщина оплакивает свое горе:

Ой, мошь, од авань, ошо горязе,—
Стенада сери, паксыда кели.
(Ой, у меня, молодой женщины, большое горе,—
Выше стены, шире поля).

1 Девушка плачет:

Вай, топ, тидяний-матаний,
 Седизель толса пидить,
 Ки лангонь палаксса адайть...
 (Ой, родненькая матушка,
 Мое сердце огнем обожгла,
 Мою дорожку крапивою застлала...).

Особенно употребительны образы, взятые из растительного мира. Поникуше, увядшее растение — символ большого горя:

Калмоцень ваксса келуяньс ризнай,
 Мазы панчкятнень пужихть лопасна...
 (Около могилы твоей березонька тоскует,
 Высыхают лепесточки красивых цветков...).

Следует отметить, что картины тоскующей природы, занимающие в похоронных причитаниях такое большое место, самостоятельного значения не имеют, а лишь предваряют следующее сообщение. От характера этого сообщения зависит и сама картина природы. В плачах постоянно фигурируют образы склоненной березки, расшумевшейся качающейся осины, символизирующие тоску и печаль.

Мордовские плакальщицы умеют создавать такие символические образы, которые способствуют художественно точному и яркому выражению происходящих на похоронах событий.

Вся система символики мордовских похоронных причитаний характеризуется тем, что она тесно связана с реальной жизнью народа. Излюбленными и частыми символами, встречающимися в причитаниях, являются: береза, цветы, липа, осина, соловей, кукушка, ласточка и др., т. е. растительность и животный мир мордовских полей и лесов.

Характерно в этом отношении употребление символа «березка». Увядшие листья березы, обвисшие её ветки, её понурый вид означают в плачах печаль и тоску. Образ «унылой березки» напоминает о страданиях вопленицы, её душевной тоске, вызванными смертью дорогого и близкого человека. Символы, обозначающие горе самой плакальщицы, подчеркивают чувства и переживания вопленицы в связи со смертью близкого человека. Для передачи глубоких внутренних переживаний используются различные символические действия и состояния образов из мира природы.

Близки по своему значению и характеру к символу «березка» символы «цветы» и «яблоня», а также «кукушка». В причитаниях, говоря о кукушке, плакальщица, указывает на различные места, где она кукует, сопоставляет свою судьбу с судьбой и жизнью этой птицы. Кукушка в мордовских похоронных плачах — олицетворение обездоленности, горькой судьбы.

Символические образы могут выполнять самые различные функции. Вместе с тем каждый раз символ наделяется тем или

иным эмоциональным содержанием в зависимости от настроения и эмоциональных ощущений вопленицы.

В мордовских похоронных плачах часто применяется прием гиперболизации. Это объясняется тем, что гипербола способствует созданию идеализированных образов, идеализированных картин быта, труда, условий жизни. Её основное назначение — явное и намеренное преувеличение в целях усиления выразительности — как нельзя более способствует самой природе причитаний, использующих буквально все возможные средства для усиления выразительности. «Общее свойство похоронных причетов у разных народов, — пишет В. П. Адрианова-Перетц, — гиперболизм в изображении горя: эта черта, между прочим, роднит и книжные, и народные плачи»¹⁵.

Объект похоронного причитания всегда идеализирован и изображается как лицо исключительное по своим качествам, даже внешним, портретным; этому способствуют и широко применяемые средства гиперболизации. Причитания изобилуют психологическими описаниями, трагическими предощущениями; отсюда особая эмоциональность повествования, сгущение красок в описании будущего осиротевших детей, овдовевших женщин и т. д.

Наиболее характерна для причитания гипербола метафорическая, с помощью которой создаётся трагическая картина состояния близких умершего. Дочь плачет по матери:

Вай, ничефксть эзда стака прязе	Ой, от горя буйная голова
люкай,	качается,
Горяда мось парьхцинь касазе	От досады моя шелковая коса
срады,	расплетаётся,
Вай, тошнать эзда седияязе	Ой, от тошноты мое сердечко
	лопнет.

Вдова плачет об осиротевших детях:

Вай, сирота идяньке галошкодсть,
 Мьянь плмацжава пильгонясна трескодасть,
 Кеерьбакарьге кядьсна рдязьясть.
 (Ой, наши детки-сиротки стали голыми,
 По колени у них ножки потрескались,
 По локотки ручки грязные).

Гиперболическая метафора встречается во многих мокшанских причитаниях:

Ох, мось, аф павазу прязязень,	Ох, у меня, несчастной головушки,
Переязе алак сокак, алак видек,	В огороде не вспахано, не сеяно,
Вай, ошо эрьхке сельмоведь	Ой, большое озеро горячих слез
прафтонь.	выплакано.

Подобные преувеличения вызваны стремлением воздействовать на воображение окружающих подобно тому, как взволнованный человек в обыденной речи прибегает к явным преувеличениям, так и вопленица, находясь в состоянии аффекта, пользуется этим приемом.

Кроме того, гипербола, как и украшающие описания, необходимы: либо показать необыкновенно высокие качества оплакиваемого и этим подчеркнуть особую глубину скорби о нём, либо показать свое отношение к покойнику, силу любви, нежности к любимому человеку.

Роль гиперболы в мордовских похоронных причитаниях сходна с её ролью в лирической песне. В этом плане интересны наблюдения С. Г. Лазутина над гиперболами в разных фольклорных жанрах. Он пишет: «Если в былинах гипербола в основном является средством изобразительности, с её помощью рисуются яркие картины быта, сражений, природы, создаются скульптурно-наглядные портреты богатырей, то в лирических песнях гипербола используется для усиления психологизма, для усиления эмоциональной выразительности»¹⁶. Не случайно гипербола в причитаниях применяется там, где речь идет о самом факте смерти и о реакции на него семьи покойного, или там, где речь идет о событии, вызвавшем необрядовый (бытовой) плач.

Во всех приведенных примерах прием гиперболизации употребляется для передачи возрастающей эмоциональной напряженности и усиления драматизма плача. Гипербола несёт психологическую и эмоциональную нагрузку.

Устойчивым элементом поэтики причитаний является метафорическая замена ряда терминов и собственных имён особыми словосочетаниями. Так, умерший глава семьи, муж именуется: «надияма вастозе» («надежная опора»), «якстерь шинязе» («красное солнышко»), «надияма прязе» («надежная головушка»); умерший сын или дочка зовутся: «мазы панчфкя» («красивый цветок»), «нармоннязе» («птичка моя»), «гуленязе» («голубушка»), «фкяязе-тяконязе» («моя единственная»); себя вопленица называет: «нужань няинян» («нуждающаяся»), «горянь кирдиян» («горючая»), «аф павазуван» («несчастливая») и т. д. Каждая из этих замен обладает чрезвычайной ёмкостью: обращения «валда шинязе» («светлое солнышко»), «кудонь азорязе» («мой домохозяин») плачущая выражает свое отношение к умершему. В обращении «Мезе тиеть, валда шинязе?» («Что наделал, мое светлое солнышко?») отдаётся дань мужу как главе семьи. Во всех этих случаях иносказательность, метафоричность вносят в текст значительный элемент обобщения — частные, собственные имена приобретают более широкое, общечеловеческое звучание, воспринимаются слушателями как нечто касающееся их самих.

Мордовские похоронные причитания содержат весьма разнообразные средства традиционной поэтики мордовского фольклора, которые подчинены раскрытию главных тем плачей: выражению чувства скорби по умершему, выражению большого горя, причиненного потерей любимого и дорогого человека. Каждая вопленица в зависимости от того или иного момента обрядового действия стремится придать своим причитаниям напряжен-

ный и эмоциональный характер, сделать их максимально выразительными, умело используя различные художественно-изобразительные средства. Благодаря этому мордовские плакальщицы создали изумительные по своей художественной силе и эмоциональному воздействию похоронные причитания, с богатой системой образов и яркой поэтической речью. Достигнуто это не только путем умелого применения художественно-изобразительных средств народного языка, но и при помощи композиции плача, сочетания традиции с элементами импровизации. От плакальщицы требовалось такое построение плача, которое помогло бы слушателям почувствовать душевные переживания исполнительницы во всей их полноте и цельности. Вопленица (мать, сестра, жена, дочь или тетка) должна так сгруппировать явления, раскрыть связи и противоречия между ними, так расположить события, чтобы созданная ею картина воспринималась в живом и сложном единстве, были бы образным отражением переживаний как самой плакальщицы, так и остальных родственников покойника.

Успех любой импровизации зависит от того, насколько умело исполнительница владеет традиционными художественными средствами, поэтическими приёмами.

Мордовские похоронные причитания, как произведения импровизационного характера, исполняются в одиночку, поэтому роль исполнительницы в создании причитаний исключительно велика. Умело используя художественно-изобразительные средства языка (сравнения, художественные определения, гиперболу и т. д.), каждая исполнительница не просто воспроизводит накопленное ею поэтическое наследие, но и творчески использует его, обогащает его новым содержанием. В основе каждого причитания лежит не только обобщенная судьба семьи, в ней ярко отражена судьба того умершего, на похоронах которого исполняются причитания.

Так, эрзянская плакальщица Е. М. Ульянова в своем плаче по сыну, погибшему на фронте¹⁷, рисует ряд картин, в которых дает образное описание отдельных периодов своего жизненного пути, (военный и послевоенный периоды). В начале плача после обращения она говорит о трудностях, выпавших на её долю во время войны, потом переходит к центральной части повествования — рассказу о смерти сына. Плакальщица в данном случае отражает не только осознанную ею самой закономерность отдельных жизненных явлений, но и стремится всем содержанием плача обнажить суть «большого горюшка», вызванного военными обстоятельствами. В силу этого она так развертывает описание событий в причитании, так группирует отдельные картины, чтобы с максимальной силой воздействовать на слушателей, создать у них определенное настроение.

Разнообразие жизненного материала требует в различных плачах многообразия композиционных средств. Рассмотрим из

них наиболее известные, распространенные почти во всех причитаниях как общие места, те, которые проявляются в определенных формулах обращения, просьбах (призывах) и восхвалениях, в изображении чувств любви, скорби и отчаяния из-за непоправимости случившегося. Все эти композиционные элементы традиционны, но у каждого исполнителя они развертывались по-своему, так как всегда получали своё конкретное содержание в зависимости от родственных отношений, условий и хода погребального или прощального ритуала, от его основных этапов.

Следует отметить, что в мордовских похоронных причитаниях из числа обращения чаще всего встречаются те, которые можно назвать начальными, так как с них начинается почти каждое причитание, а в некоторых текстах даже каждая строфа причета. Причём почти в каждом обращении называется не личное имя усопшего, а наименование по родству — отец, мать, брат, сестра, дочь, бабушка, дедушка, дядя, тетя и т. д. Вот, например, типичные формулы обращения в начале причета по отцу:

Ой, алянызе-кельгомнызе,
Ой, алянызе-трайнызе!
Ватта яван-калян
Алянызень-трайнызень!

Ох, папенька, любимый мой,
Ох, папенька, кормилец мой!
Вот стану оплакивать я
Своего отца-кормильца!

По матери:

Ох, тядякай-шкайнызе,
Ох, тядякай-матушкой!

Ох, маменька, боженка!
Ой, маменька, матушка!

По сыну:

Ох, цёранияй, цёранияй,
Васянызень-поланызень!

Ох, сынок, сынок
Мой сынок-кормилец!

По дочери:

Стирнызе, стирнызе-баяраванызе!

Доченька, доченька, боярышня моя!

По мужу:

Ватта яван-калян
Васянызень-поланызень!

Вот стану я оплакивать
Своего суженого-нареченного!

Начальные формулы нередко продолжают или сопровождают ласкательными словами, которые определяют былые родительские или родственные отношения, воспитательные действия и заботы. В этом случае создается развернутая форма. Например, начало плача по матери:

Тядянызе-аванызе,
Тядянызе-нарвайнызе,
Ох, тядянызе, мось лхтнызе,

Маменька — матушка моя,
Маменька — клушечка моя,
Ох, маменька, моя родненькая,

Тядянызе — акша лофцоннызе,
Тядянызе — тюжа танцти ямызе.
Ох, тядяный — лямбе сединяй,

Ох, тядяный — кядь кучкаса
капниняй,
Ох, тядяный — сурбрыняса анниняй,
Ох, тядяный — ляпе валлянь
мярьгыняй,
Ох, тядяный — пяле киняс
прважайняй,
Ох, тядяный — пяле киста учиняй.

Маменька — молочко мое белое,
Маменька — моя вкусная кашенька,
Ох, маменька — ты мое сердечко
теплое.
Ох, маменька, с кончика пальца
кормилл,
Ох, маменька, ласковое слово
говорила,
Ох, маменька, на путь-дорогу
выводила,
Ох, маменька, с пол-пути ждала
меня.

Обычное начало причета об отце:

Ватта яван-калян,
Алянызень-трайнызень,
Алянызе-трайнызе, касфтынызе.

Аляняй, матушкойяй,
кормилецкай,

Кода юкстан парнянень,
Мазы карень кодайнызе,
Пильге мерань содайнызе,
Шувания карьксонь понайнызе,
Алянызе, валнызе-поланызе,
Сия (акша) сакаляне,
Круглай ряпсонь шаманызе,
Пакся ёронь сельмоняне,
Платнай сурксонь кудрянызе,
Люксия пачань трванызе.

Вот я оплакиваю-спрашиваю
Своего отца-кормильца,
Отец-кормилец мой, меня
вырастивший,
Отец родимый мой, кормилец мой,

Как забуду я твою доброту?
Красивые лапти ты плел,
Размер ноги моей ты знал,
Тонкие оборы ты мне вил.
Папенька, милый, дорогой мой,
Белобородый ты мой,
Словно круглая репа твое лицо,
Словно орлиные глаза твои,
Словно колечки кудри твои,
Словно гречневые блинчики губы
твои.

Подобное начало мы видим и во многих причетах по мужу, по дедушке (или свекру).

После зачина во многих причетах идет обращение к покойнику с вопросами: куда он снарядился и отправился, на кого он рассердился и на кого покидает родных. Вот, например, обращение к отцу после его обряжения:

Ох, алянызе-кельгомнызе,
Ох, алянызе-трайнызе!
Коза тяфта тон шать-карьть,
Коза тяфта тон наряджеть?
Вай, коза здонк срхкать,
Коза тяфта тон шать-карьть,
Кинь ланге тон кяжиять?
Кинди тяфта кадсамасть?
И ёфен ни юкстасамась.

Ох, папенька, любимый мой,
Ох, папенька, кормилец мой!
Зачем ты умылся-оделся,
Куда ты так нарядился?
Ой, куда ты собираешься,
Куда ты от нас уходишь?
На кого ты обиделся?
На кого ты покидаешь нас?
И совсем забудешь нас.

В содержании причетов сочетаются формулы, выражающие мотивы просьбы, сожаления, грусти, жалобы. Так мотивы просьбы особенно часто выражаются формулами обращения к покойнику, чтобы он скорее возвратился или чаще навещал и помогал:

Пара уэль, аляязе,
Кда госта куро мрдаель,
Али хоть кой-коста салель
И тага тейнек помагалель.

Но плакальщицы тут же высказывают свое сожаление по поводу невозможности возвращения:

Ой, тонашнста, аляний,
Тейнек меки аф мрдават,

Костонга тон аф сявоват.
Ох, мзярдонга тон, трийний,
Тоста тон аф сават,
Мзярдонга тон, кельгомний,
Мархтонк тон аф корхтават.

Выражается сожаление, что «новый вечный дом» покойника без окон и без дверей:

Тяви эриме моласа
Тонь кудняце печнайня.
Ох, сон вдь пяк ни тесаня,
Сонь вдь аяш кенкшенза,
Сонь вдь аяш вальманза,
Тон лисемска аф лисеват,
Тон паномска аф пановат.

Было бы хорошо, папенька,
Если бы ты скорее возвратился
Или хоть временно приходил
И нам бы помогал.

Ох, с того света, папенька,
К нам обратно вернуться не
можешь,
Нигде тебя нам не найти,
Ох, някогда ты, кормилец мой,
Прийти не сможешь.
Никогда ты, любимый мой,
С нами разговоривать не сможешь.

Теперь для жизни в земле
Твой домик вечный.
Ох, он ведь очень тесный,
В нем нет дверей,
В нем нет окон,
И выйти никуда нельзя,
И смотреть никуда нельзя.

В некоторых плачах, исполняющихся у изголовья умершего, вопленица рассказывает не только о «вечном доме» и плотниках, работающих во дворе, но и о беседах с домовою (кудава) и покровительницей двора и домашних животных (кардосярко), с которыми она делится постигшим её горем.

Все эти и другие «общие места» — отшлифованные, отточенные поэтические формулы служат для того, чтобы ярче, глубже и доходчивее выразить горестные переживания, чувства жалости и сострадания. Содержание плача варьируется в зависимости от особенностей жизненного пути, характера, биографии умершего, от обстоятельств и степени одаренности плакальщиц. Вместе с тем можно говорить об устойчивой общепринятой образной системе, общих приемах художественного изображения и стилизованных особенностях.

В раскрытии содержания мордовского похоронного причитания большую роль играет группировка образов. Главное место в плаче занимают образы покойного и самой плакальщицы. В дальнейшую группу образов входят близкие родственники умершего (дети, сестры, братья), от имени которых причитывает плакальщица. А последнюю группу составляют друзья покойного. Они вместе со всеми разделяют большое горе, постигшее семью умершего. Эпизоды или картины, вставленные в причитание от имени родных и друзей, еще глубже подчеркивают тяжесть утраты, раскрывают скорбь окружающих по случаю

смерти человека. В общей структуре плача эти образы размещаются в строго определенном порядке. На первом месте сама плакальщица, её собственное горе и переживания, вызванные смертью близкого человека. Образ покойного проходит через все повествование, в связи с ним в плач вводятся все остальные персонажи. Кульминация часто достигается вставками-плачами от имени детей покойного, близких родственников, и только после этого предоставляется слово друзьям и знакомым умершего.

Наличие всех этих образов в каждом причитании обязательно. Чаще всего в плаче два-три действующих лица: плакальщица, умерший и родственник умершего. Следует отметить и еще одну особенность композиционной формы, присущую только похоронным плачам. Умерший, сколько бы о нем ни говорилось, не является действующим лицом в полном смысле этого слова. Все его поступки только желательны, а о нем самом мы узнаем только через воспоминания и характеристики плакальщицы. Постоянство образов способствует большей концентрации мыслей плакальщицы и слушателей на случившемся, помогает отбросить побочные явления и события и сосредоточить все свое внимание на умершем и горе, постигшем его семью, родственников и друзей.

Тяготение к точной передаче фактов, создание образа на основе реальных бытовых черт — главная особенность стиля многих мордовских плакальщиц. Для примера возьмем плачи М. Кудашкиной¹⁸. Её причитания по сравнению с дореволюционными мордовскими плачами очень реалистичны. Размеры их относительно невелики: 50—100 стихотворных строчек. Однако это не делает её тексты сухими, схематичными.

Несмотря на использование «общих мест», композиция плачей Кудашкиной индивидуальна, стройна. В плачах выразительно передается нарастание трагического чувства. Так, в «Плаче об убитой «громом-молнией» после краткого обращения:

Ох, Настяний-стирий,
Тага мярьган, Настя идний!—

Ох, Настенька-доченька,
Еще скажу, доченька Настенька!—

Несколько стихов занимает сравнение судьбы дочери плакальщицы с судьбами других девушек. Это сравнение перебивается лирическим восклицанием: «Ох, конашка пичефкс лангон монь прась!» («Ох, какая пала доля горькая на меня!»), за которым следует проникнутое глубоким лиризмом и богатое тропами описание обстоятельств гибели родной дочери. Вся вторая часть — изображение материнского горя. Если в первой части преобладает эпическое начало, то теперь оно совсем вытесняется лирической скорбью. Мать вспоминает, как она была счастлива с дочерью и сравнивает то время с нынешним, когда остались только воспоминания о единственной доченьке Настеньке. Здесь же — исполненное лирического пафоса обращение к дочери и, наконец, стихи, обобщающие переживания матери.

Дважды использован прием контраста, усиливающий эмоциональное содержание произведения: вначале это сравнение судьбы дочери и других девушек, потом — сопоставление душевного состояния матери до и после поражения дочери громом-молнией. Конечно, эти композиционные приемы не обдумывались плакальщицей: стройность композиции — результат естественного, искреннего развития чувства.

В плачах М. Кудашкиной большое место занимают устойчивые метафоры. Так образ «пути-дороженьки безвозвратной» развернут в «Плаче об отце» (у гроба) и в «Плаче по матери». Детализация делает этот образ особенно впечатляющим:

Аляняй-трайняй!	Батюшка, кормилец мой!
Илядсь весть велеть кувалмос	Последний раз ты проходишь по
Ичкоздень кис-янд туят,	селу родному,
	В дальнюю путь-дороженьку
	уходишь ты,
Тяни каршек аф васьфттядязь,	Больше тебя уж никто
Аф мельгат саттядязь.	Никто не станет тебя окликать,
Путтядязь равжа модати,	Положат тебя во сырую землю,
	Ни письмом больше тебя не
Аф акша сёрманяса кизефтеват,	окликнуть,
	Ни через людей передать тебе
Аф ломань вельде толкавават.	словечко.

В других случаях «путь-дороженька» становится образом реальной дороги:

Вай, сембе састь ичкоздень киста,	Ой, все вернулись с дороги дальней,
Вай, мрдась родной пизозост...	Ой, все пришли в свои родные
	гнезда...

В некоторых плачах М. Кудашкиной ведущими оказываются иные мотивы. Например, в «Плаче о матери» огромное впечатление производит мотив «последнего свидания». Он развертывается в целое описание.

Так, Кудашкина находит каждый раз новые, свежие краски, определенная композиционная схема становится лишь незаметной рамкой, в которой развертываются самобытные картины.

Многие мордовские плакальщицы в причитаниях останавливают свое внимание на конфликтах, имеющих важное значение для какого-либо определенного отрезка времени. Сюжетные истоки плачей находятся в самой жизни, в биографии плакальщицы. Так, в плачах периода Великой Отечественной войны мордовские вояки изображали большой общественный конфликт: борьбу советского народа против фашистских захватчиков. В плачах современного периода таким конфликтом является противоречие между жизнью и смертью, явлениями закономерными и одновременно противоположными и противоречащими друг другу. Сюжет рождается из анализа причин самой

смерти. Мордовские плакальщицы не всегда рисуют современные или общественные конфликты, они для своих плачей находят темы из прошлой жизни. Это особенно заметно в причитаниях, исполняемых при посещении могилы умершего и на поминках. Но, рисуя прошлое, плакальщицы стремятся заставить слушателей задуматься над нередко случайными причинами смерти, которых можно было бы избежать. Необходимо, наконец, отметить, что в мордовских похоронных плачах особое место занимает образ смерти. Момент смерти, горе, которое охватывает живых людей, ведет к изображению его в поэтических образах: «заплаканного дома», «пригорюнившейся горенки» или «рассыпавшегося крылечка». Дом как бы скорбит об утрате вместе с людьми, плач с помощью метафоры передает глубокую лиричность и правдивость горестного момента. Смерть отражается не только в поэтических олицетворениях, но и в реалистических зарисовках, в образе осиротевшей семьи, наполовину состоящей из маленьких детей.

В плаче обычно звучит мотив смерти-душегубки, посланной богом в наказание за большие прегрешения. Образ смерти в плаче часто получает разнообразное воплощение, складывается из нескольких мотивов:

- 1) Плакальщица жалуется: семья не знала о том, что придет смерть, а то бы подкараулила её.
- 2) Сожаление, что не знали о приходе смерти, иначе бы откупилась от неё, или диалог со смертью, не желающей брать подарки.
- 3) Смерть тихо пришла и вынула из тела душу.
- 4) Поэтический образ смерти — «красная девица», «добрый молодец» и т. д. Мотив осиротевшей семьи дается как обязательное следствие предыдущих мотивов.

Чем одареннее плакальщица, тем более развернутым дается образ смерти в ее плачах. В большинстве плачей встречаются следующие черты образа смерти:

Коста сась, ты аеркс куломась,	Откуда пришла эта проклятая
Кие волдазе сонь минь кудозонк,	смерть.
Алак кизефтть, алак тертть сувась,	Кто впустил её в наш дом,
Кудзонк сявозе аф сире ваймоть,	Она без спроса, без приглашения
А сон сявозе инь од ваймоть,—	зашла.
	Из дома забрала не старую душу.
	А забрала она самое молодое
	сердце.
Емла иднизень, Надя стирязень...	Самую младшую детку, дочку
	Наденьку.

Многое из поэтической формулы смерти постепенно утрачивается, но почти всегда сохраняется мотив тихо идущей, вернее, крадущейся смерти — образ «злодейки-душегубки».

Мотив «подкарауливания» и откупа от смерти воплощается в драматической художественной форме. Плакальщица, обращаясь к окружающим, говорит, что если бы она знала, что к

дому подкрадывается смерть, то она бы не пустила ее, а если бы та все равно прошла, она попыталась бы выкупить своё дитя:

Кда ияелине ваймонь сяви	куломать,	Если бы заметила проклятую	смерть,
Ой, идиязень тейза аф максолинь,		Ой, детку ей не отдала бы,	
Кда содалинь, мезьге аф	ужьяделень,	Если бы знала, ничего б не	пожалела,
Ой, стирязень иделине,		Ой, дочку свою спасла бы,	
Куломать кядьста рамалине.		Выкупила бы её.	

Драматичность этой части плача создается иногда влетением в основную ткань плачей других женщин. Иногда сама плачущая говорит о том, что она «сглупила» и просмотрела приход смерти, а кто-нибудь из родственниц или соседей спрашивает её: как же так случилось, что она пропустила смерть в свой дом или куда она отпускает свою семеюшку?

Образ смерти оказался очень живучим, на что указывают современные плачи-сказы, выросшие на почве обрядовой причеты. В плачах о вождях и героях нередко встречается мотив смерти, переданный старым поэтическим образом смерти-душегубки.

Близок образу смерти образ горя и обиды, широко распространенный в мордовской похоронной причете. Подобно образу смерти, он является общефольклорным, встречающимся почти во всех жанрах (песня, сказка, легенда и т. д.) мордовского фольклора. Образ этот восходит к верованиям, связанным с долей человека, с его судьбой, он не отражает в себе специфических элементов похоронного обряда.

Мотив обряжения умершего по сравнению с мотивом смерти представлен в причете гораздо бледнее. Омовение покойника, являющееся непременной частью похоронного обряда, в причете почти не отражается. Очевидно, это зависит от специфики процесса омовения — он необходим, но он не чист (обычно омовение производится специально приглашенными старушками). Поэтому в мордовских причитаниях отражается только последующее обрядовое действие — обряжение.

Нет почти ни одного плача, в котором хотя бы несколько слов не было уделено обряжению. Но этот мотив не всегда становится поэтическим образом, он гораздо беднее вариантами по сравнению с образом смерти. Очень часто вместо образа в причитании встречается просто констатация факта обряжения, лишённая деталей поэтического описания. Обычно обряжение взрослого или старого человека было менее красочным, чем обряжение молодых людей, юноши или девушки, а особенно невесты, которую старались нарядить в самое лучшее платье, украсить по возможности цветами или лентами. По народным представлениям, смерть парня или девушки — это своеобразный брак¹⁹, поэтому старались нарядить умершего так, как обычно

наряжают к венцу. Эта черта мордовского погребального обряда отражается и в дореволюционных фольклорных источниках, и в археологических памятниках.

Приведенные примеры показывают, что особенности образной системы поэтики похоронных причитаний, как и свадебных, характерны для народной лирики в целом и совпадают почти со всеми существующими изобразительными и выразительными средствами. Но поскольку все фонетические, лексико-морфологические и синтаксические художественные средства в причитаниях подчинены одной цели — выражению большой скорби, отчаяния и изображения драматизма действий, эмоциональной напряженности и переживания, поскольку образная система причетов и выразительные, и изобразительные средства получают особую функциональную нагрузку путем особого тщательного подбора слов, ласкательных форм выражений и путем умелого применения широко известных в народе образных словосочетаний.

В мордовских похоронных причитаниях своеобразно все — и лексика, и фонетико-морфологические средства, и сложный поэтический синтаксис.

После напряженного погребального ритуала начинается период поминования. Он продолжается в течение сорока дней (по древним преданиям, в течение 6 недель по субботам)²⁰. За это время в честь покойника и его сородичей мокша и эрзя совершали определенные обряды с причетами, поминальные моления с трапезным пиршеством в 3, 9, 20 и 40 дней, в годовщину смерти и в «родительские дни». Исполнение поминальных причетов связано либо с посещением могилы в ритуальные и родительские дни, либо с возникшей потребностью выразить нахлынувшие воспоминания о добрых делах покойников, сообщить им о жизни родных, друзей или о трудностях, пережитых после их смерти. Эти поминальные дни соблюдаются частично и до настоящего времени, но уже не в той степени торжественности, как это было раньше.

Представление о старинных поминальных трапезах можно получить по многочисленным записям, рисующим проведение сорокового дня после смерти того или иного члена семьи. Накануне этого дня старший в доме шел к тому из родственников, который больше всего походил внешне на умершего, и просил его принять на себя роль поминаемого покойника²¹. Изображающий покойника родственник переодевался в одежду поминаемого умершего и садился в передний угол. В течение всей ночи, с вечера до утра, шел шумный пир. Мнимый покойник рассказывал в то время о своей загробной жизни, о том, как он там веселится с родственниками и другими²². Он подробно отвечал на вопросы гостей, рассказывал о бывших членах их рода: «Ваш и там держит хороших лошадей и ездит в лес на извоз; ваш разводит пчёл, ваш пьянствует, ваш женился на красивой

девушке»²³. После сообщения «покойник» начинал давать свои наставления и пожелания. Все падали ему в ноги. Он советовал им жить мирно, беречь скотину, не заниматься воровством; выражал им самые лучшие пожелания, чтобы они всегда имели пуре и вино, были здоровы. Пир прерывался плачами, и так продолжалось до утренней зари, до тех пор, когда наступала минута прощания и «отправления» «покойника» обратно в могилу с подарками и церемониями.

В традиционных поминальных плачах, особенно в плачах о муже, об отце, о матери, о сыне, вопленица, обращаясь к покойнику, сообщает о том, какие события произошли в её жизни, какие тяготы и лишения приходится ей переносить, лишившись дорогого человека, который был для неё опорой и кормильцем. В этих плачах, импровизируемых во время поминок, звучат и религиозные мотивы, но в основном они вызваны стремлением воздать почести умершим, усопшим предкам.

На некоторых поминках мордовские женщины или вопленицы импровизируют плачи-воспоминания, в них они призывают вспомнить о предках, сказать зауспокойные слова погибшим на войне, при пожаре, при выполнении тяжёлых работ и т. д.

Глубоко человеческая и гуманная традиция почитать умерших, вспоминать родителей и предков нашла яркое художественное воплощение и в свадебной поэзии. Мордовская девушка, выдаваемая замуж, не мыслила расставания с отчим домом, не обратившись в своих горестных причитаниях, схожих во многом с похоронными плачами, к умершим предкам.

Кроме похоронных и поминальных причитаний в фольклоре мордвы, как и у других народов, бытовали плачи о рекрутах, причеты, вызванные тревожными, бедственными и трагическими явлениями и случаями в жизни и быту трудового народа: по случаю пожара, неурожая, при вынужденном переходе на другое местожительство и т. д. Эти бытовые и необрядовые плачи являются также ценнейшим вкладом в семейно-бытовую и общественно-бытовую лирику благодаря своей высокой художественной форме и насыщенности их социально-политическими мотивами. В составе общественно-бытовых плачей, если иметь ввиду дореволюционные, превалируют рекрутские причитания. Следует сказать, что мордовские рекрутские причитания в известной мере близки русским, так как и те, и другие порождены сходными социальными явлениями. Вот почему высокую оценку, которая дана В. И. Лениным сборнику «Причитания северного края», составленному Е. Б. Барсовым, можно отнести и к рекрутским причитаниям мордовского народа²⁴.

Рекрутские плачи, как и другие причеты общественно-бытового содержания, дают правдивое реалистическое представление об эпохе, которой они порождены: раскрывают отношение трудовых масс мордовского народа к ненавистному царскому самодержавию. В плачах, как и в песнях, рекрутские наборы

показываются как народное бедствие, а само прохождение рекрутов как тяжёлая повинность, как отправка лучшей части мордовского населения в царскую армию, которая была чужда народу, так как защищала классовые интересы эксплуататоров. В этих плачах в ярких и запоминающихся образах рисуется невыносимо тяжёлая, долготлетняя служба в царской армии, бездушные, жестокость и зверства командиров.

Отправка в рекруты порождала глубокие переживания, они были подобны тем, которые вызывались смертью, расставанием с родственником, провожаемым в последний путь. Мать, отправляя сына в царскую армию, плакала, что она хоронит его «заживо в могилу»:

Цёраняй, цёраняй,
Живой лазксс каяте,
Живой калмос калмате,
Тяни молят оцю ломань эшксс,

Сынчек, сынчек,
Заживо тебя в гроб кладу,
Заживо в могилу хороню,
Ныне идешь в подчинение к чужим
начальникам.

Оцю ломань сурса кучи, сурса азы,

Чужой-то начальник пальцем
посылает,

Сон сурса вал азы,
Сери копорьга вайме сяви.
Аш тоса васявяце-поланяце.

Он пальцем указывает,
Сквозь спину душу вынимает.
Нет там подруги жизни — девушки.

Итак, на основе анализа содержания, форм бытования и основных поэтических особенностей мордовских причетов можно сделать следующие выводы:

1. Наряду со свадебным похоронно-обрядовый фольклор мордвы заслуживает большого внимания не только с историко-этнографической, но и нравственно-эстетической точки зрения. Эмоциональность причитаний, активность их бытования и долговечность обусловлены значительностью темы, которая волновала и волнует каждого человека. Это — тема жизни и смерти, уход из жизни главы племени, рода, семьи, смерть героя, близкого и дорогого человека, отца, матери, мужа, дочери, сына. В основе похоронной поэзии издревле лежат представления людей о жизни и смерти.

2. По своему содержанию причеты-плачи непосредственно связаны с похоронными, поминальными и другими семейно-бытовыми обрядовыми действиями. Они служат им необходимым словесным объяснением и в целом несут определенную социальную и эмоционально-эстетическую силу воздействия.

3. В похоронных обрядах и причитаниях, как и в других жанрах мордовского фольклора, сохранилось много архаических элементов, которые подтверждают их древнее происхождение. Особенно интересны в этом отношении те пережитки дохристианских обычаев, которые связаны с похоронами девушки²⁵. Значение этих обрядов и причитаний выходит за пределы мордовской фольклористики. Они отчетливо показывают близость похоронной поэзии к свадебной.

4. Социально-бытовые мотивы похоронных и поминальных причетов-плачей усиливают их общественное звучание, историко-этнографическую, художественно-эстетическую ценность.

5. Основные ритуальные моменты (этапы) похоронного обряда (обряжение, вынос, погребение) сопровождаются последовательно определенными принципами, которые создавались плакальщицами на основе усвоенного ими запаса традиционных мотивов и общих мест — ходячих поэтических формул и композиционных приемов, применяемых путем варьирования и импровизации.

6. Поэтические формулы и образы похоронных причетов — основное средство для изображения происходящих обрядовых действий и событий, для выражения идейно-тематического содержания самих причитаний.

7. По степени художественного совершенства и эмоционального воздействия похоронные причитания не уступают свадебным. Они исполнялись не только на похоронах и поминованиях, но и на проводах в рекруты, при различных бедствиях и горестных событиях семейной и общественной жизни. В первом случае они являются обрядовыми, во втором — бытовыми.

8. Похоронные причеты каждой отдельной вопленицы (матери, дочери, сестры и бабушки) несмотря на то, что они исполняются импровизационно и с перерывами в течение похоронного ритуала, содержат общую тематику, общую целенаправленность и представляют собой отдельные части единого словесно-поэтического текста, композиция которого имеет вступление, изложение и заключение.

К. Т. САМОРОДОВ, М. Г. ИМЯРЕКОВ,
кандидаты филологических наук.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Paasonen X. Mordwinische Volksdichtung. Band IV. Helsinki. 1947.
2. Шахматов А. Мордовский этнографический сборник. СПб., 1910.
3. Записи М. Евсеева. Несколько записей находится в его фонде (№ 267), хранящемся в Центральном госархиве Мордовской АССР.
4. Смирнов И. Н. Мордва. Историко-этнографический очерк. Казань, 1895.
5. Маркелов М. Т. Саратовская мордва. — В кн.: Этнографические материалы. Саратовский этнографический сборник (под редакцией проф. Б. М. Соколова). Вып. 1, Саратов, 1922.
6. Кавтаськин Л. С. Эрзянь фольклор (Эрзянский фольклор). Саранск, 1939; Кеняед Д. и Талышкина Т. Мокшень фольклор (Мокшанский фольклор). Саранск, 1940; Кривошеева Е. П. Тынь кунсолодо, тирень тьякш монь. (Вы послушайте, родные дети мои). Избранные произведения. Мордгиз, 1968.

7. Кавтаськин Л. С. Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Том VII, часть первая. Эрзянские причитания. Саранск, 1972.
8. РФ МНИИЯЛИЭ, ед. хр., № 1, л. 2.
9. Майнов В. Н. Очерки юридического быта мордвы. СПб., 1885, с. 194.
10. Там же.
11. Голицын Гр. Саратовский этнографический сборник, т. 1, 1898, с. 192.
12. Там же.
13. «Нижегородские епарх. ведомости», 1891, № 18.
14. Смирнов И. Мордва. СПб., 1895, с. 543.
15. Андрианова-Перетц В. П. Слово о жизни и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русского. — Труды ОДРЛ, у. л., 1947, с. 79.
16. Лазутин С. Г. О фольклористическом аспекте в изучении языка народной поэзии. — «Русская литература», 1959, № 3, с. 69—78.
17. Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 7, ч. 1, Саранск, 1972, с. 324.
18. РФ МНИИЯЛИЭ, ед. хр., № 85, с. 104—115.
19. Кавтаськин Л. С. Мордовские обряды и причитания при похоронах девушки. — В кн.: Проблемы изучения финно-угорского фольклора. Саранск, 1972, с. 186—194.
20. «Мирское слово», 1877, № 12, с. 91—92.
21. Там же.
22. «Пензенские губ. ведомости», 1877, № 14, с. 729.
23. Там же, 1893, № 1.
24. Бонч-Бруевич В. Д. В. И. Ленин об устном народном творчестве. — «Советская этнография», 1954, № 4, с. 120.
25. Подробно об этом сказано в предисловии к сборнику «Эрзянские похоронные причеты-плачи». — «Устно-поэтическое творчество мордовского народа», т. 7, ч. 1, Саранск, 1972.

ОБРЯДОВЫЕ ТРАДИЦИОННЫЕ
ПРИЧИТАНИЯ
(ЯВСЕМАТ)

ПРИЧЕТЫ ПО МАТЕРИ

I

Тядянязе-аванязе,
Тядянязе-нарвайнязе,
Тядянязе — акша лофцонязе,
Тядянязе — тюзя танцти ямнязе,
Ох, тядяняй — кядь кучкаса канниняй,
Ох, тядяняй — сурбряняса анниняй,
Ох, тядяняй — пале лемняса мярьгиняй,
Ох, тядяняй — пале киняс прважайняй,
Ох, тядяняй — пале киста учиняй.
Ох, тядяняй-матаняй,
Эсь сельмонятнень лаца монь ванфтомайть,
Ох, тядяняй-матаняй,
Лямбе сединянь панжиняй,
Тага мярьган, тядяняй-ужяльдиняй.
Ох, тядяняй — танцти сускомнязе,
Мон илядонь аляняфтома
Кемойь кизоняста,
Ашень няе, тядяняй,
Алянь ласканя,
Ашень няе, тядяняй,
Алянь седиень пети вастоня.
Ох, тон, тядяняй,
Монь мархтон няеть
Лама нужаняда-горяняда.
Ох, кда, тядяняй,
Мон афолень уле,
Эста тейть, тядяняй,
Сяда тѣжда улель, шяьта,
Сяда тѣжда улель эрямс,
Сяда тѣжда киге модемс,
Сяда валда шиня няемс.

Но алянфтома, тядяняй,
Няеть лама горяня.
Аляфтомот, тядяняй,
Кивок ломанькс аф путтанза.
Ох, тядянязе — акша лофцонязе,
Тон монь касфтомайть сускомняса,
Тон монь трямайть стака пингоняста,
Ох, тядяняй, тон веконязт
Ашеть няе цебярь валда шиня,
Молеть адна стака киге.
Ашеть няе, тядяняй,
Танцти ярхцам(а) сускомня,
Ашеть няе, тядяняй,
Лангозт лямбе ванфкя.
Тядянязе — пакся киге якайназе,
Ох, тядяняй, оцю горянь кандыняй,
Тон лоткафтыть якамда пильгонянень,
Тон матрафтыть работой кяднянень,
Седисон пичефксьшокшезне шокши,
Якстерь вернязень нозозне нозы.
Ох, тядяняй-аваняй,
Тяни козонга аф пачкодят,
Тяни козонга аф молеват.
Тяни, тядяняй, туят вечнай вастонязт,
Тяни, тядяняй, суват равжа калмонязт.
Ох, шкабаваскяй, кяшка тядязень
Эсь кели пацятнень алу,
Ужяльтька хоть тон, шкабаваскяй.
Вдь тядянязень, шкабаваскяй,
Ашель кивок ужяльдиняц.
Ванфтка кальдявда, шкабаваскяй,
Ванфтка тядязень тона светса
Оцю горяда, стака сельмода.
Макста тейнза, шкабаваскяй,
Лямбе кудня, валда вастоня,
Антка тядязень танцти ямняда.
Ох, тядяняй-матаняй, шяьта, марясак
Монь ранги вайгяльнязень,
Монь лямбе валиянень.
Шяьта, шкабавазсьшуттанза
Тонь, тядяняй, павазу вастоняс,
Вечнай зряфти приматанза.

I

Маменька-матушка моя,
Маменька-клушечка моя,
Ох, маменька — моя родительница.

Маменька — мое молочко белое,
Маменька — моя вкусная кашенька.
Ох, маменька, ты меня на руках носила,
Ох, маменька, с кончика пальца кормила,
Ох, маменька, ласковые слова ты говорила,
Ох, маменька, на путь-дорогу выводила,
Ох, маменька, с полпути ждала меня,
Ох, маменька любимая,
Как зеницу ока берегла меня,
Ох, маменька любимая,
Согревала мне сердечко ты,
Еще скажу, маменька, меня жалела ты.
Ох, маменька, лакомый кусочек мой,
Я осталась без отца,
А было мне тогда десять лет.
Не знаю я, маменька,
Ласки отцовской,
Не знаю я, маменька,
Тепла отцовского сердца.
Ох, ты маменька,
Со мной ты много повидала,
Много пережила нужды и горя.
Ох, маменька моя,
Если бы меня не было,
Тогда бы тебе, маменька, легче было бы:
Легче было бы жить тебе,
Легче идти по дороге жизни,
Светлее была бы твоя жизнь.
Но без отца, маменька,
Повидала ты много горяшка.
Без отца, маменька,
Даже в люди трудно выйти.
Ох, маменька милая,
Ты меня вырастила на своем кусочке хлеба,
Ты меня кормила в тяжёлое время.
Ох, маменька, ты в свой век
Не видала дня ясного,
Всегда жизнь была омрачена.
Не видала, маменька, сладкого куса,
Не видала, маменька,
Ясного взгляда на себе.
Маменька, по тропинкам полевым шагающая,
Ох, маменька, зачем такое горе нам принесла?
У меня подкосились ноженьки,
Опустились мои работающие рученьки.
Сердце мое от печали разрывается.
Душа горит огнем чёрной печали.
Ох, маменька-матушка,

Теперь ты никуда не пойдешь,
Теперь ты никуда не выйдешь.
Теперь, маменька, уйдешь на вечное свое место,
Теперь, маменька, войдешь в черную свою могилу.
Примет тебя, маменька, сырая земля.
Ох, ты, боженька, укрой мою маменьку
Под своими теплыми крылышками,
Пожалей-ка хоть ты, боженька,
Ведь у моей маменьки, боженька,
Не было жалеющих.
Побереги ее, боженька, от всего плохого.
Побереги маменьку на том свете
От тоски и невзгод.
Дай-ка ей, боженька,
Домик тепленький, место светлое,
Корми мать мою кашей сладкою.
Ох, маменька, моя милая!
Возможно, ты слышишь плач мой,
Слышишь мои слова теплые.
Может, боженька, устроит тебя
В место счастливое,
В жизнь вечную примет тебя, маменька.

2

Тядяний-аваняй,
Нужа иднякс нужалгодонь.
Кода лажадонь шапама кшиняти,
Тядяний-аваняй,
Стане лажадонь
Тядянянь мазы лемняти.
Тядяний-аваняй,
Кудста маштсь тонь
Акша келу ронгоняце.
Тядяний-аваняй,
Стенаста маштсь цильфкяце,
Дворста маштсь пильге кинятне.
Тядяний-аваняй,
Вишке пиземсь пизезень,
Акша ловнясь вельхтязень.
Тядяний-аваняй,
Оду коста нийхтяма,
Коста мутама
Акша келу ронгоняцень.
Тядяний-аваняй,
Коста кульхтяма,
Коста марятама

Горай пайге вайгьяльняцень.
Тядякай-авакай,
Коста нийхтяма,
Коста мутама
Мазы шама лицаняцень.

2

Маменька-матушка,
Осталась я сиротинушкой.
Как соскучилась о хлебе чёрном,
Маменька-матушка,
Так же соскучилась
О тебе я, маменька.
Маменька-матушка,
Не стало в доме нашем
Тебя, белой березоньки.
Маменька-матушка,
На стене нет твоей тени,
В нашем дворе нет твоих следов.
Маменька-матушка,
Сильный дождь следы твои промыл,
Белый снег их укрыл.
Маменька-матушка,
Где еще увидимся,
Где увидим твой стан стройный,
Как белая березонька.
Маменька-матушка,
Где услышим мы,
Где почуем мы
Голосочек твой звонкий.
Маменька-матушка,
Где увидим мы,
Где встретим мы
Твое личико красивое.

3

Ох, авакай, авакай,
Ох, авакай-кормилецкяй,
Кинь мархта арьсеть, авакай,
Кинь мархта думать, кормилецкяй?
Кодама кулома сявонзе?
Кодама равжа варси каркнаизе?
Кодама урма, авай, машфтонзе?
Кудть келес аф молихть пильгоняне,
Вай, вяри аф кеподевихть кядняне,

Арань аф моли ярмакокс,
Арань мековасу читорды сялинякс.
Ох, горя, горя,
Оцюдонга оцю горя,
Мес тяшкава эрхтемайть?
Мес тяшкава цятадемайть?
Или тяфтама ни монь павазозе,
Или тяфтама ни монь судьбазе?
Ох, аваняй-трайняй,
Ох, аваняй-матаняй,
Тяни аф лисят ульцяв ломань ёткс,
Тяни аф кярьмодят оцю тевс,
Вай, аф ётат кудга, калдазга,
Аф азат тяни лямбе валнят,
Оду, аваняй, аф тонафтсамак
Кудонь пара тевняс,
Оду, аваняй, аф лемдсамак
Седишкада стирень лемняса.
Конашка пичефкс, аваняй, кандоть,
Кадомайт ёфси тон сиротанякс,
Кадомайт тон шава кудняс.
Мезе тиян, мезе арьсян?
Ох, аваняй-кельгомняй,
Ох, аваняй — дугань панчфкяй,
Ох, аваняй — медень таньфкяй,
Кода тяни кудста лихттыдязь,
Кода равжа модас полдатыдязь?
Ой, аваняй-трайняй,
Ярхцама карман —
Ярхцаме аф моли,
Симома карман —
Веднясь аф тяльги,
Сембе телазе монь
Пичефксти, авай, вачкаты,
Сембе эрьгязе срады-калады.
Туят, аваняй, равжа модати,
Лия мастору, шобда эряфти.
Аф юкстават мзярдонга,
Кельгома аваняй — садонь марьяй,
Кельгома аваняй — тюзя вайняй.
Мес тон кадомайтть?
Мес тон дасадямайть? Ох, ой, ох...

3

Ох, маменька, маменька,
Ох, маменька-кормилица,
С кем надумала, маменька,

С кем посоветовалась, родненькая?
Какая смерть взяла тебя?
Какой черный ворон проклял тебя?
Какая болезнь, маменька, подкосила тебя?
По дому не шагают мои ноженки,
Ой, не могу поднять я своих рученок,
Стала я никому ненужною,
Стала я ольхою скрипучею.
Ох, горе, горе.
Большое, пребольшое горе,
Зачем меня ты так ударила?
Зачем ты меня так подкосила?
Или у меня такое уже счастье,
Или такая уж у меня судьба?
Ох, маменька, кормилица моя,
Ох, маменька, милая моя,
Теперь не выйдешь на улицу к людям,
Теперь не возьмешься за большое дело,
Ой, не пройдешь по дому, по хлеву,
Не скажешь теперь теплых слов,
Больше, маменька, не научишь ты,
Как справлять дела домашние,
Больше, голубушка, не назовёшь ты меня.
Какую большую печаль, маменька,
Принесла ты мне,
Оставила меня совсем сиротиною,
Оставила меня одинешенькой.
Что стану делать, о чём думать?
Ох, маменька милая,
Ох, маменька — цветочек луговой,
Ох, родненькая, слаще мёда ты,
Как теперь из дома вынесут тебя?
Как в сырую землю опустят тебя?
Ох, маменька, кормилица моя,
Есть стану —
Пища не идет мне,
Пить стану —
Водицу не могу глотнуть.
Все мое тело, маменька,
От горя трясется,
Мои ноги подкосились.
Ляжешь, голубушка,
В сырую землю, уйдёшь в другую жизнь,
Где всегда темно.
Не забуду тебя, родненькая,
Красное яблочко, любимая мамочка,
Зачем ты покинула меня?
Зачем ты опечалила так меня? Ох, ой, ох...

Ох, шкайнязе-мамакай — матушкой!
 Мамакай — акша лофционяй,
 Мамакай — тьюжа вайняй.
 Кинди, шкайнязе-мамакай,
 Тон минь тяфта кадомасть?
 Кинди, шкайнязе-матушкой,
 Тон минь тяфта надняфтомасть, ой?
 Ох, шкайнязе-маманязе —
 Каменной монь стенанязе,
 Золотань монь горанязе,
 Горать алга шуди ведня,
 Шуди веднясь сетьмоняль.
 Ох, шкайнязе-мамакай,
 Сась равжа туцясь пиземса,
 Дубордсь вишке атямня,
 Срафтозе каменной стенаньконь,
 Надяма вастоньконь, о-ой!
 Ох, шкайнязе-маманязе,
 Мезе тон тьеть, мезе думать?
 Кинди тон кадыть эсь иднятнень,
 Эсь иднятнень, ёмланятнень?
 Синь вдь ёньц аф содайнят,
 Синь вдь тевс аф кундайнят.
 Кадолеть тон фкяня-кафтона,
 А тяни кадоть мянь котоня,
 Мянь эздост целай ротаня.
 Ох, шкайнязе-маманязе —
 Оцю горянь тинязе.
 Титя горянясь, матушкой,
 Менельдонга сериня,
 Матордонга келиня, о-ой!
 Вай, шобдалгодсть белай светкяське,
 Шинятне арасть куваканят,
 Кизонданга синь кельмонят.
 Ох, шкайнязе-маманязе,
 Керовсть кафта якай пильгоняне,
 Новольсть кафта покай кядняне,
 Шуморсь весяла вастонесък,
 Ушедсь горянь пингонесък.
 Шкайнязе, мамакай-матушкой,
 Очижинь палама алняй,
 Лямбе сединяй, ляпе валняй,
 Кинди тяни, мамакай,
 Панчса мон шобда потмозень,
 Кинди тяни, матушкой,
 Азсайне мон оцю горянень, о-ой!

Ох, боженька моя, мать-матушка!
 Маменька моя — белое молочко моё,
 Маменька — желтое маслице моё,
 На кого ты, мать-матушка,
 Оставляешь нас?
 Кому ты, милая матушка,
 Поручаешь нас, ой?
 Ох, боженька, моя матушка,
 Каменная стена ты моя,
 Золотая гора ты моя.
 Под горой текла вода,
 Текучая вода была спокойной.
 Ох, боженька, моя матушка,
 Собралась туча черная, дождливая,
 Загремел гром раскатисто,
 Разрушил нашу стену,
 Рухнула вся наша надежда, о-ой!
 Ох, боженька, моя матушка,
 Что ты наделала, что ты надумала?
 На кого ты оставила своих детей,
 Своих детей, своих маленьких?
 Они ведь совсем несмышленные,
 Работать неспособные.
 Оставила бы одного, двоих,
 А ты оставила шестерых,
 Чуть ли не целую роту.
 Ох, боженька-матушка моя,
 Большое горе нам сделала.
 Это горе, матушка,
 Большое до небес,
 Широкое до окрани земли, ой-ой!
 Ой, потемнел весь свет.
 Дни стали длинные,
 Даже летом они холодные.
 Ох, боженька, матушка моя,
 Подкосились мои ноженьки,
 Опустились мои рученьки,
 Кончились радостные дни,
 Началось горестное время.
 Боженька, мать-матушка моя,
 Пасхальное яичко мое,
 Теплое сердечко мое,
 Кому теперь, матушка,
 Открою свою душу,
 Кому теперь, милая,
 Расскажу про свои печали, о-ой!

АВАТЬ КАЛМАМСТА СТИРЕНЦ ЯВСЕМАНЗА

Мзярда кулы стирть авац (тядяц), то эшелямда и лангозонза жульень шамонзон шафнемда меле путсазь шкай ужети скомня лангс. Тяда меле стирец ушеды аванц явсема:

Ой, аваняй-матаняй,
Ой, аваняй-кельгомняй!
Мес, аваняй, тон туят?
Вольнай светста тон явоть.
Или тейть, авакай, вольнай
Светкяське аф ужалъ?
Цебяръ зряф тон эрятъ,
Мезень инкса хлопчатъ,
Тяни сембонъ тон кадсайть,
Мезевок тейть аф эряви.
Мастор лангса векоянень тон эряйтъ,
Лама грехта тон сявотъ,
Тяни мархтост тейть эряви
Модемс праведнай судти.
Кда кизефтсьазь, авай, тонъ грехнень,
Мяркъ, вольнай ломанъ улэндень,
Изень сода мезевок,
Ашень сода грамотас,—
Стане отвечак тон шкайти,
Стане корхтак азорти.

Явсись валонзон шарфтсыне кудаваняи и урнязь корхтай:

Кудонъ азор, матушка,
Кудонъ ваны, кельгомняй,
Кенкшезень папчка келиста,
Касякнень кеподить сериста.
Афи съкамон мон суван,
Афи съкамон мон ётан.
Васенцекс мон сувафтсайне
Военнайхнень-пленнайхнень,
Сяда меле сувафтан
Сисем раднят-пляманят,
А синь мельгаст мон тердъса родной аляязень.
Смелайняста, аляй, смелайняста,
Ётака, аляй, ётака,
Арака тон шкайнять инголи,
Стяка тон авазень ваксс,
Ватта тон раднятнень лангс,
Катф семьянень лангс.

Стирть аляц кулоф ни кунара. Сяс явсемста азсь валхт тейнзовок. Тяда меле сон озай аванц ловажанц ваксс и поладсы явсеманц:

Ох, аваняй-матаняй,
Ох, аваняй-кельгомняй,
Коза приязень мон тиса,
Ризфу пондонязень нежедьса,
Мекольце валнянень корхтама,
Мекольце арьсеманень арьсема?
Аралень, авай, кафта якай пилькнень пес,
Якай пильге пейясот равжа аф пара куломась,
Равжа аф пара куломась, афи няемась.
Фкя кядьсонза пеелец,
Омбоце кядьсонза ядоц.
Пеельсонза пильге саттнень керсензе,
Пильге лангста прафтонзе,
Ядсонза седи ваймоцень сявозе,
Сельме валдценъ кяшезе.
Аваняй, аралень пря пезот,
Пря песот Петрат—Паволхт апостолхт.
Кядьсост вечнай книгасна,
Пара тефне эзост оцюста сёрматфт,
Кальдяв тефне мелкайняста сёрматфт,
Ванфнихть синь тонъ эряфденъ.
Аралень корхтай кургоняцень каршес—
Тоса ащи ваймонъ сывиняце.
Норак араи маряй пиленяцень каршес.
Тята пеле, авакай, тят эводе:
Аф пярдьсайне сельмовеदनъ,
Аф юмафтсайне сельмовеदनъ
Вечнай шамнятнень лангс.
Аф нардасайнъ сельмовеदनъ
Тонъ кядьруцянязот.
Мон монцень ули, аваняй,
Сельмоведь руцянязе.
Кулхционттака, аваняй,
Монъ мекольденъ накаскязень:
Молендлярят, аваняй,
Века вечнай тона эряфти,
Пефтома эряфти,
Спасительсь кизефттянза тонъ:
Кие акша вастцень начфтозе,
Кие акша вельхтямацень гастязе?
Тон отвечак, авакай,
Тейнза корхтак, матушкой,
Мастор лангса эрсекшнесь
Павазфтома ломанъ—стирезе,
Лама пинге горясоль (ризфкасоль),

Лама пинге сельмовець соль,
Сон акша востозень начфтозе,
Сон акша вельхтямазень гастязе —
Стане сельмовецьса парозень пандозе.
Кда молят Спасительть инголи,
Комсь ветне куцема эряви куцемс.
Эрь куцеманять шятямста
Спасительсь кизефттянза тонь.
Васенцеть куцемста кизефти:
Якать ли тои ранний службав — заутреняв,
Поздний службав — обедняв?
Омбоце куцемать шятямста
Сон тонь кизефттянза:
Варчсеть ли тои востонь лангста
Аф стяшенди сяряди ломатть?
Колмоце куцемать куцемста кизефти:
Примсеть ли тои шкайнь казне?
Нилеце куцемать куцемста кизефти:
Тон аралать ли толста-пожарста ломатть?
Ветече куцемать куцемста кизефти:
Максекшнеть ли тои нищайнди-ётайнди?
Котоце куцемать куцемста кизефти:
Ужальтькшнеть али аш сиротат?
Эрь куцемать куцемста
Кармай сон тонь кизефнемот,
Тон, аваняй, кармат теенза отвечама.
Ох, аваняй-матаняй,
Ох, аваняй-кельгомняй.
Тя шиса тои эрямстот
Ламоксть монь ужальтькшнemaйтъ,
Лама пара тои тиенкшнеть.
Тя шиса эрямстот тонь
Парняце теень ашезь пандов.
Норак пандса мон
Тя эряфонь парняцень:
Колмоксть тейть мон сюкоян.
Васенец поклонть максса,—
Улест тейть ранний службав — заутреняв,
Поздний службав — обедняв.
Омбоце поклонть максса,—
Кадок ули тейть эряфкясь
Тоса валдоня и лямбоня.
Колмоце поклонть максса,—
Катк пря пезот кровястевн
Шинек-венек палы лампаткя.
Стане пандса тя шиса эрямань парочень.

Омбоце шиня шобдава стирсь аванц явсесы-тяфта:

Ожу аран родной авазень ваксс,
Ожу аран кельгома аванязень малас.
Ой, аваняй-трийний,
Ой, аваняй-кормилецкяй,
Зарясь кровястезе толонц,
Мастор лангс полдазе валдонц.
Одс шачихнень сон сёрмадсыне,
А кулыхнень нардасыне,
Тоньге, авай, ёткстонок
Сон лемняцень нардасы,
Эсь книгазонза сёрмадсы.
Мекольце венять тои удоть
Авай, эсь путф куднясот,
Аф эсь ацаф востонясот,
Аф эсь наряжаф уженясот.
Удоть, аваняй-матаняй,
Тюжя мазы эзем лангса,
Тюжя эземсь — алкскияцель.
Акша котфонь вельхтямаце,
Акша котфтста тодуце.
Оду кудса тон аф удат,—
Равжа модас тон туят.
Аф каршек тонь васьфттядязь,
Аф фталда тонь саттядязь.
Тоста аш акша сёрмань кучинят,
Тоста аш кулянь пачфтинят.
Оду мархтот аф васьфттяма,
Оду мархтот аф няйхтяма,
Эрямань валнят аф корхтатама.
Ужальдинязе монь аф ули,
Пара валонь азондыязе аф ули.
Тонь тумдот меле, авакай,
Тонь ужальдемадот меле тьян
Пильгозон карьсян кшинь карнят,
Мяштезон сотан мешокоян,
Кядезон сыван кшинь мандоня,
Туян, авай, мастор ланга якама,
Туян мастор ланга вешема.
Аф муян, авай, аф муян,
Аф васьфтян, роднойняй, аф васьфтян,
Кельгома авань сединя,
Трийнязень кондыма сединя.

Тяда меле стирсь лиси юрхту лазксонь тихнень ваксс и
ушеды явсема:

Ой, аваняй-матаняй,
Ой, аваняй-кельгомняй,
Пуроптыне латалу
Родной браткятнень-дуганятнень,
Тейть тихть вечнай лазксат,
Карман теест корхтама:
Афольхть уле синь тумонь,
Афольхть уле синь пяшень.
Тумоть кельме эздонза,
Пяшесь курок наксады,
Алце доскась акша келувонь улеза,
Боконь доскатне марлю шуфтонь улеста,
Види бокти валда вальмя керода,
Нежедема васта тиеда.
Лангста доскась пичень улеза,
Лангозонза крест тиеда.
Сембосыка синь ашесть ту мялезон,
Сембосыка синь ашесть педь седиезон.
Синь аф яраштыхть эряма кудокс,
Аш синь валда вальмянясна,
Аш синь лисеме кенкшкасна.
Тяла шиста аш эжемс лямбонясна,
Сярядинди аш ваймама вастонясна.
Тя кудсь вечнай эряфти туй,
Тя лазкссь равжа модати сувай.
Обед пингста авазень ваксс сувафтость,
Аванязень тя лазксенди путость.

Пирьфста стирсь меки моли тядяни ловажанцты, кафта цё-
ранзон сон кучсыне крестонди-памятниконди шуфтонкса и сонць
ушеды явсема, бта цёранза якасть ни вири:

Ой, аваняй-матаняй!
Ой, аваняй-кельгомняй!
Тонь унокне якасть вири,
Крестокс шуфтонь вешема.
Кодак пачкодсть синь вири,
Вирявась синь кизефтезень:
— Местема тинь сей саде?
Местема тяза ётаде?
Мес тинь аф эсь пингстонза якатада?
Мезе тинь вешенттяда?
А синь вирявати отвечать,
Теенза синь ста корхтасть:
— Кулось минь кельгома аваньке.

Вирявась тейст отвечай:
— Кулонь-юмайнь дялянкась
Ши валгома шире,
Арда тинь тоса сери (оцю) шуфтоня кочкада,
Арда тинь виде шуфтоня керода,
Конань ашет моргонза,
Конань ашет шильгонза.
Кочкасть синь сери (оцю) шуфтоня,
Керозь алга синь виде шуфтоня.
Ой, тон святой шуфтоня,
Банка, тон мезенкса шачеть?
Мезенкса тон касоть?
Ашеть шача тон валда вальмянь касякокс,
Ашеть шача тон валда вальмянь пакарнякс,
Ашеть шача тон уголста шкайнь ликокс,
Ашеть шача тон озамань стулянкс.
Тон шачеть-касоть кельгома авазенди
Ронгонь ваны сторожокс.
Тяк тошналгофта сонь потмонянци,
Тяк скучендафта сонь пондонянци-теланянци,
Тяк аерфне аванязень сединянци.

Калмонь шувихнень калмолангу тумстост кулоф авать ом-
боце стирец или рвяняц явси тяфта:

Ой, аваняй-матаняй,
Ой, аваняй-кельгомняй,
Ванк, аваняй, пуромсть
Тонь перьфкат раднянь алятне,
Щрацень перьфке синь озсесть,
Туйхть синь калмонь шувома.
Кодак ни лисихть кудста синь,
Мярьган мон стане теест:
— Оцю раднянь браткяне,
Оцю раднянь дуганяне,
Ардадова тинь ётадова
Оцю панда пряняти,
Теенть мон наказ максан:
Калмотнень перьфке ётада,
Калмотнень кругом шаркстода,
Авазенди цебярь васта вешеда,
Пара вастоня тинь муда.
Ши лисема ширеса якшама,
Обед шире пяк пси,
Ши валгома шире пяк шобда.
Самай кучкати калма шувода,
Штоба эрь шобдавань стямста лиси шить
Валда сюрелданянза

Валдоптолезь калмонять.
Стама васта тинь муда,
Коса лама ловда аф эряй,
Виг вармась аф уфай.
А кизонь пингть ёткста ся вастоняти
Пманжа видьге тишени касы,
Каркэземге панчфкат касыхть,
Ся вастоняти каймоть пезфтамста
«Царю небеснайть» морафтость,
Омбоце каймоть пезфтамста
«Отче нашить» морафтость,
Колмоце каймоть пезфтамста
«Богородицать» морафтость.
Калмось улеза крхканя,
Улеза сон келиня,
Ниле ужеса цебяря.
Валда вальмя керода,
Нежедема васта тиеда.
Штоба пара улеза,
Кельгома авазень мяльс туза.
Кулхцонтта, авай, кулхцонтта!
Кулхцонтт, кельгомняй, кулхцонтт!
Стама калма тейть тнихть,
Стама калма тейть аноклайхть,
Штоба улель мялезот,
Штоба педель седиэзт.

Кулоф авать стирец лиси юрхту, тоса сюконяй юрхтавати и меки мрдамста олькси:

Лисендень мон юрхтавати,
Сюконяма юрхтавати,
Ащи сонга пяк ризфуста,
Ащи пяк ни горявета
Сиянь скомня лангса озада,
Пичефксу шамнят лаигсонза,
Сельмовець руця кядьсонза.
Ой, сон пяк ни аварди,
Ой, сон пяк ни кольгонди!
А мон шаштонь малазонза,
А мон корхтаць тейнза:
— Мес тяшкава авардят?
Мес тяшкава кольгондят?
А сон тейне тяфта мярьгсь:
— Кода мон аф авардян,
Кода мон аф кольгондян?
Кудавалязе монь туй,
Кудавалязе монь кадсамань.

Аф ули юрхту шобдава лисенди,
Илять юрхту поздна сашенды.
Юрхт ужети шра арафтф,
Шрать ваксса посыльной стяфтф.
Инголенза книгац панжада,
Фкя кядьсонза якстерь карандаш,
Од шачихть сон сёрматкшни,
Равжеть эса кулыхть-юмайхть нарни.
Тячиень шиня тонь нарданзе,
Кульень книгати сёрмадонзе.

Стирсь пингонь ётазь тага аванц явсесы:

Ой, аваняй-матаняй,
Ой, аваняй-кельгомняй,
Ожу молян малазот,
Ожу озан бокозот.
Лиси шиняти эняльдяи,
Накаскя теенза максан:
— Тячиень шинясь тязя ёта бойкаста,
Тязя ёта куроқта.
Кельгома авазе кадсамазь,
Туй ни минь ёткстонк.
Лиси шинязе, саворне, саворне
Тон ётака, лоткака,
Саворняста тон ётак,
Родной аванязень аш мялец тумс,
Аш мялец лямбе кудстонза лисемс.
Тячи туй сон вечнай васту
Вековечнай эряфу.
Аф каршек васьфтьсаськ сонь,
Аф фталда минь сатсаськ сонь.
Тячиень шиня шкабаваскясь вакссонза,
Тячиень шиня Спасительсь вельхссонза,
Аванязень малае синь састь,
Ашихть кафта бокованза,
Кафта столбат пезфтайхть.
Ня столбатнень кувалмова
Сиянь уськт полдайхть.
Ня сиянь уськнень песа
Серень шаваня повфтаф.
Тячиень шиня родной аваньконь инкса
Тя шавась пси сельмовецьта пашкодема.
Кодак моли вярдень шкайть инголи,
Кда ули шавец пашксе,
Тянка вярдень шкайсь
Эряфонь грехонзон аванязень простясыне,
Эряфонь грехонзон трийнязень нардасыне.

Вярденъ шкайсь мярьги теенза:
«Лама ульсь светса эрямста
Тя ломанть пароняц,
Сяс шаваняц пси сельмоведа пшаксе».
Молендьярят тон, авай, тона шис,
Молендьяряхть покойникне васьфтемот,
Кизефтендьяртядязь, мес вастоняце начка,
Или тон морява уезь уеть,
Или вишке пизем алу повондоть,
Мес тонь тяфта начкот вастонятне?
Тон теест стане отвечак:
«Аф уезь мон уень,
Аф пизем алу повондоть,
Пси сельмовеетне монь начфтомазь,
Пси сельмовеетне вастонязень тавадозь.
Сяс монь вастоне олафкат,
Сяс монь вастоне тапафкат».

Мзярда лазксень сувафтсазь куду, эзост путнесазь лова-
жать, кулофть стирец явси:

Ой, аваняй-матаняй,
Ой, аваняй-кельгомняй,
Радовак, авай, радовак,
Ваксозот сувафтсть
Вековечнай лазксая.
Ня лазксенди, аваняй,
Ловажацень путсазь,
Ня лазксенди, аваняй,
Теланяцень ёфси кяшсазь.
Ой, ваймоняце, авай, ков моли?
Вай, ваймоняце, авай, ков туй?
Телать вельхксса, авай, аварди,
Телать вельхксса, авай, кольгонди,
Лазксень эса, авай, сяфтядязь,
Путома кудстот синь лихтядязь,
Веле ёткова тонь ётафтядязь,
Сяфтядязь, аваняй, бугор пряв,
Тоса шувсть тейть вечнай кудня.
Равжа мода потмос лазксень полдасазь,
Равжа модаса вельхтязь-валясазь.
Вечнай знамя синь стяфтыхть,
Вечнай памятник синь тейть пухтыхть.
Ваймоняце теластот яви,
Ваймоняце теластот лийкстай.
Мярьги, ков мон молян?
Ков мон туян?
Стяфтф знамязот сон лийкстай,

Стяфтф крестозот сон валги.
Вайгяленц шкай аванясь марясы,
Вайгяленц всевышняйсь шарькодьсы,
Вярде лийкстай, аваняй, кресткаста,
Вярде валги, матушкой, ваймоняцень никса.
Ваймоняцень сон фатясы,
Ваймоняцень, аваняй, прдасы,
Вай, мархтонза саласы-кяшсы.

Ловажать велень улыява кандомста стирсь аванц явссы:

Вай, радняне-матушкане,
Вай, радняне-плямане,
Эняльдяи тейнтъ, эняльдяи:
Фкя пильге коряс моледа,
Тясть шерьфте, тясть люкафта
Аванязень теланяц,
Тясть прафта, тясть срафта
Аванязень лазксонзон.
Ой, аваняй-матаняй,
Ой, аваняй-кельгомняй,
Маряихть или аф тонь билетне?
Тонь прважатадязь вечнай вастозот,
Вечнай вастозот, вечнай кудозот.
Тоста акша сёрмат аф кучат,
Тоста куляня аф пачфтят.
Веле аваня-матушка!
Тят эводе пси сельмоведадон,
Аф тонь эвфтемот лажнай вайгялезень полдаине,
Аф тонь никсот сельмоведацень шудефтяи,
Стане кельгома авазень
Прважаса вечнай вастозонза,
Прважаса вечнай кудозонза.

Калмоть малас пачкодемста явсись эняльди калмонь ава-
няти:

Калмонь кирди азорня,
Калмонь ава-матаняй,
Калмонь ава-матушкой,
Кулофкяне радняне-плямане,
Васьфтесть родной аванязень,
Примасть матанязень-трайнязень,
Тясть эвфте шачфтынязень,
Тясть обижа шачфтынязень-пляманязень,
Путость аванязень вастоняс,
Сявость ёткозонт вечнай эряфкас.

Кулыть калмамда меле поминдасазь тязк калмонц лангса.
Ярцайхть пряжакада, пачада, алда, симихть позада. Тяда меле
стирсь мекольцеда явсесы аванц:

Ой, аваняй, ой, аваняй,
Тяни равжа модасат,
Тяни фалу шобдасат.
Молят кулоф радня ёткс,
Тяни аф нийсамасть,
Оду аф кульсамасть,
Оду эсь сельмосот аф нийсамасть,
Эсь ликонясот аф васьфтьсамасть.
Ох, равжа модань азорава,
Ох, равжа модань кирди-ванфты,
Аванязень лацкас примака,
Аванязень парста эряфтка.
Тя шистонь грехонзон простяйте,
Снянь крестса крестайте.
Ох, аваняй-матаняй,
Ой, аваняй-кельгомняй,
Мекольняда вайгьяльнязень маряка,
Сельмоведьса калма лангцень эшляса,
Хрустальной ведняса валса.
Кресткяценди акша нардама лаподень,
Шобдава стяят — шаманя нардак,
Стирняцень-идняцень лятфтак,
Раднятнень-пьяматнень мархта корхтак.
Ой, аваняй-матаняй,
Ой, аваняй — акша лофционяй,
Ой аваняй — тюжя вайняй.
Эряк цебарьста, эряк шумбраста.
Прощай, аваняй!
Прощай, кельгомняй! Ой...
Минь суватама, аваняй, сембе куду,
Минь мольхтяма, кельгомняй, куду.
Удок аваняй, тон удок,
Ваймак, аваняй, ваймак,
Эряк лацкас, удок лацкас
Вековечнай кудсот,
Вековечнай вастонясот!

ПРИЧИТАНИЯ ДОЧЕРИ НА ПОХОРОНАХ МАТЕРИ

После обмывания и одевания покойницу кладут на скамейку под образами. После этого дочь начинает оплакивать свою мать:

Ой, маменька-матушка,
Ой, маменька любимая,
Зачем, маменька, ты уходишь?
С вольным светом распрощалась.
Или тебе, маменька,
Света вольного не жалко?
Хорошую жизнь ты прожила,
В хорошее времечко ты жила,
О чём ты всё хлопотала,
А теперь ты всё и всех оставляешь,
Ничего теперь больше не надобно тебе.
На земле ты век свой прожила,
Много грехов на себя ты взяла,
С ними тебе надо идти
На суд праведный на том свете.
Если спросят, маменька, о твоих грехах,
То скажи, что была ты вольным человеком,
Ничего не знавала,
Грамоте не обучалась, —
Так ответь ты боженьке,
Так отвечай хозяину.

Оплакивающая обращается к домовому и, плача, говорит:

Держательница дома кудава,
Смотрительница дома любимая,
Ты открой свою дверь пошире,
Подними повыше косяки.
Не одна я зайду,
Не одна я пройду,
Сначала я проведу
Военных-пленных,
Затем я приведу
Семь человек из родни,
За ними позову отца родного.
Посмелее, посмелее, папенька,
Проходи-ка, папенька, проходи-ка,
Встань ты перед боженькой,
Встань-ка ты около моей маменьки,
Посмотри-ка ты на свою родню,
На семью свою оставленную.

Отец девушки умер давно. Поэтому при оплакивании она обратилась и к нему. Затем она садится около матери и продолжает оплакивание:

Ох, маменька-матушка,
Ох, маменька любимая,
Куда теперь я денуся,
Где я, горестная, прислонюся,
Чтобы последние слова вымолвить,
Последние мысли высказать?
Встала бы, маменька, у ног твоих,
У ног твоих смерть черная,
Смерть чёрная, ненавистная.
В одной руке у неё коса,
В другой руке яд.
Косой перерезала жилы ног,
Как травку повалила тебя,
А ядом душу отравила,
Очи твои погасила.
Маменька, встали бы у твоего изголовья,
У изголовья апостолы Петр и Павел.
На руках книги вечные,
О хороших делах твоих в них крупно написано,
О нехороших — мелко написано,
Оберегают они твою жизнь.
Встала бы я у ротика говорящего—
Там сидит губитель твоей души.
Подожди, встану у слышащего ушка,
Не страшися, маменька, не бойся:
Не буду лить слёзы горькие,
Не стану ронять слёзы свои
На твою одежду вечную.
Не стану слезы утирать
Твоим платочком носовым.
У меня, маменька, есть свой
Платочек слезы утирать.
Послушай-ка, маменька,
Мой наказ последенький:
Если ты пойдешь, маменька,
В жизнь вековечную другую,
В жизнь бесконечную,
Спаситель станет тебя спрашивать:
Кто постель твою белую намочил,
Кто покрывало белое запачкал?
Ты ответь-ка, маменька,
Говори ему, матушка:
Жила на белом свете
Дочка моя несчастная,

Много горяшка перенесла она,
Много слез пролила она.
Она белую постель мою намочила,
Она белое покрывало запачкала—
Так она слезами за мое добро отплатила.
Если пойдешь к Спасителю,
Двадцать пять ступенек надо пройти.
На каждой ступеньке
Спаситель тебя будет спрашивать.
На первой ступеньке спросит:
Ходила ли ты к ранней службе—заутрене?
К поздней службе—к обедне?
На второй ступеньке
Он тебя спросит:
Навещала ли ты больных,
Лежащих в постели?
А на третьей ступеньке он спросит:
Принимала ли ты божий дар?
На четвертой ступеньке он спросит:
Спасала ли ты людей при пожаре?
На пятой ступеньке спросит он:
Подавала ли ты нищим прохожим?
На шестой ступеньке спросит он:
Жалела или нет ты сиротушек?
На каждой ступеньке Спаситель
Будет тебя спрашивать.
Ты, маменька, станешь ему отвечать.
Ох, маменька-матушка,
Ох, маменька любимая.
При жизни на этом свете
Много раз ты жалела меня,
Много добра мне сделала.
При жизни на этом свете
За добро твое не пришлось отплатить.
Погоди, за твоё добро,
За все твоё прижизненное добро,
Три раза тебе поклонюсь.
Пусть будет тебе
Мой первый поклон—
Ранние службы-заутрени,
Поздние службы-обедни.
Второй мой поклон тебе—
Пусть будет там жизнь твоя
Теплая и светлая.
Третий мой поклон за то,
Чтобы у твоей головушки
Горела днём и ночью лампада.
Так я оплачу за твое добро на этом свете.

На следующий день рано утром дочь оплакивает свою мать так:

Погодите, встану у родной матери,
Погодите, встану ближе к матушке.
Ой, маменька, кормилица моя,
Ой, маменька моя, боженька,
Заря зажгла свет свой огненный,
Землю светом своим осветила,
Новорожденных она запишет,
А мертвых вычеркнет.
И твое имя, маменька,
Из нашего списка вычеркнет,
В свою книгу она запишет.
Последнюю ноченьку ночевала,
Маменька, в своем домике,
Не на своей постели,
Не в наряженном тобою уголке.
Ночевала, маменька, ты
На желтой красивой лавке,
Желтая лавка была твоей постелью,
Белое полотно — твое покрывало,
Из белого полотна твоя подушка.
Больше ты дома не будешь ночевать, —
В землю черную ты уйдешь.
Там тебя никто не встретит,
Там никто тебя не догонит.
Там нет пишущих белые письма,
Там нет посылающих весточки.
Больше с тобою не встретимся
Больше с тобою не увидимся.
Про жизнь больше слов не скажем.
Жалеющей меня больше не будет.
Добрых слов мне никто не скажет.
После твоего ухода, матушка,
После ласки твоей теперь
На ноги обую лапти железные,
На шею повешу мешочек я,
В руки возьму железный посох
И пойду, маменька, по земле ходить,
По стране искать тебе подобную.
Не найду, маменька, не найду,
Не встречу, родненькая, не встречу
Сердечко матери любимой,
Любимой материнской души.

После этого дочь выходит во двор, подходит к гробовщикам и причитывает:

Ой, маменька, голубушка моя,
Ой, маменька, любимая моя.
Собрала я во дворе
Твоих братьев старших и младших,
Тебе они гроб мастерят,
Начну им говорить:
Пусть гроб будет не дубовый,
Не был бы он и липовый.
От дуба веет холодом,
Липовый скоро сгниёт.
Нижняя доска пусть будет березовая,
А боковые — из яблони.
На правой стороне окошко прорубите.
Чтобы опереться, местечко сделайте.
Верхняя доска пусть будет сосновая,
А на ней крест нарисуйте,
Но все равно мне гроб не понравился,
Все равно он мне не по душе.
Не годится он для дома жилого,
Нет в нем светлых оконцев,
Нет в нем двери для выхода,
В зимнюю пору нет в нем тепла,
Для больного нет в нем постели.
Этот дом для вечной жизни предназначен,
Этот гроб в сырую землю будет опущен.
В обеденную пору его около маменьки ставьте,
Маменьку в этот гроб положите.

После этого дочь усопшей посылала за деревом для надгробного памятника двух сыновей и продолжала причитывать, будто они уже ходили в лес:

Ой, маменька-матушка,
Ой, маменька любимая!
Твои внуки ходили в лес
Искать для креста дерево,
Как подошли к лесу, хранительница леса
Вирява их спросила:
— Зачем вы сюда пришли?
Зачем вы в лес зашли?
Почему вы не вовремя ходите?
Что вы здесь ищете?
А они ей ответили,
Такие слова ей сказали:
— Скончалась наша маменька.

Тогда Вирява им сказала:
— Делянки для умерших-погибших
На западной стороне,
Идите, там высокое дерево подберите,
Идите, там дерево прямое срубите,
Которое без сучков,
Которое без задоринок.
Подобрали они дерево высокое,
Срубили они самое прямое.
Ой ты, дерево святое,
Посмотри-ка, для чего ты родилось,
Для чего ты выросло?
Не родилось ты
Для косяка окна светлого,
Не родилось ты для рамы окна светлого,
Не родилось ты для образа в углу,
Не родилось ты для стула.
Ты родилось для любимой матери
Сторожом охранять её тело.
Не печаль ты её душеньку,
Не огорчай ты её тело мёртвое,
Не тревожь её сердечко.

Когда мужчины уходят рыть могилу, дочь или сноха покойницы оплакивает ее так:

Ой, маменька-матушка,
Ой, маменька любимая,
Посмотри-ка, маменька, собрались
Около тебя родственники мужчины.
За столом они сидят,
Пойдут они рыть могилу.
Когда они выйдут из дома,
Я им так скажу:
— Братья большой родни,
Братья самые близкие,
Вы пойдите, поднимитесь
На самую большую гору.
Я дам вам наказ:
Около кладбища пройдите,
Обогните кладбище,
Для любимой матери хорошее место поищите,
Хорошее место найдите.
На восточной стороне холодно,
На полуденной стороне очень жарко,
На западной стороне очень темно.
На самой середине могилу выройте,
Чтоб рано утром восходящие

Солнечные лучи освещали могилку.
Такое место подберите,
Где много снега не бывает,
Сильный ветер не дует.
А в летнюю пору на этом месте
Травка растет до колен,
Цветы распускаются до пояса.
На таком месте могилу выройте.
Когда возите первую лопату,
«Царю небесному» пропойте,
Когда возите вторую лопату,
«Отче наш» молитву произнесите.
Когда третью лопату возите,
«Богородицу» пропойте.
Могилка пусть будет глубокая,
Пусть она будет широкая.
С четырьмя углами, хорошая.
Оконце светлое прорубите,
Местечко сделайте, чтобы опереться,
Чтобы оно было удобное,
Матери любимой понравилось.
Послушай-ка, маменька, послушай!
Послушай-ка, любимая, послушай!
Такую могилу тебе сделают,
Такую могилу тебе приготовят,
Что она тебе понравится,
Сердцу твоему будет угодна.

Далее дочь покойницы входит во двор поклониться юрхтаве
и, возвращаясь обратно, продолжает причитывать:

Выходила я к юрхтаве,
Поклониться юрхтаве.
И она была очень опечалена,
Она тоже очень горюет.
Сидит на серебряной скамейке,
Траурная одежда на ней,
Платком вытирает слезы свои.
Ой, она горько плачет,
Ой, она громко рыдает!
А я подошла к ней поближе,
Я подошла к ней и сказала:
— Почему ты так горько плачешь?
Почему ты так рыдаешь?
Она мне ответила:
— Как же я не буду плакать,
Как же я не стану рыдать?
Хозяйки дома у меня нет,

Хозяйка дома меня оставляет,
Некому будет по утрам во двор выходить,
Поздно вечером во двор приходит.
На углу двора стол стоит,
Около стола посыльный стоит,
Перед ним книга открытая,
В одной руке красный карандаш,
Новорожденных он записывает,
А черным карандашом он мёртвых вычёркивает.
Сегодня тебя он вычеркнул,
В книгу мёртвых он записал.

Через некоторое время дочь опять начинает оплакивать свою мать:

Ой, маменька-матушка,
Ой, маменька любимая моя,
Погоди, стану рядом с тобой,
И сяду к тебе поближе.
К солнышку красному обращусь,
Одну просьбу ему выскажу:
— Сегодняшний день пусть подольше не проходит,
Пусть он будет длиннее.
Маменька любимая нас оставляет,
От нас она уходит.
Солнышко заходящее, не спеша, не спеша
Ты пройди-ка по небу,
Не спеши ты укрыться,
Родная маменька не хочет уходить,
Из теплой избы выходить не желает.
Сегодня она уходит на место вечное,
В жизнь вековую.
Больше мы её не встретим,
Больше мы её не догоним.
Сегодня около неё боженька,
Сегодня около неё Спаситель,
К матери они пришли,
Стоят по обеим сторонам.
Два столба поставят.
А между этими столбами
Натянута серебряная цепочка,
На конце этой цепочки
Медная чашка подвешена.
Сегодня в честь родной матери
Эту чашку слезами горячими надо наполнить.
Когда она пойдет на небо к богу,
Если будет эта чашка наполнена,
За это бог простит её грехи.

За это простит её прегрешения.
Бог небесный скажет ей:
«При жизни на белом свете
Этот человек сделал много доброго,
Поэтому чаша её наполнена
Слезами горячими».
Если пойдешь, маменька, на тот свет,
Если выйдут покойники тебя встречать,
Спросят они: почему местечко твое мокрое,
Или ты плыла по морю,
Или под сильный дождь попадала,
Отчего так мокро твое место?
Ты им ответь так:
«Не плыла я по воде,
Не попадала я под сильный дождь,
Горячие слезы меня смочили,
Горячие слезы моё место смыли,
Поэтому моя постель полинялая,
Поэтому моя постель помятая».

Когда гроб внесут в избу, положат в него труп, дочь покойницы причитывает:

Ой, маменька-матушка,
Ой, маменька любимая!
Радуйся, маменька, радуйся,
Рядом с тобой поставили
Вековечный гроб.
В этот гроб, маменька,
Сейчас тебя положат,
В этот гроб, маменька,
Тебя спрячут навсегда.
Ой, душа твоя, маменька, куда уйдет?
Ой, душа твоя, маменька, куда пойдет?
Над твоим телом она плачет,
Над твоим телом, маменька, рыдает.
С гробом, маменька, тебя возьмут,
Из твоего дома вынесут,
По селу тебя понесут.
Понесут тебя, маменька, на бугор,
Там тебе вырыли вечный дом.
В землю чёрную твой гроб опустят,
Чёрной землёй засыпят, завалят.
Вечное знамя они поднимут,
Вечный памятник поставят.
Душа твоя с телом расстанется,
Душа из тела вылетит,
Скажет, куда я пойду?

Куда теперь я денусь?
На твоё знамя поднятое она взлетит,
На поставленный крест сядет.
Голос её боженька услышит,
Слова её всевышний поймет,
С неба прилетит, матушка,
С неба сойдет, маменька, он за твоей душой.
Твою душу он обнимет,
Твою душу, маменька, приберёт,
Ой, с собой он её возьмет.

Когда гроб несут по селу, дочь причитывает:

Ой, родные, мои милые,
Ой, родные, близкие,
Я вас попрошу:
В ногу все идите вы,
Не качайте, не тревожьте
Тело моей маменьки,
Не уроните, не разбейте
Гроб моей маменьки.
Ой, маменька, матушка,
Ой, маменька любимая,
Слышат или нет твои уши?
Мы тебя провожаем на твоё место вечное,
На место вечное, в дом твой вечный.
Оттуда писем не пошлешь,
Оттуда весточку не пришлешь.
Хозяйка села — матушка!
Не пугайся моего голоса плакучего,
Не пугайся моих слез горячих.
Не для того, чтобы напугать тебя,
Подняла я голос свой рыдающий.
Не о тебе я слёзы лью,
Так я маменьку любимую
Провожая на место вечное.
Провожая в вечный дом.

При приближении к могилам плачущая обращается к хозяйке кладбища:

Держательница всех могил,
Хозяйка кладбища, милая,
Хозяйка кладбища — матушка,
Покойники, мой род-племя,
Встречайте родную мать мою,
Примите матушку-кормилицу,
Не напугайте любимую маменьку,

Не обижайте свой род-племя,
Положите маменьку на место,
Возьмите к себе в жизнь вечную.

После похорон покойницу поминуют прямо на её могиле.
Едят пироги, блины, яйца, пьют брагу. По окончании дочь оплакивает мать в последний раз:

Ой, маменька, ой, маменька,
Теперь ты в сырой земле,
Теперь ты в чёрной земле,
Пришла к родне — покойникам,
Теперь ты нас не увидишь,
Больше нас не услышишь,
Своими глазами на нас не взглянешь,
Свое лицо нам не покажешь.
Ой, хозяйка земли чёрной,
Ой, держательница-хранительница сырой земли,
Маменьку тепло прими-ка,
Маменьку жить хорошенько устрой-ка,
Земные грехи прости ты ей,
Серебряным крестом перекрести.
Ой, маменька-матушка,
Ой, маменька любимая,
В последний раз ты услышишь мой голосок,
Слезами твою могилку смою,
Хрустальной водичкою полью.
На крест могильный твой
Белое полотенце повесила,
Утром проснёшься ты,
Этим полотенцем утри лицо,
Свою дочь ты вспомни,
Со своими родными поговори.
Ой, маменька-матушка,
Ой, маменька — белое молочко моё,
Ой, маменька — жёлтенькое маслице,
Живи хорошенько, живи здоровою.
Прощай, маменька,
Прощай, любимая моя, ой...
Мы пойдем, маменька, все домой,
Мы расходимся, милая, по домам.
Спи, маменька, спи.
Отдыхай, маменька, отдыхай.
Живи хорошенько, спи спокойно
В вековечном доме,
На вековечном своём месте!

Вай, аваняй-матушканяй!
 Вай, аваняй, тага мярьган,
 Мазы панчфонь лопаняй,
 Мес кулоть мазы пингованяйт?
 Мес эсь прячень, аваняй, ашить вана?
 Аваняй-золоткяй, мес шачфтомайть?
 Кие няйсы пара шизень,
 Кие няйсы беднай шизень?
 Аваняй-лопаняй, тундань васенце панчфкяй!
 Кадыть тязя заботанячень,
 Эряма шинди анокламанячень.
 Вай, аваняй, месендя мон тоньфтемот?
 Ков молян, мезе тиян,
 Кинди вал мярьган?
 Праздник ши сай — аяш наряжайнязе,
 Сярядема праян — аш варжайнязе.
 Варжак, ваксот «од кудняце»,
 Анок шувф ни калмоняце,
 Модати максф акша пряняце.
 Вай, мес шачфтомайть,
 Мес касфтомайть?
 Пряняце лядсь пяхксе иможда.
 Пильге лангста прамс работакшнеть —
 Перенячень урядакшнеть,
 Тялонди порембяль аноклакшнеть,
 А ваймоняце эздот туфоль.
 Вай, аваняй, тѣжяньксть мярьган:
 Мазы лопаняй, работайняй,
 Лама киге якайняй!

Ой, маменька-матушка!
 Ой, маменька, еще скажу,
 Ты мой цветочек полевой,
 Зачем ты скончалась смолоду,
 Почему ты, маменька, не поберегла себя?
 Маменька любимая, зачем ты меня родила?
 Кто увидит мою красоту,
 Кто заметит мою бедность?
 Маменька родная, весенний первый цветочек!
 Оставила на земле свою заботу,
 Для жизни все накопленное.
 Ой, маменька, что буду делать без тебя?
 Куда пойду, что делать стану,

Кому словечко вымолвлю?
 В праздничный день меня некому нарядить,
 Болеть буду — некому меня навестить.
 Посмотри, рядом «дом твой новенький»,
 Заранее могилка твоя вырыта,
 Земле предана будет твоя белая головушка.
 Ой, зачем ты меня родила,
 Зачем меня вырастила?
 Ты без устали всегда работала —
 За огородом своим ухаживала,
 На зиму продукты запасала,
 А теперь душа тебя уже покинула.
 Ой, маменька, тысячу раз скажу тебе:
 Ты красивый листок, работающая,
 Много дорог исходила.

Ой, тядяняй-аваняй,
 Кинди кадомасть?
 Кинди надяфтомасть?
 Тядяняй-аваняй,
 Месенттяма, мезе тийхтяма?
 Кинди тyani минь нежеттяма?
 Кие тyani минь ужяльдсамазь?
 Кие эсь лацот ванфтсамазь?
 Тядяняй-аваняй,
 Емляняста кадомасть,
 Оцю вири эрьготьфтемасть,
 Оцю моряс ваяфтомасть.
 Месенттяма, тядяняй, дуганняязень мархта?
 Локша недышканя сонь сереняц,
 Пяште товшка сонь ённяц.
 Анок аноклаф кшинядонга
 Оцю ломаньфтома аф андови,
 Ведняда аф симдеви. Ох... Ох...
 Ох, тядяняй-аваняй,
 Кадомасть равжа модать лангс,
 Сенем менельнять алу,
 Аш нежедема тараткяньке,
 Аш кирдема вастоняньке.
 Ох, тядяняй-аваняй,
 Пяк трудна сирота
 Серень касомась.
 Сиротать пяк оцю пеконяц,
 Кели лангоняц.
 Ярхцама кармат —

Пяк лама сиват,
Кармат ярхцама —
Аф содасак кода ярхцама;
Сетьмоняда амолят —
Мярьгихть вайнят кочкат,
Амолят тустоняда —
Мярьгихть палнят кочкай.
Аф содасак, кода кудса ашема;
Арат мргав — шорят пидиенди-паниенди.
Ой, тядяний-аваняй,
Сашенды кудста лисема сроконяце,
Калму сувамс времяяце.
Путтядызь, тядяний, равжа модать ланге,
Путтядызь кельме шуварняти.
Оду минь тонь аф няхтядызь,
Аф марясаськ тонь куляняцень,
Аф домань вельде,
Аф сёрма вельде,
Аф кульсаськ оду лямбе валнятнень.
Ой, тядяний-аваняй,
Белай свету нолдамасть,
Трямасть-щамась,
Котнайня лаца нарвамасть,
Белай свету лихтемась.
Ашеть кенере минь толгаяфтомс,
Толгаяфтомс, почкияфтомс,
Тевняс, киняс водямс, ладямс,
Тядяний-аваняй,
Пяле киняс минь кадомась,
Пяле кинятиге ашемась пачфте.
Ох, тядяний-аваняй,
Аваняй — сиротака кадыняй!
Паижитяка остаткада сельмонятнень,
Ватта-варжакстта лангозонк.
Вай, омбоце шинясь вельхксот нюрктяма,
Тундань кукуня лаца кольктяма,
Видна, тядяний, тейть тяни
Аф ужальхтяма, аф зряфтама;
Ашить аза тейнек пара валняцень,
Ашить яфде, тядяний, тейнек кядняцень.
Тядяний-аваняй — сиротань кадыняй!
Прась тонь вярде тяштеныце,
Лазовсь алдот масторняце,
Равжа моданясь тонь вельхтятанза,
Тялонь буранясь тонь вельхтятанза,
Кизонда, тядяний,
Зелёнай луганясь тонь ацатанза.
Ватта, тядяний, —

Вакссот тонь кудняце,
Вальмафтома сон валдоня,
Апак уштт сон лямбоня.
Тядякай-авакай, ох-ай...
Щафат-каряфат од паляняса,
Аф калады сон тяни,
Аф калады тонь обувняце.
Аф ризнай тяни, тядяй,
Кинь инксонга сединяце.
Топоцьта тонь пеконяце,
Щаф-каряф лангоняце.
Ох, а минь тяни месенттяма?
Кинди минь нежеттяма?
Сай курок, тядяний, кизонясь,
Сай, тядяний, лямбонясь,
Сембе ялганьке улихть шафт-каряфт,
Тядянасна щасазь-карясазь,
Пара мяльняса школав прважасазь.
А минь тяни кинди ужальхтяма,
Кинди минь тяни зряфтама?
Народонди минь тяни судьбанятама,
Лама народонди минь корхтафтома васттама.
Ванат, тядяний, лиясь
Тядяня мархта тевня аф тиеви,
Аф тевня тонь лацот смекави,
А сонь тонь лацот аш содайняц,
Аш лацот корхтафтыняц.
Тядяний-аваняй,
Кенже пряняса шуволине мода марняцень,
Сурбриянса таргалине теланяцень,
Коса ули баснять лаца живолгофты ведня,
Тядяй, тейть сатолине,
Акша ловнять тянкас уезне уелине,
Равжа моданяць молезне молелине.
Кандолень ведня,
Ся ведняць мархта мон валолихтень,
Кельме калмонястот мон тонь стяфтолихтень,
Кядь кучканясон, тядяй,
Мон тонь куду кандолихтень.
Ох, тядяний-аваняй, матушкой,
Васендакиге горяня кандсь тейнек алянке:
Ли нармония лаца эздонк лийкетась,
Глухой странати, аф эсь велети,
Ашеськ няе сонь куломанц,
Ашеськ няе сонь калмаманц,
Ашеськ няе сонь шотоняц.
А тяни тонга, тядяй, кадсамась,
Вай, юкстасамась и аф нийсамась.

Ой, маменька родная,
 На кого ты нас оставила?
 Кому ты поручила?
 Маменька родная,
 Как будем жить,
 Что станем делать?
 Кому нужны мы теперь?
 Кто теперь нас пожалеет?
 Кто, как ты, нас сохранит?
 Маменька родная,
 Детьми ты нас оставила,
 Как в дремучем лесу заплутаемся,
 Как в глубоком море утонем мы.
 Мы ведь уже большие.
 А что нам делать с младшим братом?
 С кнутовище ростом он.
 С ореховое ядро ум его.
 Даже добытым куском
 Без взрослого человека не накормить его,
 Водичей не напоить его... ох... ох...
 Маменька родная,
 Нас оставила ты на чёрной земле,
 Под голубым небом,
 Нам некуда прислониться,
 Негде приютиться.
 Ой, маменька родная,
 Сиротами быть — в горе жить,
 Трудно подняться на ноги.
 У сироты живот большой,
 Много надо одежды ему.
 Есть станет —
 Очень много съест.
 Не знаешь и как поесть:
 Жиденький суп начнешь черпать,
 Скажут — жиры ловит,
 Густоту начнешь есть —
 Значит, мясо ловишь.
 Не знаешь, где твоё место в доме:
 Станешь около печки —
 Мешаешь стряпухе.
 Ой, маменька родная,
 Приходит срок тебе из дома уходить,
 В сырую могилку идти.
 Положат, маменька, тебя на чёрную землю,
 Зароют тебя в холодный песок.
 Больше тебя мы не увидим,

Не услышим твоего голоса,
 Не дойдет от тебя весточка
 Ни через людей,
 Ни через письма твои,
 Не услышим больше твоих теплых слов.
 Ой, маменька родная,
 На белый свет ты нас родила,
 Накормила и одела-обула,
 Как клушечка, нас проводила,
 На белый свет нас вывела.
 Не успела меня ты оперить,
 Оперить и крылья дать,
 На путь-дорогу вывести.
 Маменька родная,
 На полпути ты нас оставила,
 К месту в жизни не довела.
 Ой, маменька родная,
 Сиротой ты меня оставила!
 Открой-ка в последний раз глаза свои,
 Посмотри-ка ты на нас.
 Ой, второй день мы тебя оплакиваем,
 Над тобой горючие слезы льём.
 Или, маменька, нас не жалко тебе,
 Или тебе не до нас:
 Не вымолвила ни словечка ты,
 Не махнула ты нам своею рученькой.
 Ой, маменька родная,
 Сирот ты оставила!
 Скатилась с неба звезда твоя,
 Расколосась под тобой земля,
 Могильный холм тебя укроет,
 Зимний буран тебя убаюкает,
 Летом, маменька, на могиле твоей
 Зеленая травка вырастет.
 Взгляни-ка, маменька,—
 Около тебя домик твой,
 И без окошек светлый он,
 Нетопленный теплый он.
 Маменька, родная, ох-ой...
 Одета-принаряжена ты в платье новое,
 Оно теперь не износится,
 Не износится и обувь твоя.
 Не печалишься теперь, маменька,
 Ты ни о ком,
 Теперь ты сыта и одета.
 Ох, а что делать станем мы, к кому пойдём?
 Скоро, маменька, наступит лето,
 Будет, маменька, тепло,

Все наши сверстники выйдут одеты-обуты,
Маменьки их принарядят и приголубят,
В школу весело их проводят.
А нас теперь кто пожалеет,
Кому теперь мы нужны?
Для людей мы станем посторонними,
Всякое о нас будут толковать.
Посмотришь, маменька, другой
И с матерью с делом не управится,
И ничего сам не сообразит,
А на него никто пальцем не покажет,
Его никто и не осудит, как нас.
Маменька родная,
Ногтями бы изрыла твою могилку,
Пальчиками бы вытащила тебя оттуда.
Как в сказке говорится,
Была бы на свете живая вода,
Я бы достала ее для тебя,
Сквозь белые снега я бы прошла,
Всю землю бы пешком обошла.
Принесла бы я для тебя живую водицу,
Ею твоё тело облила бы,
Из сырой могилы я тебя бы подняла,
На руках своих, маменька,
Домой бы тебя принесла.
Ой, маменька родненькая,
Первое горе нам принес отец родной:
Как птичка быстрокрылая, от нас улетел он
В чужую сторонку, далеко,
Не видели, как он умер там,
Не видели, как хоронили его там,
Не видели его ни разу мы.
А теперь и ты, маменька, оставляешь нас,
Ой, позабудешь и не увидишь нас.

8

Вай, тядяний-аваняй,
Тядяний — акша лофционяй,
Аваняй — тюжя вайняй!
Вай, кинди кадомайть?
Кинди надияфтомайть?
Емляняста кельксемайть,
Кядь пенясот каннемайть,
Сур пенясот аннемайть.
Тядяй-аваняй,
Кода эрян, кода ашан,

Кода веке ётафтан?
Коста нийса шама ликомяцень?
Коста нийса мазы якафмяцень,
Мазы эчке ронгоняцень?
Кудста машты сери сереняце,
Кудста машты горняй пайге вайгяльняце.
Коза тяфта наряжать-урядать?
Мярьголень, оцю праздникста обедняв,—
Аф ся всякайхнень лангозт шайть,
Туть менельге-менельге,
Менель-менель ёткова.
Светть эса улеза ваймоце,
Райть эса улеза вастце.
Тяса ащи акша келу ронгоняце,
Эсонза аяш пиже ёжу ваймоняце.
Ожу озан види бокомят,
Корхтан валнят види пиленяст.
Хоть и корхтан, хоть пшкядян,—
Аф отвечат ни монь каршезон.

8

Ой, маменька-матушка,
Маменька — белое молочко мое,
Матушка — желтое мое маслице!
Ой, на кого оставила меня?
Кому ты поручила меня?
Маленькой меня ласкала,
На ручках меня носила,
С кончика пальца кормила.
Маменька родная,
Как мне жить-поживать,
Как свой век проведу?
Где теперь увижу твоё личико?
Где увижу твою милую походку,
Твой стройный стан?
В избе не пройдешься походкой величавой,
Не услышать мне твой голос звонкий.
Куда так собралась-принарядилась?
Если на большой праздник, на обедню,—
Но не те наряды ты надела.
Улетела ты по небу чистому,
Между небом и звездами.
На том свете теперь твоя душа,
В раю пусть будет твое место.
А здесь лежит твой труп — березонька,
В нем уж нет твоей души доброй.

Дай, присяду к тебе с правой стороны,
Буду говорить в правое ухо.
Хоть и говорю, хоть и зову,—
Ты ответа уж не вымолвишь.

9

Вай, тядякай-шкайнязе,
Мярьган — авакай-трайнязе!
Ошо горянь кирдинязе,
Лама нужань няинязе,
Лама мялень ваньянзе.
Тядякай-шкайнязе,
Тюжя вайнязе,
Акша лофционязе,
Очижинь алиязе,
Ляпе кядь кучканязе.
Тядякай-шкайнязе,
Лама терпениянь кирдинязе.
Ашеть няе тон фкявок цебарня.
Тядянязе-матанязе,
Ошо канфонь кандынязе.
Лама тевонь тиинязе.
Тядянязе-шкайнязе,
Касфтоть эздонк ниленя,
Эздонк кивок ашезь няе цебарня,
Ашеть куле фкявок пара валня,
Тонць ванондыть сембонь мяльснон,
Кирнекшинить сембонь
Горяснон-терпенияснон.
Вай, минь эздонк ашель ужьяльдиняце,
Вай минь эздонк ашель лездыняце,
Сизьгемонь кизос ашеть лотксе
Стака канфонь каннемда,
Стака терпениянь кирдемда,
Куломозт сатсть тонь горянятне.
А тyani полафтсь эряфоньке,
А тон туть минь эздонк.
Кда стялеть, тядяняй,
Кда варжакстолець перьфяли,
Шуфтонь сокать васте
Паксяса тракторхт сокайхть,
Увфсна-калдорфсна, вай, срады.
Миньге переньконь соказы трактора.
Вай, тyani эряфкясь цебарня.
Вай, тyani, тядяй, эряфкясь валдоня.
Ули кшиньке-таньфкяньке,

Вай, ули тyani минцень траксяньке.
Ой, тядякай-шкайнязе,
Мярьган, алякай-трайнязе,
Шяьта, марясак-кульсак вайгяльнязень,
Шяьта, няйсак олаф шаманязень,
Макста вайгяльня, аста фкя валня.
Ой, тядяняй-матаняй, кельгомняй.
Тyani ёфси тон аф няйсамак,
Оду афи кульсамак, ох, ох-ох...

9

Ой, маменька моя, боженька,
Матушка моя, кормилица!
Много горя перенесла ты,
Много нужды повидала.
Меня всегда ты лелеяла,
Маменька, моя боженька,
Жёлтенькое моё масличко,
Беленькое моё молочко,
Пасхальное моё яичко,
Нежненькая моя рученька.
Маменька, боженька,
Много невзгод ты перетерпела,
Не видала ты в жизни хорошего.
Маменька милая,
Тяжкие ноши ты носила,
Много дел ты сделала.
Маменька милая моя, боженька,
Четверых нас вырастила,
Ничего от нас не видала хорошего,
Не слыхала ты слова душевного,
Сама ты всех лелеяла,
Терпела ты всё сама —
И наше горюшко и наши печали.
Ой, из нас не было тебя жалеющих,
Ой, из нас не было тебе помогающих.
До семидесяти лет ты
Таскала ноши тяжкие,
Все невзгоды терпела,
До самой смерти горе тебя не покинуло,
А теперь жизнь изменилась,
А ты от нас ушла.
Если бы встала, маменька,
Если бы взглянула вокруг,
То увидела бы ты:
Вместо деревянной сохи

На полях пашут тракторы,
Гул и рокот моторов вокруг слышен,
И наш огород вспахали трактором.
Ой, теперь жизнь наша хороша,
Ой, теперь, маменька, жизнь светла.
Хлеба у нас теперь достаточно,
Есть у нас своя коровушка.
Ой, маменька милая,
Душенька-кормилица,
Возможно, ты слышишь мой голосок,
Подай свой голосок, вымолви словечко.
Ой, маменька милая, самая любимая,
Теперь ты меня совсем не увидишь,
Больше не услышишь, ох, ох-ох...

10

Тядянязе-аванязе,
Эзембрыса акша келу роигоняце,
Эсонза аяш ваймоняце.
Тядянязе-аванязе,
Тоду лангса пряняце,
Кургсот аф корхтай кяльняце.
Тядянязе-аванязе,
Акша лофцонязе,
Тюжя вайнязе.
Тядянязе-аванязе,
Кочкярява палянязе,
Сур пенява ожанязе.
Тядянязе-аванязе,
Танцти сускомнязе,
Иретьфти пойланязе.
Тядянязе-аванязе,
Кда саян атянь куду,
Кие тоть лацот васьфтинязе?
Кие тоть лацот ильхтьсамань?
Кие тоть лацот прважасамань?
Тядяняй-аваняй,
Аннеть вача пеконязень,
Петнеть керф сединязень.
Тядяняй-аваняй,
Кие тьяни журсесамань?
Кие тьяни лацот корхнесамань?
Тядяняй-аваняй,
Кинди панжан тьяни
Сёксень шопода потмонязень?

Кинди паярдян тьяни
Тундань раса сельмоведнень?
Тядяняй-аваняй,
Кизонь лямбе шинязе,
Тялонь валда ковнязе,
Монь шапама кшинязе.
Тядяняй-аваняй,
Тьяни оду аф панжан моркшкяцень,
Аф саян кшиняцень.
Тядяняй-аваняй,
Тьяни аф петян
Талакотф эсь сединязень,
Кода тон петнить мяльнязень.
Тядяняй-аваняй,
Кода латцень эряфкязень,
Корхнесамак-журсесамак.
Тядяняй-аваняй,
Мзярда корхнеть-журсеть,
Эста радостна сединязон.
Тядяняй-аваняй,
Тоть валнятне сембе ульсть эхянь
Очижнень мазы алнятне.
Тядяняй-аваняй,
Кода очижиста иттне
Радовайхть мазы алняти,
Стане мон радовандань
Тундань пара валняти.
Тядяняй-аваняй,
Цебярь ённыс тонафнемать.
Тядяняй-аваняй,
Кда саян тейть,
Колай журсесамак, тарксесамак.
Тядяняй-аваняй,
Пара валнясот сединязень петнесак,
Пара валнясот эряфкязень латцесак.
Тядяняй-аваняй,
Тьяни кие журсесамань,
Тьяни кие корхнесамань,
Кие эряфозень петнесы?
Тядяняй-аваняй,
Кие вача пеконязень аннесы?
Кие тьяни керф сединязень петнесы?
Тядяняй-аваняй,
Эряфозе пяк ни осалоль,
Мон тейть танцти сускомня изень канне,
Керф сединяцень изень петне.
Тядяняй-аваняй,
Мзярда сярядеть-марядеть,

Постель мягкую тебе
Я не стелила,
Под голову подушку мягкую
Я не клала.
Маменька-матушка,
Зачем ты умерла, нас оставила,
В землю черную от нас ушла?
Маменька-матушка,
Как теперь без тебя
Жить да поживать,
Как свою жизнь мне
Без тебя налаживать?

11

Тядяний-аваняй, кинди кадомайть,
Кинди кадомайть тон сиротаняста?
Тядяний-аваняй, коза срхкать?
Коза срхкать, коза наряжать?
Тядяний, тядяний-аваняй!
Эзем пряса пондоняце,
Эсонза аяш ваймоняце.
Лангозт щать аф калады панариятнень,
Пильгозт карьсеть аф калады кариятнень,
Перьфкат кочкать радиятнень-пьяматнень.
Праздникфтома праздник тиеть.
Кадомасть кафоненк сиротаняста.
Сиротать оцю пекоц,
Сиротать оцю лангоц.
Ярхцама кармай — лама сиви,
Симома кармай — лама сини,
Коза озай, оцю васта заняй.
Месенттяма минь тyani, кода тийхтяма?
Коза ладясаьк вастоняньконь?
Вай, тядяний-аваняй,
Ляш плять вастонь ацайняньке,
Аяш, тядяний, цебарияста матыняньке,
Шобдава аяш цебарияста стяфтыняньке.
Вай, месенттяма тyani тоньфтемот?
Вай, тядяний-аваняй,
Сиротанякс пяк труднания
Белай светса эряманясь.
Од бабанязе пяк кяжиня.
Шяьта, карматама кудта кудс якама,—
Стака ортань панчсема,
Кяжи пинень увафтома.
Вай, тядяний-аваняй!

Коське кшинянь кандыняй,
Вача пеконь андыняй.

11

Маменька-матушка, на кого оставила,
На кого оставила ты меня, сиротинушку?
Маменька-матушка, куда ты собралась?
Куда так принарядилась?
Маменька, маменька-матушка!
На скамейке твое тело лежит,
В нем уж нет твоей душеньки.
На себя ты надела платье новое,
Оно никогда не износится,
На ноги ты обула лапти вечные,
Около себя собрала всех родных,
Без праздника праздник устроила.
Оставила нас двоих сиротинушками.
У сиротки жадность большая,
Есть станет — много съест,
Пить будет — много выпьет,
Куда сядет — много места займет.
Что мы станем делать,
Как устроим свою жизнь?
Ой, маменька-матушка,
Некому нам вечером постелить постель,
Нет у нас того, кто бы уложил нас жалеючи,
Утром некому по-доброму нас разбудить.
Ой, маменька-матушка!
Ой, что станем делать без тебя?
Сиротой жить нелегко
На белом свете средь людей.
Новая матушка будет очень сердитая.
Возможно, придется нам ходить
Из одного дома в другой,
Тяжелые ворота открывать,
Злых собак там встречать.
Ой, маменька-душенька,
Черствый хлеб ты нам приносила,
Голодных нас накармливала.

12

Тядянязе-матушканяй,
Спасиба сяс, мес шачфтомайть,
Спасиба, мес касфтомайть,

Спасиба цебярь платьянзят,
Спасиба цебярь сускомнзят.
Тядянязе-шкайнязят,
Тон улеть аралайнязе,
Ой, тядякай-шкайнязе,
Тяни мезе тиян тоньфтемот?
Туть, аваняй, кадомайт,
Кинди надияфтомайт?
Тядянязе-шкайнязе,
Тяни туть тон мать-сырой земляти,
Тоса ули пяк труднаня,
Вай, пяк стаканя.
Аф кядняце шарфтови,
Аф пильгоняце шятави.
Кати тоса теснаня,
Кати тоса шобданя,
Кати вачедня, кати якшамня.
Аф телеграммаса вешеват,
Аф тон сёрмаса, вай, муват.

12

Маменька, моя матушка,
Спасибо, что ты меня родила,
Спасибо, что вырастила,
Спасибо за твое красивое платьице,
Спасибо за твой лакомый кусочек.
Маменька, моя боженька,
Ты всегда была моей защитницей.
Ой, маменька, моя боженька,
Что теперь стану делать без тебя?
Ушла, оставила меня, маменька,
Кому ты поручила меня?
Маменька, моя, боженька,
Теперь ты ушла в землю сырую,
Там тебе будет очень трудно-тяжко,
Ой, очень трудненько.
Ручкой своей там не пошевелинешь,
Ножку свою там не сдвинешь.
Там тебе будет тесно жить,
Там теперь будет темно,
Там будет холодно и голодно.
Ни телеграммой тебя не сыскать,
Ни письмом, ой, тебя не найти.

Ватта явсия тядянязень-аванязень.
Тядянязе — акша лофционязе,
Тядянязе — тюжя вайнязе.
Тядянязе — курок якай пильгонязе,
Тядянязе — лама тевонь тинязе,
Тядянязе — сур пряняса ямняда аннинязе,
Тядянязе — илять матынязе,
Тядянязе — шобдава стяфтынязе,
Тядянязе — тевняс-киняс кошардынязе,
Тядянязе-кормилецкязе,
Кода юкстан парочень,
Кинди азондан горянязень-печальнязень,
Кинди азондан потма валнянень?
Тядянязе — анцем сускомнязе, трийнязе,
Лама масторонь шарынязе,
Лама кенкшень панжинязе,
Лама пинень увафтынязе,
Лама якшамонь плхтайнязе,
Тядянязе — лама нужань няинязе,
Тядянязе-аванязе,
Лама побойнь кирдинязе,
Лама нужань няинязе.

13

Ой, оплакиваю я свою мать-матушку,
Маменька — белое мое молочко,
Маменька — мое желтенькое маслице,
Маменька — моя быстроногая,
Маменька — много дел делавшая,
Маменька — с кончика пальцев меня кормившая,
Маменька — вечером меня укладывавшая,
Маменька — утром меня будившая,
Маменька — дела делать меня заставлявшая.
Маменька — кормилица,
Как забыть нам твою доброту,
Кому расскажу свое горюшко, свою печаль?
Кому свои сокровенные слова выскажу?
Маменька — выпрошенным куском кормившая,
По белу свету много ходившая,
Многих собак лаять заставлявшая,
Много дверей открывавшая,
Много холода переносившая.
Маменька — много нужды терпевшая,
Маменька — моя милая,

Много побоев терпевшая,
Много горя повывавшая.

14

Аваняй-шкайняй,
Белай светонь цебарняй!
Аваняй-шкайняй,
Таншти сускомняй,
Кольф седнень петиняй,
Шкайняй-трянняй — кочкярыва паляняй,
Сурбряняса андыняй!
Аваняй-шкайняй — акша лофционяй, тюжя вайняй,
Аваняй — ки прянся учиняй,
Пяле кизон прважайняй,
Аваняй — паваз канфкяй.
Аваняй-шкайняй!
Эзембрыса пондоняце,
Эсонза аш ни ваймоняце;
Тоду лангса оцю, ёшо пряняце,
Кемоста коньфт сельмонятне,
Вакссот ащи «од кудняце»,
Эсонза аш эземняце.
Ваномс аяш вальмяняце,
Эжемс аяш ведняце.
Тяни туят, аваняй, равжа-начка модати,
Тоньфтемот аяш ки прянсясон учиняце,
Аш пяле кис прважайняце,
Кургстон маштсь таншти сускомняце,
Юмафтыне монцень сединяцень.
Кода, аваняй, тоньфтемот эряма,
Кода векозе ётафтома?
Аш мархтон думандайна,
Кда радостезе — аш вакссон кенярдиняце,
Кда ризфозе — аш вакссон ризнай ялганяце.
Аваняце, роднойняце, мес тон монь кадомайть...

14

Маменька-боженька,
Сердцу самая милая!
Маменька-боженька,
Лакомый кусочек,
В тоске-печали утешала ты меня,
Голубка, меня одевала и кормила,
Навеки любимая маменька!
Маменька-голубушка, беленькое молочко,

Желтенькое маслице.
Маменька, на дороге меня встречавшая, ожидавшая,
За меня всегда беспокоилась,
Маменька, родимая, счастье ты мне приносила,
Маменька — богу подобная!
Тебя мы положили на скамью под иконами,
Лежишь ты бездыханная,
На пуховой подушке лежит твоя умная головушка,
Очи твои больше не открываются.
А рядом стоит твой «новый дом»,
Там нет для тебя скамеечки,
Нет и там окошечка,
Нет там и водички, чтоб напиться тебе.
Уходишь ты, маменька, от нас в землю сырую-черную,
Без тебя меня никто не будет встречать на дороженьке,
Никто не будет провожать до полдороги,
Выпал у меня изо рта лакомый кусочек,
Потеряла я свое сердечко.
Как без тебя, маменька, жить стану я,
Как мне провести век свой несчастный-обездоленный?
Некому теперь меня наставлять уму-разуму.
Бог помилует, будет радость у меня,
Но не будет рядышком со мной счастливого,
А невзгоды встретятся — не будет у меня советчицы.
Маменька родименькая, зачем ты меня оставила...

15

Вай, маманяце-матаняце,
Акша лофционяце, тюжя вайняце, ой!
Ой, шкайняце-маманяце,
Илядень валда ковняце,
Пяштень таншти товняце,
Сединь пети вастоняце,
Ляпе вастонь ацайняце.
Вай, маманяце-матаняце,
Луга лангонь панчфкяце,
Медьярувонь таньфкяце,
Каменной стенайяце,
Ару родник ведняце.
Ой, маманяй-матаняй,
Вачкодсь вишке буряня,
Кочкась шобда туцяня,
Кфчядсь валда ёндолня,
Вачкодсь толонь пиземня,
Кудозонк кандсь горяня.
Ой, мамакай, мамаканяй,

Кинди кадомасть?
Ой, мамакай, мамаканяй,
Кинди надияфтомасть?
Кинди тяни пристадатама,
Кинди паичсаськ шобда потмоаньяньконь, ой!
Мамакай, мамаканяй,
Золотань замоконай,
Труднай тевета лихтиняй,
Цебярь ёнияс путыняй,
Цебярь киняс вятиняй.
Маманязе-шкайнязе,
Акша щамонь шайнязе,
Ляпе щамонь муськинязе,
Стака сталмонь ускинязе,
Ень-прывийс путынязе.
Ой, шкайнязе-мамакай,
Паижить тон сельмонятнень,
Варжакстака минь лапгозонк,
Сембе раднятне пуромсть,
Учихть мекольдень валняцень.
Мес аф корхтат, мес аф пшкядят?
Мес аф азат лямбе валнят?
Коza кадсайт иднятнень,
Тяни кинди минь пшкяттяма,
Коza минь мольхтяма?
Кона стенати минь нежеттяма?
Мес аф азат фкявок валня, маманяй?
Ой, мамакай-матаняй,
Тяни сембонди шоряйкс ульхтяма,
Кинь горяц — уркстасамазь,
Кинь мялец — обижасамазь.
Сембонди минь кулефтяма,
Сембонди минь няефтяма.
Аш тяни минь маманяньке,
Аш тяни минь инксонк ациняньке,
Аш тяни минь васьфтиняньке,
Аш тяни минь прважайняньке,
Аш тяни ляпе валонь азыняньке, ой...

15

Ой, маменька моя, милая,
Белое молочко мое, желтое маслице, ой!
Ой, боженька, мамочка,
Вечерняя луна моя,
Сладенькая ягодка,
Души моей утешенье,
Мягкую постель мне стелившая.

Ой, маменька любимая,
Нежный цветок луговой,
Свежий аромат полевой,
Каменная стена моя,
Родниковая водица ты.
Ой, маменька-матушка,
Поднялась буря сердитая,
Набрала тучку черную,
Блеснула молния светлая,
Полил дождичок огненный,
К нам в избу печаль занес.
Ой, маменька, маменька,
Кому ты нас оставила?
Ой, маменька, маменька,
Кому поручила нас?
К кому теперь мы пойдем,
Откроем свое горе черное, ой!
Маменька-матушка,
Золотой замочек мой,
От многих бед освобождавшая меня,
На правильный путь ты вывела меня.
Маменька-боженька,
В белое платье меня одевавшая,
Мягкое белье мне стиравшая,
От всех невзгод защищавшая,
На путь жизни провожавшая.
Ой, боженька моя, маменька,
Открой-ка ты свои глазки,
Посмотри-ка ты на нас,
Собралась вся твоя родня,
Ждут от тебя словечко последнее.
Что ты им слова не вымолвишь?
Что ты не подаешь свой голосок?
Кому оставляешь детишек?
Теперь кому мы словечко вымолвим,
К кому нам теперь идти?
К которой стене мы прислонимся?
Почему молчишь, маменька?
Теперь мы всем будем лишними:
То чье-нибудь горе нас одернет,
То чье мнение нас обидит.
Все теперь нас будут слышать,
Все теперь нас будут видеть.
Нет у нас теперь маменьки,
Нет у нас теперь защитницы,
Некому теперь нас встречать,
Некому нас теперь провожать,
Не услышать слово ласковое, ой...

Ох-ой, тядяняй,
 Ох-ой, аваняй,
 Мес пяк сюдофкаста шачфтомайть?
 Шачемстон ашель
 Эшелямс ведняце
 И ашель перьфкан
 Ашкодомс нулаце.
 Сельмоведнясот эшелямайть,
 Седи ризфкасот ашкодомайть
 И век сюдофкакс нолдамайть.
 Ков наряжайть акша келу ронгоняцень?
 Ков карьсить виде штатол пильгонятнень?
 Тоду лагса аши мазы марень прияце,
 Ков кеподить лии нармонь пацянятнень?
 Аф мекольде костовок саттядязь,
 Аф каршезонк костовок васьфттядязь.
 Аф онцтонк минь няхтядязь.
 Аш пиземда лапаскяньке,
 Аш вармада эшкскяньке.
 Вай, масторнясь пярсь алдонк,
 Вай, менельнясь каладсь лагозонк.

Ох, ой, маменька,
 Ох-ой, маменька,
 Ох-ой, родная,
 Зачем такую несчастною меня ты родила?
 Когда я родилась,
 Не было водички искупать меня,
 И не было у тебя пелёнок,
 Чтобы обернуть меня.
 Своими слезами ты меня искупала,
 Сердечной печалью обернула меня,
 И навеки сделала меня несчастною.
 Куда, как березонька, ты принарядилась?
 Куда обула так свои ноженьки-свечки?
 На подушке лежит твоя умная головушка.
 Птицею летящею куда ты подняла свои крылышки?
 Нигде больше мы тебя не догоним,
 Нигде больше мы тебя не встретим,
 Ни во сне тебя не увидим.
 От дождя у нас нет укрытия,
 Нет от ветра места тихого.
 Ой, не держит нас земля-матушка,
 Ой, на нас небо обрушилось.

Тядяняй-аваняй,
 Акша лофционяй,
 Тюжя вайнязят. Вай!
 Вейхкса кофт кандомайть
 Шобда вастса — тёмной вастса. Вай!
 Тядяняй-аваняй, шачфтомайть,
 Белай светти нолдамайть. Вай!
 Шачемда меле ведняса эшелямайть,
 Акша нуланяса ашкодомайть.
 Вай, тядяняй-аваняй,
 Кядь кучкасот ваннекшнемайть,
 Повширенясот каннекшнемайть.
 Вай, тядяняй-аваняй!
 Тядяняй-аваняй, кочкярыва паляняй,
 Сур пенява ожаняй. Вай!
 Очижинь мазы алязят,
 Тройцянь танцти цюкорнязят.
 Вай, тядяняй-аваняй!
 Тядяняй-аваняй, пара разумс тонафтыняй,
 Цебярь наукань максыняй. Вай!
 Цебярнястон-шинястон
 Эстедон пяк кеярделеть,
 Кальдявнястон-шинястон
 Эстедон пяк эводелеть.
 Вай, тядяняй-аваняй!
 Тядяняй-аваняй, золотань шиняй,
 Праздник шиня тон монь
 Куцема лагса учелемайть.
 Аф кенеряи сувамс-тиемс,
 Эзкок андсамак-симдсамак,
 Перьфкан шарондат,
 Седнязень петнесак-бассесак,
 Кеярдезне лакафтсак.
 Вай, тядяняй-аваняй,
 Тядяняй-аваняй, панжи лаймокскай,
 Корхнемста-тиемста
 Панчса шобда потмозень,
 Азондсайне-тисайне мон
 Сембе потма валяняень. Вай!
 Тядянь-авань лямбе седнясь
 Вай, костовок аф муви,
 Тядянь-авань лямбе валяньс,
 Вай, костовок аф кулеви,
 Тядянь-авань оцю ённьс,
 Вай, костовок аф сявови.
 Вай, тядяняй-аваняй,

Тядяняй-аваяняй, мазы роза панчфкяй,
Мазы роза лопаяняй,
Лямбе сединь токайнай,
Олаф сединь петинай,
Пяле кити прважамайть,
Пяле кити кадомайть.
Ох, ох, ох, ох...

17

Маменька-матушка,
Белое молочко мое,
Желтенькое маслице. Ой!
Девять месяцев носила меня
В своей утробе темной. Ой!
Маменька-матушка, родила меня,
На белый свет пустила. Ой!
После родов в водичке искупала меня,
Белой пеленкой обернула.
Ой, матушка-маменька,
На руках меня нячила,
На груди носила меня.
Ой, маменька-матушка, мое драгоценное платьице,
Сердцу самая близкая. Ой!
Мое пасхальное яичко,
На троицу лакомый кусочек мой.
Ой, маменька-матушка!
Маменька-матушка на ум-разум меня наставила,
На доброе дело выучила. Ой!
Моей красоте и душе доброй
Больше ты была рада всегда,
В несчастье моем горьком
Больше меня ты печалилась.
Ой, маменька-матушка!
Маменька-матушка, золотое мое солнышко,
На праздник меня
На ступеньках крыльца ожидала.
Не успею зайти к тебе,
Тут же накормишь-напоишь меня,
Около меня ходишь,
Мое сердечко успокаиваешь,
Ласковыми словами угождаешь мне.
Ой, маменька-матушка!
Маменька-матушка, цветущая моя черемуха,
Когда я с тобой разговаривала,
Открывала тебе свои душевные помыслы,
Ничего от тебя не утаивала. Ой!

Сердце теплое материнское,
Ой, никогда уж не найти,
Слово ласковое материнское,
Ой, никогда уж не услышать,
Светлый разум материнский,
Ой, никогда уж не найти.
Ой, маменька-матушка!
Маменька-матушка, нежный розовый цветочек,
Маковый красивый листочек,
Мою светлую душу согревала ты,
Горем наполненное сердце успокаивала,
До полпути ты меня проводила,
На полпути меня оставила.
Ох, ох, ох, ох...

18

Вай, шкайназе-тядянязе,
Белай светть лангса эряме,
Фкявок цебярь ашеме няе,
Галошкя минь эрсеме,
Сядонголе штада яксеме.
Ой, тядякай-шкайназе,
Кда тyani стялеть,
Перьфке якалеть,
Кода минь эятама,
Кода минь якатама.
Ой, тядяняй-матушкой,
Тyani калаяда ярхатама,
Ой, тядяняй-шкайназе,
Сембе вастоняньке минь злихть.
Ой, Сембе, тядякай-авакай, довольнайхтяма,
Пяк минь, тядякай-шкайназят,
Касоськ сереньконь.
Кда, тядяняй, тyani стялеть,
Танцти позаняда симделихтень,
Танцти сускомняда мон тонь, шкайназят, андолихтень.
А эста, тядякай-шкайнай,
Пяк трудняняль времась,
Ой, тядяняй-матушкой,
Пяк тяжёлайняль эрямась.
А тyani тейнек пяк гожня
Да пяк легченя.
Ой, спасиба партияти,
Ой, спасиба, старандай никсонк.
Ой, спасиба сембе руководителхненди,
Ой, да спасиба кие тракторхнень эса сокай паксяса.

Эх, да спасибо, конат нюдихнень ётка
Ваныхть эсонк границаса,
Ой, спасибо сембонди!

18

Ой, ты боженька, моя маменька,
Жили мы на белом свете,
Никакой радости не отведали,
Ходили босыми, разутыми.
Ой, маменька-душенька,
Если бы ты смогла подняться на ноги,
Да походила бы вокруг,
Ты бы увидела, как мы живем,
Как мы ходим.
Ой, маменька роденькая,
Теперь мы питаемся калачами,
Ой, маменька-душенька,
Никакой печали у нас нет,
Все у нас имеется.
Ой, маменька, моя боженька,
Теперь мы живем во всем довольствии,
И сами уже подросли, стали счастливыми,
Если бы, маменька, ты ожила бы,
Сладкой брагой напоила бы тебя,
Лакомым кусочком накормила бы тебя.
А в то время, маменька родная,
Была жизнь тяжёлая,
Жизнь наша была несносная.
А теперь наша жизнь совсем переменилась,
Во всём она стала счастливей.
Ой, спасибо за это нашей партни,
Ой, спасибо, что она о нас заботится,
Ой, спасибо всем нашим руководителям,
Ой, спасибо нашим труженикам полей,
Спасибо тем, кто охраняет нашу жизнь мирную,
Зоркой стражей стоит на наших границах,
Ой, спасибо всем людям нашим советским!

19

Тядяний-аваняй,
Ужальдиняй, монь кельгиняй!
Кинди кадомайть,
Кинди надияфтомайть?
Эсь лацот кие якай мельган.
Тядянязе — акша пулонязе,
Тядянязе — мяшьсот каннинязе.

Сур прянисот аннинязе.
Тядянязе — ужальдинязе, корхтайнязе.
Тядянязе — курмозь потмонь сускомнязе.
Тядянязе — тевонь ладяйнязе,
Тядянязе — кочкярыва панарнязе,
Сур прянява ожанязе,
Пеконь-потмонь панжема вастонязе.
Тядянязе — праздникста учинязе.
Тядянязе — пяле киняс прважайнязе.

19

Маменька-душенька,
Моя любимая, жалостливая,
На кого оставила меня,
Кому ты меня поручила?
Кто, как ты, будет за мной ухаживать?
Маменька — скатерть моя белая,
Маменька — моя кормилица,
С кончиков пальцев меня кормила.
Маменька, меня ты жалела,
Своими ласками меня согревала.
Маменька — пища моя сладкая,
Маменька — моя наставница,
Маменька — до пят моё платье,
Самая ты моя близкая,
Самая ты ласковая и разговорчивая,
Маменька моя — на праздник меня ожидавшая,
Маменька моя — в путь-дорогу
Меня провожавшая.

20

Вай, шкайнязят, тядякай-матушкой, ой...
Ой, ков кадомайть, тядякай-матушкой,
Ой, кинди тон надияфтомайть, матушкой, ой...
Ой, тядянязе, ой, шкайнязе-матушкой,
Ой, тюжя вайнязе, акша лофционязе,
Ой, очижинь пиф озондома мазы алнязе, ой...
Ой, тядянязе-шкайнязе, ой, тядякай-матушкой,
Ой, мезе тиеть, мезе думандать.
Ой, кинь мархта, тядякай-шкайняй,
Тя думнять думандайть, ой...
Ой, тядякай, ков туят?
Ой, кинди тон надияфтомайть?
Ой, кинди, тядякай, тон кадомайть?
Ой, равжа моданяти туят, тядяний, матушкой,

Ой, тоса пяк шобданы да теснаны.
Кяднятне тоса, вай, аф шарфтовихть,
Пильгонятне тоса, вай, аф шерьфтевихть,
Ой, тоса тонь кудняце пяк шобданы,
Эсонза аяш кенкшкяня,
Эсонза аяш вальмяня,
Тяни аф кулезне тон кулеват,
Аф няезне тон няеват. Ой... Ой...

20

Ох, боженька, матушка моя родненькая, ой...
Ой, зачем меня оставила, маменька милая,
Ой, на кого ты меня оставила, маменька, ой...
Ой, маменька моя, боженька-маменька,
Ой, ты моя душенька, лакомый кусочек мой,
Ой, маменька, маменька-боженька,
Ой, что ты наделала, что надумала.
Ой, с кем ты, маменька,
Эту думушку надумала, ой.
Ой, маменька, куда ты уходишь?
Ой, кому ты меня поручаешь?
Ой, на кого ты, маменька, меня оставила?
Ой, в сырую землю уходишь ты, голубка моя,
Ой, там очень темно и тесно жить.
Рученьки твои там не поворотятся,
Ой, ноженьки твои там не пошевелиятся.
Ой, домик твой там сумрачный,
У него нет дверцы,
Нет и окошечка.
Теперь ты словечко не вымолвишь,
Больше тебя не увижу я. Ой... Ой...

21

Тядянязе-аванязе —
Акша лофционязе,
Тюзя вайнязе.
Тядянязе-аванязе —
Лямбе кяднязе-сурнязе,
Ляпе вайме пожфкязе.
Тядянязе-аванязе —
Кочкярыва палянязе,
Сур пенява ожанязе.
Тядянязе-аванязе —
Думандай ялганязе,
Потмонь панжема вастонязе.
Тядянязе-аванязе,

Ризфтынязе, ужяльдиязе,
Пяле кис прважайнязе.
Тядянязе-аванязе —
Миколань салу калнязе,
Роштувань сиволь палнязе.
Тядянязе-аванязе —
Очижинь мазы алнязе,
Монь ши валдонязе.
Тядянязе-аванязе,
Монь лямбе шинязе,
Илядень валда ковнязе.
Тядянязе-аванязе,
Ки прянся учинязе,
Пяле киняс кадынязе.

21

Маменька-матушка,
Мое белое молочко,
Мое желтенькое маслице.
Маменька, голубушка-матушка,
Рученька моя нежненькая, тепленькая,
Душой самая добрая,
Маменька-голубушка,
До пят мое платьице,
До кончиков пальцев рукава мои.
Маменька-голубушка,
Со мною вместе думавшая,
Свою душеньку мне открывавшая,
До полпути меня провожавшая,
Маменька-голубушка,
Ты печаль моя, меня жалевшая,
Маменька-голубушка,
На Николин день моя рыбка соленая,
На рождество мое мясо.
Маменька-голубушка,
На день пасхи мое яичко красное,
День мой ясный, мое солнышко.
Маменька-голубушка,
Мое красное солнышко,
Вечерок ты ясный мой.
Маменька-голубушка,
На дороге меня ожидавшая,
На полдороге меня оставившая.

Ой, тядякай-матушкой!
 Ой, кандоть тейнек куду пичефкс-горяня.
 Ой, кда нинге алязе кулы,
 Ой, кудсонк пяк тошнаня ули, ой...
 Ой, тядяняй-аваняй, ой, куроc поминканяце ули, ой...
 Ой, тядяняй, коста минь срхкафтсаськ тонь поминкацень,
 Ой, топоди кафта кизонят, кода кулоть, ой...
 Ой, кафта кизот, кода кадомась.
 Тядякай-матушкой, од пингце ётась
 Стака-сталмоса, нужань няезне,
 Шавнянь тол ала, лиянь ширеса,
 Пильге лангста празь работакшнезне,
 Вай, тьякса тейть честь исть путнекшне.
 Вай, аваняй, тага мярьган, мазы лопаняй,
 Стака эряфце фталу лядонкшнесь.
 Шобда кудсь-мргась тонь ни кадонкшнесь,
 Сиредембяльхть эряфце петевсь,
 Танцти ярхцамбяльсь инголет путовсь,
 Панжи эряфса эряфце петневсь,
 Перьфкат иднятне гулянякс шарондсть.
 Алязень мархта сембонь касфтомась,
 Ой, цебярь ломанькс сембонь путомась,
 Валда эряфса тевти кучемась.
 Ой, тядякай-шкайнязе, ой, тядякай-матушкой,
 Мес кулоть мазы пинговат?
 Мес тьяфта кадыть цебярь эряфкяць?
 Мес кадыть налхкшкакс аши стирнятнень,
 Цебярь шабатнень, панчфу иднятнень.
 Тяни, тядякай, минь аф васьфттяма,
 Фкя шраня вакс минь аф озатама,
 Семьянь келеса мор аф моратама.
 Вай, тядяй, тядяй, мезе тон тить,
 Вай, мезень колга арьсеть-думандать.
 Мес тон кадомась, кальдяв кис мес туть,
 Равжа модати, шобда эряфти?
 Ой, аваняй — тундань панчфкязе,
 Ой, аваняй — валда шинязе,
 Кафта кизот ни кода кадомась,
 Кафта кизот ни тонь аф няйхтядязь.

Ой, маменька-матушка!
 Ой, принесла ты в наш дом печаль великую.
 Ой, если ещё и отец скончается,
 Ой, в доме нашем горя прибавится, ой...

Ой, маменька родимая, скоро твои поминки будут, ой...
 Ой, маменька, когда тебя будем поминать мы,
 Ой, исполнится уже два года с того дня,
 Ой, когда ты нас оставила навсегда, ой...
 Ой, два года мы уже без тебя живем.
 Маменька родненная, вся молодость твоя прошла
 В печалах и горестях, в беспросветной нужде.
 У чужих людей при свете лучины
 Ты до изнеможения всегда работала,
 Ой, а за это тебя никто не почитал.
 Ой, мамушка, еще раз скажу, цветочек полевой,
 Жизнь твоя тяжелая ушла уже в прошлое,
 Изба темная и неуютная новою заменилась,
 Под старость лет жизнь твоя стала счастливой,
 Стали жить мы уже зажиточно,
 Жизнь твоя цветами счастья разукрасилась,
 Дети все о тебе заботились.
 С отцом вместе всех вы нас вырастили,
 Всех в люди нас вывели,
 В светлой жизни на труд нас направили.
 Ой, маменька, родимая, ой, самая близкая.
 Зачем ты в такую пору прекрасную скончалась?
 Зачем оставила такую жизнь хорошую?
 Зачем оставила своих дочерей-красавиц,
 Всеми любимых своих детушек-цветочков.
 Теперь, маменька, мы не встретимся,
 За одним столом сидеть не придется нам,
 Всей семьей песню не споём больше.
 Ох, мама-маменька, что ты надумала,
 Зачем ты нас всех оставила?
 Зачем ты в сырую землю ушла?
 Там жизнь мрачная, холодная.
 Ой, маменька, весенний цветочек мой,
 Ой, маменька, мое красно солнышко,
 Два года прошло, как ты нас оставила,
 Два года уж мы с тобой не виделись.

Ох-ай, тядякай-шачфтынйяй,
 Мезе тить, мезе думандать?
 Ох-ай, тядяняй-матаняй,
 Кода уставате, тонь явсете?
 Тядянязе-шачфтынязе,
 Тядянязе-касфтынязе-трайнязе,
 Коза срхкать тон, коза наряжать?
 Кодама кис, тядякай,

Тяфта аноклать?
Тядяний-матаняй,
Тяни тонь лихттыдязь эсь кудсот,
Кода кадсайт эсь роднойнятнень,
Мархтост моньге, эсь стирняцень,
Аня стирняцень — васень лефксцяцень.
Ох, васень лефксцяце пря песот ащи,
Пря песот ащи, пряняц яфни.
Лангозт ванонды, пряняц ширемфя,
Сельмонза пяшксет сельмоведняда.
Тядяний-матаняй, панжить сельмотнень,
Варжакстт лангозонк, аст хуть фкя валня,
Азка, матаняй, сятяв валняцень.
Тядяний, панчф лопаняй,
Тяни канттыдязь вечнай вастоняс,
Вечнай кудняцень тоса вельхтысазь.
Тя куднять зяш, тядяй, кенкшенза, вальманза,
Сяс аф лисеват тоста кодавок.

23

Ох-ой, матушка, родимая,
Что наделала, что надумала?
Ох-ой, матушка моя, милая,
Как я тебя стану оплакивать?
Маменька родимая,
Маменька моя, кормилица,
Куда собралась, куда принарядилась?
В какой путь,
Маменька, этак приготовилась?
Мать-матушка моя,
Сейчас тебя вынесут из родного дома.
Распрощайся, маменька, со своими родными,
С дочерью Аниою, с первым птенчиком.
Ох, первый птенчик твой стоит у изголовья,
Стоит у изголовья, качает головою,
Она здесь, на тебя смотрит.
Смотрит, наклонив головушку,
Глаза ее слезы льют.
Маменька, родимая, открой глаза свои,
Взгляни на нас,
Вымолви нам ласковое словечко, голубушка,
Маменька, цветочек наш,
Теперь уносят тебя на вечное место,
В вечный домик тебя там зарюют.
У этого домика, маменька, нет дверей, окон,
Потому и нельзя выйти из него.

Аваняй-шкайняй,
Оцю ризфонь тинняй!
Аф пара куляня тон нолдать!
Аваняй-шкайняй!
Алак кочкак раднят тон пуроптоть,
Алак учт тон ризфияфтомасть.
Мезенкса, аваняй, тон кадомасть
Лама нужань няема,
Оцю ризфонь кирдема,
Уряй келукс уряма?
Аваняй-шкайняй,
Мес кадомасть, мес дасадымасть,
Ризфу ломанькс тиемасть?
А мон вага урнесян,
Вярьге вайгяльхть тонь явсян.
Аф кирдемшка пичедян,
Кафта кяднень цяпотькшнян,
Кемонь сурнень пуворян,
Эстейнь васта аф муян.
Аваняй-трайняй,
Акша лофционяй, тюжя вайняй,
Тон кадомайть монь пяк рана,
Нинге од пара прянясот.
Аваняй-матаняй,
Заря тяште валдоняй,
Ашель ломаненди осалшиняце,
Ашель ломаненди осал валняце.
Аваняй-шкайняй,
Сетьмоста шуди ведняй,
Седиень-ваймонь петняй!
Тон монь шачфтомайть
Оцю ризфонь кирдема,
Лама нужань няема.
Етасть монь ланган
Сембе горятне, сембе пичефксие.
Тяни мон илядонь
Уряй келукс уряма,
Кольги келукс кольгома.
Тяни монь аш удомазе, ащемазе,
Горясь шерьфтьсамань, авартьфтьсамань.
Ох, тядяний-аваняй,
Оцю ризфонь тинняй,
Тяни тон туют равжа модати,
Ефси кадомасть, ой, юкстамась.

Маменька моя, боженька,
 Большое горе ты нам принесла.
 Плохою вестью опечалила,
 Маменька ты моя, боженька!
 Не приглашенных гостей ты сюда собрала,
 Неожиданно ты нас опечалила.
 Зачем, маменька, ты нас оставила
 Горе мыкать, переживать,
 Большую нужду переносить,
 Горестные слёзы лить?
 Маменька ты моя, боженька,
 Зачем нас бросила, раздосадила,
 Горестными людьми нас сделала?
 А я вот здесь плачу,
 Во всеуслышанье причитаю.
 Невыносимо страдаю я,
 В отчаянии вскидываю обе руки,
 Заломила свои десять пальцев,
 И себе места не нахожу.
 Маменька ты моя, боженька,
 Сладкое ты молочко моё,
 Ты оставила меня рано,
 Еще ты молода была.
 Мать моя, матушка,
 Ты мой алый цвет зарн,
 Никому ты плохого не делала.
 Никому плохого словечка не молвила.
 Маменька-боженька,
 Тихо текущий ручеек ты мой,
 Душеньку свою успокаивающий!
 Ты меня родила,
 Горюшко повидать оставила,
 В нужде жить заставила.
 Прошли через моё сердце
 Все печали и недуги.
 Теперь я осталась,
 Как плакучая березка,
 Горькие слезы лить всегда.
 Теперь я потеряла сон и покой,
 Печаль снedaет мою душеньку.
 Ох, мать-матушка,
 Большое горе ты сделала,
 Ведь ты уходишь в сырую землю,
 Совсем ты нас оставляешь, ой, совсем забудешь.

Ой, тядякай, шкайняй-матушкой!
 Авакай, тон монь шачфтынязят,
 Тундань мазы шинязят,
 Сетьмоста шуди веднязят.
 Ой, тядякай, шкайняй-матушкой!
 Пяле векса равжа модас сувайняй,
 Лама урозень кадыняй,
 Вишке урмаса тапафкяй.
 Аф лекаренди лечиндавоць,
 Аф воражъянди воражендавоць.
 Варжак, тядякай, дяканятнень лангс,
 Оцюнятне авардихть, ёмланятне пешкодыхть.
 Ой, кулома-юама, пеняма васта!
 Коста кда васьфтелихть,
 Таргалине кафцьке сельмотнень,
 Тапалине кафцьке пилькнень
 Шкайнязень-тядянязень сявомда.
 Ой, тядякай, шкайняй-матушкой,
 Вакссот ащан, вельхкссот кольган.
 Аф кядняцень кеподят,
 Аф пильгоняцень венепят,
 Аф сельмонятнень тон панжат.
 Тядяй, тядякай-авакай,
 Кода тоньфтемот тани эряма?
 Кода сюдоф дякатнень пекс эряви пидемс-панемс?
 Кода синь эрявихть лангснон шамс-карямс?
 Урозень пекоц пяк пяк оцю, урозень лангоц пяк кели.

Ой, маменька, боженька-матушка!
 Маменька моя, родимая.
 Весеннее моё солнышко красное,
 Бесшумный мой ручеек.
 Ой, маменька, боженька-матушка!
 Полжизни ты не прожила, а уходишь,
 Многих сирот ты оставляешь.
 Злая болезнь тебя отняла,
 Ни лекари тебя не вылечили,
 Ни ворожей тебя не спасли.
 Взгляни-ка, маменька, на детушек,
 Взрослые плачут, маленькие ревут.
 Ох, смерть, виновница лютая!
 Если бы где я тебя встретила,
 То вынула бы оба глаза твои,

Сломала бы обе ноги твои
За то, что ты взяла мою маменьку.
Ох, маменька родная,
С утра над тобою слезы лью,
Не поднимешь ты свою рученьку,
Не шевельнёшь своей ноженькой,
Не откроешь свои глаза.
Маменька, родимая моя, матушка,
Как мне жить и поживать?
Как накормить нас, несчастных твоих детушек?
Как одеть нас и обуть?
Сирота всегда много ест,
У сироты жизнь и дымная, и холодная.

26

Аваняй, аваняй,
Кормилецкяй, аваняй,
Лама идень касфтыняй,
Лама нужань няиняй,
Лама мялень ваняняй,
Лама коронь кирдиняй.
Ох, аваняй, желаннайняй,
Аваняй, ляпе валняй, аваняй,
Коста сяфте, коста муте?
Или мельге сатте, аваняй,
Аф мельге сатоват,
Аф карша васьфтеват.
Ох, аваняй, аваняй,
Вольнай светкяй, аваняй,
Шобда потмонь панжема вастоняй,
Потма валонь корхтай ялганяй.
Аваняй, кельгомняй, матаняй,
Кинь мархта корхтасайне валнянень,
Кинь мархта горяваса горянзень?
Аваняй, вольнай светкяй,
Ши валдоняй, аваняй,
Кевке кевонзай седизон горясь,
Седизон наркс наронзай горясь,
Аф ули, аваняй, потма валонь ялганязе,
Аф ули, аваняй, потма валонь корхтайнязе.
Толька, аваняй,
Тундань кукукс кармаи кукама,
Кукусь кукай
Тундань мазы времаста,
А монь кадомайт, аваняй,
Времафтома-парафтома

Тундань кукукс кукама,
Акша келукс кольгома.

26

Маменька, маменька,
Кормилица моя, маменька,
Многих детей вырастила,
Много горя повидала,
Многим ты угождала,
Много укоров ты слышала.
Ох, маменька желанная,
Маменька, ясноголосая маменька,
Где тебя я теперь найду?
Как позову я тебя, любимую?
Нет, тебя уже не вызову,
Нигде тебя не встречу я.
Ох, маменька, маменька,
Вольный свет ты мой, маменька,
Ты всегда со мной делила грусть-печаль,
Утешала мою душеньку.
Маменька, любимая матушка,
С кем теперь я поделюсь своими мыслями,
С кем я буду теперь горевать своё горюшко?
Маменька, вольный свет мой,
Моё ясное солнышко, маменька,
Тяжелым камнем давит на моё сердце горе великое,
Печаль мою душу гнетёт.
Не будет у меня, маменька,
Подруги задушевной,
Не будет у меня близкой утешительницы.
Только, маменька, буду я теперь
Куковать кукушкой весеннею.
Кукушка кукует,
В самую лучшую пору весны.
А меня оставила, маменька,
Без времени, без поры,
Как кукушечка буду куковать,
Как березонька тебя стану оплакивать.

27

Ой, аваняй-кормилецкяй,
Ох, аваняй-тряйняй,
Ох, аваняй-седень маряйняй,
Ох, аваняй-матаняй,
Горянь корхтама вастоняй.

Ох, аваняй, аваняй,
Ох, аваняй-кормилецкяй,
Ох, аваняй, аваняй,
Пяшксе потмозе оцю горяда,
Ох, аваняй, аваняй,
Пяшксе потмозе тайнада.
Ох, коза молян мон, аваняй,
Коста муян, аваняй,
Седиень пети вастоня,
Коста муян, матаняй,
Цебярь валса лездыня?
Ох, аваняй, аваняй,
Коза молян, коза шаштан
Горяда потмозень шамдома?
Ох, аваняй-кормилецкяй,
Ох, аваняй-тряйнязе,
Вяшки варманясь вяшкоза,
Канды варманясь кандоза,
Ох, авазень колга
Пара валнят пачфтеза,
Авазень колга
Цебярь валнят лийфтеза.
Кочказь снавнят сонь валнянза,
Синь пяк питнихть,
Синь пяк седиень токайхть,
Оцю пичефкста синь пяшксет,
Седис сялгихть, мялямс педихть.
Ох, аваняй, аваняй,
Ох, аваняй-кормилецкяй!

27

Ой, маменька, кормилица моя,
Ой, маменька родная,
Ох, маменька — моя душенька,
Ох, маменька любимая,
Мое горе разделяющая.
Ох, маменька, маменька,
Ох, маменька, моя кормилица,
Ох, маменька, маменька,
Сердце моё от горя надрывается,
Ох, маменька, маменька,
Душа печалью переполнилась.
Ох, куда я пойду, маменька,
Где я найду, маменька,
Души моей утешительницу.
Где найду, матушка,

Задушевную наставницу?
Ох, маменька, маменька,
Куда пойду, к кому обращусь,
Чтобы своё горе высказать?
Ох, маменька, кормилица,
Ох, маменька, душа моя,
Пусть ветерок зашумит,
Пусть ко мне принесёт,
Ох, от моей матери весточку,
Пусть от моей матери принесёт
Словечки ласковые.
Как отборный горох ее словечки,
Они очень дорогие,
Сердцу они очень милые,
Но и они горем насыщены,
Сердце они ранят, из памяти не изглядятся.
Ох, маменька, маменька,
Ох, маменька, моя кормилица!

28

Ой, тядянязе-аванязе,
Ой, тядянязе — акша келу ронгонязе,
Ой, тядянязе — акша лофционязе,
Ой, тядянязе — тюжя вайнязе.
Ой, тядянязе-аванязе,
Ой, тядянязе — шкайнь сюдофкязе,
Тядянязе — пяле веконь эряйнязе,
Тядянязе — павазфтома шкайнязе-тряйнязе,
Тядянязе-аванязе — мазы панчфкязе,
Тядянязе-аванязе — седиень петинязе.
Тядянязе-аванязе,
Кода тyani мархтот яфтама?
Кода тyani белой светкаста туят?
Кода тyani белой света тoньфтемот эряма?
Тядянязе-аванязе — мазы луганязе,
Тядянязе-аванязе — акша кшинязе,
Тядянязе-аванязе,
Ой, корхтафтома вастонязе,
Тядянязе-аванязе,
Ой, пиже паксянь нярьккамаскязе,
Тядянязе-аванязе,
Нярьккамаскакс касынязе.
Тядянязе-аванязе,
Ручкафтома тьяльмонязе,
Тядянязе-аванязе,
Несчастнай идень шкайнязе,

Несчастнай идень трынязе.
Тядянязе-аванязе—
Акша келу ронгонязе,
Сетьмоняста якайнязе,
Тядянязе-аванязе—
Сятвяняста корхтайнязе.
Тядянязе-аванязе—
Цебярць тевнязе,
Тядянязе-аванязе—
Цебярць разумонь максынязе.
Тядянязе-аванязе—
Пялес киняс прважайнязе,
Тядянязе-аванязе—
Ранаките учинязе,
Тядянязе-аванязе—
Шобдава поздна стяфтынязе,
Тядянязе-аванязе—
Иляць рана матынязе.
Тядянязе-аванязе,
Кода тоньфтемонт эряма?
Кода тоньфтемонт касома?
Мельган лама вийня путнеть,
Лама эрьганя, вай, юмафтоть.
Емляняста мяштсьот каннемайць,
Лямбе нуланяса ашкоткшнемайць,
Куломада ванфтомайць,
Ой, тядяняй-аваняй,
Ой, шкайнь сюдофкяй,
Шкайнь сюдофкяй, шкайнязе-трынязе!

28

Ой, маменька-матушка,
Ой, маменька — березонька стройная,
Ой, маменька — мое белое молочко,
Ой, маменька — мое маслице желтое.
Ой, маменька-матушка,
Ой, маменька моя несчастная!
Маменька-матушка, полвека прожившая,
Маменька-матушка, несчастная, боженька, кормилица моя,
Маменька родимая — цветок прекрасный мой,
Маменька-матушка, милая моя душенька,
Маменька-матушка, как с тобой расстаться мне?
Зачем покидаешь ты белый свет?
Как теперь без тебя на белом свете мне жить?
Маменька родимая — мой цветущий лужок,
Маменька родимая — белый мой хлебушко,

Маменька-голубушка,
Ой, моя ненаглядная,
Маменька родимая,
Ой, на зеленом поле ты моя полынушка,
Маменька моя родимая,
Выросла ты как полынушка,
Маменька родимая,
Ты — венчик без черенка,
Маменька-матушка, боженька,
Ты детей несчастных,
Несчастливых детей кормилица.
Маменька-голубушка,
Березка моя стройная,
Маменька-матушка,
Тихонько ты ходившая,
Маменька-голубушка,
Спокойно говорившая.
Маменька-матушка,
В труде моя любимица.
Маменька моя родимая,
Уму-разуму меня наставлявшая,
Маменька-матушка,
До полпути жизненного моя наставница,
Маменька родимая,
Раньше всех меня ожидавшая,
Маменька-матушка,
Утром меня поздно будившая,
Маменька родимая,
По вечерам раньше всех меня укладывавшая.
Маменька-матушка,
Как без тебя я стану жить?
Как без тебя расти буду?
Для меня ты много сделала,
Много силушки приложила.
Младенцем на груди лелеяла,
В теплые пеленки окутывала,
От лютой смерти оберегала меня.
Ой, маменька-матушка,
Ой, боженька несчастная,
Боженька несчастная — кормилица моя!

29

Аваняй, аваняй —
Акша лощоняй,
Тюзя вайняй.
Аваняй — ки пряняса учиняй,

Аваняй — пяле киняс прважайняй,
Аваняй — танцти сускомняй,
Аваняй — седиень петиняй.
Аваняй, аваняй —
Лямбе кядняй, ляпе теланяй.
Аваняй, аваняй, мешаваняй,
Вейхкса мясяцкат, аваняй,
Пеконясот кандомайть.
Аваняй, аваняй,
Кизоня мяштенясот
Акша лофционядот,
Тюжя вайнядот потяфтомайть.
Аваняй-мешаваняй,
Аваняй-матушкой.

29

Маменька, маменька,
Белое молочко моё,
Жёлтое маслице,
Маменька, на дороге меня ожидавшая,
Маменька, до полдороги меня провожавшая.
Маменька — сладкий кусочек мой,
Маменька — моя душенька.
Маменька, маменька,
Моя теплая рученька мягкая.
Маменька, маменька, пчелиная матка,
Девять месяцев, маменька,
В утробе меня таскала ты.
Маменька моя, матушка,
Ты грудью меня вскармливала.
Маменька, маменька,
Маменька, ты моя матушка.

30

Шкайнязе-маманязе —
Акша лофционязе,
Тюжя вайнязе. Ой.
Ой, шкайнязе-мамакай —
Илядень валда ковнязе,
Пяштень танцти товнязе,
Иретьфти пойланязе,
Мезе тнеть, мезе арьсеть?
Аф пингстонза-парастонза
Кадомасть, вай, кулоть.

Шкайняй-мамакай —
Ляпе копша сускомнязе,
Сембода надёжайнязе,
Каменной стенанязе,
Золотань рондиконязе,
Мес аф корхтат?
Мес валня аф азат?
Или ёфси аф кульсамак,
Или ёфси аф нийсамак?
Шкайнязе-мамакай —
Апак учт монь горянязе,
Седиень-ваймонь токайнязе,
Тяни коста азка сяфте,
Тяни коста азка нийхте?
Маманязе-тряйнязе,
Вяшксь вишке буряня,
Вачкодсь толонь пиземня,
Кудозонк кандсь горяня,
Кудозонк кандсь сталмоня,
Седис суски сярятьфкя,
Горядонга оцю горяня,
Аф ризнави пичефкся.
Ой, маманяй, маманяй,
Кинди кадомасть,
Кинди надняфтомасть?
Кинди тяни пристандатама,
Кинди тяни малаттама?
Кинди тяни, ой,
Панчсаськ шобда потмоняньконь,
Кинди тяни азсаськ
Потмонь пиди валняньконь?
Кинди тяни макссаськ
Тнемс мамань оцю тевняньконь?
Мамакай, мамакай,
Золотань замоконой,
Труднай тевста лихтиняй,
Кальдяв валда ванфтыняй,
Гож киняс вятиняй,
Вай, мзяра парня тиедеть,
Сембонь ужальдемасть,
Сембонь кальдявда ванфтомасть.
Маманязе-шкайнязе,
Акша шамань штайнязе,
Ляпе щамонь муськинязе,
Стака сталмонь ускинязе,
Еньц-прывийс нолдайнязе,
Оцю тевонь тиинязе,
Аф юкстават куломозон,

Аф юкстават маштомозон.
Шкайнязе-мамакай,
Панжить тон сельмонятнень,
Варжакста минь лангозонк.
Сембе пуромсть ваксозот,
Учихть последний валняцень.
Мес аф панчсайть сельмонятнень,
Мес аф азат ляпе валнявок?
Коза кадсайть уроснень?
Тяни кинди минь пшкяттяма?
Коза минь мольтяма?
Кона стенати нежеттяма?
Шкайня-мамакай,
Тяни минь сембонди
Ульхтяма мешафксокс:
Кинь горяц — уркетасамазь,
Кинь мялец — обижасамазь.
Сембонди минь кулефтяма,
Сембонди минь кальдяфтама.
Аш минь тяни маманяньке,
Аш минь инксонк ащиняньке,
Аш минь тяни васьфтиняньке,
Аш минь тяни прважайняньке,
Аш ляпе валонь азыняньке,
Аш минь тяни тонафтыняньке,
Аш минь ёфси кельгиняньке.
Ой, маманяй, маманяй,
Мезе тиеть, мезе арьсеть? Ой!

30

Маменька, ты моя боженька,
Белое моё молочко,
Желтенькое мое маслице. Ой.
Вечерняя луна светлая,
Мое ореховое ядрышко,
Мое питье ароматное,
Что ты наделала, что надумала?
Не в свое время-пору
Оставила нас, ой, умерла.
Маменька-боженька,
Кусочек мой калачный,
Во всем моя опорухка,
Каменная стена моя,
Золотой мой родничок,
Почему слово не вымолвишь?
Почему молчат уста твои?

Или совсем не слышишь меня,
Или совсем не видишь меня?
Маменька-боженька,
Неожиданное мое горюшко,
Всю мою душу охватила
Печаль-тоска великая,
Теперь где я встречу тебя?
Теперь где я тебя увижу?
Маменька-кормилица,
Загудела буря мощная,
Собрала тучу чёрную,
Пошёл дождь огненный,
В наш дом он принёс горюшко,
В наш дом принёс ношу тяжкую,
Принёс печаль великую,
Какую мы не видывали,
Какую мы еще не встречали.
Ой, маменька, маменька,
Кому ты нас оставила,
Кому нас поручила?
К кому теперь мы приласкаемся,
Кому теперь нужны мы?
Кому теперь, ой,
Откроем сердечко тёмное,
Кому теперь мы вымолвим
Словечко, душу согревающее?
Кому теперь мы поручим
Вести дела маменьки?
Маменька, маменька,
Золотой замочек мой,
Из невзгод ты меня вытащила,
От злых слов спасла меня,
На путь-дорожку меня вывела.
Ой, как ты нас приголубливала,
Всех нас жалела от души,
Всех нас оберегала от зла.
Маменька, моя боженька,
Белое платьице ты шила мне,
Мягкую одежду стирала мне,
Много ты тяжести перенесла,
На ум-разум нас наставила,
Свои руки трудовые не берегла ты,
Всё это не забуду я,
Не выкину из памяти —
Пока не умру.
Боженька-маменька,
Открой-ка ты свои глазки,
Взгляни-ка ты на нас.

Все собрались около тебя,
Ждут твоё словечко последнее.
Почему ты не откроешь глаза,
Почему не вымолвишь слово ласковое?
На кого оставляешь сиротушек?
К кому теперь мы обратимся?
Куда мы пойдём?
К какой стене прислонимся?
Маменька-боженька,
Теперь мы всем будем
Лишними, мешающими:
У кого горюшко, а нас обвинят,
Кто захочет, тот обидит нас,
Каждый теперь услышит нас,
Всем мы теперь неугодные,
Нет у нас теперь близкого,
Нет теперь у нас защитника,
Нет теперь у нас встречающего,
Нет теперь у нас провожающего,
Некому нам сказать тёплое словечко.
Никто теперь не накормит всласть,
Некому нас пожалеть.
Ой, маменька, маменька,
Что ты наделала, что придумала? Ой!..

31

Вай, мярьган, тядяняй-аваняй,
Ох, тядянязе, мярьган, аванязе,
Ох, тядянязе, мярьган, акша лофцюнязе, у-уй!
Тядянязе, мярьган, тюзя вайнязе.
Вай, тядяняй, мярьган, кинди кадомайть,
Кинди надияфтомайть, у-уй!
Ой, тядяняй-аваняй,
Ой, тядянязе, мярьган, аванязе,
Мярьган, учинязе-прважайнязе,
Ой, тyani месендян, тядяняй,
Қоза молян, аваняй,
Қоса ладян вастонязон?
Ой, тядянязе, мярьган, равжа моданязе,
Мода алга якайнязе, тядянязе, у-уй!
Ой, тядяняй-аваняй,
Ой, тядянязе, мярьган, аванязе,
Қоста тонь сяфте тyani,
Қоста тонь няхте тyani?
Эрямс кода, мярьган, апак содак
Тyani тядянь сединь парняда,

Эрямс кода, мярьган, апак маряк
Тядянь-авань цебарь валняда, у-уй!?

31

Ой, скажу я, мать-матушка,
Ох, мать моя, скажу, матушка,
Ох, маменька, скажу, молочко мое белое, у-уй!
Маменька, скажу, маслице мое желтое.
Ой, маменька, скажу, на кого ты меня оставила,
На кого ты меня покинула, у-уй!?
Ой, мать-матушка,
Ой, мать моя, скажу, матушка,
Ты встречала меня, провожала меня.
Ой, теперь что мне делать, маменька,
Куда идти, куда деться,
И кем мне заменить тебя?
Ой, мать моя, скажу, земля ты моя черная,
Под землёй ходящая моя, у-уй!
Ой, мать моя, матушка,
Ой, маменька, скажу, матушка,
Где я теперь встречу тебя,
Где я теперь увижу тебя?
Как же жить, скажу, теперь
Без материнской сердечной любви.
Как же жить, скажу, теперь
Без материнских ласковых слов, у-уй!?

32

Ой, тядяняй-аваняй —
Лефксонь лихти нармонняй,
Белай светкас нолдайнай, у-уй!
Ой, тядяняй-аваняй,
Кадомайть, кадомайть сиротанякс.
Ёмляняста илядонь тядяняда-аваняда,
А одняста илядонь васяняда-поланяда, у-уй!
Ой, тядяняй-аваняй,
Васяняфтома-поланяфтома эрямс пяк трудна,
Атяняфтома-аваняфтома и то эрямс можна, у-уй!
Ой, тядяняй-аваняй,
Тядяняй — лихти нармонняй,
Белай светкяги нолдайнай.
Тядяняй-аваняй —
Қочкярыва паляйнай,
Сурбриява ожаняй, ох!
Ой, тядянязе-аванязе —
Ёмляняста сиротанякс кадынязе, ох!

Ой, мать-матушка,
 Родимая моя пташечка,
 На белый свет нас ты родившая, у-уй!
 Ой, мать-матушка,
 Ты оставила меня сиротинушкой.
 Маленькой я осталась без родимой матушки,
 А в молодости — без суженого-наречённого, у-уй!
 Ой, мать-матушка,
 Без суженого-любимого жить очень трудно,
 Без деда-бабушки и то жить можно, у-уй!
 Ой, мать-матушка,
 Родимая пташечка,
 На белый свет ты нас родившая.
 Мать моя ты, матушка,
 Одета ты в длинную рубаху до пят,
 Рукава её до кончиков пальцев, ох!
 Ой, мать моя, матушка,
 Маленькой я осталась сиротинкою, ох!

Шкайнязе, мамакай-матушкой,
 Маманязе — седи вакскань кельгинязе,
 Маманязе — лама иденъ шачфтынязе,
 Маманязе — лама нужань няинязе.
 Мезе тон, мамакай-матушкой,
 Тяфта арьсетъ, мезе тнетъ,
 Книди тон, мамакай, кадомастъ?
 Книди минь надияфтомастъ?
 Ох, маманяй, валда шаманяй,
 Коза тон тяфта кенордат,
 Сембонь эзда аердат?
 Кали тонь, мамакай,
 Минь тонь пяк обжадызь,
 Кали тонь, матушкой,
 Минь тонь пяк дасадядязь?
 Книди тон, маманяй, кадыть
 Ёмла колма иднятнень?
 Синь нинге ёньц аф содайнят,
 Тевняска аф кундайнят.
 Ох, панжите тон сельмонятнень,
 Ох, ваньте тон эсь иднятнень.
 Синь тожа пяк ни авардихть,
 Сельмоведнясна кольгондихть.
 Шкайнязе, мамакай-матушкой,
 Оцю горянь тиняй.

Вай, шобдалгодсь белой светкяське,
 Ох, керовсть (пульязь) якай пильгоне,
 Новольсть монь кафта кядняне.
 Вай, мезе тиян, кода эрян?

Маменька-матушка моя, боженька,
 Маменька, ты самая моя любимая,
 Маменька, ты много детишек родила,
 Маменька, ты много нужды видела.
 Что ты, маменька-матушка,
 Затеяла, что ты наделала?
 На кого ты нас покинула,
 Кому ты нас, маменька, оставила?
 Ох, маменька моя, светлолицая,
 Куда ты так собралась
 И всех нас оставляешь?
 Неужели, маменька моя,
 Мы тебя так сильно обидели,
 Неужели, матушка моя,
 Мы тебя так раздосадовали?
 На кого ты, маменька, оставила
 Троих маленьких ребятшек?
 Все они еще несмышленые,
 Дела делать неспособные.
 Ох, открой-ка ты своишеньки,
 Посмотри-ка ты на своих детушек.
 Они все так плачут,
 Слезы горькие льют.
 Маменька-матушка моя, любимая,
 Ох, большое горе ты наделала.
 Ой, потемнел в глазах моих свет белый,
 Ох, покосились мои ноженьки.
 Опустились мои рученьки.
 Ой, что мне делать, как мне быть.

ОБ ОТЦЕ

Ох, алянйяй-кельгомняй,
 Ох, алянйяй-кормилецкяй,
 Ох, коза тьяни тейне молема?
 Ох, коза тьяни, алянйяй, лисема?
 Кинь кядьста тьяни

Стака тевнень тифтьсайне?
Кинь кядьста тяни
Стака работанень работафтсайне? Ой...
Тоньфтемот тяни, аляняй,
Тейне аяш тевса лездыня,
Ой, аяш, аяш тевнень тиисна.
Ох, аляняй-кельгомняй,
Ох, аляняй-кормилецкяй,
Ох, маштсть велеста тоньфтемот
Всякай тевонь тии машты кяттне,
Цебярь советонь максы валхне.
Ох, аф кульса тяни ёню советкяцень,
Ох, аф няйса чакай-покай кядняцень,
Седис педи маштомашиняцень,
Ох, аф кульса велеть келес
Якай-шяяй оцю тевонь славацень,
Ох, кинди тяни, аляй, молема,
Ох, кинь лездома тяни тердема?
Ох, кинди тяни
Пара валиянка молема,
Ох, кинди тяни
Цебярь советонкса лисема?
Вай, аляняй-матаняй,
Юмась седистон
Ингольдень оцю радостькясь,
Срадсть-каладсть эздон
Вай, кеиярьфти мяльняне-арьсеманяне.
Ох, ков моляи, ков лисян?
Ох, аляняй, аляняй,
Ох, аляняй-кормилецкяй!
Кода тяни, аляняй,
Кудста-шиста лихтемат?
Кода тяни, аляняй,
Кудста-шиста прважамат?
Вечнай эряфти
Тон, аляняй, тяни туят,
Мархтонк мзярдонга
Тон, батяняй, тяни аф улят.
Тоньфтемот, аляняй,
Тейнек кивок лезды аф ули.
Ох, аляняй-матаняй,
Ох, аляняй — пштьень товняй,
Ох, аляняй — лаймокс панчфкяй,
Ох, аляняй — рошань инезицяй,
Ожка лятфтаса,
Ожка семботь азондса,
Тонь мархтот эрямась пароль,
Тонь вельдет эрямска тѣждяль,

Етай ульцява ломанькс лувсамазь,
Ломань ёткс лисян —
Эрь валиязень кулхшондсазь.
Тонь пингстот, аляняй,
Велеса тѣждяль эрямась,
Вай, мархтот, аляй,
Тѣждяль ваймонь тарксемась.
Тон фалу эсон
Тевняс тонафтоть,
Тон пара ённияс
Эсон фалу вятнекшнеть.
Ох, аляняй-кормилецкяй,
Ох, спасиба, кельгомняй,
Цебярь ённиякса,
Цебярь валиянка.
Тага спасиба, аляняй,
Тонь тейне оцю лезксцень инкса,
Тага спасиба, аляняй,
Стака тевнень тиemanкса.
Ох, аляняй-матаняй,
Тяни оду аф няйса
Алянь кядьса тиф тевняцень,
Оду аф кульса
Кайги вайгяльняцень.
Оду аф няйса
Тѣждя мольфцень-якафцень,
Оду аф васьфтьсан
Валда, ёню ванфкяцень.

34

Ох, отец мой любимый,
Ох, отец, кормилец мой,
Ох, куда теперь мне идти?
Ох, куда теперь, батюшка, мне выйти?
Кому теперь я поручу
Свои дела нелегкие?
Кто теперь мне тяжелые дела
Будет в доме делать? Ой...
Без тебя теперь, отец родной,
Некому мне помогать,
Ой, некому твои дела теперь делать.
Ой, отец, любимый мой,
Ох, отец — кормилец мой,
Ох, кто теперь в селе
Без тебя мне поможет?
Не с кем мне посоветоваться,

Ох, не услышу теперь мудрый совет твой,
Ох, не увижу больше твои руки работающие,
Не увижу ясное солнышко,
Которое всегда согревало меня,
Ох, не услышу больше твою славу громкую,
Которая гремела по всему селу.
Ох, к кому теперь, отец, мне подойти,
Ох, кого мне на помощь позвать?
Ох, к кому теперь за ласковым словом
Мне обратиться и сходить,
Ох, к кому мне теперь пойти
За хорошим советом?
Ой, отец родной, любимый мой,
Погасла в моей душе
Радость большая прежняя,
Развеялись из души моей
Все мои мечты и помыслы.
Ох, куда пойду, куда выйду?
Ох, отец мой, отец ты мой,
Ох, отец мой, кормилец мой!
Как теперь, отец ты мой,
Из дома тебя вынести?
Как теперь, отец ты мой,
Тебя из дома будем провожать?
В вечную жизнь, отец мой,
Ты сегодня уходишь,
С нами больше, отец наш,
Не будешь никогда.
Без тебя, отец мой,
К нам никто не придет,
Без тебя, отец мой,
Нам помогать никто не станет.
Ох, отец, родненький,
Ох, отец, самый любимый,
Ох, отец наш, цвет черемухи,
Ох, отец наш, малина сладкая,
Погоди-ка, я вспомню,
Погоди-ка, я расскажу,
С тобой жить было хорошо,
С тобой жить было легко.
Пройдусь по улице,
Все меня почитают,
А выйду в люди,
Каждое мое слово выслушают.
При тебе отец,
Жить в селе было легко,
Ой, с тобой, отец,
Легче и дышалось мне.

Ты всегда меня
Делу учил,
Ты всегда меня,
На ум-разум наставлял.
Ой, отец родной, кормилец мой,
Ох, спасибо, любимый мой,
За хорошие советы,
За ласковые слова.
А еще спасибо, отец родной,
За то, что ты помогал мне во всем.
Ох, отец миленький,
Теперь я больше не увижу
Твоими руками сделанное дело.
Больше не услышу
Голос знакомый твой.
Больше не увижу я
Твою походку легкую.
Больше не встречу я
Твой умный, светлый взгляд.

35

Алянязе-кормилецкязе,
Оцю скорбень кирдинязе!
Алянязе — сиротань кадынязе!
Кадолеть хоть фкян-кафтона,
А тьян кадоть кафксоня,
Аф кафксоня — кемония.
Кафтонятне максфт-сывфт,
А кафксонятне вастфтомот,
Пяленясна ёнень содаиняшкат,
Ладонь сывиняшкат,
Колмонятне ёнь аф содаиняшкат,
Лад аф сывиняшкат.
Алянязе-кормилецкязе!
Мезь ланге ваномок,
Кадуть сиротаняста?
Тядянязе-аванязе!
Месендят мархтост, мезе тят,
Коза тисайть, коза ладясайть?
Алянй-кормилецкяй!
Синь аяш илять матынясна.
Алянй-кормилецкяй!
Медняда тацтинялеть,

Сахарда ламбамнялеть.
Тядяний-аваняй!
Илядоть васяфтома-полафтома.
Кинь мархта ладясайть тевнятнень?
Кинь мархта ладясайть шабанятнень?
Тядяний-аваняй!
Аш думандай ялганяце,
Аш пеконь-потмонь панжема вастоняце.
Аляний-кормилецкяй!
Рассудливой судьязе,
Алянязе — танцти сускомнязе,
Цебярь пойланязе;
Алянязе — орта лангса шинязе,
Пяле ки лангс прважайнязе,
Меки ки лангста учинязе.
Аляний-тряйняй!
Мазы карень кодаиняй,
Пильге мерань содаиняй,
Эзем пряса кандоняце,
Эсонза аяш ваймоняце.

35

Отец мой — кормилец мой,
Столько скорби перенесший!
Отец мой — сиротушек оставивший!
Оставил бы хоть одного или двоих,
А то ведь оставил восьмерых,
Не восьмерых, а десятерых.
Две из них замуж выданы,
А остальные еще без своего гнезда.
Многие из них набрались ума-разума,
В жизни кое-что понимающие,
А трое еще несмышленные,
В жизни не разбирающиеся.
Отец мой, кормилец мой!
На что ты надеялся,
Оставляя сиротушек?
Мать моя родненькая!
Что ты будешь с ними делать,
Куда их подеваешь, куда пристроишь?
Отец мой, кормилец мой!
Вкуснее меда был ты нам,
Слаще сахара.
Мать моя родная!
Осталась ты без любимого мужа.
С кем теперь будешь советоваться?

Куда пристроишь своих детишек?
Мать моя родная!
Нет у тебя теперь советчика,
Некому тебя приголубить.
Отец мой, кормилец мой!
Самый ты рассудительный,
Отец — ты лакомый кусочек мой,
На свете самый близкий и родной,
Отец мой — ты красно солнышко,
В жизнь ты меня в путь-дорогу провожал,
На обратном пути меня ты встречал.
Отец мой, кормилец мой!
Кто мне сплетет теперь
Самые красивые лапти из красного лыка?
Лежишь ты в гробу своём,
Лежишь ты бездыханный.

36

Ватта яван-калян алянязень-тряйнязень!
Алянязе — сери пичень серенязе,
Алянязе — матрань кузонь ронгонязе,
Алянязе — рассудливой баярнязе,
Алянязе — пяле веконь эряйнязе.
Коза срхкат, аляний, коза адерлят?
Ков шать-карять, алякай, наряжать?
Мезень пирня-праздниконя, аляй, тон тнеть?
Тундань шинят, алякай, сашендыхть,
Опана венят, алякай, нежестькшнихть,
Нармонянтне пизонят, алякай, тнендихть,
Тон, алякай, пизоняцень срафтыть,
Эрямшиняцень, алякай, калафтыть.
Кинди кадыть, алякай, фкя цера-дяканяцень!
Дяканяцень, алякай, кудонь пряняцень,
Кинди кадыть, кинди надняфтыть?
Сонь аф алашац, алякай, кильдеви,
Сонь аф соканяц, алякай, кирдеви.
Кадыть, алякай, коське келуныкс люксема,
Тундань кукуныкс, алякай, куксема,
Шяй тишенякс, алякай, шяема,
Лама нужань, алякай, няема,
Шары кавалкс, алякай, шава паксянь шарома,
Миронь стадань, алякай, ванома,
Лама валонь кулема,
Лама нужань няема.

Вот расстаюсь я с отцом-кормильцем!
 Папенька — стройный ты, как сосенка,
 Папенька — зелёная моя ёлочка,
 Папенька, рассудливым ты всегда был.
 Папенька, ты полвека только жил.
 Куда собрался, папенька, куда устремился?
 Куда собрался-приоделся, папенька, нарядился?
 Какой пир-праздник, папенька, устроил?
 Весенние денёчки, папенька, приходят,
 Теплые ноченьки, папенька, приближаются,
 Птицы, папенька, начинают гнезда вить,
 Ты, папенька, свое гнездо разрушил,
 Свою жизнь, папенька, нарушил.
 Кому оставил, папенька, сыночка малого?
 Сыночка единого, папенька, в доме хозяина,
 Кому бросил, кому поручил?
 Он лошадь еще не может удерживать,
 Он соху еще не может держать,
 Оставил ты его, папенька, как сухую березоньку,
 Весенней кукушечкой, папенька, куковать,
 Осокой, папенька, высохнуть,
 Много нужды, папенька, повидать,
 Соколиком, папенька, над пустым полем кружить,
 Сельское стадо, папенька, пасти,
 Много недобрых слов слышивать,
 Много горюшка повидать.

Ох, алякай-тряйнязе,
 Светть ниле уженза,
 Светть ниле ширедонза.
 Кда улельхть, алякай,
 Монь кели пацяняня,
 Нилецьке ужензон светть,
 Алякай, мон лиелине,
 Коза калмаф шотоняце, вешелине,
 Коза мараф мода маряце.
 Вешелихтень, алякай,
 Васьфтелихтень, матаняй,
 Кядняда мон сяволихтень,
 Маланязон шашфтолихтень,
 Аляняй, ктмордалихтень,
 Седишканяда, кормилецкай,
 Лямбе трваняс палалихтень,
 Куломати афолихтень нолда,

Куломати афолихтень макса,
 Душманть эзда аралалихтень,
 Душманть эзда ванфтолихтень.
 Ох, аляняй-кормилецкай,
 Кулька, кулька-маряка
 Келес срады вайгяльнязень,
 Менельти куци монь вайгяльнязень.
 Вай, стака явомс,
 Аляняй, мархтот,
 Вай, стакат нолдамс
 Родной куднятот, эсь семьятот.
 Ох, алякай-кормилецкай,
 Вдь тьяни аердат минь эздонк,
 Вай, туят минь ёткстонк.
 Тячи, алянязе —
 Танцти кшинязе,
 Ламбама пряньканязе,
 Акша сахарнязе,
 Сувай сон кельме калму,
 Сувай сон шобда кудняс.
 Алянязе туй
 Вечнай вастозонза,
 Вечнай кудозонза-масторозонза.
 Вай, аляняй-тряйняй,
 Тьяни лядоме минь
 Тядязень мархта кафоненк.
 Вай, пяк тошнаня тоньфтемот,
 Вай, пяк стаканя аляфтома,
 Стака эрямась,
 Стака масторга якаманясь,
 Стакадонга стака
 Оцю тевоень тиemanясь.
 Вай, аляняй-сединяй, тьяни аш минь
 Вни пиземда кошкяньке,
 Варманяда эшкскяньке,
 Пурганяда кяшненьке,
 Цебярь тевоень тиененьке,
 Валда шиняньке,
 Валда заря тяштеньяньке.
 Коза тяфта наряжать,
 Коза тяфта тон срхкать?
 Эздонк, аляняй, туят.
 Кальдяв судьбаняс кадомась,
 Пичедема нолдамась.
 Кда улельхть пацяняне,
 Мельгат тона шити лиелень,
 Мархтот, аляняй,
 Оцю тевиат тиелень,

Ванфтолине зряфкяцень,
Эжделине сединяцень.
А тяни, аляний, тон аф сатоват,
А тяни, аляний, тон аф кирдеват,
Туют, кадсамасть,
Вай, юкстасамасть.
Ох, аляний, матаний, ох... ох...

37

Ох, отец мой, кормилец мой,
У белого света четыре угла,
У белого света четыре стороны.
Если были бы, отец мой,
У меня крылья широкие,
Во все четыре угла белого света,
Отец родной, полетела бы я,
Поискала бы место, где ты зарыт,
Где находится твоя могила.
Нашла бы тебя я, отец родной,
Встретила бы тебя, милый мой.
За руки взяла бы тебя,
Ближе к себе прижала,
Отец мой, обняла бы тебя,
От всего сердца, отец родной,
Горячо поцеловала бы,
Больше бы смерти не отдала тебя,
Больше бы к ней не пустила тебя,
От душмана я защитила бы,
От него бы тебя я поберегла.
Ох, отец родной, кормилец мой,
Ты послушай-ка, послушай-ка, услышь
Мой звонкий голосочек,
Он доходит аж до небес.
Ой, трудно расставаться,
Отец родной, мне с тобой,
Ой, трудно отпускать тебя
Из родного дома, из семьи родной.
Лакомый кусочек мой,
Сладенький пряник мой,
Белый сахар мой,
Войдешь в могилу мрачную,
Войдешь ты в темный домик.
Отец мой, уходишь ты на вечный покой,
В вечный дом, на вечное место свое.
Ой, отец — кормилец мой,
Теперь остались мы

С родной матерью вдвоём.
Ой, очень тяжело без тебя,
Ой, как тошно жить без отца.
Тяжело нам жить,
По земле ходить,
Тяжело делать большую работу.
Ой, отец родной-сердечный, теперь нет у нас
Шалаша от грозы,
Защиты от ветра, бури,
Укрытия от пурги,
Помощника в труде,
Солнышка согревающего, светлого,
Звездочки, светлой зари.
Куда так принарядился,
Куда ты так собрался?
Сегодня с нами расстанешься,
На тот свет ты собрался,
Уйдешь от нас, отец родной.
Глубокую печаль оставил ты нам,
Горем большим сердца наши наполнил ты.
Если были бы крылышки,
За тобой на тот свет улетела бы,
С тобой, отец родной,
Большие дела бы вершила:
Оберегала бы жизнь твою,
Согревала бы сердце твоё.
А теперь, отец, тебя не догнать,
А теперь, отец, тебя не удержать,
Уйдешь, оставишь нас,
Ой, позабудешь нас,
Ой, отец родной, любимый мой, ох... ох...

38

Ой, алянязе, алянязе-трайнязе,
Пяк лама нужань няняязе,
Ох, пяк лама горянь кирдинязе, ох...
Ох, аляний, аляний, ой, мезенди кадомайть?
Ох, алянязе-трайнязят, шкайнязят,
Танцти пяштень товнязят, тюжя вайнязят,
Вай, мезе тиеть, вай, мезе арьсеть?
Мес тон кадомайть, мес тон юкстамайть?
Ой, аляканязят-трайнязят,
Ой, аляканязе — лама нужань няняязе,
Ой, кодак кармать, алянязе, кулома,
Седнезе урнясь, горянясь люпштась.
Цють пильгоне мольсть, цють синь аськолясть,

Кядняне пульзяць, пужф лопакс люндяць.
Ой, аляканязе-трайназе,
Ранакиге кадомаць минь,
Кадыть сембе хозяйстваняцень,
Кадыть сембе козяшнннцень,
Вай, монь лангозон горятне люштаць,
Васце кулось аванязе-тядянязе,
Мельганза срхкать тонга, алякай,
Мес тяшкава колаць ваймонаязень?
Мес тяшкава токаць сединыязень?
Ой, алякай, аляняй-трайнай!
Касфтоць монь эсон, кода нармоннянь,
Ванфнеть, кельготь эсон, кода пиже панчфкянь.
Тяни ськамон лядонь шава куду,
Шава куду, куд потму.
Ой, саян куду, кудса кивок аш,
Коза кундама, коза фатяма,
Кинь мархта корхтама,
Кинь мархта тошкама?
Ой, аляняй, алякай,
Мезе тиеть, мезе арьсеть?
Ой, равжа модав тон аердоть,
Ой, ськамон монь тон кадомайть.
Ой, аляняй, аляняй-шкайназе,
Мезе тиян, кода эряма кармаи?

38

Ой, папенька, папенька — кормилец ты мой,
Много горюшка повидал ты,
Много нужды перенес ты, ох...
Ох, папенька, папенька, зачем ты оставил меня?
Ох, папенька — кормилец ты мой,
Моё зёрнышко ореховое,
Моё маслице желтенькое,
Ой, что наделал, что надумал?
Зачем оставил меня, зачем позабыл?
Ой, папенька — кормилец мой,
Ой, папенька, в горе выросший,
Ой, папенька, когда ты стал умирать,
Сердечко моё расколосось надвое,
Навалилось на мои плечи горе тяжкое.
Чуть ноги шагали, чуть держали меня,
Опустились ручки мои, как опавшие листочки.
Ох, папенька миленький,
Рано ты оставил нас,
Оставил всё хозяйство своё.

Оставил всё добро своё.
Ой, на меня печаль опустилась тяжкая,
Сначала скончалась мама родная,
А за ней собрался и ты, папенька,
Зачем такую грусть оставил в душе моей?
Зачем так тронул сердце моё?
Ох, папенька, милый, папенька-кормилец,
Вырастил ты меня как пташечку,
Оберегал, любил меня как нежный цветок.
Осталась одна я в доме пустом,
Одни стены вокруг меня.
Ой, приду домой, дома ни души,
За что взяться, что делать,
С кем мне разговаривать,
С кем поделиться мыслями?
Ой, папенька, папенька,
Что наделал, что надумал?
Ой, в сырую землю ты ушел,
Оставил меня одинёшеньку.
Ой, папенька, папенька, миленький,
Что буду делать, как жить стану?

39

Ожу пшкядян мон валнят
Сирень оцю родителенди,
Моркш пев озаф аятнненди,
Эзембряв озаф бабатненди,
Скомня лангс озаф оттнеиди.
Ох, инголент ащи шкай уженяса
Мокшень баяр алянязе.
Аляняй, аляняй-корьманяй!
Эзембрыса эчке тума ронгоняце,
Эсонза аяш ваймоияце.
Аляняй, роднойняй,
Тоду лангса пряняце,
Кургсот аф корхтай кяльняце.
Аляняй, роднойняй, тон яла макссеть
Щамс чакай-покай кямоняй,
Карямс нулнай-валнай платьяняй.
Аляняй, монь роднойнязе,
Миколань салу калнязе,
Роштувань сиволь палнязе.
Алянязе-корьманязе,
Кизонда якафтомайть покаяняса,
Тялонда — лямбе орняса и тёплайняса.
Алянязе-корьмайнязе,
Мезенкса тон кулофат.

Равжа модас суваят?
 Алянй, роднойнй, тонь куломаце
 Равжа туцякс сатомазь,
 Ендолнякс кфчядемазь,
 Атямонь таяфоке тиемасть.
 Вай, кинди кадыть, кинди лемдять
 Сисем сюдоф сиротанятнень?
 Кие тяни синь трясые?
 Кие тяни синь шасыне?
 Алянй-корманй,
 Не дай бох сиротанди лядомась,
 Не дай бох сисем щорхт.
 Алянй, роднойнй,
 Шама понасна сумборат,
 Пря понасна тувозат.
 Алянй-кельгомнй,
 Сиротатне оцю вача пеконят,
 Сиротатне штада лангонят.
 Алянй-касфтынй,
 Ушу лисихть — синь шорйхть,
 Куду сувайхть — аш лажадыхть.
 Алянй-касфтынй,
 Синь аф травихть пряйна,
 Сисем щорхт сиротанди лядомась.
 Алянй-роднойнй,
 Тяни месенди, кода тии
 Тядянязе минь мархтонк,
 Кода трясамазь, кода щасамазь?
 Алянй-касфтынй,
 Вишке вармада тейнек эшксолеть,
 Вишке пиземда кошкялеть.
 Алянй-роднойнй,
 Якшама тялоста тон лямбе куднялеть,
 Вишке вармаста эшксялеть,
 Вишке пиземста аш кошкяньке,
 Тялонь якшамста аш лямбе кудняньке,
 Алянй-корманй,
 Кинди кадомась,
 Кинди надняфтомась?
 Алянй-роднойнй,
 Минь лядоме круглай сиротакс,
 Ломанень мярьгома востонди.
 Кона панчсы кургонц, ся муворгофты.
 Алянй-роднойнй,
 Тяни минь обижафтама,
 Тяни минь шорй ломаттяма.
 Шары петьколькс
 Сембе эзонк повихть.

Хочу я слово вымолвить вам,
 Престарелым родителям,
 За столом сидящим старикам,
 В переднем углу сидящим старухам,
 На скамейках сидящим молодым.
 Ох, перед вами лежит под образами
 Отец мой любимый.
 Отец ты мой, папенька-кормилец!
 На красной лавке твое тело,
 В нем уже нет души твоей,
 Папенька, родимый мой,
 На подушке твоя головушка,
 Больше слова не скажешь нам.
 Папенька, родимый мой, ты всегда давал
 Надеть сапожки скрипящие.
 Надеть платья блестящие.
 Папенька, родимый мой,
 На николю моя рыбка ты соленая,
 На рождество мое мясо ты вкусное.
 Папенька — кормилец мой,
 Летом я ходила в сапогах,
 Зимой — в теплой шубе и в валенках.
 Папенька — кормилец,
 Зачем тебя смерть взяла,
 Зачем ты в землю уходишь?
 Папенька, родимый мой, твоя смерть,
 Как черная туча, настигла нас,
 Как молнией, поразила нас,
 Как гром небесный, ударила нас.
 Ой, кому оставил ты, кому поручил
 Семерых несчастных сиротушек?
 Кто их теперь кормить станет?
 Кто их будет обувать-одевать?
 Папенька-кормилец,
 Не дай бог сиротой остаться,
 Не дай бог семерых оставить.
 Папенька, родимый мой,
 Личики их мрачные,
 Волосы не расчесаны.
 Папенька, любимый мой,
 Сиротушки будто много едят,
 Сиротинушки словно одежды больше изнашивают.
 Папенька, родимый мой,
 Выйдут они на улицу — всем мешают,
 В избу зайдут — некому их пожалеть.
 Папенька, воспитатель мой,

Себя они не могут накормить,
Не дай бог быть сиротой!
Папенька, родимый мой,
Что с нами станет делать
Маменька родимая,
Как накормит, оденет нас?
Папенька, родимый мой,
От ветра нам ты бывал тихим уголком,
От дождя нам бывал шалашиком.
В стужу лютую ты нам был теплым домом.
Папенька, родимый мой,
Теперь от ветра нас укрыть некому,
Во время дождя нет у нас шалашика,
В морозный день нет у нас домика.
Папенька-кормилец,
Кому ты нас оставил,
Кому ты нас поручил?
Папенька, родимый мой,
Остались мы круглыми сиротами,
У всех мы теперь на виду.
Кто откроет рот, тот нас упрекнет.
Папенька родимый,
Теперь мы всеми обиженные,
Теперь всем мы мешающие.

40

Алянй, алянй-тряйнй!
Эземть лангса акша келу ронгоняце,
Тоду лангса ёню пряняце,
Эсот аяш ни ваймонаце,
Кургсот аф корхтай парьхциень кьяльняце.
Алянй-тряйнй,
Алянй — вача пеконь андынй,
Алянй — галош лангонь щайнй,
Пильгонь коряс карень кодайнй,
Карень коряс карьксонь понайнй!
Мезе арьсетъ тон, мезе тьетъ?
Кда улелеть, алянй, золотань питни крёскя тон,
Остатказень путолине — рамалихтень,
Парьхциень вядьмос карьксалихтень,
Мяште кучкасон каннелихтень;
Кда улелеть, алянй, очижинь мазы аля,
Шкай ужети путолихтень,
Эрь шкай шиня лангозт ванолень.
Алянй-гряйнй!
Тоньфтемот вдь кудсь шами:

Кудста машты тонь шоткяце,
Стенаста машты цильфкяце,
Киякссста маштыхть пильгокинятне.

(Ловажать велеть кувалмос ётафтомста)

Алянй-тряйнй,
Тяка вестъ эсь велень ётаманяце,
Мекольдень кис-янц туманяце.
Тяни каршек аф васьфттядязь,
Аф мельгат саттядязь,
Путтядязь равжа модати,
Аф акша сёрманяса, аф ломань вельде толкавават,
Аф ломань вельде валня тон кучат.

40

Батюшка, батюшка-кормилец мой!
На лавке твое тело в белом саване,
На подушке твоя умная головушка,
В груди твоей нет уже душеньки,
Навсегда замолк шелковый твой язык.
Батюшка-кормилец!
Отец ты наш — кормилец ты наш,
Одевал ты нас, обувал ты нас,
По ноге ты плёл нам лапотки,
По любви нам вил оборочки!
Что ты надумал, что ты наделал?
Если был бы ты золотым дорогим крестом,
То я бы отдала всё, чтобы купить тебя,
На шелковую тесёмочку низала бы,
На груди своей около сердца носила бы;
Если бы, отец родненький, пасхальным яичком был бы ты,
Перед иконами я тебя поставила бы,
Только смотрела бы на тебя ненаглядного.
Батюшка-кормилец,
Без тебя и дом пустой,
Без тебя не мило каждое брёвнышко,
На стене больше не увижу тень твою,
На полу не увижу следов твоих.

(Покойника несут по селу)

Батюшка, батюшка-кормилец мой!
Последний раз несут тебя по селу родному,
В последний путь-дороженьку уходишь.
Больше тебя никто не встретит уж,
Больше тебя никто не увидит.
Похоронят тебя в родной земле.

Ни написать тебе, ни словечком больше не окликнуть,
И через людей нам не передашь ты словечко.

41

Ой, алякай-трянный,
Ох, алякай — каменной стенаний,
Ох, алякай — оцю стенаний,
Ох, алякай-тряннызе — железной крышанязе.
Тяни велясь каменной стенанязе,
Вай, тяни месенттяма,
Кода тоньфтемот карматама эряма?
Кода тонга тона светса кармат эряма?
Пяк теснания, шобдана кудняце,
Аш эсонза вальмяня,
Аш эсонза кенкшкяня,
Тоса вечна шобдана,
Тоса зряфсь тейть пяк кальдяв:
Аф кядняце шарфтови,
Аф пильгоняце шерьфтеви, ох-ай!
Кинди тяфта кадомасть?
Мезе тяни тийхтяма?
Аф сёрма получатама,
Аф телеграмма получатама.
Маштсь кудста целькяце.
Моркш лангса лишнандась куцяняце.
Тряннызе, алякай, аф юкстават-кадоват.

41

Ой, батюшка, кормилец мой!
Ох, батюшка, стена моя каменная,
Ох, батюшка, стена моя большая,
Ох, батюшка, кормилец, крыша моя железная.
Теперь свалилась стена моя каменная.
Ой, теперь что делать нам?
Как без тебя мы здесь жить будем?
Как ты на том свете жить будешь?
Очень уж тесная, темная изба твоя,
Нету в ней окошечка,
Нету в ней и дверки,
Там вечная мгла кругом,
Там жизнь твоя несносная:
Не поднять тебе рученьку,
Не сдвинуть тебе ноженьку... ох-ох!
Кому ты оставил нас?

Что теперь без тебя нам делать?
Ни письма от тебя мы не получим,
Ни телеграммы мы не дождемся.
Не слышно в дому шагов твоих,
На столе твоя ложка лишняя.
Кормилец мой, батюшка, тебя не забыть.

42

Батякай, батякай, ой, оцю ённызе,
Ох, батянызе — золотань кяднязе-сурнязе,
Ой, батянызе — валда шинязе,
Ой, тряннызе — кельме родник веднязе,
Ой, велясь тряннызе — монь кевонь стенанязе,
Ой, шобдалгодсь валда монь шинязе-тряннызе.
Ой, ниде дяканятнень, батякай,
Сембонь тонафтомасть, тряннызе,
Сембонь вастовасть минь латцемасть.
Ой, батякай-трянный!
Куломозт сизьгемонь киза тон
Старандать эсь сюдоф дякацти.
Ой, батянызе-тряннызе,
Ой, петфневоть сюдоф стирняцень ваксс,
Макссеть тейнза цебярь советкат-тевнят.
Ой, батяняй, касфтомайть,
Оцю ённыс путомайть.
Вай, кда тяни стялеть-ванолеть
Учительница стирцень лангс, тон вяелить,
Сон эряй павазса, оцю уликсса.
Тяни сонь сонцень дяканза,
Тяни сонцень школав якайнза.
Вай, аляняй-трянный, эряфкясь полафтсь
Цебярь ширети, ой, валда эряфти.
Ой, кда стялеть, ванолеть, озалеть,
Танцти сускомня, батяй, нолалеть.
А тяни тон туть, гож эряфть кадуть.
Вай, минь оду, батякай, аф нийхтяма,
Вай, оду кядьта тонь аф сяфтяма.

42

Отец, отец, ой, уму-разуму наставлявший меня,
Ох, отец мой, красное солнышко,
Ой, кормилец мой, родниковая моя водица,
Ой, повалился мой кормилец, моя каменная опора (стена)
Ой, затуманилось ясное солнышко.

Ой, четверых детей нас, батюшка,
 Всех выкормил и вырастил,
 Всех в люди вывел ты,
 Ой, отец наш, кормилец наш!
 До смерти, до семидесяти лет ты
 Все о нас хлопотал, заботился.
 Ох, отец мой, кормилец наш,
 Ты везде вместе с дочерью был,
 Ей давал хорошие советы по делам.
 Ой, батюшка, ты меня вырастил,
 Научил большому разуму.
 Ой, если бы сейчас ты встал и взглянул бы
 На свою дочь-учительницу, то увидел бы,
 Она живет счастливо и в полном довольствии.
 Теперь у неё свои детушки,
 Теперь у неё свои дети-школьники.
 Ой, отец-кормилец, жизнь переменялась
 В хорошую сторону, стала она светлей и ярче,
 Ох, если бы ты встал, сел бы рядышком,
 Кусок лакомый бы испробовал.
 А теперь ты ушел, хорошую жизнь оставил.
 Ой, мы больше с тобой, батюшка, не увидимся,
 Ой, мы больше за руку тебя не поведём.

43

Ватта яван-калян алянязень-трайнязень;
 Алянязе-трайнязе, узерняса касфтынязе,
 Алянй-матушканяй, кормилецкяй,
 Кода юкстан парняцень,
 Мазы карень кодайнязе,
 Пильге мерань содайнязе,
 Шуваня карьксонь понайнязе.
 Алянязе, весеяланязе, поланязе,
 Сиянь сакалнязе,
 Круглай ряпсонь шаманязе,
 Пакся ёронь сельмонязе,
 Платнай сурксонь кудрянязе,
 Люкшя пачань трванязе.
 Алякай-трайнйяй, кормилецкяй,
 Алянязе, кинди кадыть шава юрхтоняцень?
 Эсьфтемот сон срады-калады.
 Кода кадыть пяльненязень
 Лама нужань няема,
 Лама валонь кулема.
 Кода каясы дацькянйяц,
 Коста сяви ярмаконят?

Жуватанянзон мисыне
 Пяле питнеяса.
 Кода ашить уча рвяяманяц,
 Шовордалить ломань ёткс.
 Тяни кинди панчсы пеконяц-потмоняц,
 Эсьфтемот алявок аф примасы.
 Мезь асувоц белой светкяти щасть-трясть
 Лама нужань няема,
 Лама валонь кулема.

43

Вот расстаюсь я со своим отцом-кормильцем,
 Отец-кормилец, всем ты помогал мне,
 Папенька родимый, кормилец мой,
 Как позабуду я твою доброту,
 Красивые лапти ты плел,
 Размер моих ног ты знал,
 Тонкие оборы ты вил.
 Папенька, милый, дорогой,
 Белобородый ты мой,
 Орлиноглазый ты мой,
 Лицо твое круглое, как репа,
 Кудри твои как колечки,
 Как гречневые блинчики твои губы.
 Папенька, кормилец мой,
 Папенька, кому оставил ты двор пустой?
 Без тебя он разрушится.
 Как ты оставил брата моего
 Много нужды повидать,
 Много слов неласковых услышать?
 Как он уплатит подати,
 Откуда возьмет денежки?
 Он продаст скотинушку
 За полцены.
 Как не дождался его женитьбы,
 В люди бы ты его вывел.
 Теперь кому он откроет свою душеньку,
 Без тебя никто не примет его.
 Зачем бедным на белый свет его выпустили,
 Много нужды ему испытать,
 Много недобрых слов услышать.

44

Ох, алянязе-трайнязе,
 Алянязе — лама нужань няинязе,
 Алянязе — оцю горянь кирдинязе.

Ох, алякай-трайнязе,
Алянязе — оцю вирень керынязе,
Алянязе — оцю тевонь тиньязе,
Иденди — цебярень арьсняязе.
Алянязе-трайнязе,
Ох, алякай, ох, алякай,
Лама киза тон постуфкялеть,
Пакся кучкаса якайналеть.
Ох, сюдоф алянязе, ох, алякай,
Оцю семья тон трять да шать,
Цебярь кудня тейнек тифтетъ-стройкафтоть.
Ох, алянязе-сединязе,
Лама варманя тонь васьфнензе,
Лама сталмоня тонь сизефнензе.
Ох, алянязе-трайнязе,
Кяжи ёндолня тонь пицензе,
Кяжи атямня тонь торсензе,
Кельме пиземня, вай, пизендензе.
Ох, алянязе-трайнязе,
Сембе зряфце ётась
Вирьге, паксява, кели лугава,
Стака зряфса, постуфонь тевса.
Мес тон, аляняй, тьяни кадсамасть,
Мес тон, аляняй, минь юкстасамасть?
Ой, ков кадомасть тьяни тьяроненк,
Да кинди тон минь надняфтсамасть, ой... ой...

44

Ох, папенька, кормилец мой,
Папенька, ты много горя перенес,
Ты нужды повидал предостаточно,
Ох, папенька, кормилец мой,
Дремучего леса ты много повалил,
Дел больших ты много сделал,
Своим детям всегда добра желал.
Папенька, кормилец мой,
Ох, папенька, ох, папенька,
Много лет ты по полям-лугам стадо пас.
Ох, папенька, горемычный ты, ох, папенька,
Большую семью ты выкормил,
Нас ты, папенька, одевал-обувал,
Хороший дом нам поставил ты.
Ох, папенька, сердечный мой,
Ох, много ветров встречал ты,
Ох, много тяжестей перенес ты.
Ох, папенька, кормилец мой,

Злые молнии тебя обжигали,
Раскаты грома тебя пугали,
Холодные дожди тебя поливали.
Ох, папенька, кормилец мой,
Вся жизнь твоя прошла
В лесах, на полях да лугах,
Труд был твой тягостный, пастушеский.
Зачем ты, папенька, теперь оставляешь нас,
Зачем ты нас позабыть хочешь?
Ой, куда нас столько оставил ты,
Да кому ты нас поручаешь, ой... ой...

45

Ой, аляняй, аляняй-трайняй!
Алянязе — кельгома лемнязе,
Алянязе — мода алдонь эрийнязе,
Равжа модада ярхцайнязе.
Ох, алянязе-кельгомнязе,
Лама идень касфтынязе,
Лама тевонь тиньязе.
Ох, вярде прась тонь тьяштеньце,
Алда срадсь тонь вастоняце,
Ох, беднайгодсь тонь семияце.
Ох, кинди кадомасть, аляняй,
Кинди тон надняфтомасть.
Ох, белай светса аляфтома
Эрямс тейнек пяк ни стака.

45

Ой, папенька, папенька — кормилец мой!
Папенька — любо нам имя твое,
Папенька — подземный житель ты наш,
Ты черной землей питаешься.
Ой, папенька, любимый мой,
Много детей вырастил ты,
Много дел ты переделал.
Ох, с неба упала твоя звезда,
На земле разрушилось твое место,
Ох, бедно стала жить твоя семья.
Ох, на кого ты оставил нас,
На кого ты покинул нас.
Ох, без отца на белом свете
Жить нам очень трудно.

Ой, мон вачкодъсайне
 Эсь кафта кяднянень,
 Пурдасайнь, батякай,
 Мон кемонь сурнянень.
 Ожу ни мярьган, батякай,
 Панжить кафта сельмонятнень,
 Да ни варжак, батякай,
 Хуть весть монь лагозон.
 Ох, мярьган, батякай,
 Мазы монь лемнязе,
 Седишкава кельгомнязе.
 Ой, ни стяка, ни озака
 Да ни варжак, батякай,
 Тон ляпе сельмонят
 Эсь нужань няи иттнень лангс.
 Да нинге мярьган, батякай,
 Азолеть хоть фкя валня,
 Мезе тейнек тиендемс,
 Кода тейнек эрямс-ащемс,
 Кода вача пеконьконь андомс?
 Ой, шкайнязе-батякай,
 Кда улель минь волянеськ,
 Кафта бокояда стяфтоледязь
 Да эсь вастозт матоледязь,
 Пади, сяда кржа мужа няелеме.
 Ой, ни маряк, батякай,
 Мьяльце мольсь минь триямонок
 Да ляпоняста минь щамонок.
 Варжак хуть тон весть.
 Суви лефксятнень лангс.
 Кафттне ащикть пря песот,
 Кафттне стяфкат боковат,
 А фкянясь, ёнь аф содайнась.
 Копорьгодсь тонь пильге пезт.
 Яфисазь синь кафта кядняснон,
 Пуворясазь синьге сурняснон,
 Ляйкс шудефтъсазь сельмоведняснон,
 Марс пуропнесазь кургоняснон.
 Азк, шкайнязе-батякай,
 Кинди тон минь кадомасть,
 Кинди тон минь надняфтомасть?
 Аш ни ляпе валонь азынеськ.
 О-о-ой! У-ух-ух!

Ой, как всплесну я
 Своими рученьками,
 Заломлю, батюшка,
 Свои десять пальчиков.
 Подожди, батюшка, я прошу тебя,
 Открой свои очи,
 Да взгляни-ка, батюшка,
 Хоть разок на моё лицо.
 Ох, скажу я, батюшка,
 Красивое твое имечко
 Мне всегда было любо.
 Ой, уж встань-ка ты
 Да взгляни-ка, батюшка,
 Ласковыми глазками
 На своих бедных детушек.
 Да еще прошу, батюшка,
 Скажи ты хоть одно словечко.
 Что нам теперь делать,
 Как нам теперь жить-поживать,
 Как нам теперь себя прокормить?
 Ой, господь мой, батюшка,
 Если бы мы были в силах,
 Мы бы подняли тебя на ноги
 Да на свое бы место посадили,
 Мы меньше бы нужды видели.
 Ой, наверно, батюшка,
 Надоело тебе нас поить-кормить,
 Да тепло одевать.
 Ты взгляни хоть еще раз
 На своих маленьких детишек.
 Двое стоят у твоего изголовья,
 Двое стоят по твоим бокам,
 А один из них, ещё несмышленый,
 Встал у твоих покрытых ног.
 Все они взмахивают своими рученьками,
 Прикасаются к тебе своими пальчиками,
 Громко всхлипывают,
 Рекой текут их слезиночки.
 Скажи-ка, господь мой, батюшка,
 На кого ты нас оставил,
 На кого ты нас покинул?
 Кто же теперь будет нас на дело
 направлять,
 Кто же будет нас добру наставлять?
 О-о-ой! У-ух-ух!

Пуромода, пуромода маланяс,
 Варжакстода сонь лангозонза,
 Варжакстода цёранязень лангс,
 Кадомонь, вдь кадомань,
 Кадомань монь ськамнян.
 Ой, Шурканяй-цёраняй,
 Идняя, надияма вастоняй,
 Кадомайт монь ськамнян
 Паксянь сяпи палакскас,
 Панда пряса келуныкс
 Шинек-венек кольгома.
 Сявсайне кядезон шамнятнень,
 Кундасайне штананятнень,—
 А тонць, цёраняй, аф няеват.
 Аф кулеви тонь вайгяльняце,
 Аф кульса тьяни, Шурканяй,
 «Маманяй» лемнять.
 Кинь вакскас озан ярхцама-симома,
 Кинь эса мон карман учсема?
 Кинь колга карман арьсема?
 Надянь, цёраняй, касат,
 Кемонь класскять шумордасак.
 Ох, мярьган, Шурканяй, Шурканяй,
 Сай ся пингонясь, арьсень,
 Мзярда максасак кяднязон
 Васень идняцень тейне ваннемс.
 А тьяни мес обидямайт,
 Мес дасадямайт?
 Куломаняцень мон ашине учсе,
 А тьяни кольсь-каладеь монь эряфозе,
 Аш тьяни вакссон надияма вастонязе.
 Стяк, Шурканяй-цёраняй,
 Стяк лазкскятнень эзда.
 Мес тон кенордать куломаняти?
 Мес аф корхтат, аф отвечат?
 Курок, вдь курок равжа моданяс суват,
 Курок, вдь курок равжа моданяса тавадоват,
 Аф нийсак оду белай светкять,
 Аф кулят оду ломань вайгяльня.
 Тят кенорда тона свету, цёраняй,
 Варжаксттака ялганятнень лангс,
 Сембе тясот, маласот,
 Ох, ох, ох... о... о...ох!..

Собирайтесь, подходите поближе,
 Взгляните на него,
 Посмотрите на моего сыночка,
 Оставил он меня одинокою,
 Оставил меня одну.
 Ой, Шурик мой, сыночек мой,
 Дитя моё, вся надежда моя,
 Оставил меня ты одну,
 Как полевую былинку горькую,
 Как на горке березоньку
 День и ночь плачущую.
 Возьму в руки твою рубашечку,
 Возьму твои штанишки,—
 А самого тебя, сыночек, не видно.
 Не слышно твоего голоса,
 Не услышу теперь, Шурик мой,
 «Мама»— твой призыв-
 Около кого я сяду поесть-попить,
 Кого стану ждать-ожидать?
 О ком я буду теперь мечтать?
 Надеюсь, сынок, ты вырастешь,
 Десятый класс окончишь ты,
 Ой, скажу, Шурик мой,
 Надеюсь, что это время придёт,
 Когда ты дашь мне в руки
 Няничить своего первенца.
 И за что ты меня обидел,
 За что раздосадовал?
 Твою смерть я не ожидала,
 А теперь вся жизнь моя горем окутана,
 Нет около меня сыночка.
 Вставай, Шурик-сыночек,
 Вставай из своего гроба.
 Зачем ты поспешил умирать?
 Почему ты не говоришь, почему не отвечаешь?
 Скоро ведь, скоро в сырую землю войдешь,
 Скоро ведь, скоро с черною землей смешаешься.
 Не увидишь больше света белого,
 Не услышишь голоса человеческого.
 Не спеши на тот свет, сыночек,
 Взгляни-ка на своих товарищей,
 Все они вокруг тебя собрались,
 Ох, ох, ох... о... о... ох!..

Цёранязе, Колянязе,
 Мазы дякай, Колянй!
 Кда маряйне юмамацень,
 Кда маряйне ваяманяцень,
 Мастор ланга якань комада,
 Кода пиксеф, кода люпшсеф.
 Масторга якань пульзяфста,
 Оцю горяса, оцю пичефкса.
 Шяярень тарксине коморса,
 Сельмоветть пярденъ ведаркаса,
 Потмозе пяшксель салмокста,
 Кизе ацафоль сялги палаксса,
 Кда моленъ ляй трвати,
 Кда моленъ шуди берякти,
 Теень ломаттне корхтайхть:
 «Целай час ни Коляце аяш,
 Целай час ни сон юмась.
 Сонь салазе шары омуть,
 Сонь сявозе крхка потмаксь
 И вельхтызе сонь эйсь;
 Шуди ведсь сонь салазе,
 Кяжи ведсь фатязе,
 Шары ведсь кяльготнезе».
 Тя аерке кяжи куломась,
 Тя равжа злодей куломась
 Кемонь шинят мянь
 Ведь потмаксса кирдензе,
 Колянязень ашезе ноля.
 Сяс куломада пяк пелян,
 Эстейнь васта аф муян.
 Цёранязе, Колянязе,
 Мазы дякай, Колянй,
 Аралень мон пря пезот,
 Пря песот тонъ
 Теланъ канды аванясь.
 Мазы ризат лангсонза,
 Золотанъ венец прясонза,
 Сельмоведень руця кядьсонза,
 Сонць келукс кольги-аварди,
 Вай, оцю ризфса пичеди,
 Горяняти мучендай.
 Колянязе-дяканязе,
 Кельгоманязе, Колянй,
 Конашкава ёмланяста
 Мон тонъ ванфнихтень,
 Седишкада, Колянязе,

Емланяста-пиженяста
 Мон тонъ трякшихтень,
 Фалу мон ужяльдихтень,
 Акша лофционязень потяфнине,
 Тюжя вайнязень аннине.
 Тонъ эрямстот-касостот
 Мархтот и морсекшнень,
 Мархтот и аварькшнень,
 Сурбриясон аннихтень,
 Кядь пеняса каннихтень,
 Плманжа лангса ваннихтень,
 Урмада-сталмода вирфнихтень.
 Седишкава касфтыхтень.
 Кда касотъ ломаньшкакс,
 Эсь пряняце ашезь ванфтов.
 Цёранязе, Колянязе,
 Мазы дякай, Колянй,
 Теень савсь, цёранй,
 Оцю горясот горяваме,
 Инксот лама пичедемс.
 Теень, дяканй,
 Питнидонга питнинят,
 Жалкадонга жалкайнят.
 Мазы дякай, Колянй,
 Тона шити, виде шити
 Модемс-ётамс аф тёжда,
 Марьсекшнень, тов модемс
 Пяк стака, пяк трудна.
 Тов молихть колма кинят,
 Тов молихть колма яннат.
 Васенце кись почетф ёмла кевняса,
 А тон, дякай, тят пеле,
 Мазы дякай, тят эводе,
 Што пильге алксне пуворихть,
 Вечнай обуфкянязе калады,
 Мольхть, асколяк аф пелезь.
 Вай, омбоце кись ётай,
 Вай, омбоце кись моли,
 Лакай адста сон моли.
 Грешниконят сон вяти.
 Кить кафта ширева
 Пиди палакс шачи,
 Пиди палакс касы.
 Тяньге ётак, Колянй,
 Эрекста, смелайста.
 А колмоце кись
 Ляпе тишеса вельхтяф,
 Кить кафньке ширева

Райскяй панчфкат касыхть,
Пяк мазыста панжихть.
Марлюнятнень пряс
Райскяй нармоният морайхть.
Ня нармониятне самай сят,
Конат несчастнай куломаса тусть,
Конат аф эсь куломасост кулөсть,
Мазы пингетост тона свету састь.
Тя валда райста кись ётай,
Пара эрямаста кись моли.
Безгрешнай ломаттнень тов ётафты,
Безгрешнай шабатнень тов вяти,
Тоньге, Коляньке,
Тя киге вяттядязь,
Тя кигаст ётафттядязь,
Вековечнай эрямати,
Бесконечнай бизняти.
Ой, Коляняй, дяканяй,
Мес кадомайть,
Мес юкстамайть?

48

Сынок ты мой, Коленька,
Красивый ты мой, Коленька!
Как услышала о твоей погибели,
Как услышала, что ты утонул,
По полу ходила согнувшись я,
Как избитая, как помятая.
По полу ходила без моченьки,
Горем и печалью охваченная.
Я рвала на себе волосы,
Сердце иголками наполнилось,
Слезы лила как из ведра.
Под ногами крапива жгучая.
Как я пошла на бережок реки,
Как подошла к воде текучей,
Мне люди рассказывали:
«Целый час нет твоего Коленьки,
Целый час, как он утонул.
Его схватил водоворот,
Его прибрала большая глубина
И покрыл его лёд;
А вода текучая его унесла,
Бурлящая вода его укрыла,
Бурлящая вода его заманила».
Эта смерть ненавистная,

Эта злодейка смерть чёрная
Десять дней целых
Под водой держала
Моего сынка Коленьку.
Поэтому я смерти страшусь,
Себе места не нахожу.
Сынок мой Коленька,
Милый мой Коленька,
Встала бы я у изголовья,
У изголовья твоего
Сидит женщина, тебя принесшая,
Душу твою принесшая.
В красивые ризы она одета,
Золотой венец на её голове,
На руке её платок, слезы утирает,
Сама плачет, как в дождь березонька,
Ой, от печали она рыдает,
От горюшка она мучается.
Коленька, дитё мое,
Любимый мой, Коленька,
В детстве тебя так я оберегала,
От души, мой Коленька,
В детстве тебя я вскармливала,
Всегда тебя любила, жалела,
Своим белым молочком тебя поила,
Желтеньким масличком своим кормила.
С тобою всегда я песенки певала,
С тобою я и плакала.
С кончиков пальцев тебя кормила,
На рученьках своих носила,
На коленях тебя держала,
От всех болезней оберегала.
Радуюсь, тебя растила.
А когда ты стал большим,
Самого себя ты не смог сберечь.
Сынок мой, Коленька,
Милое дитё мое, Коленька,
Мне пришлось тяжелое горе
Переживать,
Много мне пришлось печалиться.
Мне ты, птенчик мой,
Самый дорогой на свете,
Всех больше тебя жалко.
Птенчик мой, Коленька,
На тот свет пройти
Не так ведь легко.
Слыхивала я, что туда идти
Очень тяжело и трудно.

Туда ведут три пути,
Туда идут три дороги.
Первая дорога — осыпана камушками,
А ты, сынок, не бойся,
Птенчик мой, не напугайся,
Что ножки мозолями покроются,
Вечная твоя обувь износится,
Иди, шагай без боязни.
Ой, вторая дорога идет,
Ой, вторая дорога ведет,
Из горящего ада она идет,
Грешников она ведет.
По обочинам дороги
Растут крапивы жгучие,
Крапивы жгучие торчат.
И здесь пройди, Коленька,
Твердым шагом и смело.
А третья дорога
Мягкой муравой покрыта,
А по обе стороны пути
Райские цветы растут,
Очень красиво цветут.
Растут яблоньки,
Разными цветами осыпаны,
На ветвях яблонь
Поют птицы райские.
Эти птички — самые те,
Которые несчастными умерли,
Не своей смертью скончались,
В пору цветущую на тот свет ушли.
К этому раю светлому
Дорога идет,
Из прекрасной жизни дорога ведет
Безгрешных людей в этот рай,
Безгрешных детей туда ведет.
И тебя, Коленька,
По этой дороге поведут,
По этой дороге ты пройдешь
В жизнь вековечную,
В жизнь бесконечную.
Ой, Коленька, птенчик мой,
Зачем меня оставил ты,
Зачем позабыл меня?

49

Цёраняй, цёраняй,
Кемонь кизот вешендихтень,
Кемонь кизот мельгат якань,

Шкайнъ кядьста анайхтень.
Воражъянь кядьста рамазь рамайхтень,
Аф аназь анавоть,
Аф рамазь рамавоть.
Кадомайтъ шава кудонь ванома,
Шава корамнянь шарома,
Таракан мархта корхтама,
Стенатнень мархта думандама.
Кулан — аяш калмайнязе,
Эрян — аяш трайнязе,
Эрян — аяш пакяся эсь видева сёра виднязе,
Аш пакяся умань тяштинязе,
Вирьса аяш талеканязе,
Аяш тяштень шуфтонязе,
Аяш пекозон эсь видева кшинь максынязе,
Аш трайнязе, аш ванянязе.
Веле ёткс лисян —
Аш мялень пяшкодинязе,
Аш мархтон корхтайнязе,
Аш думандай ялганязе,
Аш вастонь лихтинязе,
Аш вастонь сувафтынязе,
Аш прялонь путынязе.
Кенярьбакарнязе — путома прялязе,
Илядень расась — ацамнязе,
Шобдавань расась — вельхтяманязе,
Шять, пакся кучкас лиси ваймонязе.
Лама ортань панчсиян,
Лама ортань сёлгиян,
Лама пинень увафтыян.

49

Сыночек, сыночек,
Десять лет тебя искала,
Десять лет за тобой ухаживала,
У боженки тебя упрасивала,
Но не пришлось выпросить.
От ворожеек тебя выкупала,
Но не пришлось выкупить.
Оставил меня пустую избу сторожить,
По пустому двору ходить,
С тараканами разговаривать,
Со стенами размышлять.
Умру — некому меня похоронить,
Живу — нет у меня кормильца.
Живу — нет на поле
Своего сеяльщика.

Нет на поле хозяина,
В лесу нет у меня дольки,
Нет у меня своего деревца отмеченного.
Некому мне подать
Кусочек хлеба.
Нет у меня кормильца,
Некому за мной следить.
В люди выйду я,
Некому мне слово вымолвить,
Не с кем разговаривать,
Нет у меня собеседника,
Некому постель выносить,
Некому постель заносить,
Некому под голову подушку положить.
Локоть — у меня подушечка,
Роса — вечерняя моя постель,
Утренняя роса — мое покрывало.
Может, на поле я умру.
Много ворот я открываю,
Много калиток закрываю,
Много собак лаять заставляю.

50

Ой, пиже дяканязе, Витя,
Ох, мазы цёранязе, Витя,
Норак, дяканяй, бокозт молян,
Норак, цёраняй, малазот аран.
Кода ризфу сединязень ваймафтсан?
Кода горянь синтьф сединязень ладяса?
Аралень пильге пенязот,
Пильге песот ащи куломась.
Куломада ни мон пяк пелян,
Сон шава куднязень пякстазе,
Шава куднязень сёлгозе.
Норак, мон аран пря пенязот,
Норак, аран маряй пиленацень каршес,
Может, авацень валонзон марясайт.
Сонь шава кудняс тон кадыть,
Шава кудняс сонь синдить.
Ох, кулома, кулома,
Ащек мон тейть корхтан:
Мес тон монь эздон аф туват?
Мес тон эсон аф ётат?
Аф ламошкада думандалеть,
Аф ламошкада арьселеть,
Велеть перьфке ёталеть,

Кальдяв ломатть кочкалеть.
Ули лама сире ломань,
Улихть куломань вешихть,
А тон, седифтома кулома,
Колма сядоста мумайть,
Колма сядоста явомайть,
Кичкора крюкокс тиемайть,
Коське ляйкс косьфтамайть,
Седи видьге синдемайть.
Ох, пиже дяканяй, Витя,
Ох, мазы цёраняй, Витя,
Корхтан тейть эсь валнянень,
Азан тейть эсь мялянянень:
Фалу, корхтайхть родительхне,
Лисихть каршезот,
Од кулыть васьфтема.
Лисендяряй Митя брадце каршезот,
Содака, цёрай, содака,
Мяляфтка, цёрай, мяляфтка,
Кда станяк аф содави тейть,
Аф лама трактор алу повида,
Приметак, Витя, кда улихть ламонест:
Кда аф содави сон тейть,
Види кядняц пачк тапаф,
Кержи пильгоц сембе яжаф,
Пря боконац ёфси аш,
Сянь квалма содака,
Сянь колга приметака.
Мон нинге инксонза горяван,
Пси сельмоветть лихтян,
Вайгяльняса авардян.
Ох, пиже дяканяй, Витя,
Мазы панчфкяй, цёраняй,
Лисендяряйхть солдатт каршезот,
Содака тон браткяцень,
Мяляфтка тон Колянь.
Немецкяй пуля сонь ляцезе.
Коляндиге азондомак,
Коляндиге пачфтемак,
Кода инксонза горяван,
Кода инксонза авардян.
Ох, пиже дяканяй, Витя,
Мазы цёраняй, Витя,
Кода карман тоньфтемот
Шитнень-ветнень ётафтома?
Кода карман тяни эряма?

Кода тинь оцюста касоде?
Теень трияводе-касфтоводе,
Сембе тушенттада эздодон.
Сембе кадондсамасть ськамон.
Тяни ба максолеть теень
Кядияненди-пильгоняненди спокой,
Сире прясон ваймафтолемайть.
Мезе тиян тоньфтемот?
Кода варжан од ломаттнень лангс?
Прястон ённиане монь маштыхть,
Сельмоне лоткайхть няемда,
Пильгоне лоткайхть якамда.
Кода мон инксот горяван,
Кода мон инксот авардян,
Куломась тонь рана сявонзе,
Аф пингста-парста мунзе.
Тяни туят равжа модас,
Вековечной кудняс,
Вековечной эрямас.

50

Ох, птеник, желторотенький, Витя,
Ох, красивый мой сынок, Витя,
Погоди, к тебе я пойду, сынок,
Погоди, я встану около тебя.
Как сердечко горемычное я успокою?
Как свою душеньку от печали уберегу?
Встала бы я у твоих ног,
Там стоит смерть проклятая,
Смерти я очень боюсь,
Она пустой домик мой заперла,
Пустой домик мой закрыла.
Погоди, я встану у изголовья,
Погоди, встану я у твоего уха слышащего,
Может, услышишь слова матери?
Ты в избе пустой оставил меня,
В избе пустой подкосил меня,
Ох, смерть, ты, смерть,
Погоди, я тебе говорить стану:
Почему ты от меня не уходишь,
Почему меня не оставляешь?
Немного бы подумала ты,
Немного бы поразмыслила ты,
По селу прошлась бы,
Злых людей собрала бы.
Есть много престарелых людей,

Много смерти жаждущих,
А ты, бессердечная смерть,
Из трехсот меня нашла,
Из трехсот меня выбрала,
Кривым крюком меня сделала,
Как былинку иссушила.
Душу мою опечалила так.
Ох, дитё моё, Витенька,
Ох, мальчик мой красивый, Витя,
Говорю тебе свои слова,
Даю тебе свой наказ:
Говорят, что родные
Выходят там встречать,
Встречать новоумершего.
Если выйдет, Витя, брат встречать,
Узнай его, сынок, узнай,
Вспомни-ка, сынок, вспомни-ка,
Если ты его не узнаешь прежним,
Не так уж много таких,
Кто под трактор попал,
Заприметь, Витя, если их будет много,
Правая рука у него раздроблена,
Левая нога колесом оторвана,
Нет у него полчерепа,—
Вот по этим приметам
Ты его угадай-ка,
По этим признакам ты его приметь-ка.
Я ещё о нем горюю,
Лью слёзы горячие,
Плачу не своим голосом.
Ох, младенец мой, Витя,
Красивый цветочек, сынок,
Если встретят тебя военные,
Узнай-ка ты своего брата,
Вспомни-ка ты Колю —
Немецкая пуля убила его.
Расскажи ты обо мне и ему,
Напомни обо мне ему,
Как я горюю о нём,
Как я плачу по нём.
Ох, младенец мой, Витя,
Красивый мальчик мой, Витя,
Как я буду без тебя
Дни и ночи проводить?
Как теперь я стану жить?
Как вы все выросли,
Как вы научились уму-разуму,
Так все ушли от меня,

Все меня оставили одинокою.
Теперь бы дал ты
Моим рукам, ногам покой,
Я бы, старенькая, отдохнула.
Что стану делать теперь без тебя?
Как посмотрю на молодых,
Так я вся расстроюся,
Глаза мои помутнеют,
Ноженьки мои подкосятся.
Как я о тебе горюю,
Как я по тебе плачу,
Смерть тебя взяла не вовремя,
Рано она тебя нашла-прибрала.
Теперь уходишь в сырую землю,
В домик вековечный,
Уходишь в жизнь вековечную.

51

Ох, цёраняй, цёраняй,
Монь цёранязе-трайнязе!
Мон учень эсот.
Пади, монь калмат,
А тон савоть
Эстейне калмамс.
Тон пульзяфтыть монь
Кафта якай пильгонянень,
Тон нолдафтыть монь
Кафта покай кяднянень.
Аяш якамшка эрьганязе,
Боком мадомшканязе,
Вастса ацемшканязе.
Прощай, цёраняй,
Прощай, иднязе.
Ай, цёраняй, цёраняй,
Цёраняй — мазы ряпскяй,
Цёраняй — валда шаманяй,
Сура пача трваняй,
Пакся ёронь сельмоняй.
Коста няйхте, иднязе,
Коста сяфте?
Коста няйсан, иднязе,
Виде келу ронгоняцень?
Коста кульса, иднязе,
Моску пайгонь вайгьяльняцень?
Аф сёрма вельде,
Аф пилень куляняса,

Аф кулеват тейне.
Кда моляи церькаву,
Акша кагод лангса
Лемняцень морафтсазь.
Эста кулян, иднязе,
Тонь лемняцень.
Вай, тяни кда лазоволь
Монь алдон моданясь,
Тулень масторть пачка.
Вай, цёраняй, вай, месендяй?
Коза молян, мезе арьсян,
Цёранязе, баяриязе?

51

Ох, сынок, сынок,
Сынок, кормилец мой!
Я ждала всегда,
Что ты похоронишь меня,
А пришлось мне самой
Похоронить тебя.
Подкосил ты
Мои ноженьки ходячие,
Опустил ты мои
Две рученьки работающие.
Нет у меня теперь моченьки ходить,
А как прилягу я —
Не могу лежать.
Прощай, сынок,
Прощай, моя деточка.
Ох, сыночек, сыночек,
Дитя моё ненаглядное — моя репка,
Сынок светлоокий мой,
Как пшённые блинчики, твои губки,
Как у полевой перепёлки — твои глазки.
Где тебя увижу, дитя моё,
Где тебя я возьму?
Где увижу, сынок,
Твой стройный стан?
Где услышу, сыночек,
Звонкий голосок твой?
Ни письмом,
Ни запиской оттуда
Не вызвать мне тебя.
Как пойду я в церковь,
На белой бумажечке
Твое имя огласят-пропоют.

Тогда услышу я, сынок,
Твое имечко.
Ой, если бы теперь подо мной
Земля расступилася,
То сквозь землю я провалилась бы.
Ой, сынок, ой, что стану делать?
Куда пойду, что придумаю,
Дитя моё, сердцу близкое?

52

Мишканязе, монь фкянязе!
Белай светонь цебарнязе!
Иднязе, иднязе,
Монь удалафкязе —
Медьта сяда ламбамнязе,
Белай светонь цебарнязе,
Мезькс мон тонь касфнихтень
Мезькс мон тонь шачфнихтень?
Мес мон тонь, золоткый, касфтыхтень?
Пара ломань кядьста тонафтыхтень?
Японскый войнас прважайхтень,
Эстоньбере юмафтыхтень.
Кинь-бди, цёраняй, добрац аф саты,
Оцязоронь-баяронь пексь аф тонафтови.
Япониять мархта трагдсть,
Монь лядыкс цёранязень сявозь,
Лядонь тьяни кядьфтома-пильгфтома,
Сире пяли трайфтома.
Тейст, обжор баярхненди,
Эрявихть модат, вирьхть,
А мондейне сире пяльхть
Эрявихть кятть, пилбкт.
Аф улихть кядне,
Аф улихть пильгоне,
Аф ули трайнязе.
Вай, цёрай, ков туть,
Вай, коза юмать?
Мес пряняцень аф няфтьсак?
Мес лемняцень аф азсак?
Мес вайгяльня аф максат?
Коза туть, коза юмать?
Кинь ёткс повоть?
Кинь оржа пуляса шавовоть?
Али киньге пяли кяшевоть?
Вай, цёраняй-матаняй,

Нармонь лефксонь пацяняй,
Мяляфтовихть тьяни тейне
Оцязоронь войнатне,
Мяляфтовихть тьяни тейне
Обжоронь бойнятне.
Кадовонь нармонь лефкскафтома,
Кадовонь ёфси галош авакас,
Кадовонь беднайкс цёрафтома.
Вай, цёраняй-лопаняй!
Тага мярьган, цёрай-золоткый!
Венцянь-тиень — сембоне ашельхть,
Церькавьт озонкшнемста казендине,
Шкабавазть кядьста иднят вешенкшнень,
Воражья алятнень, воражья аватнень ётнине,
Пильгонянень шавондыне,
Кие коза кучсамань —
Тоза казне мархта якань.
Мярьгсть: «Арафста аш идезе»,
Проценгас лисендень,
Золотань кольцяня
Церькавьт вакс ёрдань:
«Макст, шкабаваз, тейне цёраняй!»
Стирень шачфтомс, вай, пелень:
Аяш душец паксяса,
Лама ланганза ётай славада,
Лама эряви тейнза нарядта.
Цёраняй-лопаняй!
Тьяни думан, стирь шачель,
Сон вакссон улель,
Сонь войнас афолезь сяве.
Вай, цёрай, цёрай — фкя идняй,
Белай светонь цебарняй!
Мон тонь рамайхтень, шачфтыхтень,
Мон тонь касфтыхтень.
Пяляз пинетне кядьстон сяводязь,
Мастор крайти ускодязь,
Тозк юмафтодязь!

52

Мишенька, ты мой единственный!
На белом свете самый хорошенький!
Сынок, ты мой, сынок,
Мой удаленький,
Слаще мёда ты у меня,
На белом свете наилучшенький.
Кем я тебя родила?

Кем я тебя вырастила?
Зачем тебя, голубок, я вырастила?
У хороших людей я тебя выучила?
На японскую войну тебя проводила,
Там тебя я и потеряла.
У кого-то, сынок, не хватает богатства,
Животы у царя и бояр ненасытные,
Поэтому и войну затеяли,
А у меня последнего сынка забрали,
Теперь я осталась беспомощная,
На старости лет без кормильца.
Им боярам-обжорам
Нужны земли и леса,
А мне под старость нужны
Рабочие руки и ноги.
Не будет у меня помощника,
Не будет заступника,
Не будет кормильца.
Ой, сынок, куда ты ушел,
Ой, куда ты пропал?
Почему ты не покажешься мне на глаза?
Почему меня не окликнешь?
Почему не слышно твоего голоса?
Куда ты ушел, куда ты пропал?
Где ты затерялся?
Чья злая пуля убила тебя?
Или у кого-нибудь ты приютился?
Ой, сынок, моя душенька,
Сизый голубок ты мой,
Теперь из памяти не изглядятся
Проклятые царские войны,
Не забудутся мне
Бои кровопролитные.
Осталась я без птенчика,
Осталась голодная и разутая,
Осталась я сиротой,
Ой, сынок ты мой, родненький!
Ещё скажу, ты голубок мой!
Повенчалась когда — небогата была,
На молитвы церкви я все раздарила,
Так себе сынка я выпрашивала у бога,
Ворожеек всех обходила,
По далеким сёлам ходила,
Кто куда меня посылал —
Туда я ходила с подарками.
Говорили мне: «Тебя сглазили,
Поэтому и нет у тебя ребенка».
Даже золотое колечко

Около церкви бросила:
«Дай мне, боженька, сыночка!»
Рожать девочку я боялась:
Подушную ей в поле не выделяют,
Много о ней будут говорить злого,
Много ей понадобится нарядов.
Сынок мой, цветочек полевой!
Сейчас думаю, если дочь бы родилась,
Она бы со мной рядом была,
Её бы на войну не отправили.
Ой, сынок, сынок, единственный!
На белом свете самый хорошенький!
Я тебя купила-родила,
Я тебя вырастила.
А кровопийцы отняли тебя
Из рук моих материнских,
На край света тебя отвезли,
Там они тебя и погубили!

53

Иднязе, Осенька, лефкскаязе,
Штафкязе-тряфкязе!
Иднязе-первайнязе,
Васень няйфкязе!
Иднязе-керынязе!
Керомайть, керомайть —
Кучканява синдемайть.
Иднязе — танцти сускомнязе!
Танцти пойланязе,
Цебяръ валонь корхтайнязе.
Иднязе, алон ацать ногай палакст,
Прялон путотъ пи́ди палакст,
Седи куцюзон каять курмозь салмокс,
Ня салмоксне нярия мархтот,
Таргамост карман —
Седистон пакш сязеви.
Иднязе-тряйнязе,
Лама сиротань кадынязе!
Месендъсаськ, кода ладясаськ сиротатень?
Трудна, трудна аляфтома-авафтома,
Сяда трудна васяфтома-полафтома!
Вастонц ацасы эрзянь авать лаца,
Мадсыне, вельхтасыне сиротатень,
Пильгонц венептьсы — васяц аяш:
Вачкоди кафта кяднянзон,
Пувордай кемонь сурнянзон,

Уркоды-аварьгоды:
Начка муськомке арай
Прянци ала тодуняц.
Тят аварде, рьвяняй-матушкой!
Кода-кода минь тисаськ тевоньконь,
Сонць однястокиге юмась-арась.
Иднязе, мзярда больницяста ускодязь —
Ежефтома мон арань.
Больницяста ускодязь —
Пятналангста прань;
Оцю вири вятить авацень,
Шобда вири эрьготьфтить.
Иднязе-трайназе, лефкскаянзе!
Аф докторонь кядьста рамавоть,
Аф шкайнь кядьста анавоть.
Иднязе-кормилецкаянзе!
Эзем пряса кандоняце,
Эсонза аяш ваймоняце.
Корхтазне корхтатама вельхксот,
Пеняцязне пеняцятама.
Оська, кормилецкая!
Панжить сельмонятнень,
Ватта, варжакстта, тьса мезе:
Сиротатнень кинди кадыть,
Кинди надияфтыть?
Аф корхтат, аф указоват,
Аф сиротатнень киндиге надияфтыть.
Иднязе-кормилецкаянзе!
Сединь сязема вастонязе,
Сиянь кяднязе,
Шачф меш ава сурбрянзае,
Белай светонь цебарнязе.

53

Сынок, Осип, птенчик мой,
Заботливо мной выращенный!
Сынок мой первенький,
Первый мной увиденный!
Сынок мой, горем меня ударивший!
Скорбью мои ноги ты подкосил,
Душу печалью омрачил.
Сынок мой — кусочек лакомый!
Был ты мне большой радостью,
Сердечные слова говаривал.
Сынок, подо мной постелил ты крапиву жесткую,
Под голову положил крапиву жгучую,

В рот мне насыпал горсть иголок,
Эти иголки колкие.
Как начну вытаскивать —
Сердце надрывается.
Сынок, кормилец мой,
Много сирот оставил ты!
Что делать, как сиротушек приголубить?
Очень трудно без отца-матери,
Еще труднее жить без любимого суженого!
Постель сношенька постелит,
Уложит, укроет сиротинушек,
Ноги протянет, а любимого нету,
Всплеснет своими обеими рученьками,
Заломит свои десять пальчиков.
Горьким плачем зальется,
Бельем прополосканным
Подушка от слез станет.
Не плачь, сноха-матушка!
Как-нибудь свою жизнь наладим.
Сама я в молодости тоже стала несчастною.
Сынок, когда тебя в больницу привезли, —
Потеряла я сознание.
Привезли тебя из больницы, —
Аж я с печки упала.
В темный лес жену ты завел,
В дремучем лесу она заплуталась.
Сынок мой, кормилец мой!
Ни докторам тебя не удалось спасти,
Ни богу самому тебя не удалось оживить.
Сынок мой, кормилец мой,
В переднем углу на скамейке
Тело твое лежит без дыхания.
Сквозь слёзы с тобой разговариваем,
Своё горе над тобой оплакиваем.
Осип, кормилец мой!
Открой ты свои глаза,
Посмотри, что здесь делается.
Кому ты оставил своих сирот,
Кому за ними ухаживать?
Нет у тебя голоса,
Ничего не говоришь, не наказываешь,
Кому ты своих сирот оставляешь?
Сынок мой, кормилец мой!
Сколько скорби ты мне принес,
Мой ты золоторукий,
Сердцу моему самый близкий,
На белом свете мой хорошенький!

Вай, ожу мон тонь явсян, цёраняй-аляняй!
 Цёраняй-кормилецкяй, ой!
 Вай, цёраняй-аляняй, сединяй,
 Вай, цёраняй, мярьган, аляняй,
 Ков тяни, цёраняй, мон молян?
 Цёраняй, коста тяни няхте,
 Коста тяни сяфте?
 Ой, якань мастор киге, мастор крайге,
 Ерань няемс сединязень-алянязень,
 Ой, ашине няе, матушканяй, алянязень.
 Кда, цёраняй, тон улелеть,
 Тяфтама оцю ризф афоль уле.
 Тонь сявodayь школань скомняста,
 Акша качамняти токафтоdayь,
 Вер ведняда симдеdayь,
 Тюзя сёвоньда андоdayь.
 Коста тяни няхте,
 Коста тяни сяфте?
 Месендяи шава кудса?
 Ков тяни молема?
 Аш кинди нежедемс,
 Аш кинди озондомс.
 Улелень нармонья — лиелень,
 Ердалине тошназень.

Ой, погоди, я оплакиваю тебя, сыночек мой!
 Ой, сыночек ты мой, кормилец ты мой!
 Ой, сыночек мой сердечный,
 Ой, сыночек мой, мужичок мой,
 Куда теперь, сыночек, я пойду?
 Где теперь, сыночек, я увижу тебя?
 Где теперь я встречу тебя?
 Ой, ходила я по земле своей, по окраинам,
 Всё хотела я увидеть тебя, сердечный мой.
 Ой, не видела нигде тебя, милого.
 Если бы, сыночек мой, был бы ты жив,
 Такого большого горя бы не было.
 В белый дым тебя толкнули,
 Кровавой водой тебя напоили,
 Желтой глиной тебя накормили.
 Где теперь я увижу тебя,
 Где теперь я встречу тебя?
 Что мне делать в пустом доме?

Куда теперь мне идти?
 Не на кого мне теперь надеяться,
 Не на кого мне теперь молиться.
 Была бы я птицей—улетела бы,
 Перестала бы я горевать.

О ДОЧЕРИ

Ой, курок тага сай поминкаце,
 Ой, Грушанязе — мазы лемнязе,
 Седи пакшкязе, лефкскязе, ой...
 Иднязе, аванязе, лефкскязе,
 Ой, тон, нать, аф докторонди лечиндавать,
 Аф воражъянди тон воражиндавать, ой...
 Ой, иднязе-лефкскязе, Грушанязе,
 Ой, шачф кяднязе-сурнязе.
 Эх, Грушанязе, лятфтасак, торань:
 — Архта, Грушаняй, больницяв!..
 А тон тевста сярядезь саят куду,
 Больницяв аф молят.
 Пелят, иднятне юмайхть-арайхть.
 Ой, лефкскязе, ой, иднязе-аванязе,
 Иднязе, монь сокоргодсть сельмоняне, няк,
 Иднязе, тон кши сускомнязе.
 Няк, ширезт молян, пяк тон кенярдят,
 Молян да траксяцень потяса.
 Ой, мярьгат: тяднязе-шкайнязе, спасиба сать!
 Ох, иднязе-аванязе, танцти сускомнязе.
 Кда молян, тяднязе, мярьгат, шкайнязе,
 Мезняда хочешь, сядя ярхцак.
 Ой, кда молян, сембе васьфтьсамась,
 Ой, кда молян, сембе кельгсамась.
 Эста иднятне мезьда мяльнясна ярхцайхть,
 Тяни эздост синь кафтона лядсь.
 Ой, пяк пульзясть монь кядне-пильгоне
 Оцю горяти, оцю ризфкяти.
 Вай, иднязе-стирнязе,
 Сиротанякс лядсь тонь цёраняце.
 Ой, иднязе-лефкскязе, тяни велети минь ёфкстама,
 А тялонь илять ёфкскат колганк латцихть.
 Кда молян, цёраняце, корхтай, тямак када,
 Бабай, тага сак, тямак када!..
 Матаняй-стирняй, вай, мезе тиеть, мезе арьсеть.
 Ох, иднязе, Грушанязе-лефкскязе,
 Грушанязе, мазы лемнязе.

Ох, кулолень монга вдь горяняти,
Сокоргодсть монь сельмовяне, ой...
Ой, куроок сай тага поминкяняце,
Ой, мирдце тисы тонь памятькяцень,
Синь пяк лама нужадост-сталмодост,
Но сон памятькяцень тисы-ётафтсы.
Ой, иднязе-лефкскаянзе, Грушанязе,
Идняязе-аванязе, Грушанязе. Ой, ой...
Ой, кда иднятне-мелкайнятольхть,
Мезьда хочут, сядя ярхцайхть,
А тоса од авась синь сивозень,
Синь мезьге аф няендихть.
Ой, иднязе-лефкскаянзе,
Мезенди тиить тяшка горять,
Мезенди тиить тяшка пичефксть?
Тяни цёраняце кассь ни оцюста.
Тусь службама, службама минцень армияв,
Седняц сонь сетьмось, покоендась.
Стирняцевок касы, вастоняц мусы.
Аньцек ужяль, Грушаняй, мес тон
Кадомась, мес юкстамась тон.
Родной гядяфтома стака эряманясь,
Стака масторга, вай, якаманясь.

55

Ой, скоро опять будет день твоих поминок,
Ой, Груняша моя — доченька ненаглядная,
Частица души моей, моё сердечко, ой...
Ой, доченька, пташечка, Груняшенька моя,
Ой, твою болезнь доктору не пришлось вылечить,
Ой, моя сладенькая, самая ненаглядная,
Ворожейки тоже ничего сделать не смогли, ой...
Ой, моя правая рученька, мой мизинчик,
Эх, доченька, помнишь, как тебя я уговаривала:
— Иди, Груняша, сходи в больницу!..
А ты всё работала, хоть и хворала,
А в больницу идти так и не захотела.
Боялась, деткишки твои останутся без надзора.
Ой, моя дочь любимая, моя пташечка,
Я не смыкаю глаз, всё плачу, не наплачусь о тебе,
Доченька моя, кусочек лакомый мой.
Когда к тебе я приходила, ты всегда радовалась,
Когда я коровушку твою доила,
Ты меня не знала уж как благодарить,
Твоей радости конца не было.
Ой, доченька моя, боженька, лакомый кусочек,

Когда бывала я у тебя в дому,
Ты всё меня потчевала и приговаривала:
Кушай, маменька, что душа твоя пожелает.
Ой, как я приходила к тебе, все встречали меня,
Ой, как приду, все меня любили вы.
Тогда детушки ели, что душа пожелает,
Теперь их осталось двое сиротинушек.
Ой, отнялись мои руки и ноженьки
От большого горя, от великой печали.
Ой, детушка-доченька,
Сироткой остался твой сынок.
Ой, доченька-пташечка, про нас в селе сказки сказывают,
А по зимним вечерам басенки про нас рассказывают.
Как приду к тебе в дом, твой сыночек уговаривает,
Чтобы я не уходила, не оставляла его.
Все говорит: бабушка, ещё приходи!..
Доченька, миленькая, что ты наделала,
Что ты натворила.
Ой, дитё моё, Груняша,
Груняша моя сладенькая,
Лучше бы я умерла от горя-печали,
От слёз глаза мои ослепли, ой...
Ой, скоро опять будем тебя поминать,
Ой, муж будет отмечать твои поминки,
У твоей семьи много горестей и тяжестей,
Но муж твои поминки проведёт как положено.
Ой, доченька, моя Груняша,
Дитё моё, пташечка,
Сердцу самая близкая. Ой, ой...
Ой, когда твои детушки были малыши,
Что хотели, то они и ели,
А теперь их взяла мачеха,
От неё они не видят сладкого кусочка.
Ой, дитё мое, птенчик мой,
Зачем ты такое горе сделала,
Зачем ты такую печаль вызвала?
Теперь сынок твой повзрослел уже,
Он ушёл служить, служить в нашу армию,
Теперь он уж меньше печалится.
И дочка твоя растёт, в жизни своё место найдет.
Только жаль, доченька, Груняша,
Зачем от нас ушла, нас оставила?
Без родной матери трудно жить одной,
Без матушки и белый свет не мил.

Иднязе, иднязе-стирнязе,
 Керомайть седигяне,
 Аш якамшка эргянязе,
 Алон ацать ногай палакст,
 Прялон путотъ пиди палакст,
 Лангозон вельхтять сеелень кедь.
 Иднязе, Марунязе,
 Средний серенязе,
 Акша капста прянязе,
 Садовой марень лацонязе,
 Вирь селезень кудрянязе,
 Пакся ёронь сельмонязе,
 Сере сюрень кштирдинязе,
 Кувака котфонь кодайнязе,
 Матрань кузонь ронгонязе,
 Куз тарадонь сурнязе, кяднязе,
 Оржа пиче сёконь сурбрянязе.
 Иднязе-матанязе,
 Лама нужна няендеть,
 Лама вачта няендеть.
 Ашель лангсот платьянязе,
 Ашель прясот, иднязе,
 Ялгань коряс пря сотксяце,
 Пишнеть эсь корява всякайняда,
 Пишнеть эсь корява платьянязе.
 Ашельхть пильгсот пракстанятне,
 Лама якшама порендензе,
 Лама валня кулендеть,
 Лама корня кирнекшнеть.
 Максалихтень законди,
 Пяле киняс прважалихтень,
 Сельмостон юамс ваналихтень.
 Кулыда лама тов моли,
 Тоста сай аш фкявок,
 Аш кинь кядьста кизефтемс,
 Кода эряфкяце.
 Модань сиви сукся уелень,
 Равжа модати сувалень,
 Иднязень вешелине,
 Панжелень шобда потмонязень,
 Азондолень потма валнянень,
 Кизефтелине, эряфкяце кодама.
 Кда улель цебарь,
 Афоль лажна сединязе.
 Тястонь эряфсь костонга аф муви:
 Якшама ули, шить каршес лисят;

Пси ули, эшкс вастоняс кяшат.
 А тонашиса, тона светса
 Пси ули вастоняце — тозк ащема,
 Якшама ули — тозк ащема.

Доченька, доченька,
 Грустью подкосила ты меня,
 Нет у меня моченьки ходить,
 Татарник под ногами моими ты постелила,
 Под голову крапиву жгучую положила,
 Меня ежовой шкурой покрыла.
 Доченька Машенька,
 Средняя росточком,
 Моя ты белоголовушка,
 Моя ты краснолицая,
 Доченька кудрявая,
 Глазки, как у перепелочки.
 Ты моя тонкопряшенька,
 Длинное полотно ткущая,
 Как ёлочка, ты статная,
 Ветки ёлочки — твои пальчики, рученьки.
 Доченька, милая,
 Много нужды ты повидала,
 Много голода ты перенесла,
 Нечего было на тебя надеть,
 На головушке не было,
 Как у подружек, платочка,
 Мечтала купить себе платьеце,
 Мечтала купить наряды.
 На ногах не было даже портяночек,
 В стуже много раз побывала ты,
 Много упрёков слыхивала,
 Много укоров переносила.
 Если бы тебя замуж выдала,
 До полдороги проводила бы тебя,
 Пока из глаз не сокрылась — смотрела бы вслед тебе.
 Умерших много идут туда,
 Но оттуда никто не возвращается,
 Не у кого спросить,
 Как ты там поживаешь.
 Если бы была я червячком,
 В сырую землю вошла бы я,
 Доченьку свою сыскала бы,
 Открыла бы ей свою душеньку,
 Высказала бы ей своё горюшко.
 Спросила бы, как ты живёшь.

Если жизнь твоя хорошая,
Не стала бы печалиться.
Жизнь здешнюю нигде не найти:
Будет холодно — на солнышко выйдешь.
Жарко будет — в тень спрячешься.
А на том свете
Местечко будет жаркое — всё равно там лежать,
Будет холодно — там надо быть.

57

Иднязят-стирнязят,
Мон шачфтыхтень,
Белай светти нолдайхтень,
Мяшьсон каннезне,
Стирний, касфтыхтень,
Эряма бславайхтень.
Вай, иднязят-стирнязят,
Пяле стирьшка касфтыхтень,
Надияма востокс лувихтень,
Вирень эрек нармоньякс
Кядь кучкасон кирдихтень,
Очижнень алнякс,
Стирний, ванфтыхтень.
Вай, иднязят-стирнязят,
Кода лангозот надиякшнень,
Мярьгонь, кудонь штайкс-нардайкс
Тон тейнь улят,
Мярьгонь, муськомонь муськикс
Тон тейнь улят.
Вай, иднязят-стирнязят,
Салеть, идний, школаста,
Кизефтелихтень,
Кодама отметка сявоть,
Кода учительти, стирний,
Урокнень азондыть?
Кенярделень-радовалень,
Мзярда тейнь мярьгат:
— Тядяний-аванай,
Тячи пять и четыре сявонь.
Инголен тонць
Кштизня киштеть,
Чёфназня чёфнать.
Мялезон пароль,
Мялезон ладоль.
Вай, иднязят-стирнязят,
Кулолеть ёмланяста —

Илядоль тонь нюрямняце,
Нюрям потму нуланятне.
Вай, иднязят-стирнязят,
А тяни илядсть книжканятне,
Полканяса ашихть тетраткятне,
Тяккс уголу портфельняце ёрдаф,
Тулняв повфтаф пальтаняце.
Вай, стирний, мезе тиеть?
Вай, мезе арьсеть?
Кадыть тядяняцень-матаняцень,
Кадыть школьник ялганятнень,
Кадыть сембе раднянятнень,
Кадыть ёмла сазорнянтнень.
Вай, иднязят-стирнязят,
Салмоксса сялгови сединязе,
Кодак нийсайне
Школаста сай ялганятнень.
Мон ванан — тон ётксост ашат,
Сембе синь весяланят,
Сембе синь кенярьтьфкат.
А тон, стирний, ётксост туть,
Ой, тя аеркс куломась
Аф эсь пингстонза,
Аф эсь времастонза,
Стирний, сявонзе.
Апак корхтак
Вай, куломась машфтонзе.
Ой, кулома,
Ведьма кулома,
Мезенди горять кандыть?
Мезенди стирнязень сявить?
Мес ашить када тонафнема?
Мес ашить када касома?
Вай, иднязят-стирнязят,
Куломада ашет ванфтова,
Куломада ашет кяшева,
Куломада ашет идева.
Вай, стирнязе-матанязе,
Кодак ванан книганятнень лангс,
Сединязе лазозь лазови,
Потмонязе пидезь пидеви.
Вай, стирнязе-ничефкскаязе,
Оду аф нийхте,
Оду аф кульхте.

Дитя моё — доченька,
 Я тебя родила,
 На белый свет выпустила.
 На своей груди,
 Доченька, тебя вырастила,
 На жизнь тебя благословила,
 Ой, дитя моё — доченька,
 Почти девкой вырастила,
 Своей опорой считала тебя.
 Как лесную пташечку,
 На руках держала тебя я,
 Как яичко пасхальное,
 Доченька, оберегала тебя.
 Ой, дитя моё — доченька,
 Как я на тебя надеялась,
 Думала, ты дома будешь
 Мне помощницей:
 Избу нашу приберёшь,
 Белье наше выстираешь.
 Ой, дитя моё — доченька,
 Придешь ты, бывало, из школы,
 Тебя я спрашивала:
 Какие оценки ты получила?
 Как учителю, доченька,
 Свои уроки готовила?
 Наполнялась душа радостью,
 Когда ты мне говорила:
 — Маменька, родная,
 Сегодня у меня четверка и пятерка!
 А сама передо мною
 Чуть не в пляс пускалась,
 Соловьем заливалась.
 На душе было радостно,
 Было мне отратно.
 Ой, дитя моё — доченька,
 Если бы ты умерла маленькой,
 Осталась бы твоя люлечка,
 А в ней твои пеленочки.
 Ой, доченька — дитя моё,
 А теперь остались твои книжечки,
 На полочке лежат тетрабочки,
 В углу лежит твоя сумка,
 На вешалке твоё пальтишечко.
 Ой, доченька, что наделала?
 Ой, что ты натворила?
 Оставила маменьку родненькую,

Оставила школьных товарищей,
 Оставила всех родных,
 Оставила малюток-сестричек.
 Ой, дитя мое, доченька,
 Словно иглы колют мое сердечко,
 Когда из школы идут
 Твои товарищи,
 Я смотрю, а среди них тебя нет.
 Все они жизнерадостные,
 Все они довольные,
 А ты, доченька, от них ушла,
 Ох, эта смерть проклятая,
 Не в своё время
 Она тебя, доченька, прибрала,
 Ой, без слов она тебя погубила.
 Ой, ты смерть проклятая,
 Ой, душегубка ты,
 Зачем мне горе принесла?
 Зачем мою дочку погубила?
 Зачем не оставила её учиться?
 Зачем не оставила вырасти?
 Ой, доченька, дитя моё,
 От смерти не удалось тебя спасти,
 От смерти не удалось спрятать тебя,
 От смерти не удалось тебя выкупить.
 Ой, доченька, голубушка,
 Как взгляну на твои книжечки,
 Сердечко раскаляется на две половиночки,
 Душа печалью окутывается.
 Ой, доченька, цветочек мой,
 Больше тебя не увижу,
 Больше твой голосок не услышу.

Стирнязе, стирнязе, баяраванязе,
 Коста нийхте, коста сяфте?
 Коста кулян Моску пайгонь вайгяльняцень,
 Коста няян круглэй рянскя шаманяцень?
 Вай, иднязе, Татюнязе,
 Уштор лудна паянязе,
 Тон кадомайть, иднязе,
 Вирьста сюдоф поюкс.
 Сюдоф поюсь, иднязе,
 Вармафтома либорди,
 А тон кадомайть, Татюняй,
 Белай светти сюдоф поюкс

Ламос люксема.
Остатка раз, иднязе,
Тон эзем прянся ашат,
Кинди кадыть кафта иднятнень,
Кафта иднятнень, кафта эсь цёранятнень,
Колмоценься — стирняцень?
Кие тяни иднятнень
Топоцьта андсыне,
Кие вача пекснон топафтсыне,
Кие коське кургснон лопафтсыне?
Вай, сиротать оцю кургоц,
Шрать ваксс сон озай —
Пяк лама сиви,
Вай, стирняй, вай, идняй.

58

Доченька, доченька, барышня моя!
Где тебя увижу я, где тебя найду я,
Где услышу твой звонкий голосочек,
Где увижу твоё маковое личико?
Ой, птенчик мой, Татьянушка,
Из кленового листа платьице.
Ты оставила меня, дитя моё,
Как в лесу обречённую осинушку.
Обреченная осина, доченька,
Без ветра колышется,
А меня оставила, Татьянушка,
На белом свете обреченной осинушкой,
Долго я буду колышаться.
Последний раз, доченька,
Ты лежишь дома на скамейке.
Как оставила двух детей своих,
Двух детей своих, двух мальчиков,
А третью — свою доченьку.
Кто теперь деток твоих
Досыта накормит,
Кто их приласкает, приголубит,
Кто их малых напоит.
Ой, у сиротушек все замечается:
Сядут они за стол —
Очень много поедят.
Ой, доченька,
Ой, моя голубушка...

59

Стирнязе, стирнязе, баяраванязе.
Баяраванязе, акша калаця шаманязе,
Сура пача трванязе,
Садовой марень щёкапрянязе.
Прощай, стирнязе,
Прощай, иднязе,
Прощай, кштирдинязе,
Машты тевонь тинязе.
Стирнязе, стирнязе,
Мазы нармонязе,
Кайги вайгьяльнязе,
Виде ронгонязе.
Стирнязе, стирнязе,
Шуваня сюрень кштирдинязе,
Кеме котфонь кодайнязе,
Кафта сёрмань тинязе.
Стирнязе, стирнязе,
Вирьса поранязе,
Порать кучкаса
Пайготьф нормальнязе,
Шачи кизонь тюзя пангонязе.
Прощай, стирнязе,
Наста иднязе.
Вай, курок, курок
Кудста лихттыдязь,
Эсь куднястот-шинястот.

59

Доченька, доченька, барышня моя,
Ты моя душенька,
Барышня моя белолицая,
Как пшённые блинчики твои губеньки,
Как садовые яблоки твои щёченьки.
Прощай, моя доченька,
Прощай, моя ненаглядная,
Прощай, моя пряшенька,
Во всех делах проворная.
Доченька, доченька,
Птичка моя красивая,
Доченька, голосистая,
Как березонька стройная.
Доченька, доченька,
Моя тонкопряшенька,
Крепкое полотно ткущая,

Мастерица вышивальщица.
Доченька, доченька,
Лесная моя пташечка,
Песенкой всех радующая,
В урожайный год
Желтенький грибочек мой.
Прощай, доченька,
Дитя моё, Настенька,
Ой, скоро, скоро,
Из дома тебя вынесут,
Вынесут из своего гнездышка.

60

Якстерь марьязе, Таня иднязе,
Акша панчфкязе, Таня стирнязе,
Вай, мезе тиеть?
Вай, мезе думандать?
Аваняцень кадыть оцю ризфкяти,
Ой, мяштень колай пичефксти,
Шава куд кучкас горянь горяма.
Мес тяфта рана,
Стирняй, кадомайть,
Мес тяфта курок
Стирняй, ёрдамайть?
Ой, тон, Таняняй,
Ой, тон, матаняй!
Комсь кизоняста, ватта, ворьгодеть,
Комсь кизоняста, вай, кулоть.
Якстерь марьязе, Таня иднязе,
Эрька лятфтаса, кода кельгихтень,
Эрька азондса фкя тяка стирнязень.
Войнада меле, стирняй, шачфтыхтень,
Вай, эряфти, идняй, максыхтень.
Целай вейхкса кофт
Пексон ванфтозь каннихтень.
Сольме аванякс, стирняй, ванфтыхтень.
Молян муськома — пелян комамда,
Молян пенганкса — пелян сталмода,
Уштома карман — пелян токате.
Тяфта, Таняняй, ванфтыхтень,
Тяфта шумбраняста тонь шачфтыхтень.
Целай кизоня мяштсон потьнекшнеть,
Акша лофционязень, стирняй, симондить,
Тюжя вайнязень, идняй, шокшендять.
Вай, Таняняй, вай, матаняй,
Кода панчфкянь, эсот ванфтонь,

Кода нармоньянь, эсот ужяльдень,
Штоба касолеть, штоба эрялеть.
Ой, стирняй, стирняй,
Ашеть ванфтов, ашеть ужяльдев.
Вай, аеркс урмась лангозт врьгягьсь,
Визьксфтома-шамафтома,
Стирняй, эсот педсь.
Аляфтома, Таняняй, касфтыхтень,
Аляфтома, Таняняй, тонафнихтень.
Седизон ладоль — школаста саят,
Мялезон пароль — тевнянень тият.
Ой, кяжи урмась фатянзе,
Стирняй, педликс эсот педсь.
Аф воражьянди, стирняй, пчкафтовоть,
Аф докторонди, стирняй, стяфтовоть.
Ой, тя куломась, пяз куломась,
Таняняй, курок сявонзе,
Вай, курок аеркссь машфтонзе.
Ой, стирняй, стирняй,
Мезе тиян, коза молян,
Кода эряма тоньфтемот карман?
Таня иднязе — тюжя вайнязе,
Таня иднязе — акша лофционязе,
Мазы стирнязе, баяраванязе,
Керыть кафта якай пильгонянень,
Машфтыть вийда работой кяднянень,
Седизон салмокст ёрдать,
Пильгалон пиди палакст ацать.
Ой, иднязе, иднязе,
Ой, Таня, Таня стирнязе,
Мезе тиеть, мезе думандать?
Кадыть тядяняцень-матаняцень,
Ой, сядя досадна,
Кадыть цебарь эряфкяцень,
Кадыть велень стирь ялганятнень.
Вай, Таняняй, вай, золоткяй,
Мезьге цебарня тон ашеть няе,
Одняста кулоть, одняста юмать.
Кодак работаста саян,
Вай, тошна куду суваманысь,
Ой, пяк стака кудонь тевс кундаманысь.
Ох, иднязе — панчфонь лопанязе,
Мазы марьязе, Таня иднязе,
Кда улелень колдун,
Эреклафтолине меки ваймоцень,
Живолгофтолине кяднятнень-пильгонятнень,
А тиян, стирняй, мезе мон тиян?
Тон аф идеват, тон аф рамават.

Вай, куду суван,—
Вай, пяк тошна седизон,
Вай, юрхту суван —
Эстейне вастоня аф муян,
Ков аф ёрдан пря —
Тошнась седизень шокши,
Пичефкссь ваймозень машфини.
Вай, стирняй, вай, Таняняй,
Тяни аф муват костовок,
Вечна кадомайт, юкстамайт... Ой... ой...

60

Яблоко мое красное, доченька Таня,
Белый цветочек, девочка Таня,
Ой, что ты наделала,
Ой, что ты надумала?
Мамку оставила в глубокой печали,
Ой, в грусти великой,
В пустом доме тяжко горе горевать.
Почему так рано,
Доченька, меня оставила,
Зачем так быстро,
Доченька, меня ты бросила?
Ой, ты Танечка,
Ой, ты голубушка!
На двадцатом году ты убежала,
В двадцать лет ты скончалась.
Яблочко красное, дочь моя Таня,
Расскажу тебе, как я тебя любила,
Жалеючи растила дочку единственную.
После войны, доченька, тебя я родила,
Ой, жить тебя выпустила,
Целых девять месяцев
В своей утробе тебя носила,
Как зеницу ока тебя оберегала.
Пойду стирать, боюсь наклониться,
Пойду за дровами, боюсь надорваться,
Печь начну топить, боюсь повредить тебя.
Так я, Танечка, стерегла тебя,
Так здоровую тебя родила.
Целый год ты груди мои сосала,
Целый год белым молочком питалась,
Маслице моё желтенькое глотала.
Ой, Танечка, ой, голубушка,
Как цветок тебя берегла,
Как пташечку тебя жалела,

Чтоб ты выросла и жила.
Ой, доченька, доченька,
Не пришлось тебя сберечь,
Не пришлось тебя пожалеть.
Ой, болезнь лютая на тебя напала,
И тебя, доченька, она подкосила,
Без отца, Танечка, тебя растила,
Без отца, Танечка, тебя выучила.
Радостно на душе было,
Когда из школы ты идешь,
Радовалась я, как справлялась ты с делами.
Ой, болезнь свирепая на тебя напала,
Пиявкой в тебя она впиалась.
Ни ворожейки, доченька,
Не смогли тебя вылечить,
Ни доктору не удалось тебя поднять.
Ой, смерть костлявая,
Танечка, тебя прибрала,
Ой, быстро она тебя унесла.
Ой, доченька, доченька,
Что сделаю, куда пойду,
Как без тебя жить стану?
Доченька, Танечка, желтенькое маслице,
Таня доченька, белое молочко моё,
Доченька моя ненаглядная,
Подкосила ты мои ноженьки,
Без моченьки оставила мои рученьки,
В сердце моё иглы бросила,
Под ноги бросила крапиву жгучую.
Ой, доченька, доченька,
Ой, Таня, Таня, дитя моё,
Что наделала-призадумала:
Оставила маменьку родимую,
Оставила свою родительницу.
Ой, ещё досаднее —
Оставила жизнь свою прекрасную,
Оставила подружек деревенских.
Ой, Танечка, ой, золотце,
Ничего хорошего ты не видела,
Молоденькая скончалась ты.
Как с работы приду,
Ох, тошно в избу мне зайти,
Ой, тошно братья за дела домашние.
Ой, доченька, цветочек мой,
Яблочко красное, Танечка — доченька,
Если бы я вещуньей была,
То тебя бы оживила я,
Воскресила бы твои ноженьки и рученьки.

А теперь, доченька, что я сделаю,
Тебя не выкупить, тебя не оживить.
Ой, зайду в избу — тошно мне,
Ой, выйду на двор —
Себе места не нахожу.
Куда не взгляну,
Печаль сердце гложет,
Грусть душу обжигает.
Ой, доченька, ой, Танечка,
Теперь тебя мне не найти,
На век оставила меня... Ой... ой...

61

Вай, Марьканязе, Марьканязе,
Марьканязе-золоткязе,
Марька стирнязе — стройнай келу ронгонязе.
Марька стирнязе — мазы лемнязе,
Коза эздонк срхкать тон, щать-карять,
Коза пингфтома тон минь кадсамасть,
Марьканязе — мешавань сурбрянязе,
Кафта сёрмань тиннязе.
Ой, Марьканязе — сура пача трванязе,
Пакся ёронь сельмонязе,
Акша калаця шаманязе,
Емланязе, монь яла кулхондынязе.
Мес тон рана кадсамасть?
Рана тон срхкать равжа моданяи,
Рана тон срхкать кельме шуварняи,
Пингфтома тоса тейть эземнявок аяш.
Тяса тонцень кудняце,
Тоса кудняцевок вальмяняфтома, ой, ой...
Иднязе, Марьканязе,
Голландкафтомонга улеза лямбоня,
Ой, вальмафтомонга улеза валдоня.
Ой, стирнязе, Марьканязе,
Ой, золодонь пакарнязе,
Слушивайнязе, золоткязе,
Мес тяшкава тон
Обижать тядяняцень-аваняцень, ой?..
Ой, тяни кода мон оду няйхте,
Ой, золоткязе, коста сяфте?
Ой, иднязе — пяле веконь эряйнязе,
Ой, иднязе — пяле ки ланге лоткайнязе,
Ой, иднязе-золоткязе,
Ой, пакся ёронь сельмонязе,
Ой, губор пряса, золоткяй,

Танцти нормальнязе, ой...
Ой, аванязе, аванязе,
А кда содалине шкай урмаста,
Ой, тя урманянь получандайть,
Озондолень шкайняи-бохкяи,
Пади, тяфта тон эряват.
А пади, золоткяй, ломаньяста
Сявонзе куломась одняста,
Сявонзе, стирняй, пяле веконяста.
Ой, аваняй-Марьканяй,
Марьшаняй, мярьган,—
Сура пача трваняй,
Ой, Марьканязе, мярьган,—
Акша келу ронгонязе,
Ой, Марьканязе, мярьган,—
Курок якай пильгонязе.
Ой, Марьшанязе-аванязе,
Кода маштоть тон
Тядяняцень-аваняцень пильгонзон керома,
А кода маштоть тон
Без времени равжа модати молема?
Ой, тядяняй-аваняй,
Ой, тя канкскясь
Седиезень сялгозне сялги,
Ой, тя печальнясь,
Аваняй, аф горяви.
А тяни месендсань золоткязень, Марьшанязень,
Марьшанязень, мярьган, сери серенязень,
Ой, сери серенязе,
Ой, цебарь лемнязе,
Курок якай пильгонязе,
Курок кучемнястон, золоткяй, кучсихтень,
Курок учемнястон, золоткяй, учсихтень.
Ой, Машаняй, мярьган, золоткяй,
Ой, Машаняй — золодонь пакарняй!

61

Ой, Машенька, Машенька,
Машенька моя — мое золотце,
Машенька доченька — ты березка моя стройная,
Доченька Машенька — ты красивое мое имечко.
Куда от нас ты собралась, принарядилась?
Как ты безвременно покидаешь всех.
Машенька моя, пальчики твои словно у пчелиной матки,
Они умело узоры вышивают,
Ой, Машенька, пшённые блинчики твои губки,

Большеглазая моя куропаточка.
Барышня моя белолыцая,
Молодая моя, послушная.
Зачем нас ты рано покинула?
Рано уходишь ты в землю чёрную,
Рано собралась ты в сырой песок.
Рано — тебе там и места нет,
Рано — тебе там и скамеечки нет.
Здесь у тебя был и дом родной,
А там и домик твой без дверцы,
Там твой домик без оконца, ой... ой...
Птенчик мой, Машенька,
И без печки там пусть будет тепло,
Ой, и без окна пусть будет тебе светло.
Не доченька моя Машенька,
А золотая моя косточка,
Моя послушная, мое золотце.
Зачем ты так обидела
Свою маменьку родненькую, ой...
Ой, теперь как я тебя снова увижу,
Ой, золотце мое, где я тебя встречу?
Ой, детка моя, полвека прожившая,
Ой, доченька, на полпути меня оставляющая.
Ой, доченька, моё золотце,
Ой, куропаточка красноокая,
А на горе мое золотце,
Моя ягодка пресладкая, ой...
Ой, моя ты голубушка,
Если бы я знала, что ты заболела,
Помолилась бы я спасителю-боженьке,
Я бы, наверно, тебя спасла.
А, возможно, мое золотце,
От людей лиходеев ты эту болезнь получила,
Смерть тебя совсем молоденькой взяла,
Убрала, доченька, совсем молоденькой.
Ой, доченька Машенька,
Машенька доченька —
Как пшённые блины твои губеньки,
Ой, Машенька моя —
Ты стройная березонька,
Ой, моя доченька быстроногая.
Ой, Машенька милая,
Как ты сумела подкосить
Ноженьки у родной матери,
Ой, как ты сумела так беззременно
Уйти в сырую землю.
Ой, Машенька моя,
Ой, эта печаль,

Словно иглами, колет моё сердечко,
Ой, Машенька, эту печаль
Моей душеньке не перенести.
А что теперь я сделаю
Со своей доченькой Машенькой,
С Машенькой березкой стройною.
Ой, березка моя стройная,
Ой, любимое имечко,
Ой, моя быстроногая,
Всегда на дела спешная, доченька,
Я тебя посылала,
А когда ждала быстроногую,
То тебя, моё золотко, я поджидала.
Ой, Машенька, моё золотце,
Ой, Машенька, золотая моя косточка!

62

Стирнязе, стирнязе-матанязе,
Стирнязе — тяка монь иднязе.
Коста шачеть тон — аляце шавовсь,
Коста касоть тон — эсот тонафнень,
Эсот тонафнень зряма-ашема,
Кода ломань ёткса пря вятема,
Кода сафтозне тевонь тиема,
Штоба павазу стирня улелеть.
Ой, стирнязе — мазыня иднязе,
Стирнязе-баяраванязе,
Мезе тон арьсеть, мезе тиеть?
Коза тяфта тон срхкать-наряжать?
Ризфса кадуть тон зсь кельгома тядячень,
Пяк ни одняста зсь эряфкячень.
Вай, месендяи мон, кода тиян,
Кода тиян, кода эрян тоньфтемот?
Вай, стирнязе — кельгома иднязе,
Кельгома иднязе, монь тяконязе,
Вай, куток кудстот тон туят,
Меки сроду ни аф саят.
Вай, тонь коста меле, стирняй, няйхте?
Коста маряса тонь вайгяльнячень?
Вай, тон машфтыть мянь пильге вийнячень,
Ефси новольфтить покай кяднячень.
Вай, стирнязе, стирнязе-матанязе,
Акша калаца монь шаманязе,
Садовой марь щёкапрянязе,
Сурбача монь трванязе,
Акша келу ронгонязе,

Мезе тон арьсеть, мезе тиеть?
Ко́за эздонк тон щать-карять,
Ко́за эздонк тяфта адерлять?
Вай, пяк рана тон минь кадомасть,
Пяк ни курок тон минь юкстамасть.
Кали аердоть тон минь эздонок?
Мезе кальдяв тейть минь тиеме?
Вай, минь, шяьта, ашедызь ванфта тонь,
Куломать эзда ашедызь арала.
Тяни меки тон тоста аф сават,
Тоста аф сават, афи мрдават,
Тоста рамазыге тон аф рамават,
Тоста костонга тон аф анават,
Ломань вельденге аф куляксават, о-о-ой!

62

Доченька, доченька моя, милая,
Ты дитё моё единственное.
Когда ты родилась — отец уж был убит,
Когда ты росла — я всё учила тебя,
Всё учила тебя жить-поживать,
Как надо дела умеючи делать,
Чтоб счастливым всегда быть.
Ой, доченька моя — милое дитё моё,
Доченька моя — барышня ты моя,
Что задумала ты, что наделала?
Куда так ты собралась-оделась?
Оставляешь ты мать любимую
И свою жизнь очень молодой.
Ой, что мне делать, как мне быть?
Ой, доченька, дитё моё любимое,
Моё любимое, ох, ты единственное.
Ой, скоро ты из дома (своего) уходишь,
Обратно никогда уж не придешь.
Ой, где ж потом я тебя увижу?
Где ж голосок твой я услышу?
Ой, подкосились мои ноженьки,
Обессилили мои рученьки.
Ой, доченька, доченька, моя, милая,
Словно белый калач твоё личико,
Как садовые яблочки твои щёчки,
Словно белая берёза стан твой.
Что задумала ты, что затеяла?
Куда ты так собралась-оделась?
Куда ты так нарядилась?
Ой, ты очень рано оставляешь нас,

Очень скоро ты забудешь нас.
Чем же мы обидели тебя?
Ой, мы не сумели спасти тебя,
Не сумели от смерти скрыть тебя.
Теперь ты уж обратно не придёшь,
Не придёшь, не возвратишься ты.
Ни за деньги тебя не купить,
Не купить тебя и мольбой не просить,
Нигде не найти тебя, о-о-ой!

О МУЖЕ

63

Ох, васяняй-поланяй,
Эряй-ащи васень ялганяй,
Мезе тиеть, месендеть?
Мезе тон тяфта думандать?
Аердоть белай светкаста,
Или пелеть, аф шавихть,
Аф трявихть тонь иднятне-котонятне?
Хоть, поланяй, эздост улель
Фкя или кафтона,
А тяни эздост котоня,
Синь эздост колмотне
Прявийс аньцек содайнят,
А омба колмонясь эздост аф ёнь содайнят,
Прявийс аф сявишкат,
Мекольценясь эздост нинге потяйня.
Сонь пиже нинге ронгоняц,
Потяса потяй пиже кургоняц.
Ой, тядяняй-матаняй,
Ожу тейтьке пеняция:
Конашкава тон несчастнайста
Щачфтомайть белай свету,
Щамстон-трямстон, тядякай,
Ашель анок лямбе ведняце,
Ашель акша нуланяце,
Сельмоведняса тон монь штамайть,
Равжа нуласа тон монь ашкодотмайть,
Векозень ётамс равжа нулакс равчкофтомайть,
Аф пеедзене монь кадомайть.
Серезень касыне аляфтома-тядяфтома,
Ой, кирдифтома-кардаифтома,
Тевняс-киняс ладяйфтома.
Ой, а тяни сядонга горяня сатомань,
Оцю нужаня монь вачкодемань.

Труднайль серень касоманясь
Аляфтома-тядяфтома,
Ой, тядяняй, тежянь-крда
Стака сиротанякэ касоманясь.
Ой, поланяй, эряй-аши ялганяй,
Тяни тейне эряви шамань штамс ведня,
Рамамс нардаме нардаманя.
Сельме ведняса сави тейне штамс,
Паля ожаняса нардамс шаманязе.
Ох, поланяй, коста тяни сяфте,
Кона ширеста мон тонь учте?
Аф рамазне тейне рамават,
Аф шкайнь кядьста тейне анават.
Кукунясь кукай времастонза-парастонза,
Тундань времаста, тундань шиняста,
А тейне тяни сави эрь шиня
Кукуня лаца кукамс,
Кольги келуня лаца кольгомс.
Ой, поланяй-керьяняй,
Кода мон тонь тяни прважате,
Кода путтядязь равжа модати?
Ох, поланяй, тага мярьган, месенттяма?
Месендсайне тяни сирота иднятнень,
Вийне аф сатыхть синь эждемс,
Котоцьконь паця алон прдамс,
И аф саты седнязе эздост аердомс,
Конань максима идень саду, идень куду?
Конань аерфтса мон седнястон?
Максолине оцюнятнень, нят тейне васькама востонят;
Максолине ёмланятнень, нят сядонга несчастнайхть,
Аф кармайхть синь аляснон мяляфтома,
И тага аерфтсайне мон эсь эздон.
Ох, поланяй-васяняй,
Авок сярятьф прязень сярятьфтить,
Времафтома лопанень пярьяфтить,
Вармафтома шерьяфтсамак,
Пиземфтома начфтсамак,
Каворксфтома мон пупорян.
Шобдалгофтыть тон белай светкязень,
Ношка тарваскаса тон монь керомайть,
Прядон путоть тарваз,
Алон путоть пиди палакс.
Ох, поланяй-матаняй,
Кона тевняцень тяни мон тияи,
Кона тевняцти тяни кярьмодян?
Молема карман — аф молеваи,
Работаняс, поланяй, аф кярьмодеван.
Ох, поланяй, сюдофан, грешнаян,

Кажнай недаялянясь пяк стака,
Тяни маряви кизонь кувалмос,
Кажнай часткясь шинь кувалмоса маряви.
Хоть, поланяй, улель монь свойнязе,
Хоть лиятнень лаца улель роднойнязе,
А тяни, поланяй, кота идняда башка, кивок аш,
Кинди нежедемс, аш кинь мархта корхтамс,
Аш кинь мархта горязень явомс.
Идняне-лефскяняне, идняне-нармоняне,
Садова пуромода алянтень ваксс,
Садова остатканяда ваксозонза,
Вдь тячиста сявомок
Оду минь аф няйсаськ шотоняни,
Аф марясаськ вайгялянянц.

63

Ох, суженый, нареченный ты мой,
В жизни первый друг мой,
Что надумал и наделал?
Ты покинул белый свет,
Или ты побоялся, не оденешь,
Не накормишь детей шестерых.
Хоть бы, милый мой,
Их было один или двое,
А ведь их шестеро.
Из них только трое
Набрались ума-разума.
А остальные трое несмышлёныши,
Нет у них своего разума.
А последний из них грудь сосёт,
На свои ноженьки не встаёт,
Как травинка ещё качается.
Ох, маменька родная,
Я певаю и на тебя:
Какою несчастливою
Ты меня на белый свет родила,
Как я появилась на белый свет,
У тебя, маменька, не было теплой воды,
Не было мягкой тряпочки завернуть меня,
Своими слезами ты меня вымыла,
В грязные тряпки завернула.
Ты навсегда этими тряпками
Мою жизнь очернила,
Без улыбки меня оставила.
Выросла я без отца и матери,
Ой, без всякого надзора,

Не было у меня наставника.
Ох, а теперь я ещё больше запечалилась,
Большая нужда застала меня.
Трудно было вырасти
Без отца и матери.
Ох, маменька, как горестно
Сироте жить и расти.
Ой, любимый мой, муж ты мой,
Теперь мне надо водицы — обмывать тебя,
Купить полотенце — обтирать тебя.
А мне слезами придется умыться,
Рукавом своим слёзы вытереть.
Ой, любимый мой, где тебя найти,
На какой дороге тебя ожидать?
Тебя уж ничем не выкупить,
У бога тебя не выпросить.
Кукушка кукует в своё время —
Как наступит весна-красна,
А мне теперь придётся каждый день,
Как кукушечке, куковать,
Как березоньке, слезы ронять.
Ой, милый мой, самый близкий,
Как теперь я расстанусь с тобой,
Как провожу тебя в сырую землю?
Ох, любимый, еще скажу: что делать нам?
Куда дену детей сироток,
Не хватит сердечного тепла,
Чтобы мне согреть их,
Не смогу всех шестерых
Обогреть под своими крылышками,
И не вытерпит душа расстаться с ними:
Которого сдам в детский дом?
Которого оторву от своего сердца?
Отдала бы старшеньких,
Да они мне уже помощники,
Отдала бы меньшеньких, но они более несчастные:
Не будут они помнить своего отца,
Да если еще и я расстанусь с ними.
Ох, любимый мой, Васенька,
Не больную мою головушку ты закружил,
Безвременно листочки мои выронил,
Без ветра заставил меня качаться,
Без дождя мокнуть-зябнуть,
И на ровной дороженьке я стала спотыкаться,
Затуманился для меня белый свет,
Тупым серпом ты срезал меня,
Под головушку мою ты положил серп,
А в постель мою постелил крапиву.

Ох, милый мой, любимый,
Какое твое дело я теперь сделаю,
За какое дело я теперь возьмусь.
Идти стану — подкашиваются ноги,
За дело, милый, не могу взяться.
Ох, милый мой, я грешная, проклятая,
Каждая неделя для меня тяжелая,
Кажется она целым годом,
Каждый час кажется целым днём.
Если бы, милый, был у меня кто-нибудь из родных,
Или сердцу близкий, родненький.
А теперь, милый, кроме шестерых детей,
Нет у меня никого.
К кому я обращусь, с кем посоветуюсь,
Не с кем разделить своё горюшко.
Детки мои — птенчики, детки — ягодки,
Подойдите к отцу своему,
Встаньте напоследок около него,
Больше вы его не увидите,
Голос его не услышите.

Вай, Васяняй, Васяняй, — монь мазы лемнязе,
Васяняй, — монь мирденязе-поланязе.
Мес тон тяфта седизень колайть,
Кинди кадомайть, кинди надияфтомайть?
Кие трий вача пекозень,
Кие шай галош лангозень?
Вай, Васяняй, вай, поланяй,
Кинди кадыть кафта иднятнень,
Кафта иднятнень — эсь цёранятнень,
Колмоценясь — стирняцень?
Кие тяни иднятнень андсыне,
Кие вача пексон топафтсыне?
Вай, сиротать оцю кургоц,
Оцю кургоц, оцю пекоц,
Шрать ваксс сон озай — пяк лама сиви.
Вай, Васяняй,
Вай, поланяй!
Кие эсьфтемот, Васяняй,
Стай иттнени орнят-суманят,
Кие эсьфтемот, поланяй,
Щай синь кяпе пильгонясно?
Вай, тяла шиста синь туйхть
Акша ловнять ланга кяпоня.
Куломстот тон, поланяй,

Ашеть указава тейне,
Кода зряма, кода ащема.
Последний раз тон удат
Эсь строяф куднясот,
Эсь куднясот — эсь эзем прянясот.
Тейть кудня шапсть
Уголяфтома, кенкшкафтома,
Тейть пирьфкя шапфтсть
Ортафтома, пятафтома.
Пирьфкясь катф жуватафтома.
Тейть ацатама ляпе вастоня,
Ляпе вастоня — сери прялня.
Век ладяза тонь вастоняце,
Коца путтанза тонь поланяце,
Коца нолдатанза тонь явсиняце.
Равжа модати — кельме шуварти,
Вай, поланяй — седиень колайняй,
Остатка раз лангозт ванан,
Остатка раз кургоняцень палав,
Кургоняцень, ляпе трванятнень.
Прощай, Васяняй, прощай, поланяй.

64

Ой, Васенька, Васенька — дорогое моё имечко,
Васенька, ты мой муженек суженый.
Зачем ты так опечалил сердечко моё!
На кго оставил меня, за что обидел меня?
Кто теперь будет моим кормильцем,
Кто меня станет одевать-обувать?
Ой, Васенька, ой, мой ненаглядный,
Кому оставил ты двух детей своих,
Детей сиротушек, сыновей своих,
И одну свою доченьку.
Кто теперь твоих детушек-сиротушек
Досыта накормит, кто напонт?
Ой, у сиротки рот большой,
За стол она сядет, много съест.
Ой, Васенька,
Ой, милый мой!
Кто без тебя детям твоим, Васенька,
Сошьёт шубу, силетёт лапотки,
Кто их оденет, обует без тебя.
Ой, придёт зима, а лапотки расхдутся,
Будут дети бегать по белу снегу необутыми.
Перед смертью, Васенька, мой милый,
Не сказал, не молвил ты,

Как я буду жить, детей растить.
Последний раз ты спишь в доме,
Который построил сам,
Последний раз лежишь на лавочке,
В своем гробу под образами,
Тебе новый дом построили теперь,
Но у этого дома нет двери и окошечка,
Тебе новый двор приготовили,
Но нет там ни ворот, ни калиточки,
Не слышно и не видно там скотинушки.
Тебе постелили мы место мягкое,
Мягкую подушечку положили под голову,
Пусть постель твоя будет мягкой навсегда.
Куда тебя положит твоя любимая,
Куда отпустит тебя твоя оплакивающая?
В сырую землю — в холодный песок.
Ой, мой миленький, ненаглядный мой,
В последний раз я слёзы лью над гробом твоим.
Последний раз смотрю на тебя,
Последний раз целую тебя,
Прощай, Васенька,
Прощай, мой миленький!

65

Поланяй-законяй,
Кяльготнезие кяльготнемайть,
Васькафтозне васькафтомайть.
Вай, поланяй-матаняй,
Минь срхксеметиеме
Аф тяфттане зряма-ащема,
Аф лама сиротанят кадомс.
Минь арьсеме-тиеме
Шабаньконь касфтомс.
Вай, поланяй, поланяй,
Шабаньконь касфтомс,
Вай, синь тонафнемс.
Вай, синь тонафнемс —
Вастоваст путнемс,
Вастоваст путнемс —
Оцю тевс нолдамс.
Вай, поланяй-матаняй,
Аляфтома-трайняфтома
Стака шабань касфтомась,
Стака шабань касфтомась —
Аляфтома шабась сирота.
Вай, поланяй, поланяй,

Кие кяденц кеподезе —
Ся сиротать токазе.
Кие кургонц панжезе —
Ся валонц мярьгозе.
Вай, поланяй-матаняй,
Аляфтома-трайфтома
Эрямс пяк трудна,
Кажнай валнясь
Ломань алянди пшкядема,
Кажнай тевнясь
Ломань алянь кядьста кизефтема,
Кизефтема да тифтема.
Вай, поланяй, поланяй, —
Белай светкянь кадыняй,
Пильгалон путоть пяк пси пачкалга,
Копорезон ёрдать пяк оцю канкс,
Седизон каять тон
Целай курмозь салмокс.
Вай, поланяй-матаняй,
Синь куломозон
Аф солафтовихть,
Аф срафтовихть,
Аф машфтовихть, ой!

65

Суженый ты, законный мой,
Умело ты уговорил меня,
Своими ласками соблазнил меня.
Ой, суженый мой, миленький,
Мы с тобой мечтали-думали
Не так свою жизнь прожить,
Не так многих сирот оставить.
Мы с тобой мечтали-думали
Своих детушек вырастить.
Ой, суженый-нареченный мой,
Детушек вырастить,
Ой, их всех обучить.
Ой, их выучить —
В жизни устроить,
В жизни устроить —
На большие дела выпустить.
Ой, муженёк мой, миленький,
Без отца-кормильца
Тяжело детей вырастить,
Тяжело детей обучить,
Без отца ребёнок — сирота.

Ой, голубчик мой, голубчик,
Кто руку свою поднял —
Тот сироту обидел.
Кто свое слово вымолвил —
Тот сироту огорчил.
Ой, дружок мой, миленький,
Без отца-кормильца
Жить очень тяжко:
Каждое словечко своё
Чужому мужику надо сказать,
За каждым делом
К чужому мужику обращаться надо,
Обращаться, да сделать попросить.
Ой, голубчик мой, голубчик,
Белый свет покинул ты.
Под мои ноженьки горячую сковороду поставил ты,
На мои плеченьки взвалил ты ношу тяжкую,
В сердце моё ты
Горсть иголок насыпал.
Ой, голубчик, миленький,
До самой смерти мне
Их оттуда не вынуть,
Не вынуть их,
Не залить горем великим, ой!

66

Вай, атяняй-поланяй, месендеть?
Мезе тиеть, мезе арьсеть?
Кинди кадомась?
Кинди надияфтомась?
Ох, тон кадоть, атяняй,
Ниле шачем-касом цёранят,
Колма максом-сявом стирнят.
Монць лядонь, аш трайнязе.
Мезе асувоц трудендакшнень перьфкаст?
Кели паця нарвайлень,
Лама лэфксонь касфтылень.
Эстейнек аяш пара эряфкя.
Эрян-ащан — аш трайнязе,
Кулан — аш калмайнязе.
Мезенкса тяфта кадомайть?
Кулендень пара валнятнень,
Няендень оцю парняцень,
Аннемайть танцтиняста,
Якафтомайть парняста:
Тяла шиста — тёплайняса,

Киза шиста — покай равжа кямоняса.
Коста няйхте, коста сяфте?
Аф рамазне рамават,
Аф аназне анават.
Эряфтомайть белай светса цебарняста,
Спасиба, атя, спасиба.
Парьхциень улест ацамнятне,
Парьхциень улест вельхтямнятне.
Мондейне няфтеть цебарь эряф.
Спасиба, атя, спасиба!

66

Ой, старик мой, суженый, что наделал ты?
Что наделал, что надумал?
На кого ты оставил нас?
Кому поручил ты нас?
Ох, оставил ты, старик,
Четверо детей-сыновей,
Трое дочерей-невест.
Сама осталась я без кормильца.
Что проку, что трудилась я около них?
Ширококрылой клушкой я была,
Много детей-птенцов выращивала.
Теперь самой нет мне жизни,
Живу-тужу я без кормильца,
Помру — некому будет похоронить меня.
За что такую меня оставил ты?
Слыхивала твои слова ласковые,
Повидала от тебя много добра,
Кормил меня ты сладостями,
Одевал-обувал на зависть всем:
Зимой ходила я в валенках,
Летом — в сапожках блестящих.
Где мне тебя увидеть, где встретить тебя?
Тебя ничем не купить уж,
Не взять тебя, не выпросить.
На белом свете с тобой жила я без горяшка,
Спасибо, старик, спасибо за это,
Пусть постель твоя будет мягкой, шёлковой,
Шёлковым будет твоё покрывало.
С тобой я прожила жизнь прекрасную,
Спасибо за это, старик, спасибо!

Ох, васяняй-поланяй,—
Седи потмонь колайняй,
Пяле киняс кадыняй!
Вай, монь горязе аф кирдемшка,
Сон пяк оцю — мянь моряшка,
Аф кялезне кялеви, аф уезне уеви.
Мес тяшкава монь аердамайть,
Куломшкава монь эвфтемайть,
Бта кучканява синдемайть?
Ох, керыть кафта пильгонянень,
Вийфтома нолдайть кяднянень.
Бта алдон каладсь масторнясь,
А вельхссон шобдалгодсь шинясь.
Бта оцю вири вятемайть,
Шобда виряс кадомайть.
Ох, васяняй-поланяй!
Кинди кадомайть,
Кинди надияфтомайть?
Вай, аш озамшканязе,
Аш и стяда ащемшканязе,
Аш монь мадомшканязе.
Бта ногай палакст алон ацать,
Пиди палакст прылон путоть,
Бта салмокст седизон пезфтать,
Крфай седнят повозон каять.
Вай, месендяи, кода улемс?
Аш кинди тяни азомс потма валнязень,
Аш кинди петемс колаф мяльнязень,
Аш тяни монь ужяльдинязе.
Ох, васянязе-поланязе,—
Белай светкянь эряфкязе,
Седи вакскань ужяльдинязе,
Цебарьста тевонь ладяйнязе,
Танцти сускомнянь максынязе,
Пара валонь азынязе!
Тяни вдь аф няян монь
Тонь лацот ужяльдиня,
Тонь лацот кельгиня,
Тонь лацот тевонь ладяйня.
Ох, васяняй-поланяй,—
Мазы карень кодайняй,
Пильге мерань содайняй,
Уське карькскань понайняй!
Аньцек кафта иднятнень тон касфтыть,
А кафтоянтянень пяле киняс кадыть,
Синь аш тяни злянясна,

Синь аш эсь видева ужальдинясна.
Ох, васяний-поланяй,—
Седи потмонь колайняй,
Пяле киняс кадыняй!

67

Ох, суженый-нареченный ты мой!
Зачем мою душу разбил ты,
Жить на полпути нас оставил ты!
Ой, горе моё неужеримое,
Как море оно неизмеримое,
Не перейти, не переплыть его.
Зачем ты меня так обидел,
До смерти ты меня испугал,
Будто пополам ты меня сломал.
Ох, подкосились мои ноженки,
Опустились бессильно мои рученьки.
Словно под нами земля провалилась,
И над нами солнышко потемнело.
Будто в дремучий лес ты привел меня,
В темном лесу ты оставил меня.
Ох, суженый-нареченный ты мой!
На кого оставил ты меня,
Кому поручил ты меня?
Ой, не могу нигде присесть,
Не могу я на ногах стоять,
Не могу спокойно лежать,
Будто колючий татарник под меня подстелил.
Жгучую крапиву под голову положил.
Будто иголки в моё сердце ты вонзил,
Горящие угли за пазуху мне бросил.
Ой, что мне делать, как мне быть?
Некому теперь мне слово вымолвить,
Некому печальную душу мою успокоить,
Некому теперь меня пожалеть.
Ох, суженый-нареченный ты мой,
Ты на белом свете — жизнь моя,
Ты жалел меня от всего сердца,
Все дела хорошо налаживал,
Всех кормил нас вкусно-досыта,
Говорил с нами ласково.
Теперь ведь не найти мне
Такого жалеющего,
Такого любящего,
Как ты работающего.
Ох, суженый-нареченный ты мой!

Не сплетишь больше лаптей красивых,
Не совьешь ты обор тонких.
Ты размеры ног всех знал.
Только двух детей своих ты вырастил,
А двоих оставил на полпути.
Ох, суженый-нареченный ты мой!
Зачем мою душу разбил ты,
В жизни на полпути нас оставил.

68

Вай, поланяй-матаняй,
Поланяй — седлень колайняй!
Тонь куломаняце, полай, сотозень
Монь кафта якай пильгонянень.
Кувалмон сон, полай, нолдазень
Монь кафта кундай кяднянень.
Эземоень кувалмос сон, полай, венептезе
Тонь пичешка сериянень.
Марямак, полай, марямак
Кафта маряй пилесот,
Ваномак, полай, ваномак
Кафта ваны сельмосот.
Маряк ни, полай, аф няихть
Кафта ваны сельмотне.
Наверна, полай, аф маряихть
Кафта кули пилетне.
Велень кувалма марямак,
Велень кувалма содамак.
Кува марясайть, полай, валиянень,
Кадомак, полай, эряма-ашема.
Вольнай светть ланга паронь ияема.
Али виде, полай, явоть
Тон вольнай светкада?
Али правда, полай, явоть
Тон тядяняда-аляняда?
Али ёфси, полай, явоть
Тон васень законда?
Тячи, полай, явоть
Тон эсь родной лизоняда,
Пивгонь пети ялганяда.
Поланяй, поланяй, туйт тоза,
Коза шинясь аф токай,
Коза вармась аф уфай,
Коса начка панар аф коськи.
Тоса, полай, тюжя песок алкскаце,
Паксянь сандихть приакскаце.

Ох, полай, полай,
Вов госа тонь кудняце ули вечна.
Хоть сон пара, поланяй,
Но аш сонь кенкшкац,
Аш сонь ваноме вальмяняц.
Уфай вармась тоза уфатанза,
Канды вармась тоза канттанза,
Калмоценди тонь маттанза,
Равжа модаса вельхтятанза.

68

Ой, муженек, милый ты мой,
Муженек, обижающий меня!
Смерть твоя, муженек мой, связала
Мои обе резвые ноженки.
По бокам моим, муженек, опустила
Бессильными мои рученьки работающие.
Вдоль лавки она, суженый мой, растянула
Твой стройный и высокий стан.
Услышь меня, мой милый, услышь
Меня ты обеими ушами,
Взгляни, мой милый, взгляни
На меня обоими глазами.
Наверно, суженый мой, не видят уж
Твои оченьки.
Наверно, милый мой, не слышат уж
Твои чуткие ушеньки.
По всему селу услышь меня,
По всему селу узнай меня.
Пока слушаешь, милый мой, мои слова,
Оставь меня, милый мой, жить-поживать,
На вольном свете добра повидать.
Неужели, милый мой, расстаешься
Ты с белым светом?
Неужели, милый мой, расстаешься
Ты с отцом-матерью?
Неужели, милый, мой, расстаешься
Ты со своей женой?
Сегодня, милый мой, расстаешься
Ты со своим родным гнездом,
Со своими друзьями-товарищами.
Милый мой, суженый, ты уходишь туда,
Куда свет солнца не доходит,
Куда ветер не подует,
Где мокрая рубаха не подсохнет.
Там, милый мой, желтый песок — постель твоя,

Трава жесткая под твоей головой.
Ох, милый мой, суженый,
Вот там твой дом вечно будет;
Хоть он и хороший, милый мой,
Но нет у него дверцы,
Нет окошечка.
Ветер лютый туда тебя сдует,
Сильный ветер туда тебя унесёт,
В могилу тебя положит,
Черной землей тебя покроет.

69

Ватта яван-калян васянязень-поланязень;
Васянязе — виде штатол роигонязе,
Васянязе — акша калаця шаманязе,
Васянязе — пакся ёронь сельмонязе,
Васянязе — куроку якай пильгонязе,
Васянязе — лама тевонь тинязе,
Васянязе — пяле веконь эряйнязе,
Васянязе — пяле киняс лоткайнязе,
Васянязе — пяле лемса корхтайнязе.
Коза срхкат, васяняй, анокат,
Коза шать-карять, васяняй, наряжать?
Лангозт шать, васяняй, аф калады платьянятнень,
Пильгозт карьсеть аф калады пракстанятнень,
Пирьфи кадоть калдаз пяшксе жуватанятнень,
Карду кадоть карда пяшксе ракшанятнень,
Паксяв илядсть апак видеку уманятне,
Тинги илядсть шиста аф тяляви капанятне.
Кинди илядсть колма цёра дяканятне,
Кафтонятне, васяняй, ладонь содайнят,
А колмоценясь, ся мортъ лаца, лад аф содайна:
«Аляй» валняса аф корхтай, алян пароняда аф содай.
Сюдоф аля, крёснай аля,
Мезе тиеть, срхкафтоть?
Кафта кядьстон мяндихтень,
Сур ёткова полдайхтень.
Тундань шинят сашендыхть,
Опана венят нежестькшнихть,
Нармотть пизонят тиенкшнихть,
А тон пизоняцень срафтыть,
Тон срафтыть, мянь калафтыть.

Расстаюсь я со своим муженьком-суженым.
 Муженек мой, как свеча, прямой стан твой,
 Милый мой, как калач, лицо твоё белое.
 Милый мой, глаза твои, как у перепёлки,
 Милый мой, быстроногий мой,
 Суженый мой, много дел делающий,
 Милый мой, до полвека живший,
 На полдороге остановившийся,
 Ласково моё имя произносивший,
 Куда собираешься, муженёк, куда готовишься,
 Куда одеваешься-обуваешься, милый, наряжаешься?
 На себя надел одежду, которая не изнашивается,
 На ноги завернул портянки вечные,
 Во дворе оставил целый двор скота,
 В конюшне оставил овец бессчётно,
 В поле оставил загоны непосеянными,
 На гумне остались скирды, за день их не обмолотишь.
 Кому остались три мальчика красивых,
 Двое из них, милый мой, уже выросли,
 А третий, как в песне говорится, несмышлёнышек,
 Слово «отец» еле говорит, не видал ласки отцовской,
 Несчастный муж, законный муж,
 Что наделал, что ты задумал?
 Из обеих рук тебя выпустила,
 Через пальцы свои тебя пропустила.
 Дни весенние приходят,
 Ночки теплые приближаются,
 Птицы свои гнезда вьют,
 Ты свое гнездышко разрушил,
 Ты разрушил, даже рассыпал.

Ожка монга явсесан васянязень-поланязень,
 Ох, васяняй, мярьган, поланяй,
 Кинди кадомайть, кинди надняфтомайть?
 Тон кадомайть шабаньконди,
 Надняфтомайть идняньконди.
 Ох, васянязе-поланязе,
 Минь иднядонк вдь мянь ветеня:
 Колма иднянтне ёньда содайнят,
 А кафтонянтне — ёнь аф содайнят,
 Вай, ёнь аф содайнят, васяняй-поланяй,
 Синь валонь аф азынят.

Вай, кода тыни тоньфтемот
 Мон синь, васяняй, трясайне?
 Кода тыни эсьфтемот
 Мон синь, васяняй, шасайне-карясайне?
 Синь аф пенгянь керышкат.
 Ох, васяняй-поланяй!
 Тон рана туйт равжа моданяи,
 Вечна шобда калмоняи.
 Вай, месендяи, мезе тыня?
 Эрялеть нинге тазаняста марняса,
 А тон кадомайть монь вете шаба мархта.
 Кода синь ладясайне, кода синь касфтсайне?
 Кода синь андсайне-симдсайне?
 Ох, васяняй-баяняй,
 Тейне тонь мархтот пяк пароль:
 Работанянтень педа-пес тиедить,
 Пенгянтянтень вальмалу ускондыть.
 А тыни мон кинди нежедяи.
 Кинь пацянзон алу кяшан.
 Кие мархтон тыни тефт арьси?
 Аш мархтон указовай ялганязе,
 Аш мархтон пенгянь кандыязе,
 Аш тыни мондейне кудса работанязе.
 Ох, васяняй-матаняй,
 Тон бславиндамака монь эряма,
 Ашеть кенере куломстот монь бславиндамс,
 Кяжи урмаса тон кудоть,
 Коначкава, кельгомняй, тон мучендаты.
 Ох, кода тоньфтемот тыни эряма?
 Кода тоньфтемот тейне ашма?
 Пароль тевозе тонь мархтот,
 Ярмакопяцень кандсак — прдаса,
 Ярмакопяцень вастоняс путса.
 А тыни кие, матаняй, макея?
 Коста тыни, кельгомняй,
 Шаба мархта пара няян, ой!
 Ох, тядяняй-аваняй,
 Синь эрявхть тонафтомс, пестовамс,
 Синь эрявхть тево путеомс,
 Синь эрявхть ломань ёткс-кис лихтемс, ой-ох!
 Синь аляфтома аф кармайхть кулхондома.
 А нинге тейнь сяда стака ули эстонга,
 Мзярда синь пестовавхть-тисвхть,
 Мзярда синь кудстон туйхть.
 Ой, илядан куду ськамон
 Шава кудонь ванома.
 Мон эста, пади, эйндан,
 Афи ули содайнязе.

Ох, васяняй-поланяй,
Кда милостце тонь ули,
Сявомак моньге мархтот тоза,
Сявомак сяда куроcone, о-ой, ох!

70

Погодите, вот и я оплакиваю своего суженого-нареченного.
Ох, суженый мой, скажу, нареченный мой!
На кого оставил, кому поручил меня?
Ты оставил меня детишкам,
Поручил ты меня ребятишкам.
Ох, суженый, нареченный ты мой,
Ведь у нас пятеро детишек:
Трое из детей за ум-разум взялись,
Двое же ещё несмышленные,
Они еще и словечка вымолвить не могут.
Ох, как же я теперь, суженый мой,
Без тебя их накормлю,
Как же я теперь, суженый мой,
Совсем одна их одену-обую.
Они ещё не могут дров нарубить,
В избу не могут принести?
Ох, суженый-нареченный мой!
Ты рано уходишь в землю сырую,
Уходишь ты в вечно темную могилу.
Ой, что мне делать, как мне быть?
Пожил бы ты еще с нами в добром здравии,
А ты оставил меня с пятерыми детьми.
Как мне их вырастить, как из нужды вытащить?
Как мне их кормить-поить?
Ох, суженый-ряженный мой,
С тобой я не знала горюшка:
Дела свои ты доделывал,
Дровишек под окно привозил.
А теперь к кому я обращусь,
Под чьи крылышки я укроюсь,
Кто теперь мне будет наставником?
Нет у меня теперь и советчика,
Некому теперь в избу дров принести,
Некому мне помогать по хозяйству.
Ох, суженый ты мой, милый мой!
Ты благослови-ка меня жизнь прожить,
Ты не успел перед смертью меня благословить,
Меня наставить на дальнейшую жизнь.
От злой болезни ты спончался,
Очень сильно ты, муженёк, мучился.

Ох, как без тебя я буду жить?
Как без тебя теперь мне быть.
Хорошо с тобой мне было,
Деньги часто ты приносил.
Деньги свои на дело расходовал.
А теперь кто мне, милый мой,
Принесёт копейку трудовую.
Теперь откуда, любимый мой,
С ребятами увидеть мне добро, ой!
Ох, мать-матушка моя,
Их надо обучить, воспитать,
Их надо на дело направить,
Их нужно в люди вывести, ой-ох!
Без отца они не станут слушаться.
А еще труднее будет мне и тогда,
Когда я их вырашу, воспитаю.
Когда они уйдут из дома моего.
Ой, тогда я останусь одна-одинёшенька,
Пустой дом буду стеречь.
Я в избе пустой тогда замёрзну
И никто про меня не будет знать.
Ох, суженый-нареченный мой,
Если ты ко мне милостив,
Возьми и меня с собой туда,
Возьми меня скорее, о-ой, ох!

71

Ватта явсян васянязень-поланязень:
Васянязе, мярьган, матанязе!
Васянязе — седиень колайнязе,
Поланязе — ниле шабань кадынязе,
Вай, лама шамня тейст эряви,
Лама кшиня пеконязост андома.
Кода мон синь касфтсайне?
Кода мон синь токафтсайне?
Кона вастти мархтост мон аран шта?
Мес тяфта павазфтома синь шачфтоськ,
Лама мужа тейст няема,
Лама упрёк кулема.
Ох, васянязе-полянязе!
Кадоть ниле ваймонь талеканят,
Коста сяван ярмакт дацкканянь каямс,
Вай, мезе тияц, ков молан?
Хоть вачкодить кафцьке кяднятнень,
Пувордайт эсь кемонь суриятнень,
Вдь синь работникокс ниинге аф пчкяйхть:

Аф сока пулоти синь кундавихть,
Аф тевошь кис синь содавихть.
Моидейнь, васяняй-кельгомняй,
Тяни лама кальдяв няема,
Тяни лама стакаши кирдема,
Сембе векозе ризфса зряма.
Ох, васянязе-полянязе!
Тон мархтон цебарняста эрсеть!
Тон ужяльдезь кельксить эсь идиятнень,
Тон касфинть-тонафинть синь седишкаваня.
Кие тяни синь стане кельгсыне,
Синь стане ужяльдысьне, кода тон?
Кинди кадыть, кинди синь надняфтыть,
Штоба шамс-андомс, кода ульсь?
Вдь сиротаць кели лангоняи,
Сиротань оцю пеконяи.
Васянязе-полянязе,
Кинди надняфтомасть, кинди кадомась?
Кадомась мишь шава кудняс,
Мишь аш уштомс пенгяняньке,
Мишь аш кинди сёроняньке,
Васянязе, монь кельгомнязе,
Месендяи мон, кода тяня?
Лавцяти кадыть пиже пюрямняцень,
Эзонза кадыть пиже дяканяцень,
Тейнза лофца ямня зряви.
Улендярялеть тоньш шиса,
Траксявок тон рамалеть.
Тяни молема тейне анцема,
Ломань кудга якама,
Кши сускомнянь прдама.
Васянязе-полянязе,
Кинди кадомась, кинди надняфтомасть?
Кадомась арьцек пичедема вастонди,
Надняфтомасть маендама.

Вот я оплакиваю своего суженого-нареченного,
Суженый мой, скажу, милый мой!
Ты разбил мое сердечко,
Ты четырех детушек оставил,
Ой, много одежды им надо,
Много хлебушка им надо приготовить.
Как я их стану растить,
Как я их стану воспитывать,
На какое место мне придется с ними выйти.
Ох, зачем мы такими несчастными их породили,

Ведь много нужды они увидят,
Много упреков услышат.
Ох, суженый-нареченный ты мой!
Остались у меня четыре душеньки,
Где возьму денежки платить подати,
Ой, что мне делать, куда пойти,
Хоть разбей я все свои ладоши,
Хоть выкрути все свои десять пальцев.
Ведь они в работники еще не годятся,
Они за сохой еще не могут ходить.
Они работать еще не научились.
Придется мне, мой суженый-нареченный,
Теперь много плохого повидать,
Теперь много тяжестей перенести,
И всю жизнь горевать.
Ох, суженый-нареченный мой!
Ты со мною хорошо живущим был,
Ты нежно любил своих детушек.
Ты учил-растил их всех любовно.
Кто их теперь приласкает,
Кто их приголубит так, как ты?
На кого оставил, кому поручил ты их,
Чтоб так одеть-кормить их как бывало?
Ведь у сиротушек большой рот,
У сиротушек большой живот.
Ох, суженый-нареченный ты мой!
На кого оставил ты нас, кому поручил ты нас?
Оставил нас в пустой избе,
Нет у нас дров для топки,
Нет у нас зерна для хлеба.
Суженый ты мой, любимый!
Что мне делать, как мне быть?
На гвозде висит люлечка,
В этой люлечке младенец качается;
Ему нужно молочко.
Если был бы ты живой,
И коровушку бы купил.
Теперь же надо мне нищей
По домам с сумой ходить,
Кусочки хлеба собирать.
Ох, суженый-нареченный ты мой!
На кого оставил ты нас, кому поручил?
Оставил ты нас только мучиться,
На всю жизнь маяться.

Ой, ожка пшкядян васянязти-поланязти,
 Васянязе-поланязе, уй!
 Ой, кинди кадомайть,
 Кинди надияфтомайть?
 Ой, кадомайть тон шава куду, шава юрхту.
 Ой, тyani мон шава кудса месейдян?
 Коза мон молян,
 Коза пря тиян?
 Ой, васянязти-поланязти пшкядян, у-уй!
 Ой, ой, кинди кадомайть иттень мархта?
 Кафта идняне-цёраняне:
 Фкянясь кядь песа якайня,
 Омбоцесь — норямияса потяйня, уй!

Ой, погодите, я обращусь к своему суженому-близкому,
 Суженый мой, нареченный, у-уй!
 Ой, на кого ты меня оставил,
 Кому ты меня поручил,
 Ой, оставил ты меня в пустом доме, в пустом дворе.
 Ой, что мне делать в пустом доме?
 Куда я пойду,
 Куда я себя дену?
 Ой, скажу я своему суженому, у-уй!
 Ой, ой, на кого ты оставил меня с детьми?
 Двое моих детушек — мальчики мои:
 Один из них еще плохо ходит,
 Другой в люльке, грудной еще, у-уй!

Васянязе-поланязе,
 Ой, ни мон вачкодъсайне
 Эсь кафта кяднянень,
 Пурдасайнь, вай, тяфта
 Мон эсь кемонь сурнянень.
 Да мярьган, васянязе-поланязе,
 Монь эсь сельмонь кондымязе,
 Мезе тон тить, мезе думандать.
 О-о-ох, ай!
 Кда ни, васянязе-поланязе,
 Мон содалине тия тевнять,
 Мон тялень када сисем иднят,

Тялень тий кемонь тевнятнень
 Да ласьколень юмама-арама вастонязт,
 Кядь кучканясон мон кандолихтень.

О-о-ох, ай!

Ой, ни мон мярьган, шкайнязе-мамакай,
 Мезенди монь шачфтомайть,
 Мезенди монь тяфта касфтомайть,
 Мезенди монь белой светги
 Тяшка горянь няема нолдамайть?

О-о-ох, ай!

Ох, васянязе-поланязе,
 Знать, сюдомайть монь
 Тяшка горянь кирдема,
 Мянь одняста полафтома эряма.

О-о-ох, ой!

Суженый-нареченный мой,
 Ой, как всплесну я
 Своими обеими рученьками,
 Заломлю, ой, так вот я
 Свои десять пальчиков.
 Да скажу, суженый-нареченный мой,
 Ненаглядный мой,
 Что же ты наделал, что задумал.
 О-о-ох, ай!
 Если бы, суженый-нареченный мой,
 Я знала все это дело,
 Я бы не оставила семерых детишек,
 Не задержалась бы за своими делами,
 Да прибежала бы к месту твоей гибели,
 На руках бы своих я принесла тебя.
 О-о-ох, ай!
 Ой, я скажу, матушка,
 Зачем ты меня породила,
 Зачем ты меня так вырастила,
 Зачем ты меня на белый свет
 Горевать пустила.
 О-о-ох, ай!
 Ох, суженый-нареченный мой,
 Знать ты проклял меня,
 Чтобы я больше горя испытала,
 Много нужды повидала,
 И с молоду без мужа осталась.
 О-о-ох, ай!

Ох, бабаняй-матаняй,
 Ожу, бабаняй, явсете,
 Ожу, матаняй, ольксете,
 Ожу аран пильге пезот,
 Ожу аран маланязот.
 Пильге песот тонь, бабаняй,
 Ащи шайтан куломась;
 Пильге песот, матаняй,
 Равжа куломась.
 Мон аф пелян, равжа кулома, тонь эздот,
 Мон аф пелян эздот, кяжи шайтан.
 Лама горяда тейнь тиендеть,
 Лама ризфта тейнь кирдефнеть;
 Емланяста аваняда явфтомайть,
 Емланяста трийняда катфтомайть,
 А тоса емла иднянень сявить,
 Рана кядьстон синь нельгить.
 Колма кизоса васень идезень машфтыть,
 Емланяста эряфонц срафтыть,
 Самай цебарь пингоцоль,
 Самай эряма времацоль.
 Кота кизоса омбоце идезень сявить,
 Ошо горя, кулома,
 Тейне тон прафтоть;
 Стака пичефкс, кулома,
 Эряфозон сувафтоть.
 А тяни тон, равжа кулома,
 Бабанязень нельгить,
 Кельгомязень салайть,
 Шамазон ёрдайт сялги салмокснень,
 Пильгалон ацайт пиди палакснень.
 Ох, бабаняй-матаняй,
 Норак, суюконя мон
 Кафта якай пильгонязт.
 Ня пилькнень мархта
 Мельган лама якама,
 Бабаняй, яксекшнеть,
 Лама пильге вижняцень,
 Бабаняй, тон машфоть.
 Ох, бабакай-кормилецкай,
 Норак, суюконя нинге
 Тонь плманжатненди:
 Ня плманжатнень лангса, бабаняй,
 Емланякс монь кирекшнеть,

Ня плманжатне, матаняй,
 Емланякс аф весть кштифнемазь.
 Ожу, бабаняй, ожу, матаняй,
 Мяштезотка суюконя.
 Тонь мяштеназт монь кельгозь
 Ламоксть люпшнемайть.
 Тейне, бабай, ульсь пяк пара,
 Лама лямбе валнят корхнеть.
 Ожу, бабай-матаняй.
 Кафцьке кяднятнень паласайне,
 Мазы кяднятнень люпштасайне.
 Ня кяттнень мархта
 Ламоксть монь каннекшнемайть,
 Ня кяттнень мархта ваннекшнемайть,
 Ня кяттнень мархта
 Зиянда, бабай, идекшнемайть,
 Вай, кальдявда монь ванфнемайть.
 Ох, бабаняй-матаняй,
 Норак, кемонь сурхнень
 Ляпоняста варжасайне,
 Фкя-фкянь лангс путсайне.
 Ня сурхнень мархта
 Акша лофцоняда симнемайть,
 Ня сурхнень мархта
 Сюрень кштирдема тонафнемайть,
 Ня сурхнень мархта
 Кодама-стама кошарямайть.
 Ой, бабаняй-кормилецкай,
 Ой, бабаняй-матаняй,
 Ожу кургоняцень паласа.
 Тя кургоняце, бабай,
 Монь авардемада карнемань.
 Ошо ризфкада бассемань.
 Тя кургоняце, матаняй,
 Цебарь тевняс кучсемань,
 Еньц-прывийняс путнемань.
 Тя кургоняце, кельгомняй,
 Кальдявонкса сюцемань,
 Цебарнякса шналемань.
 Ой, бабаняй-матаняй,
 Лама прывий тейне макссекшнеть,
 Лама пара тейне тиенкшнеть.
 Кода пандса, бабаняй,
 Тонь цебарняцень,
 Тонь ошо пароняцень?
 Кода пандса, бабаняй,
 Шиста-эрямста цебаряце изь пандов,
 Шиста-эрямста тонь пароняце изь казев.

Ожу, бабаняй, мекольцеда
Колмоксть мон тейть сюконяя,
Колма поклотт мон тиян.
Васенце поклонть тейть путса,
Штоба пряцень вельхксса
Палоза фалу лампадка.
Омбоце поклонть мон максса,
Штоба тейть най улель
Попонь служама обедня.
Колмоце поклонть тейть тиса,
Штоба зряфкяце-ваймоняце
Поволь валда райти-эряфти.
Тяфта, бабай-кельгомняй,
Парняцень мон пандса,
Тяфта, вай, бславате,
Тяфта мон прважате.
Прощай, бабаняй,
Прощай, касфтыняй.
Прощай, ванфтыняй!
Оду тонь аф няйхте,
Оду мон аф васьфтте!

74

Ох, бабушка, милая моя,
Стану тебя, бабушка, оплакивать,
Стану, милая, над тобой рыдать.
Стану я около твоих ног,
Сяду поближе к тебе.
У ног твоих, бабушка,
Смерть проклятая стоит.
Около ног твоих, матушка,
Смерть отвратительная.
Не боюсь я тебя, смерть ты черная,
Не страшусь я тебя, смерть-страшилище,
Много горюшка ты принесла мне,
Много печали:
Малолетнюю меня разлучила с матерью,
Малолетнюю без кормилицы оставила,
А потом малых детушек забрала,
Насильно из рук моих вырвала.
Детку мою трехлетнюю
Со света изжила,
Малолетнюю ты погубила.
У неё было самое прекрасное
Времечко детское,
Ей только бы жить и радоваться,

А второго, шестилетнего
Моего ребенка погубила ты.
Много горюшка принесла,
Смерть ты лютая, окаянная,
Жизнь мою ты омрачила.
А теперь, смерть чёрная,
Мою бабушку ты забрала.
Любимую бабушку ты украдала,
В лицо мне бросила иглы свои **колкие**.
Под ноги мне постелила
Крапиву жгучую.
Ох, бабушка моя, милая,
Погоди, поклонюсь твоим
Обоим ноженькам.
Ногами этими ты за мною ходила,
Много силушки,
Бабушка, потратила.
Ох, бабушка, кормилица моя,
Ох, бабушка, боженька,
Погоди, поклонюсь еще
Твоим коленям.
Ведь на них, матушка,
В детстве я сживала,
Ведь на этих коленях
В детстве не раз я приплясывала.
Поклонюсь я, бабушка,
Поклонюсь я, матушка,
Твоей теплой груди.
Бабушка, кормилица моя,
Поклонюся я сердцу твоему.
Мне ты, бабушка,
Много ласковых слов говаривала,
Много сердечного тепла дарила.
Погоди, бабушка,
Обе ручки твои поцелую,
Руки милые к сердцу прижму.
На этих ручках своих
Ты долго меня носила,
Этими ручками
Не раз меня нянчила,
Этими ручками, бабушка,
От беды меня оберегала.
Ой, бабушка кормилица,
Ох, бабушка, милая,
Дай-ка твои десять пальчиков
Сладко я поцелую,
Любя их поглажу.
Этими пальчиками

Сладкой кашей меня ты кормила,
Этими пальчиками
Мне молоко подавала,
Этими пальчиками
Прясть меня учила,
Этими пальчиками ткать
И шить меня заставляла.
Ох, бабушка-кормилица,
Ох, бабушка милая,
Дай-ка ротик красивый
Я сладко поцелую.
Этот твой ротик
От плача меня уговаривал.
В печали меня успокаивал.
Этот твой ротик
На дела хорошие направлял,
Уму-разуму учил.
Этот ротик твой
За плохое поругивал,
За хорошее хвалил.
Ох, бабушка милая,
Много доброго и умного
В жизни ты мне делала.
Как я платить стану
За твое все доброе,
Как уплачу, бабушка,
За твое все хорошее.
Когда была ты жива,
Это не пришлось сделать,
Когда была ты жива,
Тебе за добро я не смогла оплатить.
Погоди, бабушка, в последний раз
Три раза я на колени встану,
Три поклона тебе положу.
Первый поклон,
Чтобы над греловой твоей
Всегда горела лампадка,
Второй поклон,
Чтобы тебе всегда поп
Служил обедню,
Третий поклон,
Чтобы твоя душа
Попала в рай цветущий.
Так я, бабушка,
За твое добро отплачу,
Так, ой, я тебя благословляю,
Так я провожу тебя.
Прощай, бабушка,

Прощай, кормилица,
Прощай, моя наставница!
Больше тебя не увижу я,
Больше не встречу тебя!..

Ой, аканяй-матаняй,
Ой, аканяй — пиже лопаняй,
Коза наряжать, коза тон срхкать
Акша келу ронгоняцень?
Ой, аканяй-матаняй,
Ой, аканяй-пзыгатаняй,
Коза шайть-каряйть
Парьхцинь шамнятнень,
Коза аноклайть
Еню пряняцень, валда ённыцень?
Мезе аноклать, мезе срхкафтоть?
Кати гульбаня, кати свадьбаня.
Ой, аканяй-матаняй,
Ой, аканяй-кельгомняй,
Тя аф гульбаня, тя аф свадьбаня,
Ой, тя тиеть тон оцю пичефкскя,
Страшной горяня радня пляманди.
Ой, тон нолдать кальдяв куляня
Эсь куднязот-семьянязот —
Седис токай нужаня.
Ой, аканяй, аканяй,
Тага мярьган, матаняй,
Потмонь панжема вастоняй,
Мазы шама лкконяй.
Пилькс копейка сельмоняй,
Сиянь монетань кеиженяй.
Кодама урма тонь косьфтанзе,
Кодама кулома сявонзе,
Кодама кулома машфтонзе?
Мезе эрявсь куломати,
Мезе эрявсь, ой, душманти,
Мезе эрявсь кяжи куйти,
Мезе эрявсь ваймонь сявити?
Вай, аканяй-аваняй,
Вай, матаняй-лопаняй,
Ой, аканяй, аканяй,
Лямбе седнень токайняй,
Душман куломась тонь сявонзе-машфтонзе,
Аф пингстонза-парастонза,
Ой, одняста-мазыняста,

Аф ужяльдезь, аф кельгозь.
Ой, аканяй, аваняй,
Ой, сазорняй-кельгомняй!
Шачендоть тон, касондоть
Оцю саду, пиже саду,
Цебярь марлюнянди,
Акша панчфонь панжиенди,
Мазы марень кандыенди.
Ой, аканяй-сазорняй,
Ой, аканяй-матаняй,
Кодама кулома сявонзе,
Кодама урма машфтонзе,
Кодама душман сюдонзе,
Кодама воражъя гаянзе,
Кодама урма косьфтанзе,
Кодама куй шокшензе,
Кодама варма эрхтензе,
Кодама буран кяшензе,
Кодама туця вельхтянзе?
Аф воражъянди воражавоть,
Аф докторонди пчкафтовоть.
Ой, аканяй-аваняй,
Ой, сазорняй-кельгомняй,
Тага мярьган, матаняй,
Седнень пети вастоняй,
Лама тевонь тиняй,
Раднянь-плямань кельгиняй,
Пяк удалакшнеть шачеманяда,
Пяк удалакшнеть касоманяда,
Пяк удалакшнеть максоманяда.
Ой, аканяй-сазорняй,
Мельгат якасть, пяк шяясть,
Тонь козя кудатне, славнай эряйхне.
Сявондензе цебярь мирденя,
Ой, тон повондоть пара валда эряфкас,
Ой, тон сувакшнеть козя семьяняс.
Вай, сазорняй-матаняй,
Тага мярьган, лопаняй,
Эряфкяце лямбоняль,
Эряфкяце валдоняль.
Шачфтоть-касфтоть мирденди
Мазы цёрашабана,
Седнень пети лефкская,
Мельганза кандоть,
Вай, стирня, дяканя,
Пиже садонь панчфкяня.
Но, сазорняй-аканяй,
Лама горянь кирдиняй,

Эрхтензе тонь душман варма,
Эвфтензе тонь оцю буря,
Сатонзе тонь оцю горя:
Одняста лядоть поланяфтома,
Одняста лядоть аляняфтома,
Ёмласта илядсть иднятне.
Ой, аканяй-аваняй,
Ой, аканяй-матаняй,
Ой, аканяй-нармоняй,
Тонга валда эряфста туть,
Поланячень мельге туть.
Пяк одняста тон кулоть.
Пяк одняста лядсть иднятне.
Ой, аканяй-матаняй,
Кадыть цебярь эряфкячень,
Кадыть валда шинячень,
Кадыть эсь од куднячень,
Кадыть тончень козяшичень.
Ой, аканяй-матаняй,
Мезе тиеть, мезе арьсеть,
Мезе аноклать, мезе срхкафтоть?
Коза туят, коза молят?
Ой, сазорняй, сазорняй,
Одняста пяк тон кулоть,
Вай, одняста эздонк туть,
Кали тяни кадсамасть,
Кали, аканяй, юкстасамась?
Ох, равжа модати тон туят,
Ой, кельме шуварти тон суват.
Оду минь аф няхтядязь,
Оду ни аф васьфттядязь, ой, ой...

75

Ой, тётенька моя милая,
Ой, тётенька моя нежная,
Куда принарядилась,
Куда так собралась ты,
Белая березонька?
Ой, сестрица, матушка,
Ой, сестрица, касаточка,
Куда так надела ты
Свои наряды шелковые,
Куда так собрала
Свою головушку светлоумную?
Что приготовила, что ты призадумала?
Не то пир большой, не то свадебку.

Ой, сестрица, матушка,
Ой, сестрица моя любимая,
Это не пирушка и не свадьбушка.
Ой, ты принесла нам печаль великую,
Горе страшное для родни своей.
Ой, ты принесла плохую весть
Для своей избы и семьи —
Горюшко горькое.
Ой, тётенька, тётенька,
Ещё скажу, милая,
Душевная моя собеседница,
Моё милое личико,
Как звезды твои глазоньки,
Как серебряные монеты ногти твои.
Какая болезнь подкосила,
Какая смерть тебя взяла,
Какая смерть тебя убрала?
Что смерти понадобилось,
Что понадобилось смерти,
Что понадобилось, ой, душману,
Что понадобилось шипучей змее,
Что понадобилось лиходейке?
Ой, сестрица, матушка,
Ой, любимый цветочек,
Ой, сестрица, сестричка,
Сердечко мое опечалила,
Смерть лиходейка тебя умертвила,
Не вовремя она взяла,
Ой, молоденькой, цветущей,
Взяла тебя без жалости.
Ой, сестричка, матушка,
Ой, сестричка любимая!
Родилась ты, росла ты
В большом саду, в саду цветущем,
Как яблоня красивая,
Как яблоня белоцветная,
Как яблоня сладостная.
Ой, сестрица милая,
Ой, сестрица матушка,
Какая смерть тебя взяла,
Какая болезнь тебя уничтожила,
Какая нечистая сила прокляла,
Какая ворожейка тебя сглазила,
Какая болезнь иссушила,
Какая змея кровь высосала,
Какая буря повалила тебя,
Каким бураном сшибло тебя,
Какая туча осенила тебя.

Ни ворожейке тебя не удалось спасти,
Ни доктору не пришлось вылечить.
Ох, сестрица, матушка,
Ох, сестрица любимая,
Ещё скажу, матушка,
Сердцу самая близкая,
Много дел ты сделала,
С подружками дружила ты,
Родню свою любила ты,
Удачно и родилась ты,
Удачно росла ты,
Удачно и замуж вышла.
Ой, сестрица, сестрица,
За тобою все ухаживали
Сватья богатые, жители славные.
Хорошему мужу любимому
Ты ведь попалась.
В семью счастливую,
Ой, ты жить входила...
Ой, сестрица старшая моя, милая,
Ещё скажу, цветочек мой,
Жизнь твоя была светлая,
Жизнь твоя была счастливая.
Родила, вырастила мужу ты
Сыночка милого, красивого,
Сердце успокаивающего птенца.
А затем родила ты
Девочку, ой, прелестную,
Цветочек красивый садовый.
Но, сестрица милая,
Много горя перенесла ты,
Ударил тебя буря чёрная,
Напугал тебя злой ветер,
Напугало тебя большое горе:
Молодую осталась без муженька,
Остались без отца детки малые.
Ой, сестрица, сестрица,
Ой, сестрица милая,
Ой, сестрица-пташечка,
Из жизни и ты ушла,
За своим мужем ты ушла,
Молодыми с белого света вы ушли,
Малыми остались ваши деточки.
Ой, сестрица, матушка,
Оставила ты свою жизнь прекрасную,
Оставила своё солнышко,
Оставила свой новый дом,
Оставила своё добро нажитое.

Ой, сестрица милая,
Что ты надумала, наделала?
Что ты приготовила, затеяла?
Куда ты уходишь, куда пойдешь?
Ой, сестричка, сестричка,
Молоденькой ты умерла,
Ой, молоденькой ты нас покинула.
Теперь оставишь нас,
Сестрица, позабудишь нас,
Ох, уходишь в сырую землю,
Ой, в холодный песок ты войдешь.
Больше не увидим тебя,
Больше не встретим тебя, ой, ой, ой...

76

Вай, аканязе-аванязе,
Авадонга милайнязе!
Аканязе — корхтай-думай ялганязе,
Аканязе — сиротань кадынязе!
Кадолеть хоть фкяня-кафтона,
Вай, тон кадоть колмония;
Кафтонятне ладонь содайшканят,
Колмоцесь ладонь аф содайня,
Лад аф содайня, ёнь аф сявиия.
Мезенкса кадыть-ёрдайт
Колма идиятнень-лефксаянтнень?
Ох, кда улель, аканяй, шиса эзнанязе,
Касфтолезень-кеподелезень сиротанятнень,
А тяни сонга равжа модаса,
Козомань урмась ваймоиц сявозе.
Коста, аканяй, ускихтень больницяв,
Молеманьберьф указовать,
Тейне корхтатъ-надияфтотъ:
«Тяйте када, сазорняй,
Колма идиянень-лефксаянень:
Касфтыть-урядайтъ, эряма синь тонафтыть».
А монь, аканяй, ся валхнень мархта
Бта эсон сялгондоть.
Ох, ускихтень, аканяй, больницяв кадыхтень.
Ётасть колма шинят — молень варжамот,
Мярьгонь, аканяй, шятытака, пчкять-правондатель,
А тонь ащесь ви акша котф лангса
Стройнай келу ронгоняце,
Ашесь маряв ни тонь куфцемаце.
Пакарькс коньфкат ни келнармоень сельмонятне,
Марняс люпштафт ни парьхциень трванятне.

Ох, эста шаронь куду алашанкса;
Кува молян, кить кувалмос авардян,
Паксять келес сраткшнесь вайгяльнязе,
Кодак кудозт сань, аканяй-аваняй,
Гульнякс пуромсть перьфкан тонь идиятне.
Вай, беднай лефксаятне кизефнемазь:
«Пчкясь ли аш аваняньке?»
А мон мярьгонь, пчкясь-правондась,
Мярьгсь: «Ванды сада инксон».
Вай, сутка мянь изень аза куломаняцень.
Кда омбоце шиня алашаса куду ускине,
Акай, акша келу ронгоняцень,
Орта лангс листть, акай, каршезон
Колма идиятне-сиротанятне,
Эста ушедеть сюдофкятне тонь авардема,
Сетьме пиземнякс шудихть сельмоведнясна,
Оцюнять, акай, кафта ширде куду вятеськ,
Еткстось пупорязне-нюрязне мольсь,
Сембода ёмлать кандозь кандоськ.
Сувафтодязь, аканяй, эсь куднязт-шинязт,
Путодязь, акай, эзем прянязт,
Колма идиятне ваксот аварькшнестъ,
Вдь авардемда, акай, синь аф кардасайть,
Вдь тевс-кис, акай, синь аф путсайть.
Кадыть тейнек, аканяй, сембе стакацень,
Кадыть тейнек, аканяй, тон заботацень;
Тиемайтъ, аканяй, веть аф удынякс,
Шить вастсон аф кирдинякс.
Вай, месендъсайне, аканяй, колма идиятнень,
Вай, коза тисайне сюдоф сиротанятнень?..

76

Ох, тётенька моя, матушка,
Лучше матери любимая!
Сестра моя ты — советчица, голубушка,
Своих сиротушек оставила!
Оставила хоть ба одну сиротушку,
А ты оставила троих:
Две из них уже понимающие,
А третья еще несмышленишек,
Ничего в жизни не понимающая.
Зачем ты оставила-бросила
Троих детушек-птенчиков?
Ох! Если был бы хоть жив зять родной,
Поднял бы на ноги, вырастил сиротушек,
А теперь и он лежит во сырой земле,

Рано отдал он свою душу болезни,
 Кашель проклятый доконал его.
 Когда привезла тебя, сестрёнушка,
 В больницу, ты всю дорогу приговаривала:
 «Не оставь, сестрёнушка,
 Трёх моих детишек-птенчиков:
 Вырасти их, ухаживай за ними,
 Научи жизнь понять».
 А эти слова, сестрёнушка,
 Острым ножом вонзились в сердце мое.
 Ох! Привезла тебя в больницу, оставила,
 Прошло три дня —
 Пришла тебя проведывать,
 Думала, что ты вылечилась-поправилась,
 А твоё тело уж лежало на белом холсте,
 Душа твоя его оставила.
 Уж не слышно твоих вздохов,
 Очи ясные навек закрыты-сомкнуты,
 Маковые губки — холодные.
 Ох, когда я побежала домой за лошадыю,
 Всё полюшко мое рыдание услышало.
 Когда в дом твой вошла, сестрёнушка-матушка,
 Как голубки, твои детки прижались ко мне,
 Ой, твои детки меня спрашивают:
 «Поправилась ли наша мамушка?»
 А я сказала: «Поправилась, выздоровела».
 Сказала: «Завтра приходите за мной».
 Ой, сутки я не говорила им о твоей смерти.
 А как на другой день труп твой привезли домой,
 Вышли встречать меня
 Твои детушки — трое сиротушек,
 Все они заплакали бедненькие,
 Градом полились их слезыньки.
 Старшего, сестрёнушка, привели домой, поддерживая,
 Средний шёл шатаючись,
 А самого младшего на руках я несла.
 Занесли тебя, сестрёнушка, в твой родимый дом,
 Положили тебя на скамейку под иконами,
 Все трое твоих детушек плакали около тебя,
 Ничем, сестрёнушка, не успокоишь их,
 Никакому уму-разуму не научишь их,
 Оставила ты нам, сестрёнушка,
 Свои горести-печали великие,
 Все свои труды-заботы не малые.
 По ночам не сплю сестрёнушка,
 Днем не нахожу себе места, не успокоюсь,
 Ой, что поделаю с твоими детьми-сиротушками?..

Ох, аканяй-матаняй,
 Изине маря, аканяй, тонь сярядемацень,
 Изине куле, матаняй, времафтома куломацень,
 Времафтома-парафтома кудста лисеманяцень,
 Аф, аваняй, аваняй, тя илань вешискалеть,
 Аф тя илань тишкалеть.
 Аканяй-матаняй!
 Фкя шачема-касома цёраняцель,
 Сявок ашензе няе куломаняда-имаманяда,
 Равжа модати сркхаманяда,
 Ох, аканяй-аваняй!
 Аф фкя велеса эряме-ашеме,
 Аф фкя думняса думсеме,
 Кизода кизос аныцек минь васетькшнеме,
 Эста корхнелеськ лажатф валняньконь,
 Эста думселеськ марса думняньконь,
 Эста панцелеськ минь эсь потмоньконь.
 Ох, аканяй — седишкава ужальдиняй!
 Кда тяшканц бедацень тонь содалине,
 Эрь шкайнь шиня варжалихтень.
 Тондедот мала ашрадняязе-пляманязе,
 Аш потмонь панжема монь вастонязе,
 Знать, шкайнязе-аванязе коста шачфтомань,
 Ашезь прафта сельмеведня эшелямс.
 Ашель, маряк, павазонь акша нуланяц кстиндамстон
 ашкодомс.
 Матря, седи вельхтердасонза ашкордамань,
 Век ризнама монь сон нолдамань.

Ох, тётенька моя, милая!
 Не знала я, сестрица моя, о болезни твоей,
 Не слышала я, милая моя, о безвременной смерти твоей,
 О преждевременном уходе из дому.
 Ты, сестрица моя, была рождена не для такой печали,
 Не для такого горя.
 Сестра моя, родная!
 Один-единственный сыночек твой,
 И тот не видел твоей смерти-погибели,
 Не видел твоей кончины.
 Ох, сестрица моя, родимая!
 Не в одном селе жили-проживали мы,
 Не вместе думали свои думушки,
 Редко с тобой мы встречались,

Редко делились своими мыслями-думушками,
Разговаривали с открытой душой.
Ох, сестрёночка, сердечная,
Если бы знала я о твоей беде,
Каждый день сидела бы около тебя,
Без тебя я осталась одна-одинёшенька,
Нет никого у меня близких-родных,
Некому без тебя душу открыть, мысли высказать:
Наверное, меня божья мать так создала,
Не уронила она при моём рождении слезиночки для моего купания,

Знать, не нашлось у неё счастливой пелёночки,
Чтоб завернуть в неё меня, младенца, при крещении.
Знать, несчастливими пеленками меня укутала,
До самого гроба с тоской меня оставила.

78

Аканязе-тядянязе,
Аканязе — сиротань кадынязе!
Кадолеть хоть фкяня-кафтона,
А тыни кадоть ветеня:
Колмотне ёнень содайнят,
Ладонь сявинят;
Фкянясь ёнень аф содайна,
Лад аф сявиня;
Омбоценьсь нюряй нюрямса,
Нюряй пиже ронгоняц,
Потяса потяй пиже кургоняц;
Сон тыни аф содай
Тядянь акша лофцоняда,
Тядянь тюжя вайняда.
Аканязе-тядянязе,
Оцю скорьбонь кирдинязе!
Кинди кадыть, кинди надняфтыть
Лэфксканятнень-ветенятнень?
Кинь перьфке пристандайхть,
Кинь перьфке всеялготкшнихть?
Аканяй-тядяняй!
Сиротанянь пяк оцю лангоц,
Сиротанянь пяк оцю лекоц:
Шрать вакс сон озай — лама сиви,
Симома кармай — лама сими.
Аканязе-тядянязе!
Шобдава аяш стяфтынясна,
Парняста аяш андынясна.
Аканяй-тядяняй!

Аш тевс-кис ладяйнясна.
Вай, эзнанязе-алянязе!
Месенди тыни поланяфтома?
Тяни аш васень поланяце,
Аяш корхтай ялганяце.
Кода ладясайть сиротанятнень —
Ветенятнень месендсайть?
Эзнанязе-алянязе,
Колмонятне синь ладонь сявишканят,
А фкянясь нюрямса нюряй,
Сон аерды тядянь лофцоняда,
Сон аерды тядянь ужяльняда.
Аканяй-тядяняй!
Мезь лангс ваноматон кадыть
Ветенятнень-иднятнень?
Пелеть, знать, аканяй,
Аф шавихть, аф мяляфтовихть,
Изеть надия, знать, эсь лангозт?
Аердоть однякс белой светкада.
Тяни эстейть, аканяй,
Эсь мерасот, эсь коряват,
Анок путф «кудняце»:
Пятналаифтома валдоня.
Аканязе-тядянязе!
Коста сяводязь больнищяв,
Сась эзнанязе-алянязе;
Сонь каршезонза лисеме кизефнемонза:
«Кода мярьгеть докторхне?»
А сон отвечась каршезонк:
«Докторхне мярьгеть — пчкяй».
Ащеть шиня, ащеть кафтона,
Колмоценьяста куду тудязь,
Кафта пяли ёрясь пряняце,
Ленгакс мянцевсть пильгонятне.
Аканяй-тядяняй!
Стама стакаста срядеть.
Путтядязь тыни равжа модати,
Равжа модати, кельме шуварти,
Аф ули тоса маряйняце,
Аф ули тонь куляняце.
Аф ломань вельде куляксават,
Аф акша сёрмаса маряват.

78

Тетьенька моя, матушка,
Сестра моя, много сирот оставила.
Оставила бы ты одного-другого,

А теперь оставила пятерых:
Трое из них набрались ума-разума;
В жизни кое-что понимающие;
Один из них еще несмышленишек,
В жизни не разбирается;
А последний ещё в люльке качается,
На ноги не поднимается,
Как стебелёк на ветру качается,
Материнскую грудь еще просит;
Теперь он не будет знать
Вкус белого материнского молока,
Материнских ласк и рук.
Сестра моя — мать моя,
Столько печали ты нам принесла!
Кому оставила, кому наказала
Своих пятерых птенчиков?
Около кого они будут собираться,
Чьим теплом согреваться?
Сестра моя — мать моя!
У сироты большое тело одевать,
У сироты рот большой для еды:
Сядет за стол он — много ест,
Пить будет — много выпьет.
Сестра моя — мать моя!
Вечером их некому укладывать,
Нет у них настоящего кормильца.
Сестра моя — мать моя!
Нет у них наставника.
Зять мой — отец ты мой!
Что будешь делать без своей жены?
Нет теперь у тебя любимой голубушки,
Не с кем тебе поговорить по душам.
Как будешь жить с сиротками,
Что будешь делать с пятерыми?
Зять мой — отец мой!
Трое из них научились уму-разуму,
А один из них в люльке качается,
Он просит молока материнского,
Он ищет ласки материнской.
Сестра моя — мать моя!
На что ты оставила
Детей своих — пятерых?
Или ты боялась, сестра,
Что их не накормить, не одеть,
Или ты на них не надеялась?
Ты покинула белый свет смолоду.
Теперь тебе дом построили
По твоему росту и по желанию.

Дом этот и без печки натопленный,
Без окон он тебе светлый.
Сестра моя — мать моя!
Когда тебя повезли в больницу,
Пришел ко мне зять мой — отец родной,
Вышли мы навстречу и стали спрашивать:
«Что сказали там доктора?»
А он ответил нам:
«Доктора сказали, что она вылечится».
Лежала ты там день-другой,
А на третий тебя домой привезли,
По обе стороны твоя головка качалась,
Как лыко, твои ножки гнулись.
Сестра моя — мать моя!
Так сильно ты болела.
Положили теперь тебя в сырую землю,
В холодный песок.
Теперь тебя никто не услышит,
Никто тебе слова не вымолвит,
Никто с тобой не станет говорить,
И письмо ты нам не напишешь.

79

Ватта яван-калян сазорнязень-Матюнязень;
Матюнязе — мазы марень лицанязе,
Матюнязе — лугань мазы цецянязе,
Цеця пряся коряйнязе.
Матюнязе — алян-авань горянязе,
Матюнязе — раднянь-плямань синдрянязе,
Матюнязе — оржа пишек* кяднязе,
Матюнязе — шачф мешавань сурбрянязе,
Матюнязе — подъячайнь корхтафкязе,
Матюнязе — пишектонга оржанязе.
Коза срхкат, Матюняй, аноклат?
Мезе тиеть, Матюняй, адерлять?
Тяни молят вековечнай вастоняэт,
Лангоэт щаят аф калады паляняцень,
Пильгоэт карьсят аф калады карнятень,
Кинди кадат уштор луднань палянятень?
Кинди кадат картакс ащи сёрманятень?
Ульцяв кадат цеця паця ялганятень,
Учендоме, Матюняй, свадьябаняцень-винаняцень,
А тон тиеть горяняцень-нужаняцень,
Коста сяфте, Матюняй, мон веште,
Коста тертте, Матюняй, мон веште?

* Оржа пишек — пяк сафты.

Вот я оплакиваю сестру свою,
 Вот я оплакиваю сестру свою Матюшу,
 Матюша — словно красивое яблоко лицо ты мое,
 Матюша — красивая, словно луговой цветочек мой,
 На цветочке колокольчик мой.
 Матюша — для родителей ты горяшко моё,
 Матюша — для родни ты печалюшко моё,
 Матюша — ты самая рукодельная моя,
 Матюша — ты самая удаленькая моя,
 Матюша — как у подьячего говорок твой,
 Матюша — как ты во всех делах преуспевала.
 Куда собралась, Матюша, приготовилась?
 Что наделала, Матюша, натворила?
 Теперь идёшь на местечко вековечное,
 На себя оденешь рубашку, которая не изнашивается,
 На ноги обуешь лапти долговечные,
 Кому оставишь свои рубашечки из листьев клёновых?
 Кому оставишь красиво вышитые одеженьки?
 На улице оставляешь подруг-цветочков,
 Ждали, Матунька, твою свадьбу, твоё вино,
 А ты принесла горяшко-нужду.
 Где тебя сыщу, Матунька моя, где найду тебя?
 Откуда тебя позову, миленькая, откуда приведу?

Ой, сазорный-матаняй!
 Мезень тежня тон тиеть?
 Аф пара куля тон молдаты,
 Аф пара теж тон тиеть.
 Мезе тоньфтемонт тиеме?
 Ков тяни зряви модемс?
 Ков тяни зряви лисемс?
 Мезе тяни зряви арьсемс?
 Ох, афпарамор, аеркс кулома,
 Кда няелихтень, кда содалихтень,
 Куване якат-шыят,
 Таргалине кафта равжа сельмотнень,
 Керолине кафта якай пилькиень,
 Синделине кафта кувача кяттнень,
 Нолдалихтень равжа модати,
 Нолдалихтень ляйти алуведият,
 Тостядилехтень оцю лоткс,
 Катк шавоволеть тозк,
 Катк тапаволеть, афпарамор,

Синдерелень лангозт оцю байдек,
 Аньцек паневолеть, аеркс кулома.
 Ой, мезе тиеть, аеркс кулома?
 Мезенди сявить ёткстонк ёмла сазорнязень,
 Мезенди сявить кельгомнязень?
 Ой, сазорный-матаняй,
 Мезе тиеть, мезе арьсеть?
 Ков тяни молихть ёмла дяканятне,
 Мезе тии тяни тонь мирдце-законняце,
 Кие тяни теист пиди-пани,
 Кие канды ару ведня,
 Кие пиди пси лямня?
 Тядяфтома теист зрямась стака,
 Модать ланга якамска стака.
 Вай, седияснон горянясь шокши,
 Ваймоняснон пичефкскась машфни.
 Ой, сазорный, мярьган, гулюняй,
 Ков кадсак эсь законняцень,
 Мес кадсак родной семьяцень?
 Вай, стьяка, стьяка, аканяй,
 Вай, стьяка, мярьган, матаняй,
 Ватта кодане рангихть,
 Ватта кодане кольгихть-авардихть
 Мазы панчфкятне, итне-лефкскаятне.
 Варжакстта, кода перьфкат пичедихть
 Велень зряйхне, сембе раднятне.

Ой, сестра моя, голубушка!
 Что это ты надумала?
 Весть нехорошую принесла,
 Нехорошее дело сделала.
 Что с тобой случилось?
 Что ты нас покинула.
 Что теперь нам делать без тебя?
 Куда нам сходить теперь?
 К кому нам обратиться?
 Что нам теперь придумать?
 Ох, ты смерть костлявая,
 Если бы тебя увидела и знала,
 Где ходишь и бродишь,
 Вытащила бы твои глаза черные,
 Отрубила бы твои ноги,
 Сломала бы твои руки,
 Похоронила бы тебя в сырую землю,
 Утопила бы тебя в омуте,
 Опрокинула бы в овраг глубокий,

Пусть бы там погибла, смерть чёрная,
 Пусть бы там разбилась ты,
 А я бы взяла палку суковатую
 И обломала бы об тебя,
 Только бы отогнать тебя, проклятую,
 Ой, что наделала смерть проклятая?
 Зачем взяла от нас сестру родную,
 Зачем ты умервила нашу голубушку?
 Ой, сестра моя, голубушка,
 Что ты наделала, что задумала?
 Куда теперь пойдут детки твои малые?
 Что будет делать твой муж вдовый?
 Кто теперь им приготовит поесть,
 Кто принесёт родниковой воды,
 Кто им сварит щи горячие?
 Без матери сироткам трудно жить,
 Трудно и по земле ходить.
 Ох, грусть-тоска их душу снесает,
 Сердца переполнены горем большим.
 Ой, сестричка, голубушка моя,
 Зачем ты оставляешь мужа любимого,
 Зачем покидаешь семью родную?
 Ой, встань-ка, встань-ка, сестричка моя,
 Ой, встань-ка, ты моя голубушка,
 Посмотри-ка, как расплакались,
 Посмотри-ка, как слезами заливаются
 Твои деточки-цветоченьки,
 Твои милые птенчики.
 Посмотри-ка, как около тебя печалятся
 Жители села и родные все.

81

Вай, ватта яван-калян пьальнеиязень-матанязень,
 Кодама пирия, матаняй, тон тиеть,
 Кодама праздничкоя, матаняй, тон срхкафтоть?
 Коца срхкать, матаняй, адерлять?
 Матанязе — виде штатол ронгонязе,
 Матанязе — паксянь шары кавалиязе.
 Матанязе — фталда мазы рощанязе,
 Рощаса акша виде келунязе,
 Келуняса тундань сятяв кукунязе.
 Матанязе — серьда серень касынязе,
 Матанязе — лама нужань няинязе,
 Матанязе — шава паксянь шарынязе,
 Матанязе — велень стадань ваньинязе,
 Матанязе — лама валонь кулинязе,

Кинди кадыть, матаняй, шкайнъ сюдоф васяняцень,
 Васяняцень-поланяцень,
 Кинди кадыть пиже ёжу дяканяцень?
 Вдна, ашель, матаняй, тядякацень
 Шкамста-трямста сетьме ведняц,
 Сельмоведьса, матаняй, эшелянзе,
 Куйнь кедняс, матаняй, ашкодонзе.
 Мастортъ ниле, матаняй, уженза,
 Ниле ужетниень тон шарсайть, тон варжасайть.
 Коста сыван мазы ряпсонъ лицаняцень,
 Коста марян кайги коряй вайгьяльняцень?..

81

Ой, расстаюсь я со своим милым братом,
 Что за пир ты, миленький, собрал,
 Что за праздник, любезный мой, затеял?
 Куда собираешься, миленький, куда готовишься?
 Миленький, как свечка прямой твой стан,
 Миленький, над полями летающий соколик мой,
 Миленький, сзади нас рощица прекрасная,
 В роще ты стройная моя березонька,
 На березе ты весенняя моя кукушечка,
 Миленький, больным ты растущий,
 Миленький, много горюшка ты перенесший,
 Миленький, по пустому полю ходивший,
 Миленький, сельское стадо пасший,
 Миленький, много упреков терпевший,
 Кому оставил, миленький, бедняжку свою суженую,
 Суженую-нареченную,
 Кому оставил малолетнее дитя свое?
 Видимо, твоя мать при твоём рождении
 Много слез пролила,
 В слезах тебя искупала.
 В зменную кожу, миленький, тебя окутала.
 У земли, миленький, четыре угла,
 Все четыре угла обойдешь-увидишь,
 Но где найдешь твоё личико круглое,
 Где услышишь твой звонкий голосок?

82

Вай, альгяняй, альгяняй, альгяняй!
 Тон мирдезти альняка улеть,
 Тон пара альгявозелеть,
 Кати добрай атявозелеть.

Атявозень пароть аф содаса,
 А тонь парцень, алыгай, содаса.
 Пильгонь коряс тон карень кодайналеть,
 Уськокс ащи карьксонь понайнялеть,
 Пара прывийс тонафтынялеть,
 Оцю разуме путынялеть!
 Ожка явсете, алыгавоськяй,
 Лятфтаса тонь шабакс зряфцень:
 Кемгафтува кизоняса лядоть аляныда-аваняда,
 Аф алашань кильдишкалеть,
 Аф алашань валхтышкалеть,
 Аф паксяса сокайшкалеть,
 Алашань пряняс кядце еле сатнесь.
 Вай, мархтот тонь лядондсть колма сюдюфкат:
 Кафтонятне ульсть ладонь аф содайшкат,
 Аф пеконь синь андышкат,
 Колмоценясь — шабада хужа сире атя сокорня.
 Сембонь урядайть, сембонь даставайть,
 Оттнень касфтыть тон оцюста,
 А колмоцеть калмайть сембе урядса (койса).
 Песта пеняи сембонь даставайть.
 Алыгавоськяй, мирдезенди тон браткяй!
 Ожка лятфтаса эсь видева зрямацень-ашемацень.
 Коста арать эстейть зряйнди-ашинди —
 Колма кизонят стаданят ваноть,
 Стаданят ваноть, снярс локшенят каннеть,
 Лама мани ши пидензе,
 Лама кельме тапанзе,
 Лама пизем пизензе.
 Вярде начкондоть пиземда,
 Алда начкондоть расада.
 Шятытака, тоза од вийце юмась,
 Ох, однястокиге белай светце маштсь.

82

Ой, деверь, деверь, деверь ты мой!
 Ты моему мужу старший брат родной,
 Ты в семье был у нас, как отец родимый,
 Ты был всем добрей свекра моего.
 От свекрови я не знала милостей,
 От тебя добра, деверь мой, я много видела,
 Ты всегда мне плёл лапти новые,
 Оборы вил очень тонкие,
 Всему хорошему ты учил меня,
 Ты учил меня уму-разуму!
 Позволь-ка мне, деверь миленький,

Оплакать тебя, вспомнить твою молодость;
 В двенадцать лет ты лишился отца-матери,
 Не умел еще запрячь лошадушку,
 Не мог и распрячь её,
 Не мог вспахать в поле землюшку,
 Ручки твои не могли поднять хомут и надеть его.
 Ой, с тобой остались трое несчастных,
 Двое ещё были несмышленные,
 Накормить себя не могли ещё,
 А третий был — старик слепой, хуже малышей,
 Младших ты вырастил, поставил на ноги,
 Сестру замуж выдал,
 А старика похоронил с почестью.
 Всем всегда ты всё доставал,
 Деверь ты мой, мужу брат родной!
 А теперь скажу, как ты сам жил-поживал:
 Как немножечко ты окреп, поднялся на ноги,
 Пас ты стадо три годика,
 Пас три годика, столько и кнут носил.
 Жаркие дни тебя палили,
 Холодные дни студили.
 Дожди тебя везде хлестали,
 Сверху промокал ты весь от дождей,
 Снизу мокрым был от росы.
 Наверное, от них ты и заболел,
 Ох, рано ты потерял белый свет.

83

Атыкай, атыкай, вай, батюшкай!
 Монь вяшкянязе, сывинязе,
 Прайнязе, ужяльдиязе,
 Щайнязе-каряйнязе,
 Пильге сурда алганязе,
 Пря шяярда вяръянязе.
 Вай, атыкай-батюшкай, —
 Монь вни пиземда кошкязе,
 Вни даволда эшкскязе;
 Монь мазы карень кодайнаязе,
 Пильге мерань содайнаязе,
 Шуваня карьксянь понайняязе.
 Вай, атыкай-батюшкай!
 Тон фалу монь якафтомайть
 Киза шиса покай кямоса,
 Тяла шиса лямбе валенцяняса,
 А тяни удат эзем пряняса.
 Вай, атыкай-батюшкай!

Тон последний шить удат тьса,
 Сяльде коль удат модать потмоса,
 Модать потмоса, сырой земляса.
 Мошь атянязе-трайнязе,
 Шкайнь содаф мяльнязе,
 Тон лама шинь эряйнязе,
 Лама нужань няйнязе.
 Эсь векоянень эряйт тон
 Эсь шкайнь трай цёранянка,
 Эсь вешень-кочкань рьянянка.
 Вай, атякай-батюшкой!
 Вай, акша парьхцень шяярнай,
 Акша сёка сакалнай,
 Сятяв валса сюцинай,
 Тонь аш эсь видеват рьяце,
 Мирдень лемса явсияце.
 Вай, атякай-батюшкой!
 Мезе тить, мезе арьсеть?
 Тяни туят минь эздонк,
 Тяни яват ни,
 Вай, атякай-батюшкой!
 Седиень петиняй,
 Седиень эждняй. Ой, ой, ух...
 Остатка раз, атякай,
 Минь тонь няйхтядязь,
 Курок эсь веленияват кантядязь,
 Остатка раз, батюшкой,
 Церькаву сувафтядязь.
 Вай, атякай,
 Вай, батюшкой. Ой, ох, ух...

83

Дедушка ты мой, батюшка!
 Ты мизничик мой, меня сосватавший,
 Меня всегда ты жалевший,
 Одевавший-кормивший.
 Ты для меня дороже всех,
 На свете нет лучше тебя.
 Ой, батюшка, отец родной!
 При грозе ты был мне шалашом,
 При урагане ты был мне надежным шитом.
 Ты самые красивые лапти плёл мне,
 Ты размер моих ног знал,
 Ты тонкие оборы вил мне.
 Ой, батенька, родной ты мой!
 При тебе я ходила всегда

Летом в красивых сапожках,
 Зимой — в теплых валенках.
 А теперь ты спишь в переднем углу.
 Ой, батенька, отец родной!
 Ты последний день спишь здесь,
 Потом будешь спать во сырой земле,
 Во сырой земле вечным сном.
 Ты, батюшка, кормилец мой,
 Божья совесть ты моя,
 Ты длинный век проживший,
 Много нужды видевший
 Ради сына — кормильца,
 Ради снохи своей любимой.
 Ой, батюшка, отец родной.
 Ой, белокурый мой,
 Белолицый и белобородый мой,
 Жалеючи ты меня поругивал.
 Нет у тебя уже своей женушки,
 Чтоб как мужа оплакивала,
 Ой, батюшка, отец родной,
 Что наделал ты, что надумал?
 Теперь уходишь от нас,
 Теперь расстанешься с нами, ой, о-оо!
 Ой, батюшка, свёкор мой!
 Ты всегда меня любил,
 Моё сердце ты обогревал. Ой, о-ох!
 Последний раз, батюшка,
 Мы на тебя смотрим,
 Скоро по селу понесут тебя,
 Последний раз, батюшка,
 В церковь занесём.
 Ой, батенька, отец родной. Ой, о-ох!

84

Ой, атякай-аляняй,
 Алядонга цебарнай.
 Ох, атяканяй — вешинязе, сявинязе,
 Тевняс-кинас нолдайназе.
 Ох, атякай, атякай —
 Пяле лемяса мярьгиняй,
 Валда ёнень максыняй.
 Ох, атяканяй, эзембрыса кандоняце,
 Эсонза вдь, атяканяй,
 Аш ваймоняце-сединяце,
 Атяканяй, мяштезт лутыть
 Кафта работай кяднятень,

Ох, кувалмоняс венептить
Кафта якай шильгонятнень,
Пакаръкс конить, атяканяй,
Пакся ёронь сельмонятнень,
Потмозт пякстайть, атяняй,
Ох, тон цебярь сятяв валнятнень.
Атякай, ох, аляняй —
Лама нужань няиняй,
Оцю скорьбонь кирдиняй.
Ох, атяканяй, векоянцень ётафтыть
Кувака локшень каннезне, ох, ох...
Оцю пандонь пряняс куциняй,
Оцю пандста алу валгиняй,
Вишке атямсь, атяканяй, торсензе,
Кельме вармась уфсензе.
Кизоньберьф тонь пиземнясь,
Атяканяй, шташендонзе, эшлесензе.
Атякай-аляняй,
Сяконь ваномста весяласта сашенкшнеть,
Пяк весяласта пшкятыкшнеть.
Хоть, атяканяй, ашель вижняце,
Сяконь корхнеть-пестыкшнеть,
Сединяньконь петнекшнить.
Тяни, атякай-аляняй,
Тейть пашень кудня аноклайхть,
Тоза тонь вдь путтядязь,
Тоза вечна кяштядязь.
Кудняце апак уштт лямбоня,
Вальмафтома шобданя,
Кда улельхть вальмянянза,
Эзгаст ванондолеть,
Ванондолеть, лама няелеть.
Панжем-сёлгом кенкшканза, ох...
Тяни, атякай, вековой вастозт туют,
Тяни, атякай, меки аф тердеват,
Меки ёткозонк аф саят. Ой, ой...

84

Ой, свекор мой, отец родной,
Ты был лучше отца мне.
Ох, свекор, ты меня нашёл, сосватал
На путь хороший наставил.
Ох, свекор, свекор,
Ты меня называл ласково,
Учил всегда уму-разуму.
Ох, теперь в переднем углу лежит твое тело,

В нём теперь уж нет твоей души,
В нём уж не бьётся твое сердце.
Свекор мой, на грудь ты положил
Свои руки работающие.
Ох, ты вытянул недвижимо
Свои ноги ходячие,
Намертво, свекор мой,
Ты закрыл очи орлиные,
Навсегда замолкли твои уста,
Не слышно больше слов твоих ясных.
Свекор мой, отец родной,
Нужды ты повидал достаточно,
Горя хлебнул немало ты.
Ох, свекор мой, век ты свой прожил
И не расставался с кнутом длинным, ох, ох...
На высокую гору ты взбирался,
С высокой горы ты спускался.
Много, много, свекор мой,
Над головой твоей гром гремел,
Дождь тебя мочил до ниточки,
Но ты всё равно пас стадо весело,
Бодрым приходил домой,
Весело с нами разговаривал.
Хоть, свекор мой, стал ты дряхлым,
Но не поддавался унынию, всегда шутил,
Нас всех веселил.
Теперь, свекор мой — отец родной,
Ой, тебе дом липовый приготовили.
Туда тебя положат,
Туда тебя спрячут.
Дом твой не натопленный, не тёплый,
Без окон и темный.
Если бы были окошечки,
Ты бы в них посматривал.
Посматривал, видел бы многое.
Ох, свекор мой, у твоего домика
Нет открывающейся двери, ох...
Уйдешь ты, свекор, на вечное место,
Оттуда, свекор мой, не вернешься ты,
К нам ты больше не возвратишься, ох, ой...

85

Вай, Иван овняй-эзнанияй!
Мазы парьхциень шаманяй,
Селезень кудряняй!
Коза тон срхкать, коза наряжать?

Лангозт щать цят ащи панарняцень,
Пильгозт щать мазы кодаф понкскятнень,
Коза карьсит виде штатол пильгонятнень?
Рана тон минь кадсамасть,
Тонь аныцек комсь ветие кизоняце,—
Кадоть самай пара пингонь эряфкяцень.
Кодама урма тонь шавонзе,
Кодама урма тонь керонзе?
Кизоньберьф тон сярядеть,
Кизоньберьф тон лечендять,
Сембоса минь лездеме тейть,
Тише вида уфсеме тейть,—
Стане ёрадызь кирдемс-пчкафтомс.
Пяле киза мянь тонь исть яка пильгонятне,
Пяк одняста пиштьсь мяльняце,
Минцьке содадызь, што тон кулат,
Равжа модати эряма суват.
Кинди кдыть шкайнь сюдоф колма иднятнень?
Кафттне аф карень кодайшканят,
Аф пенгань керышканят,
Колмоцеть потяса потяй кургоняц,
Нинге аф якайхть сонь пильгонянза.
Вай, месенди тyani шкайнь сюдоф сазорнязе?
Кадолить эсь аляти сюдоф иттнень,
Сонга пяк ни сиредсь.

(Меле корхтась сазоронцы)

Вай, сазорняй — сюдоф сестраняй!
Кода тyani сюдоф иттне касфтомат,
Кода тyani сюдоф иттне шамат-карямат,
Кода шта сюдоф иттне симдемат-андомат?
Кода кармат, сазорняй, эряма-ащема?

85

Ой, Иван зятек, мой любимый,
Ты красавец, ненаглядный мой,
Златокудрая головушка!
Куда собрался ты, куда принарядился?
На себя надел рубашку принарядную,
Надел штаны красивые, самотканые,
Куда ты так обул свои ноги прямые, как свеченьки?
Рано ты нас покинуть собрался,
Тебе двадцать пять годов минуло,
В самую прекрасную пору жить не стал ты.
Какая болезнь подкосила тебя,
Какая болезнь убила тебя?
Круглый год хворал ты,

Целый год лечился ты.
А мы во всём помогали тебе,
Чтобы проклятой болезни тебя не дать,
Так старались, хотели вылечить.
Более полугода ты не вставал на ноги,
Словно беспомощные они подкосились,
А ты как хотел всё жить,
Хоть и знал, что скоро с нами расстанешься.
Знали мы и сами, что ты умрешь,
Во сырую землю жить пойдешь.
Кому теперь ты оставил троих детей.
Троих детей сиротушек?
Двое из них ещё не могут лапти плести,
Для печи не смогут дров нарубить.
А третий ещё грудной малыш,
Еще по земле ходить не умеет.
Ой, что теперь будет делать моя сестра?
Лучше бы, Иван-зятёк, своих детей
Оставил бы ты своему отцу,
Да и тот уже очень состарился.

(Продолжает причитывать)

Ой, сестра моя, сестра несчастливая,
Как вырастишь этих детей горемычных,
Как теперь их накормить и одеть,
Как теперь, сестрица, в люди вывести?
Как станешь, сестрица, жить теперь?

86

Рвяняй — ши валдоняй!
Рвяняй-матушкой!
Мезе тон тиеть, мезе арьсеть?
Эзем пряса кандоняце,
Эсонза аш ваймоняце.
Кинди кадуть кафта иднятнень,
Кафта иднятнень-тяконятнень?
Фкянясь ёнень содайня,
Омбоценьсь ёнь аф содайня,
Сонь кадоть комадоня яказне,
Нюрямняса нюрязне,
Тядянь мяшьсь потязне.
Кудса-шиса тон кошяряйт:
«Потяк, иднязе, потяк, лефкскаязе,
Тяка тонь ули потяманяце,
Тядянь лофшонянь таньфкяце»,—

Ръвянай, матушкой!
Шачф мешавань сурбрянязе,
Сембе тевса сафтынязе,
Кочкрява палянязе,
Сурбрянява ожанязе.
Ръвянай-матушканай!
Улеть сятяв нармоння, кода гулюня.
Мезе тиеть тон, мезе арьсеть?
Оцю ризфоц тонь полацень,
Сонь пяк оцю печальняц,
Кода ётафтсаськ тяшка горяньконь?
Кода калмасаськ, Сергей, тонь
Васнянцень-поланянцень,
Потмонь-сединь панжема вастонянцень,
Сембе вастса арьси ялганянцень?
Вай, одняста тон илядоть
Седи вакстонь полафтома.

86

Сноха моя, красное солнышко,
Сноха моя милая!
Что ты наделала, что призадумала?
На скамейке твое тело лежит,
Лежит оно без дыхания.
Кому ты оставила двух детушек,
Двух детушек — сиротушек?
Один из них умный,
Оставила ты его ходить сгибаючись.
А другой ещё как птенчик,
В люльке он качается,
В материнской груди нуждается.
Перед смертью ты говорила ему:
«Соси материнское молоко, птенчик мой,
Вся эта сладость твоя,
Сладость материнская...»
Сноха моя родненькая!
Душе моей самая близкая,
Во всех делах золоторукая,
Как хорошо ты ткала полотно,
Все дела справляла по дому.
Сноха моя родненькая!
Смирная ты была как голубушка.
Что ты наделала, что надумала?
Сергей мой, кормилец мой!
У тебя печаль превеликая,
Как ты перенесешь такое горе?

Как похороним твою
Жеаушку, любимую-суженую,
Во всех делах советчицу?
Остался ты вдовым смолоду,
Остался ты без любимой своей.

87

Ой, стирнязе — монь уноконязе,
Машанязе-панчфкязе,
Ой, стирнязе-лопанязе,
Монь уноконязе, лугань панчфкязе,
Мезе тиеть, мезе арьсеть?
Кие тонь кучензе Мокша лян эшеляма,
Кие тонь ведти ваяма бславанзе?
Ох, уноконязе, Машанязе, панчфкязе,
Ох, юмафтыть тон идень од сединянцень,
Одняста эсь эряфкянцень,
Ой, акша кяднянц сон аф кеподьсы,
Ой, валда мзолфкац
Машанязень юмась.
Ох, стирнязе-уноконязе,
Тонь мака панчфонь
Щёкапрянтне оласть.
Ой, стирнязе — монь келу лопанязе,
Сельме кайсекшнень
Школьной тефнень ланге.
Кода варманя, тон лиезь лиедеть,
Школьной тевнясот тон кенерькшнеть,
Парста семботь тиендить.
Мазы вайгяльце, Машаняй,
Ялга ёткаса кайгсь.
Вай, тяни кадомась,
Вайгяльняце маштсь.
Ой, Машанязе — монь уноконязе,
Косьфтайть алянянцень-аванянцень
Лакай сединяснон,
Ризфта пяхкодить, Машаняй,
Синь мяштениснон.
Ой, иднязе — кельгома уноконязе,
Вельхксот пяк валдоль шинясь,
Весяла тонь эряфкяце ульсь,
И пяк тон цебарьста
Школав якать-ласькондеть,
Парста тоса тонафнеть.
Кда касолеть, оцю ломаньке улелеть,
Вай, уноконяй, кудса

Тевнят оцофт тиелеть,
Ой, стирнязе-Машанязе,
Шяьта, учительницакс уелеть,
Салеть тунда, Машаняй,
Тейне инжинякс,
Сирешизень монь, стирняй,
Петелить-пандолить.
Ой, матанязе — монь уокопязе,
Нежной лопанязе, лугань панчфкязе,
Тоньфтемот тейне пяк стака,
Белай светське шобданы.
Коста тyani веште тонь?
Коста тyani муте тонь?
Ваять Мокша ляй ведти,
Ох, монь юкетамайть, монь кадомайть,
Вай, тyani стирняй-матаняй,
Колган ёфси аф арьсят.
Вай, тyani, Машаняй-уокопяй,
Пялон аф саят,
Мяльнень аф петьсайть,
Васьфтемот мон аф лисян,
Прважамот мон аф молян.

87

Ой, доченька, моя внученька,
Машенька, цветочек мой,
Ой, доченька, листочек нежненький.
Моя внученька, цветочек луговой,
Что наделала, что надумала?
Кто тебя в реку Мокшу купаться направил,
Кто тебя кануть в воду благословил?
Ох, моя внученька, Машенька, цветочек мой,
Ох, ты душу младую погубила,
Погубила, доченька, и жизнь молодую.
Ой, белая рученька её не шевелится,
Ой, прелестная улыбочка
Замерла у моей Машеньки,
Ой, щёчки маковые
Стали бледными у моей доченьки.
Ой, доченька, листок мой березовый,
Любовалась я
Твоими школьными делами.
Как легкий ветерок,
Повсюду успевала ты,
Во всех делах школьных,
Моя внученька, была ты проворная.

Звонкий голосок твой, Машенька,
Среди подруг часто слышался.
Ой, теперь нас оставила,
Ой, уста твои замерли.
Ой, Машенька, моя внученька,
Иссушила у отца и матери
Кипучие душеньки,
Горестью наполнила, Машенька,
Их сердца.
Ох, дитя моё, внучка любимая,
Над тобой играло солнце светлое,
Тебя оно радовало,
Во всей красе жизнь цвела.
В школу ходила-бегала,
Училась только хорошо.
Если бы ты выросла большой,
Дела большие бы ты вершила.
Ой, доченька моя, Машенька,
Может, была бы учительницей,
Весной бы ко мне, Машенька,
В гости ты приезжала,
Жизнь б мою, доченька,
Старческую осчастливила.
Ой, Машенька, моя внученька,
Листочек нежненький, цветочек луговой,
Тяжело мне без тебя,
Белый свет не мил.
Где теперь искать тебя?
Где теперь найти тебя?
Ты утонула в реке Мокше.
Ох, меня забыла, меня оставила,
Ой, теперь моя внученька,
Обо мне ты больше не думаешь.
Ох, теперь, Машенька-внученька,
Меня ты не навестишь,
Меня ты не обрадуешь,
Повстречать тебя не выйду я,
Провожать тебя не придётся мне.

88

Вай, атыкай-трайняй,
Мазы карень кодайняй,
Шуваня карьксонь понайняй,
Оцю кинянь ётайняй,
Лама тевонь содайняй,
Стака работань вятиняй.

Касфтоть кота шабанят,
Сембонь няить нужаснон,
Сембонь ризнать горяснон,
Сембонь инкса работать,
Ашеть сода сиземат.
Тяни, атыкай-трыйняй,
Шуморсть сембе тевнятне,
Сявить мархтот сембе горятнень.
Ой, стяка, трийняй,
Ой, стяка, кельгиняй,
Ков срхкать тяни ёткстонк?
Ков, атыкай-трыйняй,
Эздонк тяфта адерлят?
Вай, кенкшфтома кудняс суват,
Вай, вальмафтома шобда сон.
Равжа модас сонь путсаськ.
Прощай, атыкай,
Прощай, трийняй.
Оду минь аф нийхтядязь,
Оду минь аф васьфттядязь,
Оду куляняцень аф кульсаськ,
Валда шаманяцень аф нийсаськ,
Мазы ванфкяцень аф васьфтьсаськ,
Прощай, зтыкай,
Прощай, трийняй, ой, о-ох!

88

Ой, свекор мой, кормилец мой,
Ты плёл мне лапти красивые,
Ты онучи вил тонкие,
Ты прошел путь-дороженьку длинную,
Много дел ты знал,
Работу делал тяжёлую,
Вырастил ты детей шестерых,
Со всеми повидал нужду,
Со всеми горе горевал,
Всем помогал
В делах трудных.
Теперь, свекор мой,
Закончились все твои дела,
Взял с собой ты все печали свои.
Ой, встань-ка, кормилец мой,
Ой, встанька, любимый наш.
Куда уходишь от нас?
Куда, свекор мой, кормилец мой,
Собрался убежать?

Ой, войдешь в избу без дверей,
Ой, войдешь в избу без окон,
В сырую землю зароешься.
Прощай, свекор мой,
Прощай, кормилец мой.
Больше мы тебя не увидим,
Больше мы тебя не встретим,
Больше о тебе не услышим весточки,
Не увидим твоё лицо светлое,
Взгляд твой ласковый не встретим.
Прощай, свекор мой,
Прощай, кормилец. Ой... ой...

ВНЕОБРЯДОВЫЕ
ТРАДИЦИОННЫЕ ПЛАЧИ

89. АВАСЬ ЯВСЕСЫ ПОЖАРСА ПАЛФ КУДОНЦ

Ой, месендян, мезе тиян?
Кода зрямс, коза модемс?
Лядонь кудняфтома-шиняфтома,
Лядонь зряма-ащема вастоняфтома.
Ой, содалесть, радняняне-пьяманяне,
Мзяра вийда, мзяра трудта путонь-максонь
Од куднязень путомс-пандомс.
Ой, шуфттне ускфтольхть Уркат вирьста,
Тёсне рамафтольхть шабрань ширде,
Кефне ускфтольхть ошта-городста,
Плотникне кочкафтольхть Атерь велеста.
Вай, куднязе цебарняль, пяк валдоняль,
Ветель вальманза, кафтоль кенкшенза,
Тифоль-вельхтяфоль шифер крышаса,
Уша ширде шавфоль тёскаса.
Ой, аеркс пожар, тон, кяжи пожар,
Машфтыть куднязень, сявить ваймозень,
Толонь кяльсот нардазь нардаить вастстонза,
Вай, марнек салаить козяшинязень,
Вай, марнек машфтыть лямбе пизозень.
Ой, аеркс пожар, седифтома пожар,
Вор салалемань — хоть стенат лядольхть,
Вор салалемань — афолень ольксе-явсе,
А тяни, пожар, марнек саламайть,
Вай, менельть алу штада кадомайть.
Коза молян колма идь мархта,
Кие зряма, вай, нолдасамазь,
Кие щасамазь, вай, карясамазь,
Кие куд путы, кие куд максы? Ой, ой..
Вай, куднязе, куднязе — валда шинязе,
Оду тяфта аф путоват, аф тиеват.

Аньцек кда колхозсь лезкс максы,
Эста од кудня вастозт мон путан.
Ой, оцю горясь марнек шавомань,
Ой, оцю пичефкссь марнек тапамань.
Ой, мезе тиэмс, ой, кода улемс! Ой, ой...

89. ЖЕНЩИНА ОПЛАКИВАЕТ СГОРЕВШИЙ СВОЙ ДОМ

Ой, что мне делать, как мне быть?
Как жить, куда мне пойти?
Осталась я без дома, без кровушки.
Ой, знали бы вы, родненькие, кровные,
Сколько сил, сколько трудов было вложено
Для сбора и отделки домика.
Ой, брёвна были привезены с Уркатского леса,
А тес был куплен у соседущек,
Кирпич был привезён из города,
Плотники были наняты из Атюрьева.
Ой, домик был хорошенький, очень светленький.
Был с пятью окнами, с двумя дверями,
Покрыт он был шифером,
Снаружи был обит тесом.
Ой, противный пожар, злой пожар,
Уничтожил мой домик — взял мою душу,
Огненным языком ты стёр домик с места,
Ой, полностью ты похитил моё богатство,
Ой, полностью ты уничтожил моё тёплое гнездо.
Ой, противный пожар, бездушный пожар,
Обворовали бы меня, хоть стены оставили.
Обворовали бы меня — я не стала бы рыдать-оплакивать.
А теперь, пожар, ты всё полностью украл,
Ой, под небом раздетой оставил.
Куда пойти мне с тремя детьми,
Кто жить, ой, меня пустит,
Кто оденет нас, ой, кто обуеет,
Кто нам дом поставит, кто нам дом даст? Ой, ой...
Ой, домик, ты мой домик, ясно солнышко,
Вновь такой мне не поставить,
Если только колхоз мне поможет,
Только тогда я вновь такой поставлю.
Ой, большое горе меня совсем убило,
Ой, большая печаль меня совсем растоптала.
Ой, что мне делать, ой, как мне быть! Ой, ой...

90. ЯВСЕМА АТЯМСА-ЕНДОЛСА ШАВФОНЬ КОЛГА

Ох, Настаняй-стирняй,
Тага мярьган, Наста идняй!
Шачемнястот, стирняй, фкянялеть,
Шкайнъ кядьста христарди анафкялеть,
Воражия кядьста рамафкялеть;
Шачемстот кенкш пятатнень мянь валхнеськ,
Ашконъ пачканя тонь таргадязь,
Кстиндамста самста крѣснавацень кядьста
Тонь вальмава максодязь,
Шкай ужети тодуня лангс каядезь,
Шкай ужети крвьястеме штатолия —
Шкайтъ кядьста христарди вешедязь.
Кемгафтува кизос касотъ-кеподеть:
Од почконя ронгоняцель,
Ош калаця шаманяцель,
Пакся ёронь сельмонятне,
Парьхиень ульсть трванятне,
Морай нармонень корхтафкяцель,
Виде штатолхт пильгонятне,
Оцю ломанень ульсть валхне-кяльхне,
Оцю ломанень тефне-китне.
Ох, Настаняй-идняй,
Тага мярьган, лефкскаяй!
Кучема-азома тон вастоняй,
Кядень-пильгонь ваймафтыняй!
Ох, хоть шкайсь тонь максонзе,
Изензе када белай светса зряма-ащема.
Вай, яфодсь вишке аера варма,
Срхкась-кеподсь вишке буря,
Тон, стирняй, туть Митя оцязень пяли,
Вай, пиземсь тоза сатонзе;
Оцяцень трубац атак пякстаколь,
Кенкшкац келес панжадолъ,
Тон ащеть, стирняй, кенкшть ваксса,
Касякти пяк нежетьфста.
Вай, стирняй-идняй, матаняй,
Паксянь мазы панчфкяй!
Ся пингть кфчядсь толонь ёндолиясь —
Седиге, идняй-лефскаяй, пидензе,
Тоса торазевсь кяжи атямь —
Да тонь, Настаняй-идняй,
Еженяцень машфтозе,
Ваймоняцень сявозе.
Вай, кда сась оцяцень рьвац, тейне азозе:
— Месендят, мезе тиендят,

Киялний, шкайнъ сюдофкяй?
Тонь Настаяцень-фкяняцень
Кяжи атямсь шавозе.
Куд кучкасонк акша келу ронгоняц,
Кияць келес сратф сюдофть шиярияц!
Вай, эстокиге, машть монь ёжень вийняне,
Пульзясть кафта якай пильгоняне,
Нулак новольсть кафта работай кядняне,
Шамазень келес тусть сельмоведняне!
Ох, кафта ширде оцяцень пяли вятемазь,
Ванан, равжа модати праф од почконя ронгоняце.
Ох, кода ёрань мон, Настяняй-стирняй, эреклафтомс,
Штоба эрялеть павазуняста,
А тонь коньфт ни пакся ёронь сельмонятне,
Марняс путфт парьхциень трванятне,
Эсост аш ни ваймоняце.
Эста няеськ ни — тон аф живондат,
Эста няеськ ни — тон аф корхтават,
Ох, эста, стирняй, крандазса сяводязь,
Эсь кудозонк ускодязь.
Кафта пяли люксье, стирняй, пряняце,
Ленгакс мянцевсь ронгоняце тонь,
Модадонга равчкодсь акша калаця шаманяце.

(Явси стиренц эшелямда меле)

Идняяй-фкяняй, Настаяй,
Белай светонь цебяряй!
Тяни, стирняй, акша лазксс путтядязь.
Вай, тон синдемайть, ёфси керомайть,
Вай, тон Наста лефкскяй, ёфси пульзяфтомайть,
Урмафтома сярядикс монь тиемайть,
Ета палаксса монь пидемайть,
Седизон каять сялги салмоксат.
Тяни аердавонь атам вайгяльда, пида ёндолда.

(Явси стиренц лазксненди путомда меле)

Вай, няйса, идняяй, тон ащат лазксса,
Шаводязь, идняяй, пичень доскаса,
Кантядязь тячи калма рощаняв,
Калматядязь равжа модати.
Ох, оду аф няйса акша калаця шаманяцень,
Аф кульсайне тонь валнятнень,
Вай, ох, стирняй-лефкскяняй,
Шкабавазонь сюдофкяй!

90. ПЛАЧ ОБ УБИТОЙ ГРОМОМ-МОЛНИЕЙ

Ох, Настенька-доченька,
Настенька-доченька, голубушка!
Когда родилась ты, была единственная,
Христа ради от бога прошенная,
При помощи ворожей купленная.
Как родилась ты, дверные навески снимали,
Через хомут тебя протягивали;
После крестин крёстная мать тебя через окно подала,
Под иконой на подушку тебя положили,
Восковую свечку зажгли —
От бога просили милости сохранить тебя.
За двенадцать лет поднялась — приосанилась;
Твой стан стал, как березонька,
Розой зацвело твое личико,
Глазки на васильки похожие,
Губки цвета макового,
Говор, как соловушка поёт,
Ножки, как свечки ровненькие,
Всех дивила умом-разумом,
Как взрослая с делами справлялась ты.
Настенька-доченька,
Доченька моя любимая,
Во всем ты надежда моя,
Во всем ты помогала мне!
Ох, хоть и бог подарил тебя на радость,
Но не сохранил тебя для житья-бытья.
Ой, как подул свирепый ветер,
Разыгралась буря страшная,
А ты, доченька, собралась к дяде идти,
Ой, как собралась к дяде Митеньке,
Ой, на дороге тебя гроза застала;
В доме дяди труба была открыта,
Дверь настезь раскрыта была.
Ты стояла, моя доченька, около открытой двери,
К косяку прижавшись.
Ой, доченька-родная, милая,
Ты цветочек полевой!
В то время блеснула огненная молния,
Она через твое сердечко прошла,
А потом гром страшный загремел,
Он, тебя, Настенька-доченька,
Лишил ума-разума,
Погубил твою душеньку,
А как прибежала жена дядина,
Да как она плача молвила:
— Что ты, сношенька, делаешь,

Чем ты сейчас занята?
Ведь твою доченьку, единешеньку Настеньку,
Грозный гром души лишил.
Посреди избы её тело лежит.
Её льняные волосы все растрёпаны!..
Ой, тут же я, доченька, стала без памяти,
Подкосились мои обе ноженки,
Опустились мои руки работающие,
Градом полились мои слёзы по лицу!
Ох, под руки меня взяли, в дом повели,
Смотрю, на полу лежишь ты без дыхания.
Ох, как хотела я, доченька моя,
Чтобы жила ты счастливой,
Но навек закрылись твои оченьки.
Навек закрылись твои губоньки,
Не стучит в груди твое сердечко.
Тут я, доченька, догадалася,
Что ты больше слова не вымолвишь.
Ох, доченька, тебя положили на телегу,
В наш родной дом повезли тебя,
Как от ветра яблонька качалася твоя головка,
Как тростник твой стан сгибался,
Чернее земли стало мое лицо.

(Плач над дочерью после обмывания)

Доченька-единешенька,
На белом свете самая хорошенькая!
Тебя в белый гроб уложат.
Ой, Настенька моя, любимая,
Ты без болезни сделала меня больной,
Ты совсем меня обессилила,
Как крапивой обожгла ты меня,
Словно иголки в сердце мое вонзила.
Теперь не милы стали мне гром и молния.

(Берет дочь на руки перед укладыванием в гроб)

Ой, вижу, доченька, ты уже в гробу,
Одели тебя, доченька, досками сосновыми,
Принесут тебя на кладбище,
Отдадут тебя сырой земле.
Ох, больше не увижу я твоё личико ясное,
Не услышу твой сердцу милый голосок.
Ох, доченька, птенчик мой,
Видно, бог тебя не помиловал!..

91. ЯВСЕМА ЦЕРАНЬ КОЛГА, КОНА ВАЯСЬ ЛЯИС

Ох, Васянязе-лефксканязе,
Ох, Васянязе, ох, цёранязе,
Тон льянь ведьса юмайнязе-арайнязе,
Васянязе, кода оцю алят ни, иднязе,
Сембе тевняти кядняцень путнить,
Цебярь тевняса седизень петнить.
Тон работать ни плотниконь бригадаса,
Седизон пароль, седизон ладошь.
Вай, псиняль шинясь, молеть эшеляма,
Ару кожфкаса, ару ведняса,
Вай, кеняртькшиеть, вай, тон эшлесеть.
Но апак учсек душманць сявонзе,
Крхка ведь алу тонь усконзе,
Ох, Васянязе, ох, цёранязе,
Вай, тон колькфтьсамась, тон олькфтьсамась,
Кандоть тядяцти оцю горяня, оцю пичефкскя.
Вай, эста ульсь ярмаркань шиня,
Ломатть ярмаркав пара мяльхть молихть,
А минь кудсонк сельмоветть шудихть.
Эсот эста минь киняс прдаме,
Равжа модати эсот лихтеме.
Ох, цёраняй Васяняй,
Эсот мон кельксень, ашихтень обжсе,
Аф галош мон якафтыхтень,
Аф вача мон кирекшнихтень.
Мон аляфтома, цёраняй, касфтыхтень,
Киндинге кальдяв ашетть тиенде.
Ох, Васянязе-иднязе,
Эх, Васянязе — очижинь монь мазы алиязе,
Эх, Васянязе-фкянязе, кьяляязе-валнязе,
Ох, куломозон, Васянязе, аф юкстате, иднязе!
Ой, Васянязе-иднязе, няк, кода тон обжамайть.
Ой, Васянязе — тундань шинязе, лефкскаязе.
Ох, Васянязе — мазы лемнязе,
Тон льянь ведняса юмайнязе-арайнязе,
Кода тоныфтемот светть лагса эрямс?

91. ПЛАЧ О СЫНЕ, УТОНУВШЕМ В РЕКЕ

Ой, Васенька, птенчик мой,
Ой, Васенька, ох, сыночек мой,
Васенька, на свете напрасно погибший.
Васенька, ты был уж взросленьким,
В каждом деле помогал ты мне,
Своими хорошими делами утешал меня.

Ты работал уж в бригаде плотников,
Душа моя радовалась, сердце было спокойным.
Ой, день был жарким, ты пошел купаться,
Водю чистою тело обмывать.
Ой, ты радовался, в воде плескался,
Но неожиданно тебя злой дух схватил,
В глубокое место тебя потянул.
Ох, Васенька, сыночек мой,
Ой, ты нас опечалил, слезами наградил,
Великое горе принёс матери.
Ой, тогда день был ярмарочный,
Люди шли на ярмарку весёлыми,
А в нашем доме градом слёзы полились.
Тогда тебя мы в путь дороженьку собрали,
Во сырую землю тебя проводили.
Ой, сыночек, Васенька,
Тебя я не обижала:
Всегда тебя хорошо одевала-обувала,
Полуголодным никогда не держала,
Я без отца тебя, сынок, вырастила.
Никому плохого ты не делал.
Ох, Васенька, дитя мое,
Эх, Васенька — пасхальное яичко ты мое,
Эх, Васенька — единственный ты помощник мой.
Ох, до смерти, Васенька, не забуду тебя, сынок!
Ой, Васенька, дитя моё, горем наполнил меня,
Ой, сыночек, Васенька, моё красное солнышко.
Ох, Васенька, любимое моё имечко,
В речной воде погибший мой,
Как без тебя на белом свете жить?

92 ЯВСЕМА ПОЖАРСА ПАЛФ САЗОРОНЬ КОЛГА

Ох, Раянязе-сазорнязе —
Самай кельгома лемнязе,
Ох, Раянязе-сазорнязе,
Кафта сиротань кадынязе,
Оцю толса палынязе,
Оцю болезнянь кирдинязе.
Ох, кинди кадыть, кинди надняфтыть
Кафта уроз верскакс иднятнень?
Аф синь козонга ладяй вастонясна,
Аф сай синь вастса ащеманясна,
Тязонга яфодевихть — аш роднойнясна,
Ох, лядсть сюдоф сиротанякс.
Чужой ломань сельмос ванондома,
Рдазуняста-пяндраняста якама.

Раяний-сазорняй,
Кадыть вете стенаса кудняцень,
Сонь кот вальманза, колма кенкшенза,
А тонць туть шобда кудняс;
Сонь аш кенкшкац, аш вальмянянза,
Пяк шобдана, пяк теснаня.
Ох, Раяний-сазорняй,
Пяк стакаста тон сярядеть,
Мянь колма недлят рязондоть,
Больницянь вастстот ашеть стякшнев,
Пиф урмась эсот тонь шавсь,
Сувозне сувоть, но ашеть юватъкшне,
Кирдить пифонь сярятьфть, ашеть ойксне.
Раяний-сазорняй,
Няить, кда молень больницяв,
Няить, стакаста тон торать:
«Кати правондан, кати аф».
Няить, куфцезь тага корхтать:
«Озондода шкайти, штоба пчкялень,
Пяк ни стака рана куломась».
Но, Раяний-сазорняй,
Киндинге ашеть озондов,
Киндинге ашеть ванов,
Тядяняце-трайняце колма недлят озондсь,
Ванфтомдот шкайти эняльдсь,
Но сонга ашезь помага.
Раяний-сазорняй,
Кадыть баяркс ащи мирденяцень,
Сяда седойгофтыть анок седой прянянц.
Вай, кадоть пяк оцю горя тейнза,
Мянь аф кирдемшка, аф кялемшка,
Сон якай, кода бта ёньфтома,
Аф муй эстейнза вастоня.
Оцю ризфса дураскофтыть аляцень-тядяцень
Тинть синь сяряди ломанькс,
Синьге, пелян, туйхть мельгат модати.

92. ПЛАЧ О ПОГИБШЕЙ ПРИ ПОЖАРЕ СЕСТРЕ

Ох, Раенька-сестричка,
Самое любимое для меня имечко,
Ох, Раенька-сестричка,
Двух сиротушек ты оставила,
В огне бушующем сгорела ты,
Боль великую испытала ты.
Ох, на кого ты оставила, кому поручила
Двух сиротушек-детушек?

В жизни они еще никудашные,
Не найдут они свое местечко:
Выйдут-станут здесь — близких не найдут,
А туда придут — нет их маменьки,
Ох, остались они все сиротками,
Все чужими людьми им кажутся,
Приласкать-умыть их некому.
Раенька-сестрёночка,
Пятистенный дом ты оставила,
В нём шесть окон и три двери,
А сама ушла в избу тёмную:
В ней ни окошечка, ни дверёнки,
Она тесная, беспросветная.
Ох, Раенька-сестричка,
Боль тяжёлую тебе испытать пришлось:
Три недели ты стонала,
С больничной койки не вставала,
Восемнадцать дней протерпела ты,
Боль ужасную приглушала ты,
Даже ни разу и не ойкнула.
Раенька-сестричка,
Как пришла к тебе в больницу я.
Мне тихо сказала ты:
«Поднимусь ли я еще на ноги?»
А еще ты со стоном сказала:
«Молитесь за меня, чтобы я выздоровела,
Умирать мне рано не хочется».
Но, Раенька-сестричка,
Наша молитва была беспомощной,
От смерти она тебя не спасла.
Твоя маменька родимая
Молилась боженьке все три недели,
Спасти твою душевную просила она.
Но никто тебя спасти не мог.
Раенька-сестрёнушка,
Любящего мужа ты оставила,
Проседью покрылась его головушка.
Ой, ему печаль великую оставила,
Ему её не перенести, не одолеть,
Потерял он свою головушку,
Для него теперь белый свет померк.
Велика печаль и у родителей,
Объяла их сердца боль-кручинушка,
Беспокоюсь я, как бы и они
Не пошли за тобой на тот свет.

93. ЯВСЕМА ЭСЬ ЭРЯФОНЦ КОЛГА

Вай, мольсь оцю войнась,
Вай, мольсь веры войнась,
Сявозь мирдезень-полазень фронту.
Вай, лядонь аляфтома-полафтома,
Куд азорфтома, алянь кядьфтома.
Вай, мархтон монь лядсть вете мянь иднят,
Вай, вете иднят, вете кургонят
Нужань няема, сталмонь кирдема.
Вай, прасть лангозон оцю сталмотне,
Вай, мондине прасть оцю заботатне.
Вай, нужашиса эста эряме,
Войнань кизотнень, стака шинятнень.
Вай, иднень мельге якань-ласькондень,
Вача пекснон ськамон аннекснень.
Ох, сядя оцю горясь сатомань:
Мирдезе шавовсь царской войнаса.
Вай, ранявсь куломс, куду изь мрда.
Вай, юмась-арась иднень алясна,
Вай, идняне лядсть галош нармониякс,
Кадовсть синь ёфси вача варсинякс.
Работамс эста времась пяк стакаль,
Ох, эста эряфсь пяк ни кальдяволь.
А тьяни сембось панжезь панженды,
Эряфкясь цебярь, эряфкясь гожня.
Вай, мон касфтыне сембе иднянень,
Но синь срадсть-ворьгодсть родной куднястост,
Синь тусть гулянякс лия странава,
Монь шава кудняс ськамон кадомазь.
Ох, идняне-лефкскяне,
Тинь мезе тиеде, мес тинь кадомасть?
Вдь сембе эрятада пара эряфса,
Но кивок тинь эздонт, вай, аф помагай.
Вай, идняне-матаняне,
Мзяра сталмоня мон мархтонт няень,
Сяконь тевс-киняс сембонь лихтедязь.
А тинь кадомасть сирешинясон,
Сирешинясон ёфси юкстамась.
Ой, монь горянязе пяк оцюня,
Вай, сельмоняневок монь тьяни сокоргодсть.
Вай, идняне-лефкскяняне,
Мезе тьян мон шава куднясон,
Ой, коза молян, ой, тьяни кинди туяя?

Ой, шла война жестокая,
 Ой, шла война кровавая,
 Взяли мужа суженого на фронт,
 Ой, я осталась без мужа любимого,
 Без хозяина дома, без рук мужских.
 Ой, со мной осталось пятеро детей,
 Ой, пятеро детей, пять ротиков,
 Остались они в нужде-беде жить.
 Ой, на меня навалились все тяжести,
 Ой, в моих руках остались все заботы,
 Ой, тогда жили в большой нужде —
 В годы военные, в годы тяжкие,
 Ой, за детьми своими я ухаживала,
 Голодненьких сама я кормила.
 Ой, еще больше горя на долю выпало:
 В царской армии муж мой погиб.
 Ой, он смертельно ранен был,
 Домой совсем не вернулся он.
 Ой, погиб любимый мой, отец родных детей,
 Ой, остались детки, как птенцы голые,
 Ой, остались дети, как галчата голодные,
 Работу мне тогда найти нельзя было.
 Ох, тогда была жизнь тяжёлая,
 А теперь все цветет кругом, жизнь радостна,
 Всех она счастьем наделила.
 Ох, я вырастила всех детей,
 Но все они из дома разъехались,
 Как голубки из гнезда на вольный свет вылетели,
 А я осталась в пустой избе одна,
 Ох, детки мои, птенчики,
 Что вы наделали, зачем меня оставили?
 Ведь у всех у вас есть места хорошие,
 Но никто из вас мне не помогает.
 Ой, детки мои родные,
 Сколько горя я перенесла с вами,
 Всё равно я вас в люди вывела.
 А вы оставили меня при старости.
 Ой, у меня печаль великая,
 Ой, и глаза мои теперь ослепли,
 Ой, дети мои, птенчики,
 Вы оставили меня одну-одинешеньку,
 Ой, куда теперь я пойду, кому я нужна?..

Цёраняй, цёраняй,
 Живой лазксс каяте,
 Живой калмос калмате,
 Цёраняй, масторть ниль уженза,
 Нилецьке ужензон варжамат,
 Нилецьке ужензон капшамат,
 Тоса аш эсь видева аляняце,
 Аш эсь видева тядяняце,
 Аш седи маряйняце.
 Тани молят ломань оцювонь эшксс,
 Ломань оцюсь сурса кучи, сурса азы.
 Сур копорьге вайме сяви.
 Аш тоса васяняце-поланяце,
 Аш думадондай ялганяце.
 Кядьсот кайги ружьяняце —
 Ся васяняце-поланяце,
 Омбоце кядьсот оржа палаш —
 Ся думадондай ялганяце.
 Кайги ружьяняце — ваймонь сявиняце,
 Оржа палашкаце — кргань керьяняце,
 Аяш вастонь ацайняце,
 Аш прялонь путыняце,
 Илядень раса — ацамняце,
 Шобдавань раса — вельхтямняце,
 Паксянь шильди — прыляняце.

94. ПЛАЧ ПРИ ПРОВОДАХ В СОЛДАТЫ

Сыночек мой, сыночек,
 В живой гроб положу тебя,
 В живую могилу схороню тебя,
 Сыночек мой, у земли четыре угла,
 Все четыре угла надо просмотреть,
 Все четыре угла надо посетить,
 Там нет близкого батюшки,
 Нет родимой матушки,
 Нет сердечной подружки.
 Теперь ты идёшь к большим начальникам,
 Большой начальник пальцем показывает, пальцем посылает,
 Он через спину душу вынимает.
 Нет там суженой-ряженой твоей,
 Нет послушной подружки твоей.
 В одной руке гремящее ружье,
 Это твоя суженая-ряженая,

В другой — острая шашка,
Это твоя послушная подружка,
Гремящее ружье твое душу погубит,
Острая шашка — голову отрубит.
Некому там тебе постель стелить,
Некому тебе подушку положить,
Вечерняя роса постелью служит,
Утренняя роса одеялом служит,
Полевые кочки — подушками служат.

* * *

Полаяй, полаяй,
Туят масторонь шарома,
Лама нужань няема.
Яват юрхтодот-середот,
Яват кудтот-шидот,
Яват васень поладот,
Яват шкайн-трайн иднядот.
Туят нужать няендема,
Пиштят пеконяда-лангоняда.
Кайги ружиясь — васень поланяце,
Оржа палаш — кргань керыняце,
Прясот вазыняце-кудбрыняце,
Мундирняце — путонь кудияце.

Масторонь цильдись — прялняце,
Илядень расась — ацамняце,
Шобдавань расась — вельхтямбьялняце.
Туят, полаяй, туят,
Лама нужать няендема кадсамак,
Лама валонь кулендема...

(Суженый мой, суженый ты мой,
Уходишь по чужим сторонам ездить,
Много нужды повидать,
Оставляешь свой родной двор,
Покидаешь свою родную семью,
Расстаешься со своей суженой,
Со своими детишками.
Уходишь нужду испытать,
Жить-служить в холоде-голоде,
Ружье тебе будет близким другом,
Острая шашка — головорезом,
Твоя шапка — крышей дома,
Мундир твой — домом будет.

Земная кочка — подушкой,
Вечерняя роса — периной,

Утренняя роса — покрывалом.
Уходишь, суженый мой, уходишь,
Оставляешь меня в нужде жить,
Много упреков слышать...)

95. ШАВФ АЛЯНЬ КОЛГА ЯВСЕМА

Вай, алянызе-кельгомнязе,
Ох, кинди кадомайт-надияфтомайть?
Кадолеть хуш фкяня-кафтона, —
А тон кадоть тyani ветеня.
Вай, кафтонятне ёнь аф содайшкат,
Ох, ёнь аф содайшкат, лад аф сявишкат.
Синь локша недьшкат сернясна,
Кядь кундамашкат эчконясна.
Вай, алянызе-кельгомнязе,
Ох, кельгомнязе-трайнязе.
Тон трякшнемась-ванокшнемась,
Колхозонь паксяв сявонкшнемась.
Вай, алянызе — мазы карень кодайнязе,
Ох, алянызе — усъке карьксонь понайнязе.
Тон улendetь надияма шуфтонякс,
Кеме шуфтонякс, кирди тараткакс.
Вай, кеподсь война душман Гитлерсь,
Ох, оцю тюрема сон ушедсь.
Курок сетьме эряфсь колавсь,
Курок алятне прянь аралама тусть.
Вай, тонга курок, алянызе, тоза туть,
Ох, алак шарьхкотть пулясь прафтонзе.
Колавсь тyani минь пара мяльнеке,
Пара мяльнеке, павазу шинеке.
Вай, алянызе, кинди кадомасть,
Ох, кинди надияфтомайть?
Кадолеть хуш фкяня-кафтона,
А тон кадоть тyani мянь ветеня.
Вай, алянызе-кельгомнязе,
Ох, кельгомнязе-трайнязе,
Тyani аш монь седи петинязе,
Колхозонь паксяв якайнязе,
Вай, мезе тyani, кода тyani?

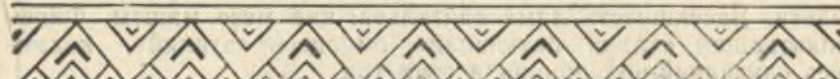
95. ОПЛАКИВАНИЕ УБИТОГО ОТЦА

Ой, отец мой, любимый,
Ой, на кого ты нас оставил, кому поручил,
Оставил бы ты хоть одного-двоих,

А ты оставил пятерых детей.
Ой, двое из них ещё несмышлёные,
Ох, несмышлёные, несведущие,
Они совсем ещё маленькие,
Ещё маленькие, да худенькие.
Ой, отец мой, любимый мой,
Ох, любимый мой, кормилец наш,
Ты кормил, воспитывал нас,
В колхозное поле брал нас.
Ой, отец мой, красивые лапти ты нам плёл,
Ой, отец мой, тонкие оборы нам вил.
Ты был нам деревом надёжным,
Дерезом надёжным, с крепкими ветвями.
Ой, поднял войну душегуб Гитлер,
Ох, большую войну он начал.
Вскоре мирная жизнь нарушилась,
Вскоре мужчины защищать Родину пошли.
Ой, вскоре, и ты, отец мой, воевать пошел,
Ох, шальная пуля свалила тебя.
Рухнули наши надежды,
Наши надежды жить счастливо.
Ой, отец мой, на кого покинул нас,
На кого покинул, кому поручил нас.
Оставил бы хоть одного-двоих,
А ты оставил пятерых детей.
Ой, отец мой, любимый,
Ох, кормилец мой, кормилец наш.
Теперь нет у нас утешителя,
В колхозное поле водителя,
Ох, что мне делать, как мне быть?

ОБРАЗЦЫ МОКШАНСКИХ ПОХОРОННЫХ И ПОМИНАЛЬНЫХ ОБРЯДОВ С ПРИЧИТАНИЯМИ

96. ТОРБЕЕВСКАЯ РАЙОНОНЬ МАЛЫШЕВА ВЕЛЕНЬ
КАЛМАМАНЬ, ПОМИНДАМАНЬ ОБРЯТТНЕ И
ЯВСЕМАТНЕ

Кода и мокшень ламоц велетнень эса, Малышева велеса кой-кона ломаттне — сиретнень эзда — тячемс верондайхть, што ломанць куломда меле аф туй эряфста марнек, а сонь ваймоц куци менельти и кармай эряма тоса вечна. Ули нльне валмуворкс: «Тя шиса минь инжихтама, а тона шиса карматама эряма вечна». Сембе ня верондаматне лядсть эряфть эзда.

Попне и монашкатне корхнеть, што тона шиса аф сембе кармайхть эряма фкя лаца. Кда ломанць аф грешнай, то сон пови райти. А кда улихть грехонза, то сон пови адти, кармай вечна лакама кяшеса. Тянкса, кле, эрь ломанць тя шиса должен анокламе прянц тона шинь эряфти: озондомс шкайти, аф ярхцамс скоромнайда, макссемс подаяният и стак тов.

Сидеста «кулома» валть васте мярьгонкшнеть: «Тусь лия, тона шинь эряфс». Сянкса кульмень калмама обрядсь пяк похожай ломанень мархта куватьс явомати. Сяс культь раднянза пряснон вятьсазь стане, бта кульсь кульсыне и няйсыне, мезе синь корхнихть и тиендихть.

Сядонголе, мзярда ломанць стакаста урмаськоткшнесь и кармосеть учема сонь куломанц, сонь усксезь церькаву причащандамс. Сярядись виденцякшнезень попти сембе грехонзон, надиямок, што попсь ня грехнень шкаить кядьста простяфтсыне. Тяфта сяряди ломанть аноклакшнезь кулома, вятнезь исповедьс.

Мзярда лац няевсь, што ломанць кулси ни, пуромкшнеть сире ломатть и маластонь раднят. Культь кядьста анисть прощения. Например: «Аляняй-батюшкой, простиндамак монь христа ради. Шятыта, мон тонь обжайхтень или азонь кальдяв вал». Кда культь аф юмаф нинге кялец, то сон отвечсесь: «Шкайсь тонь простятанза, а тон монь простямак».

Мзярда культь «лисендсь ваймоц», панчсезь кенкшть и ушеткшнеть сембе явсема. Тяфта синь «лихнезь ваймонц» ме-

нелти. Явсекшность лама вайгяльса: кие мезе машты. Фкясь пшкятыкшни «алякай-батушкой», омбоцесь «атяняй», колмоцесь «дуганнай-роднойнай» и стак тов.

Культь эшеляма терность сядя почетнай ломань, конань мярьгоманц коряс сонь штакшнесь пильгта пряс, щафнесь лангозонза «кулома-эряма нарядонзон», путнесь эзембрати. Кда культь ашесть сёлгов сельмонза, то кяшендесь вете трешниконь ярмакса, конань тоса ёрязь калмозонза. Тяда меле кудазоравась пицесь од корманят, тернесь монашка псалтырень лувомо. Кой-кона обрятне ванфтовсть тянемс. Культь кудса кирнесь кафта вет или колма шт. Тя пингть велеряйхне якайхть культь ваномо и мархтонза простиндама. Мзярда кульсь путф ни эзембрати, куду пуроми лама ломань, сонь ушедыхть явсемонза. Кда кульсь ава-тядя, стирец явсесы примерна тяфта:

Вай, тядяняй-аваняй,
Седи вакска кельгомняй!
Тядяняй — танцти сускомняй,
Аваняй — тюжя лофционяй,
Коза срхкать, коза наряжать?
Мезень кис тон пуроптыть
Сембе раднятнень-пяматнень?
Тядяняй-матаняй,
Пара нарвайняй!
Лама лефкска лихтеть тон,
Сембонь мяльснон петнить тон.
Тяни кие тонь лацот учсамазь?
Кие тонь лацот примасамазь?
Тядяняй-матаняй,
Ляпе вастонь ацайняй!
Ковнядонга валдонялеть,
Шинядонга лямбонялеть.
Тядяняй-гуленяй,
Мзярда пуромкшнеме перьфкат,
Кштизне якасть пильгонятне,
Моразне морась кургоняце.
Мярьгонкшнеть — кенярткшнеть:
«Кие мондедон павазу?
Кинь тяфтама цебярхть иденза?»
Или мольсь мяльняце
Минь прважакшнемстонк?
Тядяняй-гуленяй, танцти лофционяй,
Мастор ланга тонь тяни
Оду аф ётайхть пильгонятне,
Ульцяса аф маряви
Кайги вайгяльняце.
Тядяняй-гуленяй,
Ласковой валонь азыняй,

Еню басянянь корхтайняй!
Мекольдень шинянь
Ашат эзембриясот,
Лямбе куднясот.
Курок сяфтядязь кельме модати,
Тоста, тядяняй, аф саят,
Сёрманявок аф сёрмадат,
Кулянявок аф пачфят.
Кода тяни юкстамат,
Кода эздот явома?
Тядяняй-аваняй,
Сахардонга ламбамнялеть,
Марьядонга танцтинялеть.

А кда кульсь аля-мирде, то рвац васенцекс явсесы пуромфнень ингольде:

Вай, идняне-лефкскаяняне!
Шаштода монь малазон,
Пуромода монь перьфкан,
Озада алянянтень малас,
Корхтада трийнянтень мархта.
Няйсасть, курок сон кадсамазь
Нужань няема, вачень кирдема.
Аф кульхтяда, идняне,
Алянь кургста ляпе валня,
Аф сифтяда, матаняне,
Алянь добуваф шапама кшиня.
Няйсак, каттядязь тинь алянянте,
Яви эздонт тинь трийнянте.
Карматада сельмодема
Алянь ласковой валняс,
Алянь ляпе кядняс,
Алянь танцти сускомняс.
Вай, Сёманяй, Сёманяй!
Кинди тяфта кадомась,
Кинди надияфтомась?
Мезе тяни мон тиян?
Коза тяни кярмодян?
Иттне ёмланят, ёнь аф содайнят,
Ень аф содайнят, аф работайшкат.
Коза тязан шар,
Везде съкамонан.
Кати туян мон вири пенганяс,
Кати молян мон лугав тишеняс —
Кона суседозе варжай монь ширезон,
Кона дуганьязе сай ужьяльдемон.
Ох, кода аф пчкяй

Байдек, тязя ёрдафан,
 Ашет радняне-плямане.
 Кода тyani мон, Сёманай,
 Кагге, яван тонь эздот?
 Равжа тоскась монь вельхтямань,
 Ризфонь урмась монь пульзяфтомань, вай!
 Аергодонь мянь белай светкада,
 Сёманай, Сёманай, тон матанай,
 Ляне кядняй, сединь эждняй!
 Шкай тядяняда
 Сяда ласковайнялеть,
 Тряй аляняда
 Сяда кельгомаялеть.
 Мес тяшкава монь васькафтомайть?
 Мес тяшкава обижамайть?
 Кие тyani сай ужальдемон?
 Кие кеподьсы стака канксожень?
 Кие тисы монь стака тевожень?
 Кода касфтомат сюдоф иднятне?
 Кода касфтомат, вай,
 Кода ёньи тонафтомат?
 Ох, Сёманай, Сёманай-поланай,
 Мес туть, изеть указава,
 Изеть макс совет,
 Кода тейнек эряма,
 Кода тейнек ащема?
 Вдрукоя явоть эздонок,
 Срхкать тон од эряфс.
 Тyani прокс туят эздок.
 Аф няйсаськ тонь ликонячень,
 Аф кульсаськ тонь кулянячень.
 Перьфкат пуромфт иднятне,
 Сюдофкятне-лефкскятне.
 Мес тон аф стят?
 Мес аф азат валнят?
 Мес аф тонафтсайт? О-о-ой!

Кда кульсь цёра (или стирь), васенце явсихне тядьясь, акац (сестрац) и крёснай тядяц.

Калмамань шиня тердихть калмонь шувихть, лазксонь тихть и певчайхть. Культь сембе раднянза сайхть калмамонза аф шавонь кятть: кажнойсь канды шаваняса ярхцамбяль, штатолня и ярмакт. Штатолхнень крвьясъсась кантф кормас-нон лангс, а ярмакнень максасъс монашкати, панихидань лувити.

Вов калмось и лазксне анокт. Калмонь шувихне сайхть меки, но калмось шаво аф кадсась. Тязя кадыхть фкя аля культь учема, штоба кулофсь афоль эводе шаво лоткть эзда, мзярда кандсась калмотнень лангс.

Сувафтсась куду лазкснень, ацайхть потмозост низетькст. Сятнень лангс ацайхть акша котф и пухтьхь акша тодува. Культь кеподьсась и путсась лазксненди, мерама шуфтонц (байдек, конань мархта ункнесасъс культь кувалмонц) путсась кержи бокозонза. Ушедыхть лемдема. Монашкась вади медьса кши и кажной ломанти максы лемдемс кши пакшкя. Веравай ломаттне кшитъ сивомста крёстонакшнихть и лемнесасъс кулофть мархта родительхнень. Родительхнень лемдемста синь корхтайхть: «Молеза доход раб божий Иванонди и сембе сродникненди, сембе православнай крестьяттенди, сембе убненнай воиттенди».

Вов культь срхкафтсась лихтемс. Васенда лихтихть пирьф или орта лангс шра и скомня. Шратъ лангс ацайхть скатерть, пухтьхь целай кши и сал. Кудста культь лихтьсась пильге пяде. Лихтемста сембе ольксихть и авардихть. Культь путсась скомнять лангс. Певчайхне морафтыхть молитват, сембе маластонь раднятне ольксихть. Молитвань морафтомда меле котф вельде кеподьсась лазкснень кота алят¹. Культь кандомста кафта алят сясвасъс лазкснень вельхксенон и кандсась прясост—тяфта пухтьхь почет культи. Меле моли ёмла цёраня или стирня нардама мархта. Сон яфни нардамать мархта—тяфта няфти кулоти ки. Велеть пачк культь кандомста сонь раднянза пря песонза ольксихть. Культь кандомста ломаттне кудестост лихнихть китъ лангс моркшт и скомнят, а лангозост путнихть кши и сал. Пачкодихть кандыхне моркштъ малас, путсась культь скомнять лангс, и монашкась или попь морафтыхть панихида. Кда велеса тя кулофсь лувондовсь цебарь ломанькс, то кинц лангс моркшта лихтихть сяда лама. Кажной моркштъ маласа морафтыхть молитват, лемдихть родительхть.

Мзярда кармайхть пачкодема калмоти, культь раднянза сядонга пня кармайхть ольксема, пешкодыхть: «Тят эводе, алякай, тyani тон пачкодеть од вастонязт».

Культь путсась калмось крайс, штоба простиндамс мархтонза. Пращамста палсесась мяштстонза шкайнять и культь коняц. Тоса лазкснень шавсась эскса и валомне котф вельде нолдасась калмоти. Котфъ таргамда меле сембе калмайхне ёрдайхть курмозьса мода и сяльде калмось валясась модаса. Тяда меле калмайхне тага ушедыхть культь поминдама и и туйхть сонь кудозонза лемдема. Тя лемдемати мярьгихть «краснай обед», или «колмоце шинь поминка». Мзярда кудса озсихть шратнень ваксс, лазксонь тнихненди и калмонь шувихненди казихть нардамат. «Краснай обедста» сембе тага лемдихть, лемдъсась кажной кантф ярхцамбялеть. Ярхцамста корхтафтсась культь, лятфнесасъс эряфонц и сембе тевозон.

¹ Кда кулофсь — стирь, то сонь кандсась калма лангс стирь ялганза, а меки самста морайхть корот, бта сонь максось рьвакс.

Ярхамда меле аватне кочкасазь шаваняснон и туйхть эсь кудгаст. Калмама шйда меле культи тиендихть поминкат: вейхкса шизонза, комсь шизонза, нильгемонь шизонза и кизонза. Поминкань тиемада башка, кажнай кизоня аватне и сире бабатне яксекшнихть калмотнень лангс родительхнень поминдама. Поминдамань шиня кажнай авась пици корманят и кемоньшка частста туй калмотнень лангс. Тяза обедти пуромкшни лама ава. Васенда синь лемнесазь кулофнень, а тоса одс кулыхнень калмоснон лангса ольсекшнихть. Вов кода авась явсесы цёранц калмонц лангса:

Вай, цёраняй, цёраняй,
Кинди монь кадомайть?
Кинди надияфтомайть?
Кафта кизот ни
Кода тон явоть эздонк.
Вай, Ванька цёраняй,
Кда тон содалить, кельгомняй,
Кодама тошнаса, матаняй,
Тоньфтемот мон эряи,
Кодама мон горят кирдень,
Мзяра сталма мон кеподень.
Вай, Ванька цёраняй,
Тякопяй, цебярпяй,
Коста тон шачеть, идняй,
Конашкава мон кенярдень,
Конашкава эсот ванфтонь;
Коста сярядеть тон,
Воражъятнень ётнекшнине,
Сембе ванфтонь эсот куломада,
Сембе пелень — тон кулат.
Алянь пара валняфтома,
Касфтыхтень тонь аляфтома,
Изить сотце алянь лемть,
Ашель кинди тейть
«Аляй» лемсь мярьгомс,
Сяс тонь сельмоняце сельмодсь.
Ох, касоть оцю нужаса,
Изеть няе тон алянь пара,
Алянь танцти суском.
Колма кизот лафтубряетот
Изить валхне тон локшенянь.
Сембе кудс-кис старандать,
Сембе ёрать тон
Ломань ёткс лисемс.
Касозь ётайть тон
Сембе аф ладнятнень,
Касоть, лисеть ломаненди;
Эста тон мярьготь тейне:

«Тядяй, карматама лац эряма».
Путоме минь од кудня
Оцю нужаса, оцю горяса.
Изь сав, Ванька цёраняй,
Од куднясот тейть эрямс.
Изь сав, идняй, тейть
Трудиень пароц няемс.
Кадыть сире тядяцень,
Кадыть сюдоф иднятнень
Нужань няема, кирнема,
Пичефкснень пичефнема.
Кда можна улель азомс, цёраняй,
Азондолинь сембе нужанень,
Азондолинь сембе пичефксонень.
Конашкава аф ладна тон тиеть,
Конашкава оцю пичефкс кадоть.
Мзярда ускодязь тонь кулофста,
Ингольден шополгодсь шинясь,
Керовсть якам пильгоне.
Тяконь мархта тон, идняй,
Сявить марнек валдашизень,
Марнек цебярь эряфозень.
Цёраняй, тякопяй,
Тямак кад тяза нужань няема,
Пичефкснень кирдема.
Тоньфтемот тейнь
Аш валдаши,
Аш параша.
Мезевок тейнь аф эряви,
Тондедот башка.
Вай, Ванька цёраняй, о-ох, ох!

Малышева велеса тячемс якайхть калма лангс и явсекшнихть, сембода пяк сире аватне. Вов кода авась явсесы родной алянц:

Вай, аляняй-роднойняй,
Кульхцонтта, мон азондса
Минь пяк оцю горяньконь,
Минь пяк оцю ризфоньконь.
Алякай-кормилецкяй,
Кинди кадыть сиротанятнень?
Кинди тон синь надияфтыть?
Рана тон туть калмоти,
Кадыть пяле кис тон
Эсь иднятнень-лефкскаятнень,
Енен аф содайшкаста,
Ладонь аф сявишкаста.

Вай, алякай-батушкой,
Танци сускомняй,
Мезе тyani тийхтяма?
Кода карматама эряма?
Вай, алякай, роднойняй!
Мезе тон тиеть,
Мезе думандать?
Пингфтома-порафтома тон
Равжа модати кенордать.
Кадыть, алякай-батушкой,
Пара тя шинь эряфкяцень,
Кадыть бедас-горяе,
Алякай, семьяняцень.
Кудсь, алякай, ризнай азорфтома,
Калдазь, батушкой,
Аварди работникфтома.
Веконяцень, алякай.
Тон ётафтыть нужашиса.
Стака тевошь тиема киса.
Ётать кафта войнань пачк,
Мянеть оржа пуляда.
Ох, аньцек ашеть мянев тон
Злодей-душман урмада,
Од тумонякс тонь веляфтонзе,
Сяс прокс изеть касфтов
Тейть иднятне-лефкскаятне.
Алякай-батушкой,
Коза сембонь кадомась?
Кинди надияфтомась?
Алякай-тряйняй,
Мезе тяфта тиеть,
Мезе эста думандать?
Мезе тyani тоньфтемот
Семьяняце тиенди?
Кадоть тняра уроз идь,
Синь аш алякс кельгинясна,
Тонь лацот аш ваньясна,
Надияма вастонясна.

Тяфта жа примерна авась явессы эсь мирденц, аньцек «алякай-батушкой» валхнень васте вярьгонди «васяняй-поланяй» лемса.

А вов кода явессы авась стирени, кона кулось аф эсь велеса:

Вай, стирняй, идняй, матаняй!
Варжакстта тон лангозон,
Няйсак, сась варжамот

Тонь тядяняце-роднойняце.
Ожу, идняй-лефкскайняй,
Корхтан мархтот,
Панчса ризфу потмоняцень.
Азса, кода калмайхтень
Тя кельме калмоти,
Кода лядонь урозста.
Аш кинди панжемс
Шобда потмоняце,
Аш кинди азондомс
Урманень, горянень.
Лучикс монць лядолень вастоняцт,
Вдь мон ни веконяцень эряйне.
Ох, лама нужа няень,
Лама сталма кирдень.
Радовакшинень иднятнень лангс,
Мзярс однялень,
Касондсь мяльняце шумбрашиняцот.
Пчкясь фалу кирнелихтень
Сельме инголен.
Мзярда туть странав,
Мезе-бди марясь седиезе,
Пчк мон изихтень ёра кучемда,
А тон монь, Аннаняй,
Иземайть кулхцонда.
Мярьготь: «Молян
Щаса галош лангозень,
Топафтса вача пекозень».
Туть, идняй-матаняй,
Монь иземайть кулхцонда.
Сембе шитнень-ветнень, стирняй,
Мон мянь сурса лувине.
Ожу, мярьгонь, ётай кизонясь,
Сексенда сай куду Анназе.
Мярьгонь: «Ашкодан перьфканза,
Пиштедьса кемоняста малазон,
Тяда меле козонга аф нолдаса».
Аньцек изеть сав тон
Эсь пильгонятнень лангса,
А ускодязь куду тонь кшинь лазксса.
Ох, мзярда няихтень, идняй, кулофста,
Машть монь эрьгязе,
Афи мяляфтса,
Кода явонь тонь эздот,
Машть ингольден
Мази ши валдонясь.
Пчк ни стака, Анна идняй,
Эрямс-ащемс тоньфтемот.

Аш кинди панжемс
 Шобда потмонязень,
 Аш кинди азондомс
 Пяк монь стака горязе.
 Сявить, стирнай, мархтот
 Маром цебярнязень,
 Сявить мархтот
 Сембе вийнязень.
 Кда пчкяль, Аннанай,
 Вастказт мон мадолень,
 Живойста мон эцелень.
 Аф, юкставихть, иднай,
 Куломозон валнятне.
 Аф юмай сельме ингольден
 Тонь мази ликоняце.
 Аннанай, иднай-матанай,
 Пчкясь афолень ту маластот,
 Афолихтень када
 Шобда кельме калмоти.
 Тяни аф ламня лядсь
 Тондейть учемозон,
 Маряса, маштыхть пильге вийне,
 Лоткасть няемда сельмоняне,
 Курок ульхтыа маряса.

96. ПОХОРОННЫЕ И ПОМИНАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ С ПРИЧЕТАМИ В СЕЛЕ МАЛЫШЕВО ТОРБЕЕВСКОГО РАЙОНА МОРДОВСКОЙ АССР

Как и в других мокшанских сёлах, некоторые пожилые люди села Малышева до сих пор верят в то, что после смерти человек не исчезает совсем, а его душа удаляется от тела и попадает в небо на тот свет, где будет жить вечно. Есть даже такая пословица: «На этом свете мы гости, а на том свете будем жить вечно». Все эти поверья остались от далёкого прошлого.

Попы и монашки утверждали, что и на том свете люди живут неодинаково. Если человек безгрешен, то он попадает в рай. Если же имеет грехи, то его место в аду, там он будет вечно кипеть в смоле. Поэтому каждый человек обязан готовиться ещё при жизни на тот свет: молиться богу, не есть скоромного, подавать подавания и так далее. Зачастую вместо того, чтобы сказать, что человек скончался, говорили: он «ушел на тот свет». Поэтому погребальные обряды похожи на то, как будто это расставание с человеком на долгие времена. Родные умершего поступали так, как будто покойник слышит и видит, что они говорят и делают. Когда человек тяжело болел, семья его возила в церковь причащаться. Больной каялся перед попом во всех своих грехах. Так готовили больного к смерти.

Когда человек находился на грани смерти, его клали в передний угол под образами. При этом собирались старые люди и близкие больного. У умирающего просили прощения, например: «Отец наш родной, прости меня Христа ради. Возможно, я тебя обидел или недоброе слово сказал». Если больной еще в памяти, то он отвечал: «Бог тебя простит, и ты меня прости».

Если больной скончался, отец или бабушка открывали дверь и начинали оплакивать. Так они сопровождали его душу на небо. Оплакивание было многоголосным: кто как сумеет. Одни, дети его, надрываются: «Отец родной мой, батенька...» другие: «дедушка», третьи: «брат родненький» и так далее. Частично сохранилось это и до сих пор.

После смерти к покойнику зовут старика обмывать его. Следует отметить, что зовут не кого попало, а более чтимого человека. Он обмоет умершего с головы до ног и оденет на него все одежды покойного, вернее сказать, ту одежду, в которой будут хоронить умершего. После обмывания на лавку стелют холст и покойника кладут в передний угол под образами. Если у покойника глаза остались открытыми, то их накрывают пятикопеечными монетами, которые потом бросают в могилу вслед за покойником. После этого хозяйка тут же начинает варить пищу и приглашает монашку читать псалтырь. Умершего оставляют в избе на две ночи или три дня. За это время сельские жители приходят смотреть умершего и прощаются с ним. Когда в избе собирается много людей, покойника начинают оплакивать. Если покойник женщина-мать, то дочь оплакивает её примерно так:

Ой, маменька-матушка,
 Сердечная моя, любимая!
 Маменька — белое молочко моё,
 Матушка — желтое маслице моё.
 Куда собралась, куда принарядилась?
 Зачем ты собрала сюда
 Всех своих родных и близких?
 Маменька моя, милая,
 Клушечка моя хорошая!
 Многих цыпят ты вывела,
 Всех ты всегда успокаивала.
 Кто теперь, как ты, нас ожидать станет?
 Кто ласково примет нас?
 Маменька-голубушка,
 Мягкое ты сердечко мое!
 Ты светлее луны была,
 Теплее солнца красного.
 Маменька-голубушка,
 Когда около тебя
 Все мы собирались,
 Ходила ты, словно танцевала.

Ты всем говорила:
Кто счастливее меня,
У кого такие дети хорошие?
Или мы тебе надоели
Частыми проводами.
Маменька-голубушка,
Сладкое молочко мое!
По земле больше не пройдут
Теперь твои ноженьки,
На улице не зазвенит
Твой нежный голосок,
Маменька-голубушка!
Не скажешь слово ласковое,
Умно не посоветуешь.
Последний денечек
Лежишь в переднем углу,
В доме своем родном.
Скоро тебя возьмут в землю холодную,
Оттуда, маменька, не вернешься ты.
Не напишешь письмецо,
Весточку не пошлешь.
Как теперь тебя позабыть,
Как с тобой расстаться мне,
Маменька-голубушка,
Слаще сахара ты была,
Вкуснее мёда ты была.

А если умирает муж, то жена оплакивает его первой в присутствии всех:

Ой, детки мои, птенчики,
Подойдите вы поближе ко мне,
Соберитесь около меня,
Садитесь около отца,
Поговорите с кормильцем
Вы последний раз.
Видите, он скоро оставит нас
Нужду-горе повидать, голодными сидеть.
Не услышите больше, детушки,
Слово отцовское ласковое,
Не поедите больше хлебушка,
Отцом добытого.
Видите, отец оставляет вас,
Расстаётся с вами кормилец ваш.
Станете тосковать
По словам отцовским ласковым,
Теплым отцовским рученькам,
Отцовскому вкусному кусочку.
Ой, Семён, Семён,

На кого ты оставил нас?
Что теперь я сделаю?
За что возьмусь?
Дети еще малые, несмышленные,
Не под силу им работа.
Куда я ни повернусь,
Везде одна-одинешенька.
Если я пойду в лес за дровами,
Если я пойду на луг за сеном —
Какой сосед поможет мне,
Какой мой брат придет жалеть меня.
Ох, как ненужный посох,
В сторону я брошена,
Нет у меня родных-близких.
Как теперь я, Семён,
С тобой разлучусь?
Печалью чёрною я окутана,
С горя я обессилела, ой,
И не мил мне стал белый свет.
Семён мой, Семён, милый мой,
Добродушный ты, сердечный мой!
Теплая моя рученька.
Лучше божьей матери
Ты был мне ласковым,
Лучше отца-кормильца
Ты любимым был.
Зачем ты так обманул меня?
Зачем меня так обидел?
Кто теперь придёт пожалеть меня?
Кто поднимет мою ношу тяжкую?
Кто сделает моё дело нелегкое?
Как вырастить несчастных детушек?
Как их вырастить,
Как научить уму-разуму?
Ох, Семён, мой Семён,
Почему, уходя, ничего не наказывал?
Не дал ты совета,
Как мне жить-поживать.
Вдруг ты с нами разлучился,
В другую жизнь собрался.
Теперь навсегда покидаешь нас,
Не увидим больше твое личико,
Не услышим твою весточку.
Вокруг тебя вот детушки,
Твои детушки несчастные,
Почему ты не встаёшь?
Почему слова не вымолвишь?
Почему им не советуешь? Ой, ой!..

Если покойник сын (или дочь), в этом случае причитывают его мать, сестра и крестная мать.

На день похорон приглашают могилкопателей, гробовщика и певчих. Все родные умершего приходят хоронить со своей пищей на чашке, со свечой и медными деньгами, которые несут в корзинке на большой чашке. Свечку зажигают на корзиночке, а деньги отдают монашке за чтение панихиды.

Но вот могила и гроб готовы. Могилкопатели возвращаются обратно, но у могилы оставляют одного мужчину, который ждет покойника. Это для того, чтобы умерший не напугался пустой могилы, когда его принесут. Гроб заносят в избу, настилают туда стружку (от теса, из которого изготовили гроб). На стружку стелют белое полотно, кладут подушечку — тоже белую. Умершего поднимают и кладут в гроб. Палочку, которой измеряли рост покойника при изготовлении гроба, кладут рядом с ним по левую сторону. Начинается поминание. Монашка мажет мёдом хлеб и даёт каждому по кусочку. Во время поедания этого кусочка каждый должен помянуть покойника и других умерших родителей. При поминании родителей говорят: «Пусть идет доход рабу божьему Ивану и всем сродникам, всем православным крестьянам, всем убиенным воинам». И вот умершего собираются выносить. Сначала выносят стол и скамейку. На стол стелют скатерть, кладут каравай. Покойника кладут на скамейку. Певчие поют молитвы. Все близкие родные оплакивают покойника. После произношения молитвы над покойником гроб на холстах поднимают шестеро мужчин.

При выносе покойника сначала берут крышку гроба, которую несут на головах. Этим оказывают особый почёт умершему. За несущими крышку гроба идёт девочка или паренёк с полотенцем. Они машут этим полотенцем, тем самым показывая путь мёртвому. Пока покойника несут по селу, его родные оплакивают его. Когда несут гроб, люди выносят из дома на дорогу столы и скамейки, кладут на стол хлеб с солью. Как дойдут с гробом до очередного стола, гроб с покойником ставят на скамейку, а женщина в роли монашки или поп служат панихиду. Если умерший считался в селе добрым человеком, то на дорогу выносят большое количество столов. Около каждого стола произносят молитву, поминуют родителей. Когда подходят к кладбищу, родные покойника плачут сильнее прежнего, приговаривая: «Не испугайся, отец ты наш, теперь ты дошел до своего нового места».

Умершего ставят около могилы, чтобы проститься с ним. Прощаясь, целуют образок на груди покойника, а потом его лоб. Затем гроб заколачивается гвоздями и при помощи холста опускается в могилу. Когда вытащат холст, все собравшиеся бросают по горсти земли в могилу и начинается погребение.

Здесь опять делают поминания и возвращаются домой после обеда в дом хозяина на поминки.

В старину о покойниках рассказывали много страшных былиц. Даже до сих пор многие боятся покойников. Тех, кто боится покойников, старухи заставляют заглянуть в печку, чтобы они больше не боялись. Когда все сядут за стол, тем, кто сделал гроб, и могилкопателям дарят полотенца. Во время обеда опять начинаются поминания, говорят о покойнике, вспоминают жизнь и все дела его. После поминок женщины забирают свои чашки и уходят домой. По умершему человеку справляют еще поминки на девятый день, на двадцатый день, на сороковой день, через полгода и год после смерти.

Кроме домашних поминок старухи и женщины ходят на кладбище поминать родителей. В день такого родительского праздника каждая женщина берёт с собой съестное и около десяти часов утра идет на кладбище. К обеду здесь собирается очень много женщин. Сначала они поминуют умерших родителей, а потом оплакивают над могилой недавних покойников. Вот как женщина оплакивала своего сына на его могиле:

Ой, сыночек, сынок ты мой,
На кого ты меня оставил?
Кому ты меня поручил?
Вот уже два года,
Как похоронен ты.
Вот уже два года,
Как ты расстался с нами,
Ой, сыночек мой, Ванечка,
Если бы ты знал, любимый,
В какой печали, миленький,
Я вот живу без тебя.
Как я горюю по тебе.
Как тяжело мне без тебя,
Ой, сыночек мой, Ванечка,
Единственный, хороший ты мой.
Как родился ты, сыночек,
Я очень обрадовалась,
Пуще глаза своего берегла тебя.
Когда хворал ты, нездоровым был,
Всех ворожеек я обходила.
Все так я оберегала тебя от смерти,
Все боялась, что ты умрёшь.
Вырастила тебя без отца,
Без отцовского слова ласкового.
Не знал ты слово «отец»,
Некому было тебе сказать: «отец».
Как ты всем завидовал в этом.

Ох, ты жил в нужде большой,
Не видал ты отцовского добра,
Отцовского куска сладкого.
Много лет не снимал с плеча
Кнута пастушьего.
Все старался ты,
Все стремился,
Как выйти в люди.
Всего повидал ты,
Все прошел ты невзгоды.
А как поднялся ты,
Вышел в люди, говаривал:
«Теперь мы будем жить хорошо».
Новый дом мы поставили
В большой нужде, в тяжком горе.
Не пришлось, сынок, Ванечка,
В новом доме жить тебе,
Не пришлось порадоваться
В новом доме.
Оставил ты мать старую,
Оставил несчастных детушек
Повидать нужду,
Перенести печаль.
Если бы можно было сказать,
Все свое горе высказала бы,
Всю свою печаль бы вылила я.
Как ты нехорошо сделал,
Какую кручинушку ты мне оставил;
Когда тебя повезли мертвого,
Затемнело передо мной солнышко,
Подкосились мои ноженки.
Вместе с собой, сынок,
Ты забрал мое будущее,
Все мои надежды.
Сыночек, ты единственный мой,
Не оставляй меня здесь в нужде жить,
Переносить большую грусть.
Без тебя мне не мила
Даже белый свет,
Нет для меня радости,
Ничего мне не надобно,
Кроме тебя любимого.
Ой, сыночек, Ванечка, о-ох-ох!

В селе Малышеве до сих пор ходят на кладбище оплакивать покойников, особенно пожилые женщины. Вот как дочь оплакивает своего отца:

Ой, папенька, родимый,
Послушай расскажу я
Про наше большое горе,
Нашу скорбь великую.
Папенька, кормилец мой,
На кого оставил ты своих детушек?
Кому ты поручил сиротушек?
Рано ты ушел в могилу,
Оставил на полпути ты
Своих детушек-птеничков,
Еще несмышлёных,
В жизни не разбирающихся.
Ой, папенька, родимый батюшка,
Кусочек мой сладостный,
Что теперь станем делать?
Как будем жить мы?
Ой, папенька, родимый мой!
Что ты наделал,
Что ты задумал?
Без поры-времени ты
В сырую землю поспешил.
Оставил, папенька-батюшка,
Жизнь свою хорошую,
Семье своей, папенька,
Ты горе принёс.
Дом, папенька,
Горюет без хозяина,
Хлев, батюшка,
Плачет без работника.
Век свой прожил ты
В нужде-горе,
В делах тяжелых!
Две войны ты прошёл,
Ни одна пуля тебя не задела.
Ох, только не обошла никак
Злодейка-болезнь.
Как дубочка, повалила тебя,
Не пришлось тебе вырастить
Своих детушек-птеничков.
Папенька-батюшка,
На кого ты оставил нас?
Кому поручил ты нас?
Папенька, кормилец,
Что наделал ты,
Что надумал ты?
Что теперь без тебя
Будет делать твоя семья?
Оставил ты столько сиротушек,

Нет для них отцовской ласки,
Нет за ними отцовского глаза.
Нет и надежной опоры.

Примерно так же женщины оплакивают на могиле своих мужей. Только вместо «папенька-батьюшка» они обращаются «васяняй-поланяй» (суженый-нареченный).

А вот как одна мать оплакивала свою родную дочь, которая умерла не в своем селе:

Ой, доченька моя милая!
Взгляни-ка ты на меня,
Пришла навестить тебя
Маменька твоя родная.
Погоди, доченька, пташка моя,
Поговорю я с тобой,
Открою свою душеньку.
Скажу, как тебя я похоронила
В этой могиле холодной,
Как я осталась одинешенькой.
Некому мне, доченька,
Открыть свою душеньку,
Некому рассказать
Свою печаль и боль души.
Я бы сама осталась на твоём месте,
Ведь я уж прожила свой век.
Ох, много тяжестей я перенесла,
Большую нужду вытерпела.
Когда была молодая,
Радовалась на своих детей,
Всегда я была довольной,
Что ты растёшь здоровой,
Краснощёкой.
И всегда хотела я
Перед собой тебя держать.
Когда уехала ты на чужбину,
Мое сердечко запечалилось,
Что-то недоброе почувало.
Как я не хотела тебя отпускать.
А ты, Аннушка,
Меня не послушала.
Ты сказала мне:
«Я хочу принарядиться,
Поеду туда, одену себя,
Накормлю себя».
Уехала ты, доченька,
Меня не послушалась.
Все дни и ночи, доченька,

Я по пальцам пересчитывала.
Я думала: «подожду, пройдет лето,
Осенью придет Аннушка-доченька».
Сказала себе: «Обниму её,
Прижму крепче к груди её,
Больше никуда её не выпущу».
Только вернулась ты
Не на своих ноженьках,
А привезли тебя домой
В железном гробу.
Ох, как увидела, доченька,
Тебя мёртвую,—
На тебя я упала без памяти.
Даже не помню ничего.
Как рассталась с тобой я,
Для меня потемнел весь белый свет.
Дитёнушка, Аннушка,
Тяжко жить без тебя.
Некому открыть
Свою душу печальную.
Некому рассказать
Свое горюшко.
Взяла ты с собой, доченька,
Все земные мои радости,
Взяла с собой
Всю мою силушку.
Если бы возможно было, Аннушка,
Я вместо тебя сама
Живая в могилу бы легла.
Не забыть мне, доченька, навеки
Твои слова хорошие.
Не уходит от взора моего
Твое хорошее личико.
Аннушка, дитёнушка милая,
Не хочется мне от тебя отходить.
Не хочется тебя оставлять
В темной могилушке.
Теперь недолго тебе
Осталось меня ждать:
Почувала, что ноги подкашиваются,
Перестают видеть мои оченьки,
Скоро уж будем вместе мы.

97. АТЮРЬЕВСКАЯ РАЙОНОНЬ АТЕРЬ ВЕЛЕНЬ ПОМИНДАМАНЬ ОБРЯТТНЕ И ЯВСЕМАТНЕ

Атерь велеса покойникнень калмамда меле поминдасазь нилексть кудса — калмама, или колмоце шиня, вейхкса шистонза, комозце шиня и нильгемонь шистонза. Сяльде поминдакшнесазь эрь кизоня родителень шитнень калмотнень лангса.

Васенце поминкась ушеткшневи эстокиге калмамда меле кулыть калмонц лангса. Сивсазь ацаф скатертть ланге путф пачатнень, алхнень и лия ярхцамбяльть и туйхть куду поминандама. Куду сувамста калмайхнень пргасазь ведняса (кизонда) или ловняса (тялонда). Сувамок куду, калмайхне ванондыхть пianaкуд кургти, штоба аф пелемс кулыда.

Сире бабась, кона мрдай калма лангста сембода инголи, сяви тряпка и нардасы эземть и моркшть кенкш шири. Сяльде тя тряпкать ёрдасазь кудонголи. Тоса бабась сяви тьялме и тьясы княксть кенкш шири, сорхнень ёрдасыне ульцяв, а тьялмось срафтсы и ёрдасы.

Мзярда кулы пяк цебярь ломань, то корхтайхть:

Покойниксь, ломанць цебарель,
Дай бог касоза мода мароц,
Валдоня улеза вастоц.

Сембе калмайхне озайхть моркш ваксе покойникть поминдама. Азоравась каяй лям и ям, тьянди мярьгихть «лямса-ямса» поминдама. Ярхцамда меле калмайхне озондыхть и сраткшнихть кудгаст.

Вейхкса шинь поминкаста твендыхть поза. Васенда поминдасазь кулыть, а тоса ушедыхть позань шоряма, синць явсихть:

Аканяй-матушканяй,
Минь поза тийхтяма,
Минь тонь симттяма.
Мес тяфта рана
Тонь шкайсь сявонзе,
Равжа модав кяшензе?
Коза тон эряскодоть,
Кинди кадыть тон
Эсь роднойнятнень?..

Тя шиня поминкаса сашендыхть ичкозденъ радиятневок. Эрь поминкань карша, илятемба, сире бабатне, аватне пуромихть «ве ванфтома». Сявихть мархтост шаваняса ярхцамбяльхть. Тяса синь явсема вайгяльса кармайхть тернемонза покойникть, бта тяфтак сон аф сави.

Покойникть васьфтемонза лиси сире азоравась, а кда сон аф машты явсема, то полафтсы лия ломань. Азоравась сяви мархтонза нардама, кона ульсь катф покойникть лемс, лиси и арай орта лангс, шаманц шарфтсы калмотнень шири и явси:

Поланяй-тряйняй,
Ичкозе улят, малав сак.
Поланяй-тряйняй,
Озак види бокозон,
Тошкак види пилезон.
Поланяй-тряйняй,
Вага ни вейхкса шинят
Тон кулофат-юмафат.
Поланяй-тряйняй,
Тейнек сон таргавсь
Бта вейхкса кизонят.
Поланяй-тряйняй,
Кудста тонь маштсь
Мазы шама ликоняце.
Поланяй-тряйняй,
Стенаста маштсь
Тонь цельфкяце.
Поланяй-тряйняй,
Дворста маштсь
Тонь пильгокинятне.
Поланяй-тряйняй,
Тяни тонь лацот
Минь кие ужяльдысамазь.

Тяса сон терди явсема вайгяльса покойникть куду. Сон кизефни кудонь кирдить, штоба афолезе эвфте покойникть. Азоравась мярьги покойникти тердемда сирень-оцовойнь родителхнень поминкас. Тязя лихтихть мархтост цюкорнят и поза. Явсемда меле азоравась ярхцай-сими позада, стане поминдай покойникть. Сяда меле сувай куду.

Вейхкса шинь поминкас якай аф пяк лама ломань. Поминкань шиня поминандайхне молихть стане жа шаваняса ярхцамбяль мархта. Поминкать пингста кулоф ломань лемс кргаф панарть ацасазь эзембрав. Тянь тиеделезь сянкса, штоба покойниксь стане жа мархтост симоль-ярхцаль.

Комсь шинь поминкать ётафнесазь стане жа, кода и вейхкса шинь поминкать. Тяфта жа пуромихть аватне, бабатне поминкань карша илять «ве ванфтома». Веньберф шкайхнень ияголе плхтайхть штатолхт, лувихть панихидат. Азоравась лиси илять покойникть тердема явсезь:

Поланяй-тряйняй,
Ичкозе улят, малав сак.
Поланяй-тряйняй,
Озак види бокозон,
Тошкак види пилезон.
Поланяй-тряйняй,
Вага ни комсь ши.

Тон кулофат,
Тон кулофат-юмафат.
Поланяй-тряйный,
Лажадоме, лажадоме
Мазы шама ликоняцти.
Поланяй-тряйный,
Тяни тон туть
Од эряфс эряма-ащема.
Поланяй-тряйный,
Кда вии улелень,
Калмоняцень шуволень.

Комсь шинь поминкаста покойникть явсесы лама ломань.
Явсись арай кенкш лангс и явси:

Ой, дуганяй, дуганяй,
Равжа модас путодязь,
Равжа модас калмадязь.
Ой, дуганяй, дуганяй,
Сисем мода слойхть
Вельхтясть тонь лангозот.
Ой, дуганяй, дуганяй,
Тяни оду аф няйхтядязь,
Тяни коста сяфтядязь.
Ой, дуганяй, дуганяй,
Больше карша аф васьфтте,
Тяни больше аф няйхте.

Явсемда меле поминдайхне срадондыхть кудгаст.

Кота недялян поминкась эряй инь ошюкс. Тя поминкати мо-
лихть сембода ичкоздень раднятне. Нинге инголи содасазь,
мзярда ули поминкась, и эрь ломанць аноклай ся шити.

Илятемба молихть «ве ванфтома». Мархтост сявихть шаван-
яса ярхамбяльхть.

Нильгемонь шинь поминкас киньге аф тердихть, сембе мо-
лихть эсь мяльса, апак тертть. Илятемба азоровась лиси по-
койникть тердема явсезь:

Поланяй, поланяй,
Поланяй — вастонь колайняй,
Оцю кудонь шамдыняй,
Поланяй-милайнай,
Ичкозе улят, малав сак.
Поланяй-милайнай,
Вага нильгемонь ши кулофат-юмафат,
Равжа модас сувафат.
Поланяй-матаняй!

Лядыкс валхненъ азондсыне стане жа, кода и комсь шинь
поминкаста. Поминкас саф ломатне туйхть мархтост шаваняса
ярхамбяль омбоце шинявок. Тя шиня покойникть поминдай-
донза эряй лама; путнесазь ярхамбяльснон моркш лангс,
крывяснихть перьфкаст штатолхт и озондыхть. Озондыхне ар-
сихть стяда, фкясь кулевиста морафты молитва.

Молитвада меле сембе озсихть ярхамба. Васенда ярхцайхть
эсь кантф ярхамбяльснон эзда, а сяльде азоровась нардасть
шрать и сонць пути ярхамбяльхть. Меколи каяй лям и ям.
Тумста сембе поминдайхненъ шаваняса пути тифтенъ пача, и
поминдайхне тушендыхть куду.

Поминкань колмоце шиня азоровась пиди лия ярхам-
бяльхть. Кота недялян поминкань колмоце шиня покойникть
сывондъсазь «пиравама» раднянзон шири. Колмоце шиня шоб-
дава маластонь раднятне молихть колмоце шис стане жа ша-
ваня мархта, но ломаньда эряй сяда кржа. Тяса покойникть
поминдасазь стане жа, кода и омбоце шиня, а сяльде сясазь
эзембрыста покойникть ацаф панаронц и сясазь пиравама
раднятненъ шири. Рядть аделамда меле панартъ тага кандсазь
меки, а поминдайхне туйхть куду.

Фкя кизонь поминкати тиендысазь стане жа, кода и кота
недяляшнетъ. Кизонь поминкаста сембе поминдайхненди казен-
дихть крест — нят покойникть казенза. А кда кулы ава или
стирь, то фкя кизонь поминкаста поминдайхненъ казендъсазь ак-
ша руцяняса. Фкя кизонь поминкаста покойникть поминдакше-
сазь колма шит, нят «ве ванфтомась», омбоце шинь поминкась
и рядса якамась. Покойникть панаронц якафтсазь рядса ме-
кольцекс. Фкя кизонь поминкати мярьгихть мекольдень помин-
ка, сяс мес кулофть поминандасазь мекольцеда. Сяда меле
азорсь может и аф поминандамс покойникть, корхтафтомонза
кивок аф кармай. Мекольдень поминкастонза покойникть «тона
шиста» кода бта нолдасазь куду аньцек фкя шис.

Покойникть панаронц мекольцеда ацасазь эзембрав и оз-
сихть лангозонза, а поминкати ётамда меле панартъ макссазь
шкайнь содай анциянди или сире стиренди.

СТИРЕНЬ КАЛМАМАСЬ

Мзярда кулы стирь, то сонь эшелямонза молихть сире ават,
а наряжасазь стирь ялганза. Стирьхне сайхть наряжама аф
наряжафста, кода якайхть эрь шиня. Сувамста синь сюко-
няйхть и ушедыхть марса или тифтенъ явсема:

Ялганяньке, ялганяньке,
Ялганяньке-баяраваньке,
Баяравань акша шаманяньке,
Виде келу ронгоняньке, вай,
Минь ульцяв якайняньке-шяйяняньке,

Фкя думняса арсиняньке,
Ялганяньке, ялганяньке,
Коза тяфта наряжать,
Коза тяфта урядать?
Ялганяньке-кельгомняньке,
Минь эряме мирнайста,
Мирнайста, пяк славнайста:
Фкя-фкянь иземе наругакшне,
Фкя-фкянь иземе васькафне...

Стирхне стенаста стенас таргайхть карькс и лаподьсазь
культь нарядонзон лангозонза.

Культь калма ланге стирь ялганза кандсазь котфса.
Стирхне прязост сотыхть акша руцянят, шьярьснон нолда-
сазь. Крѣзть калма ланге усксазь алашаса, а лазкс вельхтя-
мать кандсазь стирхне. Калмамста стирхненди казихть акша
руцянят. Раднянь стирхне молихть ляи кульмень муськомонь
муськома. Тяса муськсазь синь культь сембе лятф панаронзон
и ляи шамонзон.

97. ПОМИНАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ И ПРИЧЕТЫ СЕЛА АТЮРЬЕВА ТОГО ЖЕ РАЙОНА

В селе Атюрьево покойников после похорон поминуют четы-
ре раза дома: на третий, девятый, двадцатый и сороковой день
со дня смерти, а потом ежегодно по родительским дням на
кладбище.

Первое поминание начинается тут же после похорон покой-
ника на свежей могиле. Стелют скатерть и едят блины, яйца,
мясо, пьют брагу. После этого все идут в дом покойника про-
должать поминки. Вернувшиеся с похорон перед входом в дом
зимой осыпают себя снегом, а летом обрызгиваются водичкой.
Войдя в дом, они заглядывают в печь, чтобы быстрее забыть
покойника. Старуха, которая вернулась с кладбища раньше
всех, берёт тряпку и вытирает лавку и стол в сторону двери.
После этого тряпку бросает в сени. Старуха берёт веник и ме-
тёт пол в сторону двери, весь сор выкидывает на улицу, а ве-
ник развязывает и бросает.

Если умирает хороший человек, то говорят:

Покойник был хороший человек,
Дай бог, рос бы бугор над его могилой,
Светлым было бы его место.

Все те, кто был на похоронах, садятся за стол поминать умер-
шего. Хозяйка наливает щи и накладывает кашу, это называет-
ся «поминание щами и кашей». После еды все расходятся по
своим домам.

Вторые поминки бывают на девятый день. К этому дню
обязательно заваривают брагу. Когда затевают брагу, причи-
тывают.

Например, сестрица обращается к умершей:

Тетушка, моя милая,
Мы тебе будем брагу затевать,
Мы тебя будем брагой угощать.
Почему так рано тебя
Бог от нас взял?
В сырую землю зарыл.
Куда ты поспешила,
Кому оставила
Своих родненьких?..

В этот день на поминки приходят и дальние родственники.
Перед поминками, вечером, старухи собираются «караулить
ночь». С собой приносят в мисках съестное. Здесь они своим
плачем вызывают покойника, будто бы без приглашения он сам
не придёт. Встретить покойника выходит старая домохозяйка,
а если она не умеет оплакивать, то её заменяет другая. Хозяй-
ка берёт с собой полотенце, которое было оставлено для по-
койника, выходит во двор, становится около ворот, поворачи-
вается лицом в сторону кладбища и причитывает, например,
по мужу:

Милый мой, кормилец мой,
Хоть далеко ты будешь,
Сегодня приходи сюда,
Подойди поближе, кормилец мой,
Садись рядом с правой стороны,
Шепчи мне в правое ухо.
Любимый мой, кормилец мой,
Вот уже девять дней
Как ты мертвый — пропащий.
Милый мой, кормилец мой,
Этот срок нам показался
Долгим, как девять лет.
Исчез из дома
Твой образ красивый.
Милый мой, хороший мой,
Со стены исчезла твоя тень,
Милый мой, кормилец мой,
Со двора исчезли следы лаптей твоих.
Милый мой, кормилец мой,
Теперь кто, как ты,
Нас будет жалеть-любить?

Тут же она начинает плачем вызывать-приглашать покойника в избу. Просит покровительницу дома, чтобы та не напугала покойника. Хозяйка обращается к покойнику, чтобы он пригласил на поминки старших родственников. Тут же выносят лепёшки и брагу, начинают есть и пить брагу. После оплакивания заходят в избу. В девятый день на поминки людей приходит немного, с собой они приносят продукты в чашках. Во время поминок нареченную на имя покойника рубашку стелят на скамейку под образами. Это делается для того, как будто покойник вместе с ними также ест и пьёт.

Третьи поминки справляются на двадцатый день. Их проводят почти так же, как и поминки на девятый день. Так же собираются старухи накануне поминок вечером «караулить ночь». Всю ночь перед образами горят свечки, читают панихиду. Хозяйка выходит вечером звать покойника, сама плачет:

Милый мой, кормилец мой!
Хоть далеко ты будешь,
Сегодня приходи сюда.
Подойди поближе.
Суженый мой, кормилец мой,
Садись рядом, с правой стороны,
На ухо мне пошепчи.
Любимый, кормилец мой,
Вот уже двадцать дней,
Как ты умер, не стало тебя.
Милый мой, кормилец мой,
Соскучилась я, соскучилась
По твоему лицу.
Милый мой, кормилец мой,
Теперь ты нас покинул,
Ушел жить на тот свет.
Милый мой, кормилец мой,
Если бы я могла,
То бы в твою могилу вошла.

На поминках на двадцатый день покойника оплакивают многие. Но оплакивают после поминования. Каждая оплакивающая становится у двери и в своем причитании выражает свою скорбь, свое сердечное отношение к покойнику, вспоминает его хорошие дела и т. д. После оплакивания поминальщицы расходятся по домам.

Шестинедельные поминки бывают самыми большими. На эти поминки приходят самые дальние родственники. Они ещё заранее об этом знают и все готовятся к поминкам. Вечером собираются «караулить ночь». С собой берут в чашках съестные припасы. На шестинедельные поминки никого не приглашают.

все приходят добровольно. Вечером хозяйка выходит на крыльцо звать покойника, а сама плачет:

Суженый, мой миленький,
Ты нарушил своё гнездышко,
Дом большой оставил пустым.
Милый мой, любимый мой,
Хоть далеко ты теперь,
Сегодня сюда приходи,
Подойди поближе.
Милый мой, миленький,
Вот сорок дней ты мертвый,
В сырой земле лежишь.

Затем причитают так же, как и на поминках на двадцатый день. Пришедшие на поминки приносят с собой съестное в чашках и на второй день, когда приходит особенно много людей. Все кладут съестное, принесённое с собой, на стол, вокруг него зажигают свечки и молятся. Одна женщина читает молитву любого содержания. После молитвы все садятся есть. Сначала едят ту пищу, которую принесли с собой, а потом хозяйка вытирает стол, ставит свои кушанья. Когда поминающие уходят, кладёт в их миски по одному блину. Оставшуюся еду хозяйка раздаёт чужим людям. На третий день поминок она варит другое угощенье. В этот день шестинедельных поминок покойник будто бы пирует с родными. Они берут рубаху покойника, которая была застлана на скамейке под образами, и идут пировать по домам. После окончания пиршеств рубаху приносят обратно.

Поминки после года проводят так же, как и шестинедельные. На этих поминках пришедшим дарят кресты — дары покойника. А если покойник женщина или девушка, то поминальщикам дарят белые платочки. На поминках после года умершего поминают три дня: «подкарауливание» ночи, поминки на второй день и хождение по домам родных. Рубаху покойника выносят последний раз. Поминки после года называются последними поминками. Потом хозяин или хозяйка могут и не поминать покойника, никто их за это не осудит. На последних поминках покойника будто бы отпускают с того света домой только на один день. Рубаху покойника стелят на скамейку под образами последний раз и садятся на неё, а затем её отдают нищим или старой деве.

ПОХОРОНЫ ДЕВИЦЫ

Когда умирает девушка, то обмывать её приходят пожилые женщины, а одевают подружки. Девушки одевать приходят в будничных одеждах, не наряженные. Они заходят, кланяются и две или три из них начинают оплакивать.

Подруженька, подруженька наша,
 Подруженька, барышня наша,
 Боярыня ты белолицая,
 Как березонька стройная, ой,
 Мы вместе на улицу ходили,
 Одними мыслями мы жили.
 Подруженька, подруженька,
 Посмотри-ка, как ты наряжаешься,
 Куда так собираешься?
 Подруженька наша любимая,
 Жили мы с тобой мирно,
 Мирно и славно:
 Никогда мы не ссорились,
 Друг друга не обманывали...

Далее во время оплакивания девушки вспоминают, как вместе ходили гулять на улицу, как делились своими мыслями. От стены до стены протянут шнур и на него вешают наряды покойницы. На могилу подружки несут покойницу на холстах. Девушки наряжаются, головы обвязывают белыми платочками, косы распускают. Крест на могилу везут на лошади, а крышку гроба несут девушки. При похоронах девушкам дарят белые платочки. Девушки родных ходят на речку, чтобы выстирать бельё покойницы.

98. КРАСНОСЛОБОДСКАЯ РАЙОНОНЬ СИРЕ СИНДРУ ВЕЛЕНЬ КАЛМАМАНЬ И ПОМИНДАМАНЬ ОБЯРДОВАЯ ЯВСЕМАТНЕ

Сире Синдру велеса 1966 кизоня кулось Борискин Тимофей Иванович. Тейиза ульсь 87 киза. Мзярда сон кулось, вастстонза ашезь тока. Сонь стирец тусь атянь кочкама (радият и сосетт). Састь Борискин Дмитрий Иванович, Криворотов Филипп Дмитриевич и Криворотов Василий Федорович. Синь кудста лихтезь аватнень и кармасть покойникть штама.

Путсь кияксти очка и кармасть атять эшелямонза. Сире Синдрунь ломаттнень тяфтама ни обычайсна; алять эшелямста аш ават. Эшеляма ведть пярдезь ушу, шкай ужети, штоба кодамовок жувата или ломань афоль яка сонь ланганза, Эшелямда меле культь ланге шафнесь кулома шамонзон (кулома шапт Сире Синдрунь эряйхне аноклакшнихть аноконди). Атять пильгонзон карьсезь карьса (сире ломаттнень пильге карьсекшихть карьхть, а оттненди шафнихть тапочкат). Фкя пильгонц карьсезе фкя атясь, а омбоцеть лия. Фкясь синь эздост карьсембачк корхтась: «Монь карьсефозе сяда цебярь тонь карьсефцень коряс. Туза мялезт, Тимофей». Сяда меле серьгадезь аватнень. Аватне ацасть шкай ужеса ащи scomнять ланге васта, и атять путозь тоза. Пильгонзон-кядензон сотнезь сюреса. Тяда меле кармасть

озондома, кунцемонза лемонц. Фкя сире бабась таргась кши, лангонзонза путсь сал и кармасть макссемонза фкя-фкянди. Мзярда культь озондозь кшиса-салса, атять стирец кармасть явсема:

Аляняй, аляняй-кельгомняй!
 Тон эрять-ладяць эрянди,
 Тон кулоть-ладяць кульенди,
 Вай, вай, вай, аляняй!
 Аляняй — шачи оёронь видиняй,
 Аляняй — оцю семьянь андынйяй, вай!
 Сядонголе сокселеть соканяса,
 Витпекшнеть тон курмоськаса, вай!
 Тяни, аляняй, времась пяк цебярь,
 Нинге, аляняй, тейть эрямаль, вай!
 Сядонголе кевс шавондыть кяднятнень,
 Вармас полнить вииняцень, вай!
 Тяни, аляняй, сире ломатть стяфтолень,
 Тяниень эряфть няфтелить. Ох, о-ох, ох!

Кодак стирец аделазе явсеманц, Тимофей Ивановичень кармасть явсема рвяняц:

Вай, атявоськаяй, атявоськаяй,
 Илять рана тон матолемасть,
 Шобдава поздна стяфтолемасть.
 Пенгяняньконь, атявоськаяй, каннелить,
 Голландкати, атявоськаяй, марселить.
 Голландкатьке, атявоськаяй, ушнелить, вай!
 Работама вастста, атявоськаяй, саян —
 Кудняньке фалу лямбоня.
 Пирьфти лисян — пирьфське урядафкяль, вай!
 Жувататне сембе симфкат, синь анфкат,
 Вастоваст синь, атявоськаяй, синь пуриафкат, вай!
 Тундань шись саль, аляфтома аватне
 Ласькондельхть перень сокайнкса,
 Модамарень путыенкса, вай!
 А тон сембонь, атявоськаяй, тонць тиендить.
 Вай, ох, о-ох!

Сяда меле кармасть явсема уноконяц:

Атяняй, атяняй,
 Мазы карень кодайнай,
 Уськонь карьксонь кодайнай, вай!
 Атяняй, атяняй,
 Пильгоне коста кельмотольхть —
 Вайме кожфса эжнелить, вай!
 Атяняняй, атяняй,

Танцтвняста тон анекшнемайт,
Эсь эшкссот монь касфтомайть, вай!
Атяняй, атяняй —
Акша парьхи сакалняй,
Иляназонь шярьяняй, вай!

Тяде меле рвяняц, стирец тусть ломанень кочкама. Кочказь ялганзон, раднянзон, а курнянь ломаттне састь сембе синць, Серьгядсть псалтырень морафты (луви). Пуромсь сняра ломань, мянь кудувок ашесть тьялге. Мзярда сембе пуромсть, ярхцямбяльснон путнезь шратнень лангс. Исайкина Анна уставась морафтома. Кит сире ломаттнень эзда маштсть морафтома, сятка морафтсть. Кинь ульсь «святой лемонь книгяняц», лувфтозь кядьстонза. Морафтома ёткть кивок ашезь явсе-аварде, Тимофей Ивановичень раднянза кармасть явсемонза, мзярда морафтысь лоткась лувомда.

Илять, 9 частста, (кода и сембе кулы ломаттнень) ушедсть кулыть поминандамонза. Шары бабатне (синь эздост эряй аф колмода лама) штафнезь кантф нишатнень и озафнезь ломаттнень шратнень ваксс. Шрать лангс путсть вайфтома ям и лям. Морафтысь тага кармасть морафтома, но аф лама валса.

Сяда меле кармасть ярхцама-симомма. Ярхцямбачк кати-кие пшкядсь: «Пачкодеза тейтьке, Тимофей, дохоткя и сембе родителхненди».

Ярхцамда-симомда меле 11 частста сембе тушендсть кудга. Куду лядсь аныек кулыть семьяц.

Сире Синдруса покойникть колма шит кирдъсазь кудса. Колмоце шиня, обедта меле, сонь кармайтть калмамонза. Калмамда инголе серьгядихть ниле или вете аля калмонь шувомма. Кона инголи модати пезфтасы каймонц, сянди казихть нардама. Калмонц шувсазь раднянзон ваксс: аляняц, тядяняц или кодамовок лия радняняц ваксс. Кудста лихтемда инголе кулыть кармайтть явсемонза раднянза-свойнза. Тя пингть ушеса аши сконья, коза кудста лихтемда меле путсазь кулыть. А лазкснень алга таргайтть магазинца рамаф котф или эсь кодаф котф. Сяда меле алятне сявсазь лафтубрызост котфть, вельденза кеподъсазь лазкснень и кармайтть кандомост калмотненди. Калмотне ашихть шаманя пряса, вирть трваса. Инголи моли лазксонь вельхтямань кандьсь, сонь мельганза морафтхть, а морафтхнень мельге кандсазь покойникть. Кулыть кандьензон мельге молихть ляды ломаттне. Молямбачк раднянза явсхть-аварькшихть. Сембодонга меколи моли алаша, конанди путф крѣз или памятник. Инь оцю раднянзон кудснон инголи покойникть лоткафнесазь. Тоса ащи шра, лангсонза киши-сал, аф лама ярмак или алхт. Морафтысь луви путф книгатнень. Лувомда меле монашкатне кяскавс марасазь алхнень и сяда меле покойникть тага сявсазь кандозь. Тяфтама лоткафнемада эрси пяк лама. Вов калмотненди илядсь аф сядода лама метра, и кандьх-

не сявсазь покойникть кандозь прясост. Кандсазь шувф калмоть малас и путсазь калмоть ваксс. Калмоть ваксса тага явсхть-аварькшихть.

Сяда меле раднятне прасихть покойникть мархта: пала-сазь коняняц, кядензон. Пращамда меле покойникть холдасазь калмоти и лазкснень вельхтясазь модаса (шуварса).

Тя пингть шары бабатне кудса аноклайтть ярхцямбяль, вина калмайхненди. Вов калмайхне састь покойникть кудс. Шратнень лангсна ни анокт. Кармасть каннема вина, симома-ярхцама, корхнема покойникть колга.

Тяфта калмосесазь тичиме ломаттнень, конат шистост верондасть шкайнди. Тяста няеви, што Сире Синдруса нинге ванфиевхть сире койхне-обуцятне. Но тьяка пингть васьфиевхть и тьянень илат. Тимофей Ивановичень калмамста тя сембода лая няевсь явсематнень эзда, коса корхтавсь тьянень эряфть колга, ся цебярть колга, мезсь эвондась Великой Октябрьской революцияда меле.

Тяни, аляняй, времась пяк цебярь,
Тага нинге, аляняй, эрямаль.

* * *

Ломанть калмамда меле Сире Синдрунь велеряйхне тиендихть поминкат. Васенцесь — вейхкса шидя меле.

Кулыть семьяста кие-кие кочкай колма братонь ават. Ня аватне путыхть поза. Позань путома шиня ломаттне кандьхть почфт, ямкст, лапшат и лама лия продукта. Позада тинхть 20—25 ведаркада лама. Омбоце шиня, обедта меле, кулыть раднянза кочкайтть ломатть поминкас. Поминкас сайхть аф аныек ся ломаттне, конат ульсть серьгяйтф, но ламотне лиятне. Ня сембе ломаттне кандьхть поминкас кинь мезямоц ули сяда цебярь: конфетат, акша кши, калхт, кисель, ям и лама лия продукта.

Эрь поминкась ушеды рана шобдава молитвань морафтозь и моли 11 частти модемс. Кие аф машты морафтома — озонды. Морафтомда меле кармайтть кулыть явсемонза. Вов кода явсезе Тимофей Ивановичень стирец:

Тячи, аляняй, вейхкса шиняце,
Модать алга эряфце-кияне.
Вай-вай, вай-вай, аляняй!
Вейхкса шит ни кудса тон ашат.
Аф каршеконя васьфттядязь,
Аф мекольденя саттядязь.
Вай-вай, вай-вай, аляняй!
Вай, шарода, шары бабат, шарода,
Тясть учсефте вальмять ала алянязень,
Алянязень монь, тьянйязень.
Вальмада вальмас алянязе ласьконди,

Вальмада вальмас кярмотькшни,
Вальмянява ванонды, ученды,
Вай-вай, вай-вай, алянй!
Алак тертть аф смедондай
Эсь кудозаиза суваманц,
Эзем прязонза ётаманц,
Шра пети озаманц.
Шрать ваксс, алянй, вейхкса шит
Кадондыть востонячень.
Вай-вай, вай-вай, алянй!

Явсемда меле морафтыхне тага ушеткшнихть морафтома.
Аф ламос морафтомда меле кочкайхть кафта востонь озайхть —
атячь радиянзон эзда аля, а кулы бабанц эзда — ава.

Сяда меле алясь сяви шаваня ярхцямбяль, а авась — поза
кружка и лисихть покойникть серьядема. Шаванячь и позать
путсазь модать лангс и рвянясь ушеды явсема:

Туйте, туйте, атявоськяй,
Сембе роднойхнень,
Мархтот куду сувафтыте.
Вай, атявоськяй!
Тязк кулыхненьге, войнав юмафненьге-арафненьге,
Шяьта, улихть свойфтомот-роднойфтомот,
Лемонь-пилень кундайфтомот,
Вай, атявоськяй!
Шяьта, ульсть ведьс ваяфт,
Шяьта, ульсть и войнаньтолс юмафт.
Тоса Ванька цёраняцевок,
Вай, вай, атявоськяй!

Явсемда меле сивсазь ульцяв кантф пицать и симсазь по-
зать. Сяда меле туйхть куду и кочкаф авась ушеды явсема:

Ётафтыне, озафтыне, эзнаняй,
Сяда свойнень эзем пряти,
Эзем пряти — шра пети,
А лядыхнень лия шратненди, вай!
Улихть атятка-бабатка,
Лад аф содай шабатка, вай!
Перьфкаст шархта, эзнаняй, весяласта.
Ярхцама-симома кошардыте,
Штоба сельмос ваны тяза уле, вай!
Эзнаняй, праздник шиня сашенкшнень,
Тейнь пачат путнекшнеть, вай!
Мезценъге ашить кяшенде:
Аннекшнemaйт танцти сускомняда,
Симнекшнemaйт цебярь пойланяда, вай!

Афолень кенерь сувамс,
Пшкяделеть, эзнаняй, ётак-озак.
Эзнаняй — цебярь мялень максняй,
Пара разумс тонафтыняй, вай!
Кодак суван, кизефтелить шумбрашинязень,
Тоса кизефтелить, эзнаняй,
Эряфозень-ашефозень.

Явсемать аделамда меле, 12 частста, штафнесазь кантф ярх-
цямбяльхнень и ушеткшнихть ярхцама пачада, лямда, лапшада
и ксяльда.

Ярхцамда меле сембе ломатне сраткшнихть кудгаст. Куду
лядондыхть кулыть семьяц, морафтыхне и васта озайхне.

Омбоце шиня 12 частста меле покойникть кудоц поминальной
церемоняда меле тага пяхксе. Сембе лисендихть покойникть
прважамонза. Васта озайхне тага лихнесазь шаванячь и поза
мархта кружкаты. Стирец ушеса кармай явсема:

Прощай, алянй, прощай, трийнязят —
Аф няемга якайняй-шяйняй!
Вай, алянй!
Аф няемга ярхцайняй-симиняй.
Кати сашендоть, алянй, кати аш,
Кивок афи няenze.
Вай, алянй!
Аф сувамда няедязь, афи лисемда,
Шяьта, алянй, тоса мезевок аш.
Кда мезевок ули, серьядезне сашентта,
Вай, алянй!

Сяда меле синь сувсихть куду, а сяльде тушендыхть кудга.

Мзярда поминкась аделави, востонь озайхнень казендъсазь.
Авати максихть нула, а аляти — папар и нардама.

Мзярда покойникть калмамда меле топоди 20 и 40 ши, тага
тиендихть тяфтама поминкат. Поминкатне ётихть пцтай фкя
лаца сембе кулыхненди. Аньцек разнай вариантса эрсихть явсе-
матне. Эряви азомс сявок, што сире пингонь калмамань и лия
обрягтнень эзда кой-конат юмсихть, а кой-конат шоворькш-
нихть од советскяй обрягтнень мархта.

98. ПОХОРОННЫЕ И ПОМИНАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ С ПРИЧЕТАМИ СЕЛА СТАРОЕ СИНДРОВО КРАСНОСЛОБОДСКОГО РАЙОНА

В селе Старое Синдрово в 1966 году умер старик Тимофей
Иванович Борискин. Ему было 87 лет. Когда он скончался, его
дочь пошла об этом извещать стариков (соседей, родных). При-
шли в дом покойника Дмитрий Иванович Борискин, Филипп

Дмитриевич Криворотов и Василий Федоровч Криворотов. Они попросили женщин выйти из избы. Поставили посреди пола скамейку, под неё — корыто и начали обмывать старика. Никто из женщин не присутствовал. В этом мокшанском селе у жителей есть такой обычай: при обмывании женщины не бывает мужчин, и, наоборот, во время мытья мужчины не должны присутствовать женщины. После обмывания покойника воду выливают не на улицу, а в угол, где висят иконы, чтобы ни один человек или какое-нибудь животное не ходило по ней.

После обмывания на Тимофея Ивановича одели его погребальную одежду, приготовленную задолго до его смерти. Старика обули в лапти. По обычаю в селе делают так: на ноги старых людей обувают лапти, а молодых — тапочки. Одну ногу обувает один старик, а вторую — другой. Один из обувающих при этом говорит: «Я обуваю тебя лучше. Будь довольным, Тимофей».

После одевания и обувания покойника позвали близких и женщин. Они постелили постель в углу под образами и положили старика на лавку. Ноги и руки обвязали нитками. Затем стали молиться, т. е. поминать умершего. В это же время старуха принесла каравай хлеба, насыпала на него соль, и хлеб, кусочками стали передавать из рук в руки. Когда поминание предков окончилось, женщина, дочь старика, стала оплакивать своего отца примерно так:

Папенька, папенька, любимый мой!
При жизни всем угождал.
Папенька, папенька, любимый мой!
При жизни всем угождал,
Умер ты — и мертвый всем нравишься.
Ой, ой, ой, папенька,
Ой, папенька, мой папенька!
Ты сеял хлеба урожайные,
Стога клал ты круглые,
Раньше пахал ты сохой,
Сеял, папенька, пригоршней, ой!
Теперь, папенька, время хорошее,
Еще бы тебе, папенька, жить да жить, ой!
Рубашки теперь готовые в магазине,
А раньше набивал ты руки мозолями,
Напрасно тратил свои силёнки, ой!
Теперь бы, папенька, старых людей оживил,
Сегодняшнюю жизнь показал бы им, ох, ох, ох!..

Когда дочь старика кончила плач, стала его оплакивать сноха:

Свекор мой, свекор,
Вечером рано ты нас укладывал спать,
А утром поздно будил нас.

Как смеркалось вечером,
Дрова в избу заносил ты,
В голландку клал ты их.
И голландку, свекор, сам затапливал, ой!
С работы вернусь, свекор мой,
В избе у нас тепло было.
А во двор выйду — все там убрано, ой!
Скотинушка накормлена-напоена,
По местам она, свекор мой, загнана, ой!
Весною женщины безмужние
Бегали, искали, кто бы им огород вспахал,
Кто бы картошку посадил, ой!
А ты сам вспашешь огород, сам посадишь всё.
Ой, ох, ох, ох!

Затем дедушку оплакивала внучка:

Дедушка, дедушка,
Умелец ты плести хорошие лапти,
Умелец ты вить тонкие обору, ой!
Дедушка, дедушка,
Когда поженьки мои бывали холодными,
Ты их теплым дыханием согревал, ой!
Дедушка, дедушка,
Ты меня сладко кормил,
Около себя меня растил, ой!
Дедушка, дедушка, белобородый мой,
Дедушка шелковолосый мой, ой!

Когда кончилось оплакивание, сноха и дочь пошли собирать людей. Созвали они друзей, родню старика. Пришли люди, живущие на этой улице. Пригласили монашку читать молитву. Собралось столько людей, что даже не уместились в избе. Пришедшие принесли с собой пищу на общий стол. Монашка Исаякина Анна начала молитву. Кто из пожилых людей знал молитву, тоже припевали. Никто из присутствующих не плакал и не рыдал. Когда монашка кончила читать, Тимофея Ивановича опять начала оплакивать родня.

Вечером, в 9 часов, начали поминать покойника. Обслуживающие старухи (их бывает не более трех) подали пищу и посадили людей за стол. Монашка произнесла строки из молитвы.

После этого стали есть и пить. Во время трапезы кто-то сказал: «Пусть пойдёт доход и тебе, Тимофей, и всем твоим родителям».

После еды и выпивки в 12 часов все разошлись по домам. В избе осталась только семья умершего. Три дня держали покойника дома и в течение этого времени проводились такие же обряды, какие упоминались выше. На третий день после обеда

покойника хоронили. Перед этим звали 4 или 5 человек мужчин рыть могилу. Тому из них, который первым вонзает лопату в землю, дарят полотенце.

Могилу обычно роют около родных умершего: отца, матери и т. д.

Перед выносом гроба из дома старика опять продолжали оплакивать его родные и близкие. Гроб с покойником вынесли и поставили около дома на скамью, застеленную самотканым холстом. Затем мужчины понесли покойника на кладбище. Впереди несли крышку гроба, за ними перед гробом шли поющие молитву. За гробом шествовали остальные. Во время похоронного шествия родня покойника причитывала. Замыкала шествие запряженная лошадь. Она везла памятник или крест покойника. Перед избами близких родных покойника останавливались около поставленного стола, на котором лежали образок, хлеб-соль, немного денег и яйца. По окончании молитвы монашки забрали яйца и положили их в корзину. Покойника понесли дальше. Таких остановок было множество.

Но вот до кладбища осталось не более ста метров. Гроб с покойником понесли на головах до могилы. У могилы его поставили на табуретки. Родня с воплями стала прощаться с умершим. Гроб опустили в могилу.

Вот все вернулись с кладбища. Столы уже накрыты. Все пьют, едят и вспоминают умершего.

Так еще до сих пор хоронят старых людей, которые при жизни верили в бога. Из этого видно, что многие жители села Старое Синдрово верны обычаям и пережиткам прошлого. Но на похоронах встречаются и современные обряды.

Это заметно и в вышеприведенном плаче на похоронах Тимофея Ивановича, где говорится о сегодняшней жизни, о её хорошей стороне:

Теперь, папенька, жизнь хорошая,
Ещё бы, папенька, тебе жить.

Отсюда следует, что наравне со старыми обычаями возникают новые советские обряды, которые со временем вытеснят пережитки прошлого.

* * *

После похорон умершего жителя села Старое Синдрово до сих пор справляют поминки. Первые из них — через 9 дней. К девятому дню кто-нибудь из семьи умершего приглашает женщин-родственниц сварить брагу. Жители деревни приносят муку, крупу, лапшу, у кого что есть. На следующий день после обеда родные покойника созывают людей на поминки. Приходят не только приглашенные, но и посторонние. Они приносят

все самое лучшее: конфеты, белый хлеб, рыбу, кисель, кашу и многие другие продукты. После молитвы начинают оплакивать покойника. Вот как оплакивала Тимофея Ивановича его дочь:

Сегодня, папенька, у тебя девятый день
Подземной жизни на том свете.
Ой, о-ой, папенька,
Девять дней тебя дома нет,
Мы тебя не встречали,
Мы тебя не догоняли,
Ой, о-ой, папенька!
Ой, потарапливайтесь, старухи,
Не заставляйте ждать под окном папеньку,
Папеньку, моего кормильца.
От одного окна до другого
Папенька мой бегаёт,
В окна он заглядывает,
Ой, о-ой, папенька!
Без приглашения не смеет он
В свою избу войти,
К скамейке под образами подойти,
За край стола присесть.
Девять дней, папенька, прошло,
Как свое место оставил ты.
Ложку свою сухой держал ты,
Ой, о-ой, папенька!

После оплакивания отца дочерью поют молитву. Затем выбирают от родных двух людей «сидящими»: старика и старуху. Мужчине вручают чашку, в которую кладут рыбу, яйцо, блины, а в руки женщине дают кружку браги, и они выходят приглашать покойника в избу. Чашку и кувшин браги ставят на землю, и сноха начинает оплакивать покойника:

Созови-ка, созови-ка, свекор,
Всех своих родных,
Пусть с тобой они войдут в избу нашу.
Ой, свекор мой!
Созови всех умерших, на войне погибших.
Возможно, среди них есть кто-то
Без родных и близких.
Ой, свекор мой!
Созови всех утопших,
В огне сгоревших.
Среди них и твой сыночек Ванечка,
Ой, ой, свекор мой!

После оплакивания пробуют принесённую еду и брагу. Затем, якобы с покойниками вместе заходят обратно в избу, где

выборная хозяйка поминальной трапезы начинает причитывать, обращаясь к покойнику:

Посади-ка, посади-ка, зятек наш,
Самых близких родных под образа
На самый передний край стола.
А остальных сажай вокруг других столов,
Здесь есть старики, старухи,
Малыши несмышленные, ой!
С ними, зятек, будь ты ласковым.
Кушать и пить заставляй их,
Чтобы все были довольными.
Зятек, на день праздничный я приходила,
Блинами меня угощал ты, ой!
Ничего не прятал ты:
Угощал меня кусочком лакомым,
Поил меня водою ключевою, ой!
Не успевала я зайти к вам в избу,
Как ты мне, зять, говаривал:
— Заходи, сноха, гостя милая.
Зятек, учивший уму-разуму,
На путь-дорожку правильную наставлял ты, ой!
Как входила я, ты спрашивал о моем здоровье,
Потом спрашивал, зятек,
Как я живу-поживаю.

По окончании оплакивания начинают вечернюю трапезу. Едят блины, щи, кашу, лапшу, кисель. После вечерней трапезы все люди расходятся по домам. В избе остаётся только семья умершего, певчие и сидящий на почетном месте (заместитель покойника).

На другой день с утра, с 9 часов до 12, изба покойника опять полна людей. С двенадцати часов дня, после поминальной трапезы, все выходят провожать покойника. На почетном месте «сидящие» опять берут чашку с угощениями и кружку браги. Дочь покойника на улице оплакивает отца:

Прощай, папенька, прощай кормилец,
Невидимо теперь ходящий ты.
Ой, папенька!
Невидимо едящий и пьющий ты.
Мы не знаем, приходил ли ты, папенька,
Не знаем, может быть, и нет.
Никто тебя не видел!
Ой, папенька!
Мы не видели тебя, как ты заходил,
Не видели, как ты ушел от нас.
А может, папенька, там нет ничего.
А если есть что, то приходи

К нам по нашему зову.
Ой, папенька!

Все заходят обратно в избу и расходятся по домам. По завершении поминок сидящих на почетном месте наделяют подарками. Женщине дарят кусок полотна, а мужчине — рубаху и полотенце.

Такие же поминки проводят в 20 и 40 дней с момента кончины покойника. Оплакивания каждого покойника различны по своему содержанию. Следует отметить и то, что из года в год старые похоронные и другие обряды вытесняются новыми советскими обрядами.

99. КОВЫЛКИНСКАЯ РАЙОНОНЬ ОД СОМАЯ ВЕЛЕНЬ КАЛМАМАНЬ ОБРЯТТНЕ И ЯВСЕМАТНЕ

Нинге ведьгемонь кизошкада тядя инголе аф колхознай Од Сомайса, Од Толкуса и тя аймаконь лия велетнень эса калмамань обряттне и явсематне мольфтевьст стане, кода и пяк курнардонь пингть. Примеронди можна сявомс, кода калмазь и поминдазь Од Сомая велеса Прошкань Иван атянь. Сон кулось 1930-це кизоня, эста велень церькавьст нинге служась. Сон ульсь эряй-ащи 78 кизоса почётнай велеряй, касфтсь кафта стирьхть, конат эрясть ни мирде мархта омба велеса, и колма цёрат, кафттне ни рьяв мархтот. Семьясь оцюволь цёратнень, рьявнятнень и унокнень мархта и живоль нинге сонцень баба рьявцак.

Коста атясь ушедсь пяк сярядема, тердезень малазонза бабаиц, цёранзон, рьявняязон и кармась тейст советонь максома, кода соньфтемонза эряма, кодама имущества максома цёранзонды снй явомстост, кне цёранзон эзда должен лядомс атянь куду. Меле сембонди мярьгсь:

— Эряда шумбраняста, ладняса, ломатть тядя обжа, лучи помагада. Явомстонт мяляфтость монь валнень.

Атясь лоткась корхтамда, и сонь путозь эзем пряв; куроц исповендазь и пря пезонза путсьт ведь мархта шаваня, бта сонь ваймоц должен сувамс ведь шаваняти.

Коста атясь кулось, сонь баба рьявца кармась явсемонза:

Ох, мирденязе-кельгомязе,
Ох, васянязе-поланязе,
Вай, атянязе — монь пацянязе,
Вай, кодак кулоть тон, атянязе,
Ох, эзгак снидевсь пацянязе.
Ох, васянязе-поланязе,
Мазы карень кодайназе,
Уське карьксонь понайназе,
Ох, аш монь тьяни кельги лездынязе,

Аш монь седи петинязе.
Ох, атянязе-мирденязе,
Кельгома монь поланязе,
Кинди тяфта кадомайть,
Кадомайть тон, надияфтомайть?
Вай, месендян мон, кода тиян?
Вай, цяподьсайне кафта кяднянень,
Пувордасайне кемонь сурнянень.
Ох, атяняй — сединь бассиняй,
Атяняй — мялень петиняй!
Минь марса кувать эряме,
Фкя-фкянди минь лездоме,
Шобдава тон рана стякшнеть,
Илять позда мадонкшнеть,
Сембонди тон помагакшнеть.
Касфтоть колма цёрат алякс,
Максыть кафта стирьхнень рывакс.
Кельгозь ваноть унокнень ланге,
Тевфтемонди тев няфнелеть,
Еньфтемонди ётть максселеть.
Пара валняса, пара мяльняса
Иижихнень тон васьфнелить.
Ох, атяняй-матаняй,
Мезе тиеть, мезе арьсеть?
Вага пуромкшнихть радиятне,
Тяни синь тонь штатядязь,
Тона шинди наряжатядязь,
Од эряфс срхкафтядязь.

Мзярс сашендеть омба велень радиятне-пьяматне, атять штась-наряжась. Обычна шамс-наряжамс панар, понкет и лият прдакшнеть-аноклакшнеть лама кизода инголе, рвяня стирькс пингонь кодаф котфста. Сяли лангань карьхнень и пляназ мушконь карькснень аноклакшнезень сире кульсь сонць инголькиге.

Атятне штама ведти каязь шкай ужеста шаваняста ведть, а штама меле очкста сембе эшеляма ведть пярязь пирьфи чистой вастти, очкть алда шужарьхнень путозь крыша алу, штоба кодамовок вор или колдун афоль сував.

Шамда-карьсемда меле покойникть путозь эзембрав, кядензон крёзкс сотозь сюренияса мяштенц ланге и, мзярда кядензон эзда шаманц каршес путозь штатол мархта шкайнять, эстокиге рвяняниза кафцьке кармасть явсемонза:

Ожу нинге тяни, атяняньке,
Урнянь валняса тонь урятама,
Эсь ризфкяньконь минь астама.
Весть мярьктяма — атяняньке,
Оду мярьктяма — аляняньке,

Кувака веконь эряйняньке,
Лама паронь тииняньке,
Мес тон лангозт шать кулома шамнятнень,
Пильгозт карьсеть сяли лангань кариятнень?
Коза тяфта, атяняньке,
Тон шать-карять, наряжать?
Мяштезт нолдайт, аляняньке,
Парьхцикс ащи сакалянень.
Кафту сейндить, кельгомняньке,
Иляназ мушка шяярнянень.
Ичкоздень велеса эряфсь тяфтама:
Издязь сода, кода сярядеть,
Издязь няе, кода тон кулоть.
Шятыта, сединяньке исяк марязе,
Сяс калдяв онняс шоворькшнеме,
Аньцек ашеськ сода мезенкса.
Вай, кодак кулеськ латта азыхнень —
Прасть, минь кядьстонк кушофне,
Ашеть нилев курга порьксоньке,
Сембе «вай», «вай» ойкстоме.
Цяподеськ кафта кядняньконь,
Пувордаськ эсь кемонь сурняньконь.
Аляняньке-касфтыняньке,
Канды мешень сурняньке,
Жив пингстот тонь, трияняньке,
Пяк ламоль тиф парняце.
Стака тевоньконь тон тиенделить,
Афсатыкснень пшкотькшнелить.
Тяла шиса нурдса ускселемасть,
Кизонь шиса — крандаскаса.
Тяза сашендоме веши мешенякс,
Тушендоме канды мешенякс.
Тевняс-киняс тонафнемась,
Пара ённяс кундафнемась.

Омбоце шиня ушедеть лазксонь тиема и анокласть омбоце «вень ванфтомати». Обычна культь ловажанц кудса кирдьсазь кафта вет и колма шит, штоба кенерель сон простиндаме семьянц и кудонь кирдихнень — кудавать и юрхтавать мархта. Кда лазксне тифт инголи или омбоце шиня, то синь веть удома куду аф сувафтсазь.

Вай, коза аноклать, коза тон туят?
Ох, атяняньке-лопаняньке,
Мазы карень кодайнаньке,
Уське карьксонь понайняньке,
Кулемасте тон, марямасте,
Вайгяльс коре содамасте,
Вай, атяняньке, кельгомняньке,

Цебарь тевняс-ённяс тонафтынай,
Илять поздна тон мадондоть,
Шобдава рана стякшнеть,
Лама тевнят тиенкшнеть,
Лама иднят тон касфтоть,
Тевняс-княс синь пугуть.
Лама унокт ваннекшнеть
Пара ённяс тонафтыть.
Сяс спасиба, атяняньке,
Тондейть цебарь тевонкса,
Пара эряфонь максоманкса.
Вай, коза срхкать-наряжать?
Кода тяфта кадомасть?

Омбоце шиня састь омба велетнень эзда атять стиренза,
овонза и лия раднянза. Куду сувамста синь эсь ярхамбяльсон
пуготь шрать лангс, озондсть и меле сонь стиренза кафцьке
кармасть алянсон явсема:

Алянай — иляназонь палаянай,
Оцю стирякс касфтынай,
Ичкоздень велень семьяс
Рьвакс минь максынай.

Атять путсазь кудонголи. Бабац лиси тоза лазксонь явсема:

Вай, поланай, поланай —
Кувака веконь эряйнай!
Ожу ванца, трияйнай,
Тонь од кудняцень-шиняцень,
Эряма-ашема вечнай вастонацень.
Ох, тесна, тесна тонь кудняце,
Сяда шобда тонь мргаце,
Боком ащезь бокце аф шарфтови,
Озада озамс тон аф озават.
Озамс аяш эземняце,
Эшлямс аяш тонь ведняце.
Ваномс аяш вальмяняце,
Лисемс аяш тонь пирьфкяце.

Вень ётафтомста кивок оцюфнень эзда ащезь уда, лувондсть
псалтырь, корхнеть кулыть тевонзон колга, сонь весть-аф весть
явсезь стиренза, тьяни аф марса, а фкя-фкянь мельге:

Ох, аляняньке-трияняньке,
Эзем ланга таргать
Солдатонь виде ронгоняцень,
Канить кафта сельмонятнень.
Вай, последний венять тьяса

Эзембрияся тон ащат.
Последняй шиняцень ванды
Тон эсь кудса-шиса ётафат.
(Сяда тов корхтавихть ингольдень валхне.)

Колмоце шити мярьгихть калмама ши. Тя шиня рана шоб-
дава кучсть вете сяда таза алят калмонь шувом, родственнай
калма вакс. Калмонь шuvi алятне сявсть мархтост кошьяльса
целай кши, вина, пеедь и ярмакт; 3 или 5 монетат.

Покойникть лемс рамасть шаваня, кружка, куцю. Нятнень
рамсесазь сянкса, штоба «тона шинь эряфса» покойниксь ярх-
цаль-симоль мархтост. Инголи арьсекшнеть, што покойникть
душац кота неделят ащи кудса, содасыне, ниясыне, мезе тиен-
дихть кудса. Покойникть лемс рамаф шаванянь путсазь пря
пезонза, тьянди мярьгихть «вайме кядьге». Шаваняни каесть ям,
кие сувай, ся амолдай куцю ямть эзда и поминандай покой-
никть. Кда кулы аля, то зепозонза пугуть ярмак, бта «тона
шиста» ярмакс эрявксты мезень-мезень рамамс.

Калмоть шувозь калмама шиня сяс, мес шава калмот веть
удома аф кадондыхть, што шава калмоти веть эчихть шяйтат-
тне. Калмолангса инь сиресь шувихнень эзда озондозь кол-
моксть сюконясь, мерась васта и сон жа васенцесь ушедозе
калмоть шувоманц, ёрдась колма каймоланкт, сяльде ушедсть
шувом лядькс ялганзовок. Валхтозь модать васенце слойни,
панжезь кошьяльть, пуготь кшить ся вастти, коса кармай улема
крёзсь; монетать крдамда меле ёрдазь калмоти, корхтамок:

Тейть эряма васта сявоме,
Тя ярмакт ули питнец.

Тя ярмакт макссазь вастонкса, мярьгихть «вастонь идема».
Калмоть шувозь колма аршинонь сереса. Кошьяльть и пеедьть
сязозь куду. Фкя ломанць шувихнень эзда тусь куду азомонза,
што калмось шувовсь, а лядьксне ащезь калма лангса. Шувф
калмоть ломаньфтома аф кадондсазь. Синь учсазь, мзярда пу-
ромихть ломаттне калмама. Калмама шиня сембе калмама
моли аватне, бабатне туйхть мархтост шаваняся ярхамбяльхть
покойникть поминандамс.

Калмама шиня шобдава кудонгольде сувафтозь куду лазкс-
нень, потмозост почердасть низетькст и тьялме лопат, путсть
тоду, конань потмоц мараф коське тишеса, и нолдасть ладан
качам, штоба панемс шяйтаттнень. Сяльде сязозь кулыть и пу-
тозь эсь лазксонзонды. Эзембрийть, коза путфоль кулысь, валозь
кулуса, штоба ся вастть эса афоль уле сяда лама покойник.
Шрать алу ащасть келувонь тараткат, сяда меле синь ёрдазь
ульцяв. Ся пиингть стиренза, рьянянза ушедсть марса явсема
и кажняйсь эсь валсонза, кона ювади «алянай-трияйнай», кона
«атяняй-кудазорняй», а сонь бабац ювадсь «вай, васянай-по-
ланай». Лядькс валхне питай фкя лапот:

Ох, коза срхкать, коза аноклать,
Коза кадсак лямбе кудняцень,
Коза кадсак кельгома семьяцень?
Вай, тяни тонь остатка шиняце,
Курок кудстот лихттыдязь,
Ульцява прважатыдязь,
Ой, тонь модати сувафттыдязь.
Вай, эста тоста тон аф няезне няеват,
Аф кулезне тон кулеват,
Костонга аф муват-сават,
Мархтон тон аф корхтават.

Почтеннай Иван атянь кандозь сявозь мянь калма ланге лафтубрясост. Кудста ульцяв лисемста лоткасть ортатнень инголи, н сонь стиренза ушедеть тага марса явсема:

Вай, аляний, аляний,
Кулемасте-марямасте,
Вайгяльс коре содамасте.
Ванк последний раз
Эсь юрхтоняцень-паршиняцень.
Тяни срхкать тон, аляний,
Родной ульцять кувалмос,
Ётат последний ётаманяцень
Вековечнай вастоиязт.
Тоста меки ёфси аф сават,
Козонга аф лисеват,
Аф няезне няеват,
Аф кулезне кулеват.
Ох, алянызе-кельгомнязе,
Ков тон тяфта, аляний,
Апак учсек щать-карять,
Ков тон тяфта, кельгомняй,
Праздник шамса наряжать?
Мазы (вечнай) карнят тонь пильгсот,
Мазы (вечнай) щамнят тонь лангсот.
Ков шта тяфта тон срхкать?
Ков тон миньге тердемасть,
Апак учсек ризнафтомась?
Ох, алянызе-тряйнызе,
Мазы карень кодайнызе,
Шувая карьксонь понайнызе,
Пильге мерань содайнызе!
Вай, тон вечнай куднязт ни сувать.
Сон хоть одня, но пяк теснаня,
Сей-тов аф шарфневат.
Сон хоть вечнай, но пяк шобдана,
Сей-тов ваномс сонь аш вальманза,
Сувамс-лисемс аш кенкшенза.

Мзярда ортатнень ингольде тусть ульцява, явсесть:

Вай, аляний (полянй) вов туят ни,
Ефси меки аф мрдат ни.
Кали аф ужяль тондейть
Горенцякс мазы кудняце,
Кали аф ужяль атянь-бабань
Шачем-касом юрхтоняце?
Тон мекольцеда тяфта ётат ни
Родной велень ульцяват,
Вай, аф эсь пильге лангса тон ётат.
Аф эсь мяльсот тон молят.
Родной атят тонь канттыдязь,
Калма лангу пачфттыдязь.
Равжа модас каяттыдязь,
Ох, тоста меки аф туват,
Тоста куду аф сават.
Няезьге аф няеват,
Кулезьге аф кулеват.

Калма лангса лазкснень нолдамда инголе урьфса аделазь явсематнень. Кие юваткшнесь «ой, патянызе», кие — «ой, щенязе».

Стиренза юваткшнесь и явсесть:

Ох, ох, алянызе,
Ох, касфтынызе-тряйнызе!
Кали тяни минь яфтама,
Кали тяфта минь кадсамась?
Ох, кода эздот явома,
Ох, кода мархтот пращамась?
Ох, кода тейнек эряма?
Вай, кона киге тейнек сави тумс,
Кодама янга тейнек явома?
Ох, месендема, кода тиема?
Фкя кинясь туй вели ошо паксява,
Омбоце кинясь вяти ошо вири,
А колмоценясь туй равжа вели,
Коса эрямс вечна шобда,
Коса ёфси шись аф эрси (няфни).
Тоса аш качады труба шобдава,
Тоса аш толнят пицань пидемс,
Тоса ни вечна сави тейть эрямс.
Вай, миньге тоза, аляний,
Мельгат курок мольхтыама.

Калмамда меле калма лангета сембе састь куду покойникть колмоце шинь поминканц тиема. Сяда меле поминдазь сонь 9, 20 и 40-це шистонза.

99. ПОХОРОННЫЕ ОБРЯДЫ И ПРИЧЕТЫ СЕЛА НОВАЯ САМАЕВКА КОВЫЛКИНСКОГО РАЙОНА

Еще лет пятьдесят тому назад, до начала коллективизации в селениях Ковылкинского района — Новой Самаевке, Новой Толковке, Мамолаеве и других — похоронные обряды и причеты проводились так же, как и в глубокую старину, почти без всяких изменений. Для конкретного примера можно взять ритуал обрядов и причетов на похоронах и поминовениях 78-летнего старика Ивана Прокопьевича Сезина, богатого хозяина большой семьи села Новая Самаевка в 1930 году, когда многие церкви в деревнях продолжали еще работать.

Старик болел сравнительно долго и перед смертью позвал к себе свою старуху, сыновей, снох, внуков и стал им советовать, как они должны жить без него, какую долю имущества должен получить каждый сын при дележе наследства. Он говорил: «Не обижайте людей, лучше помогайте всем. При дележе вспомните мои заветы». Старик перестал говорить, и его положили в передний угол, скоро его исповедовали и около головы поставили чашку с водой, т. к. душа будто бы после смерти временно должна находиться в этой воде.

Когда старик скончался, его супруга стала причитывать:

Ох, муженек мой любимый,
Ох, суженый-нареченный ты мой,
Ой, старичок мой, ты моё крылышко,
Ой, как ты умер, старичок мой,
Тут же сломалось мое крылышко.
Ой, суженый-нареченный ты мой,
Тонкие оборы выющий ты мой,
Ох, нет теперь у меня любящего помощника,
Нет теперь у меня близкого собеседника.
Ох, муженек мой, любимый мой,
На кого ты так оставил меня,
Кому ты поручил меня.
Ой, что мне делать, как мне быть,
Ой, всплеснула я своими обеими ладонями,
Заломила я свои пальцы.
Муженек мой милый,
Вместе мы хорошо жили,
Друг другу мы во всем помогали,
Утром ты рано вставал,
Вечером поздно ложился,
Всем ты всегда помогал.
Вырастил троих сыновей,
Выдал замуж своих дочерей,
Любовно нянчил малышей,
Учил их уму-разуму,
Учил их, как надо трудиться.

Хорошими словами, от души
Встречал ты, угощал своих гостей.
Ох, старичок мой, милый,
Что ты затеял, что наделал?
Вот уже собираются родные,
Теперь они омоют,
На тот свет нарядят,
На вечную жизнь проведят.

Пока собирались из других селений родные и близкие, старика умыли и нарядили. Обычно надевали рубашки и портки, подготовленные заранее из тех холстин, которые сотканы женой еще в первые годы замужества. Лапти из лыка ольхи и онучи из льняной кудели готовил сам покойный в молодости. Воду из корыта вместе с водой из чашки под иконами вылили во дворе на чистое место, а солому из-под корыта положили под крышей над воротами и калиткой, чтобы никакой вор или колдун не смогли зайти.

После омовения и обряжения покойника положили в передний угол на лавку, руки скрестили на груди и перед лицом поставили маленькую иконку. Снохи покойного тут же стали причитывать:

Вот и теперь, свекор,
Словами снох тебя оплакиваем,
Свое горе тебе мы выражаем.
Сперва мы скажем — дед ты наш,
Сперва мы скажем — отец ты наш,
Много лет ты прожил,
Много добра ты нажил.
Вот ты оделся на тот свет,
Ноги обул ты в ольховые лапти.
Куда ты так, дед наш,
Оделся-обулся, нарядился?
На грудь опустил, отец наш,
Шелковистую свою бороду.
Причесал на две стороны, ты любимый наш,
Словно льняную кудель, свои волосы.
Ой, куда ты спешешь, куда уходишь?
Ох, дедушка, белая головушка,
Красивые лапти плетуший ты,
Тонкие оборы выющий ты,
Услышь ты нас, послушай.
По голосу нас узнай,
Ой, дедушка ты любимый наш,
Хорошим ты был наставником,
Вечером поздно ты ложился,
Утром рано ты вставал,
Многое делать успевал,

Всех уму-разуму ты научил.
Спасибо тебе, дедушка,
За хорошие твои дела,
За то, что хорошо мы живем,
Ой, куда ты нарядился,
Как же так ты расстанешься с нами.

На второй день приехали из других сел обе дочери покойного, зятя и другие родственники. При входе в избу они перекрестились и положили свои приносы на стол. Дочери стали оплакивать отца:

Ой, папенька — кормилец ты наш,
Большими ты вырастил нас,
В семье далеких селений
Ты замуж отдал нас.
Вдалеке от тебя мы жили,
Мы не знали, как ты болел,
Мы не видели, как ты умер.
Вчера мы сердцем почуяли,
Плохой сон нам приснился,
Только не знали, что случилось.
Ой, как услышали мы, папенька,
Тяжелую весть о твоей смерти —
Упали из рук наши ложечки,
Не смогли мы проглотить и глоток,
Все «вай», «вай», ойкали.
Всплеснули своими обеими ладонями,
Скрутили все свои десять пальцев.
Папенька наш, ты нас вырастил,
Ты нас кормил-поил,
Много добра ты сделал нам,
Тяжелые дела нам ты облегчал,
Недостатки наши пополнял;
Зимой ты нас возил на салазках,
Летом ты нас возил на тележках.
Сюда приходили мы ищущими пчелами,
Уходили несущими пчелами.
Добрые дела ты поручал нам,
Уму-разуму обучал ты нас.

С вечера второго дня — оберегание второй ночи покойника (омбоце вень ванфтома). Обычно тело покойника должно находиться дома две ночи и три дня, чтобы он успел проститься со своим семейством и божествами-покровителями дома (кудавой) и двора (юрхтавой). Если гроб сделан заранее или на другой день после смерти, то его наполняют стружками и ставят на ночь в сенях, так как гробы пустыми не держат. Поскольку гроб покойного Прошина Ивана был сделан им самим заранее,

то его на второй день сняли с чердака и поставили до следующего дня в сени. Супруга покойного вышла в сени причитывать перед гробом:

Ой, муженек, муженек мой,
Долгую жизнь ты прожил!
Подожди, посмотрю, кормилец мой,
Твой новый домик самодельный,
Твое место для житья-бытья.
Ой, темно вечно жить в нем.
Ой, темно вечно жить в нем.
Бочком лежать — не повернешься,
Сиднем сидеть — негде сесть,
Умыться — нет водички,
Смотреть — нет окошечка,
Выйти — нет тебе дверюшки,
Ходить — нет тебе дворушки.

Ночью никто из взрослых не спал: читали псалтырь, вспоминали про хорошие дела покойника, а дочери иногда поодиночке тихо причитывали:

Ох, папенька, кормилец наш,
Вдоль скамейки лежит
Твой солдатский стройный стан,
Закрыты твои оба глаза.
Ой, последнюю ночь ты здесь
На скамейке лежишь.
Последний день завтра
В своем доме ты побудешь...
(Далее повторяются прежние слова)

Покойнику (обычно на третий день) покупают кружку, чашку и ложку, чтобы пользоваться ими на том свете. В чашку кладут кашу, и кто входит, тот берет ложечкой кашу, поминает покойника.

Третий день является днем похорон. В этот день рано утром послали пять мужиков на кладбище рыть могилу около своих покойных родственников. Перед уходом они взяли в кошель хлеба, вина, нож и 4—5 монет.

Могилу роют на третий день потому, что иначе ночью в пустую могилу будто бы собираются черти. После удаления первого слоя земли старший из могильщиков открыл кошель, положил хлеб на то место, где должен стоять памятный крест, могильщики поскребли монеты и бросили их в землю, говоря:

Тебе место для житья взяли,
Монеты эти пусть платой будут.

Когда кончили рытье могилы, выпили вино, а кошель с хлебом старший взял с собой домой и сообщил, что могила готова. Остальные четверо остались на кладбище ждать покойника, так как вырытую могилу без людей не оставляют.

Утром в день похорон из сеней занесли гроб, окружили ладаном и положили в гроб покойника. В это время дочери и другие родственницы покойника стали все во весь голос причитывать, каждая начинала своими особыми словами-обращениями, а продолжения причитаний почти у всех были одинаковые:

Ох, куда ты тронулся с места, куда ты уходишь,
На кого ты оставляешь свой теплый дом,
Как ты оставляешь свою любимую семью?
Ой, сегодня ты последний день дома,
Скоро из своего дома тебя вынесут,
Вдоль по улице тебя понесут,
Ох, тебя сырой земле предадут.
Ой, там тебя нам не увидеть,
И слухом тебя не услышать.
Нигде тебя больше не найти,
Нигде тебя больше не встретить.

Гроб с телом почитаемого деда Ивана вынесли из дома, процессия сперва остановилась на улице перед воротами двора. Гроб с телом поставили на скамью, и дочери у гроба стали опять оплакивать отца:

Ой, папенька, папенька,
Услышьте, нас послушайте.
По голосу нас узнайте.
Посмотрите в последний раз
На свой двор, свое имущество.
Последний раз теперь, папенька,
Пойдешь ты по родной (своей) улице,
На свое вековечное место.
С этого места больше не придешь,
Никуда не выйдешь,
Там тебя видом не увидеть,
И слухом не услышать.
Ох, папенька, любимый мой,
Куда так празднично нарядился:
Красивые (вечные) лапти на ногах,
Красивая (вечная) рубашка на тебе.
Куда же ты так себя готовил,
Куда же и нас ты пригласил?
Нежданно всех нас опечалил.
Ох, папенька, кормилец мой,
Красивые лапти ты плел,

Тонкие оборы ты вил,
Размер ног ты у всех знал!
Ой, ты вошел в свой вечный домик.
Он хоть новенький, но очень тесный,
В нем нельзя туда-сюда повернуться;
Он хоть вечный, но очень темный,
В нем нет окошечек — выглянуть,
Выйти — нет совсем дверей.

Когда от ворот пошли по улице, продолжали причитывать;

Ой, папенька (муженек или брат), вот уходишь,
Обратно совсем ты не придешь.
Неужели не жалко тебе дедовский
Красивый (горничный) родной дом,
Неужели не жалко
Родной свой двор.
Ты последний раз так идёшь
По улице родного села,
Ой, не на своих ногах ты идешь,
Не по своей воле идешь
Родные мужчины тебя несут,
На кладбище тебя принесут,
Чёрной (сырой) земле тебя предадут.
Ох, оттуда обратно не уйдешь,
Оттуда домой не придешь,
Тебя там видом не увидеть,
И слухом не услышать.

На кладбище перед спуском гроба в могилу все стали прощаться с покойником и плакальщицы закончили свои причеты, причем каждый называл покойника в зависимости от родственных связей, а остальные слова в причитаниях в основном были одинаковыми, например, дочь причитала:

Ох, папенька, папенька,
Ох, родимый мой, кормилец мой!
Неужели теперь мы расстанемся?
Неужели так ты нас оставляешь?
Ох, как нам расстаться с тобой,
Ох, как нам проститься?
Ох, как нам теперь жить?
Ой, по какой дороге нам теперь идти,
На какой тропинке нам расстаться?
Ох, что нам делать, как нам быть?
Одна дорожка идет в село светлое,
Другая идёт в большой лес,
А третья идёт в чёрное село,
Где живут в темноте,
Где солнце совсем не показывается.

Там нет дымящих утром труб,
Там уж тебе вечно жить.
Ой, и мы туда, папенька,
За тобой скоро пойдем.

После похорон на кладбище помянули родственников и пришли все в дом покойника продолжать поминки. Затем поминали покойника в 9-й, 20-й, 40-й день после смерти.

МУЗЫКАЛЬНО-СТИЛЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ МОКША-МОРДОВСКИХ ПОХОРОННЫХ ПЛАЧЕЙ

Плачи — один из древнейших жанров традиционного мордовского фольклора, сохранивший свою активную творческую жизнь и в современном музыкальном быту. В настоящее время в мокшанских и эрзянских селах плачи бытуют в двух жанровых и музыкально-стилевых разновидностях:

1. Плачи об умершем (погребальные и поминальные).
2. Свадебные плачи.¹

(В прошлом еще бытовали рекрутские плачи).

Все эти жанровые разновидности мордовских плачей исполняются только женщинами — чаще всего родственницами оплакиваемых, реже — приглашаемыми вопленицами.

Погребальные и поминальные плачи об умерших отличаются друг от друга только по содержанию поэтических текстов и по манере их интонирования. По своему мелодическому, ритмическому и ладовому строю они идентичны.

Погребальные плачи строго приурочены к определенным моментам традиционного похоронного обряда. Оплакивать умершего начинают сразу после его кончины. За этим первым плачем следует определенный цикл плачей: при обмывании покойника, укладывании его тела в гроб, прощании с ним в доме, при выносе тела, проходах незакрытого гроба с телом покойника на кладбище, при последнем прощании с покойником, предшествующем заколачиванию гроба, и при опускании гроба в могилу.

Погребальный обряд в прошлом завершался пением ритуальных благопожеланий, которые исполнялись во время возвращения с кладбища всеми провожавшими покойника.

Те же самые благопожелания обильного урожая, приплода скота, благополучия в семье, здоровья людей пелись перед началом ритуальных ночных праздников рождественского дома («роштувань куд»), на свадьбах и новосельях.

Поэтические тексты мокшанских и эрзянских погребальных плачей, представленные в публикациях в значительно большем числе образцов, чем их напевы, изучены довольно односторонне: только со стороны их содержания и некоторых особенностей поэтики. Традиционная строфовая и поэтическая форма и особенности их стихового строя до сих пор не привлекли к себе внимания исследователей главным образом потому, что изучение строфовой и стиховой формы поющего стиха возможно только при анализе его во взаимосвязи со строфовой мелодической и ритмической формой плачевых напевов. Но напевы мокшанских и эрзянских плачей, представленные в публикациях в единичных образцах², рассматривались до сих пор музыковедами в полном отрыве от их поэтических текстов, тогда как филологи занимались одними лишь текстами. Более того,

музыковеды ограничивались, в сущности, лишь фиксацией напевов плачей на магнитофонную ленту и частичным их нотированием. Порой они публиковали нотации звукозаписей, произведенных не одновременно с записью их поэтических текстов, представленных в том же самом издании.³

Настоящая работа является поэтому первым опытом анализа форм взаимосвязи традиционного поэтического и музыкального строя напевов и поэтических текстов мокшанских погребальных плачей.

...

Поэтические тексты мокшанских плачей имеют **строфовую форму тирадного вида**, сходную с аналогичной тирадной строфовой формой карельских плачей. Каждая тирада поэтического текста мокшанских причитаний состоит из переменного числа стихов (от двух до четырех и более), а каждый стих тирады — из переменного числа слогов (оно колеблется от шести до четырнадцати, а порой и более при среднем числе — восемь слогов в стихе).

Формообразующее значение в строфовом поэтическом строе мокша-мордовских плачей так же, как и в стихе карельских плачей, имеет аллитерация, но не начальная и внутренняя (как в карельских плачах), а внутренняя и конечная.

Стих мокша-мордовских плачей представляет собой либо обращение к умершему (открывающее тираду и иногда повторяющееся внутри неё), в котором отсутствует глагол, либо законченную мысль, содержащую глагол. При увеличении числа слогов свыше семи и восьми стих мокша-мордовских плачей обычно расчленен на два полустиха, каждый из которых заканчивается аллитерацией. Внутри тирады конечная аллитерация стихов относится либо ко всем стихам, либо к большей их части (тип парадигмической аллитерации). Иногда одна аллитерация повторяется внутри тирады во всех стихах, за исключением начального стиха-обращения, а вторая аллитерация — в начальном стихе каждой тирады (см. нотн. прим. на стр. 320).

Формообразующее значение в стихе мокша-мордовских плачей имеет также стиховое ударение, падающее чаще всего на **третий** (реже **четвертый** или **пятый**) от конца слог стиха. Отдельные двуступища тирады нередко взаимосвязаны поэтическими параллелизмами, например, в обращении к умершей матери:

... Оцю горянь кандынязе,
Ой, лама нужань няинязе...
(... Большое горе несущая,
Ой, много нужды испытывавшая...)

1. Ай, (нь) ай, САЗОРНЯЙ |

2. Ой, СТИР-НЯ-ЗЕ, МА - ЗЫ ВАЙ-МО-ЗЕ !

3. МА - ЗЫ СА - ЗОР - НЯ - ЗЕ,

4. О - ЦЮ БО - ЛЕЗ - НЯМЬ' КАН - ДЫ - НЯ - ЗЕ,

5. О - ЦЮ ТОМ - СА ПА - ЛЫ - НЯ - ЗЕ !

1. ПА - РА - ЯМ - НЯЙ СА - ЗОР - НЯЙ

2. Ку - рок Э - РЯФ - КЯМЬ КА - ДЫ - НЯ - ЗЕ

или:

... Акша дофноязе,
 Тюжа вайнязе...
 (... Белое молочко мое,
 Желтое маслице мое...)

Иногда вариационный параллелизм объединяет не два стиха, а цепочку из нескольких стихов, например, в обращении к умершему отцу:

... Алянйяй, алянязе,
 Алянйяй-трайнязе,
 Алянязе — равжа моданязе,
 Алянязе — мода алга якайнязе,
 Алянязе — сембе горянь няйнязе...

(...Отец мой, батюшка мой,
 Отец мой, кормилец мой,
 Батюшка мой — черная земляца моя,
 Батюшка мой — под землей ходящий,
 Батюшка мой — все страдания мои испытывавший...)

Внутри тирады каждому песенному стиху соответствует завершаемый каденционной формулой музыкально-ритмический период.

Напевы мокша-мордовских плачей имеют два сходных между собой и различающихся лишь в деталях музыкально-стилевых вида: строго речитационный и речитационно-песенный.

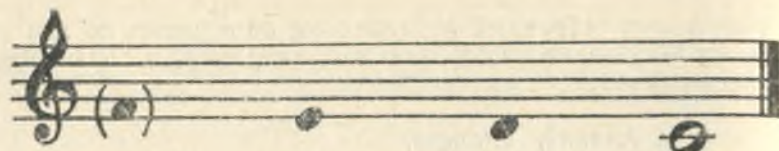
В напевах плачей строго речитационного стиля музыкально-ритмический период состоит из переменного числа равных кратких музыкальных времен (иногда триоллизованных), чередуемых с долгими музыкальными временами. В каденции каждый музыкально-ритмический период завершается всегда одним главным опорным звуком, чаще всего общим для всех музыкально-ритмических периодов.

Напевы строго речитационного стиля имеют два традиционных вида ладового строя: из трех звуков в амбитусе большой терции и из четырех звуков ангеми-tonного ряда в амбитусе квинты.

Большетерцовый лад из трех звуков, образующих две большие секунды с главным завершающим опорным звуком на первой ступени, наиболее типичен для напевов строго речитационного стиля:

К трем основным звукам этого лада иногда (в очень редких случаях) добавляется эпизодически возникающая малая секунда сверху:

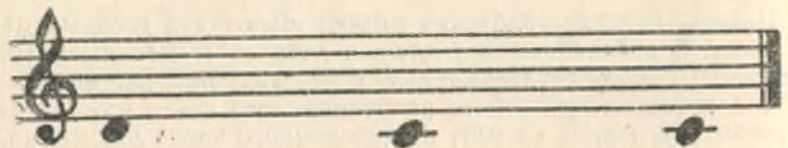

Для напевов такого большетерцового лада типичны три вида мелодических формул каденций:

а) трехкратное повторение главного опорного звука.

б) нисходящее движение второй ступени (среднего звука лада) к двукратно повторяемому опорному звуку,

в) поступенное нисходящее движение от третьей ступени (верхнего звука лада) через вторую ступень к главному опорному звуку.

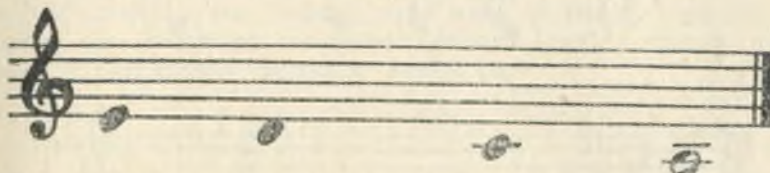
Начальным звуком музыкально-ритмических периодов напевов плачей строго речитационного стиля в амбигусе большой терции является чаще всего третья и реже первая ступени (главный опорный звук). В первом случае напев начинается с нисходящего мелодического оборота (третья, вторая, первая ступени), во втором — с восходящего (первая, вторая, третья ступени). Эти два вида начальных мелодических оборотов иногда чередуются не только внутри одного музыкально-ритмического периода, но и в зачинах внутри тирады.

Напевы из четырех звуков ангемитонного ряда в амбигусе квинты из малой терции и двух больших секунд, наиболее типичные для плачей речитационно-песенного мелодического стиля, в плачах строго речитационного стиля встречаются значи-

тельно реже. Главный опорный звук, завершающий такие напевы, иногда сохраняется на том же месте, как и в большетерцовых ладах:

а иногда перемещается на нижний звук квинты:

Оба эти вида квинтового лада порой чередуются при повторах напева внутри одной тирады.

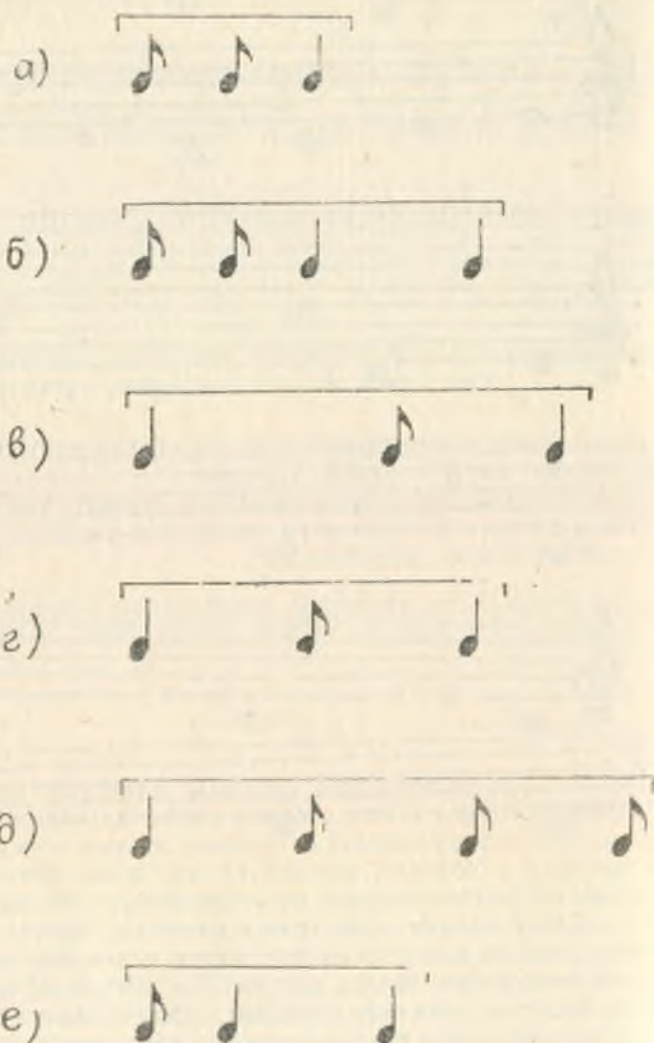
Для напевов квинтового амбигуса второго вида с главным опорным звуком у квинтового основания типичен только один вид мелодической каденции:

Музыкально-ритмические периоды плачевых напевов речитационно-песенного стиля состоят также из переменного числа равных кратких музыкальных времен, но они чередуются в таких напевах с долгими музыкальными временами в формах, сходных с традиционными соотношениями долгих и кратких музыкальных времен в песенных напевах. Заметнее всего это сходство обнаруживается в каденциях плачевых напевов речитационно-песенного стиля, для которых формула из трех равных кратких музыкальных времен, общая для каденций напевов строго речитационного стиля, не типична, а типичны либо шестивременная формула из трех долгих музыкальных времен:

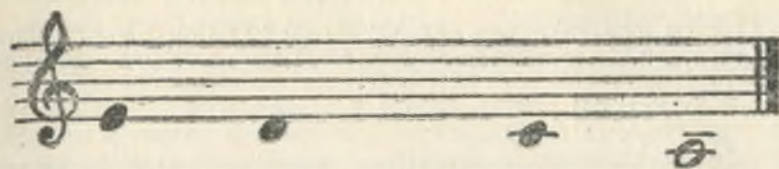
либо четырех-, пяти-, шестивременные формулы соотношений долгих и кратких музыкальных времен в следующих шести разновидностях:

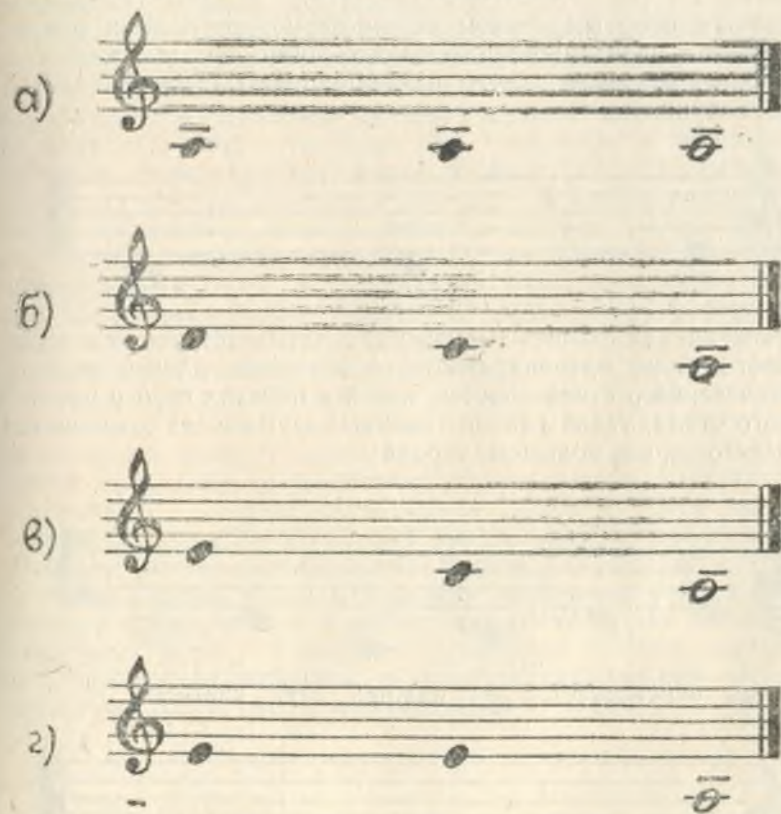
Мелодические формулы каденций музыкально-ритмических периодов плачевых напевов речитационно-песенного стиля также значительно более разнообразны, чем каденционные мелодические формулы плачевых напевов строго речитационного стиля. Все виды этих каденций повторяются и в каденциях напевов речитационно-песенного стиля, но к ним добавляются и

другие, родственные мелодическим формулам песенных напевов приуроченных и неприуроченных песен.

В плачевых напевах речитационно-песенного стиля из четырех звуков ангемитонного ряда, замкнутых в амбитусе квинты, завершаемых главным опорным звуком у нижнего края квинты,

к вышеперечисленным каденциям (строго речитационного стиля) добавляются еще четыре вида мелодических каденций, типичных для **основного** — среднего голоса (*cantus firmus*) песенного стиля трехголосной хоровой полифонии.

В напевах того же речитационно-песенного стиля из трех звуков большетерцового лада, завершаемых главным опорным звуком у **нижнего края терции**,

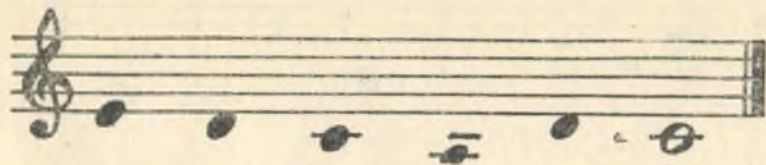
добавляется мелодическая каденция только одного вида, типичная для нижнего голоса многоголосных песен полифонического стиля:

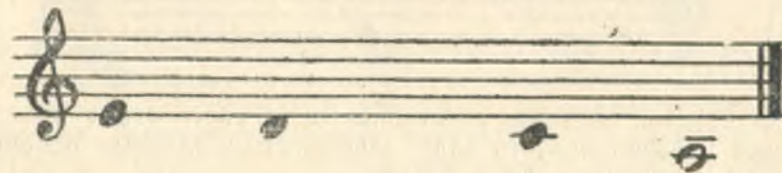
Главным опорным звуком большетерцового лада в плачевых напевах речитационно-песенного стиля так же, как и в аналогичных напевах строго речитационного стиля, является нижний звук:

а в напевах квинтового амбитуса из четырехступенного ангемитонного ряда, преобладающих в мелодике плачей речитационно-песенного стиля, так же, как и в напевах строго речитационного стиля, такой главный опорный звук иногда сохраняется у нижнего края большой терции:

а иногда перемещается на нижний звук квинты:

Такого рода перемещения нередко чередуются внутри одной тирады.

Музыкально-стилевые особенности жанра мокша-мордовских похоронных плачей, отличающие их от всех других традиционных вокальных жанров, не ограничиваются их строфовой мелодической формой, ладовым и ритмическим строем, традиционными мелодическими зачинами и каденциями. Неповторимой отличительной особенностью их музыкального стиля является интонирование плачевых напевов в каждый традиционный момент похоронного обряда в **особой гамме тембровых и динамических оттенков и в особых регистрах** (то высоком, то среднем, то низком). Причем и тембровые, и динамические оттенки интонирования напева, и регистр, в котором он звучит в каждый момент обряда, имеют традиционное семантическое значение.

Музыкальная драматургия цикла плачей, чередующихся в похоронном обряде, определяется прежде всего контрастными сменами различных динамических, тембро-оттеночных и высотно-регистровых форм интонирования. Именно по этому признаку и оценивается мастерство вопленицы. Наиболее искусные из них интонируют плачевые напевы в каждый момент похоронного обряда в соответствующих ему тембровых и динамических оттенках и высотно-регистровых формах. Так, в первый момент осознания смерти вопленица голосит в высоком регистре наиболее напряженно, как бы стремясь вернуть своего ближнего. Не случайно в народе в некоторых селах бассейна реки Мокша интонирование плача в этот момент называется «крик о смерти». Последующий плач вопленицы или близкой родственницы умершего, зачастую представляющий собой рассказ о смерти, исполняется в низком регистре приглушенным мягким, грудным и сочным тембром. В наиболее драматические моменты обряда (положение во гроб, прощание с телом, вынос тела из дома, опускание в могилу) напев плача поется снова в высоком регистре предельно напряженным звуком иногда уже не одной вопленицей, а всей женской родней умершего. Хотя весь цикл интонируется на один типовой напев, манера исполнения, его тембр и регистр накладывают индивидуальный отпечаток на звучание напева. Каждая искусная вопленица, строго придерживаясь приуроченных к определенным моментам обряда традиционных форм интонирования плачевых напевов, определенных высотно-регистровых и тембро-динамических оттенков, варьирует их в своей индивидуальной манере.

♩ ≈ 156

1. А - ва - ний, а - ва - ний.

2. Ак - ша лоф - цо ний, тю - жа вай - ний,

3. А - ва - ний, ки пря - ня - са у - чи - ний,

4. Пя - ле ки - няс пр(а) - ва - жай - ний.

1. А - ва - ний, тан - цти сус - ком - ний, се - динь пе - ти - ний,

2. А - ва - ний, а - ва - ний, лям - бе кяд - ний,

ля - пе те - ла - ний!

1. И, а - ва - жий, а - ва - чий, меш а - ва - ний,

2. Э, вейх - кса ме - сец - кат, а - ва - ний,

пе - ко - ня - сот кан - не - майть.

♩ ≈ 146

1 Э, ОЖ-КА НЕ-ЖЕ-ДЯН,

МЯРЬ-ГАН, МАРЬ-КА-НЯСЬ-КЕ МА-ЛА-НЯС[А],

2 Э, МАРЬ-КА-НЯСЬ КОР-ХТА-СА ВАСЬ-КАНЬ КЯД-НЯ-ЗЕ.

1 Э, АК-ША КЕ-ЛУ, ВАРЬ-ГЕ

АК-ША КЕ-ЛУ РОН-ГО-НЯ-ЗЕ,

2 Э, АКШ(А)КА-ЛА-ЦЯ, МЯРЬ-ГАН, ША-МА-НЯ-ЗЕ,

3 У-ЗОР ПА-ЦЯ Т(Ь)-РВА-НЯ-ЗЕ.

♩ = 78

1 ОИ, ТЯ-ДЯ-КАЙ, МА-ТУШ-КАЙ,

2 ОИ, ТЯ-ДЯ-НЯ-ЗЕ-ПАР-НОЙ ЛОФ-ЦО-НЯ-ЗЕ, ОИ,

3 ПАР-НОЙ ВАЙ-НЯ-ЗЕ.

1. Э, ТЯ-ДЯ-НЯ-ЗЕ, О-ЧИ-ЖИ-ЕНЬ МА-ЗЫ

АЛ-НЯ-ЗЕ.

2 ОИ, ТЯ-ДЯ-НЧИ. СЕД(И)ВАС-СТОНЫ КЕЛ-ГО-МА

ВАЛ-НЯ-ЗЕ.

1. ОИ, ТЯ ДЯ-НЯ-ЗЕ, КО-ДА-МА ЦЕ-БЕРЬ-СТА

МОНЬ У-ЖЯ-ДУ МАТЬ

$\text{♩} \approx 112$

I

1. Ой, ду-ган-ня[зе], мярь-и-ган, зо-лот-кя-зе,

2. Ко-дам[а] це-бярь у-леть, здо-ро-вай, у-леть?

II

1. Кос-та ю-масть-а-расть,

2. Мярь-ган, ду-ган-няй, зо-лот-кянь ба-яр-няй?

III

1. Ка-ти вяр-де шкай-ста, ка-ти а-лу-
да мас-тор-ста,

2. Ка-ти, ду-ган-няй,[няй] зо-лот-кяй,
це-бярь (тя) ло-мань-ца.

$\text{♩} \approx 150$

I

1. Ой, ож-ка пфш-кя-дян ва-ся-няз-ти-по-ла-няз-ти;

2. Ва-ся-ня-зе-по-ла-ня-зе,

3. Э-ря-фхонь ко-лай-ня-зе, уи!

II

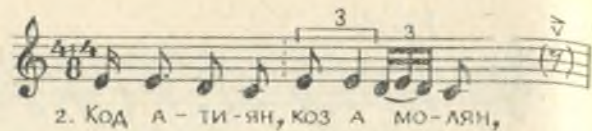
1. Ой, ко-за ка-до-майть, кин-ди на-ди-яр-то-майть?

2. Ой, ка-до-майть, ша-ва кудс и ша-ва юрхтс(и).

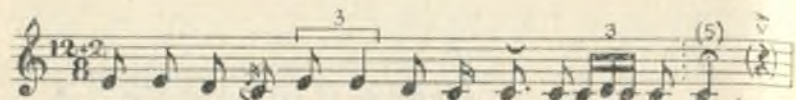
III

1. Ой, тя-ни мон ша-ва куд-са ме-сен-дян?

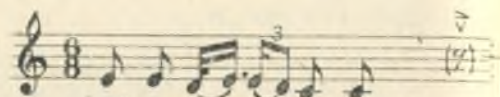
III

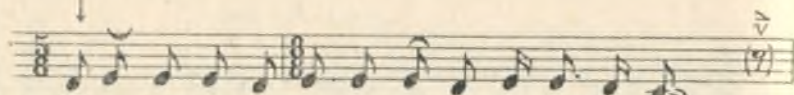
2. КОД А - ТИ - ЯН, КОЗ А МО - ЛЯН,

3. Ой, ва - ся - ний - по - ла - ний тон, ой, п(е)ш - кя - дял, уи!

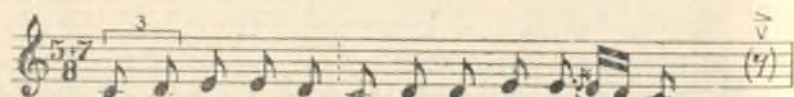

1. Ой, кин - ди ка - до - майть --

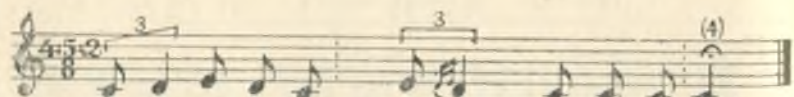

Ид - ня нень марх - та. 2. Карт[а] ид - ня - не - це - ра - ня - не -

IV

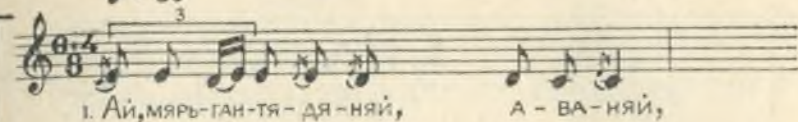

3. Фкя - нясь кядь - ня - сон, ом - бо - цесь ню - рям - ня - сон;

4. По - тяс аф по - тйй пи - же кур - го - няц, ой!

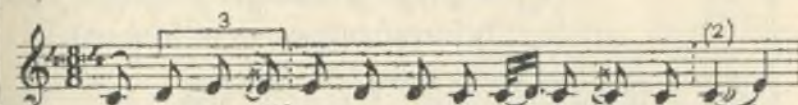
♩ ≈ 88

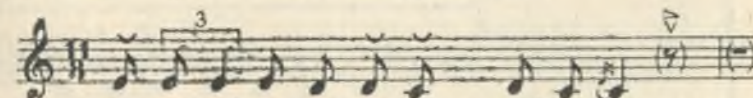
1. Ай, мярь - ган - тя - дя - ний, А - ва - ний,

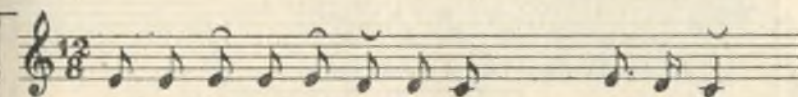
2. Э, тя - дя - ня зе, мярь - ган, А - ва - ня - зе,

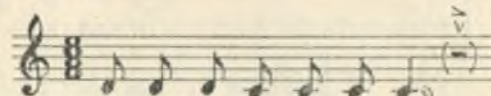
3. Эй, тя - дя - ня [зе], мярь - ган, ак - ша лоч - цо - ня - зе, уи!

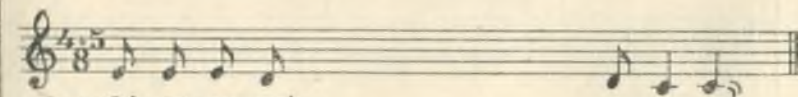
1. Тя - дя - ний, мярь - ган, тю - жя вай - ня - зе

1. Вай, тя - дя - ний, мярь - ган, кин - ди ка - до - майть,

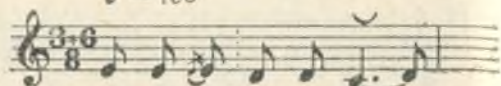

2. Кин - ди на - ди - яф - то - майть,

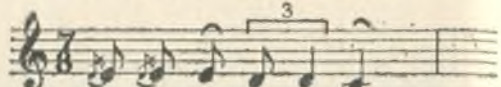

3. Ой, тя - дя - ний, А - ва ний

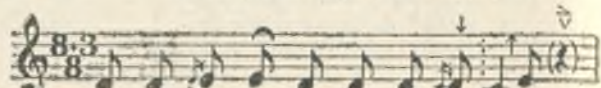
♩ ≈ 160

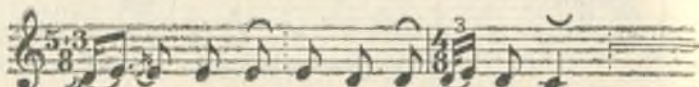
1. Тя-дя-няй, а-ва-няй,

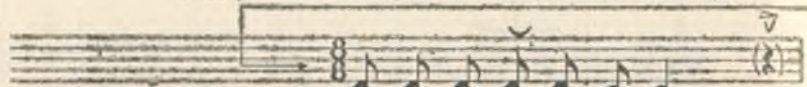
2. Тя-дя-няй, ма-туш-кай,

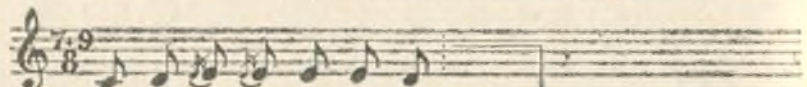
3. Бе-лай свет-кя-ти хол-дай-няй, у!

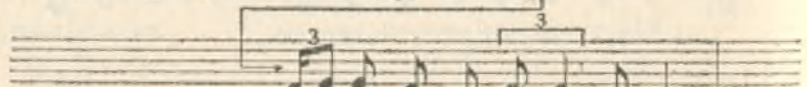
1. Ой, тя-дя-няй, а-ва-няй, 2. Ка-до-майть,

Ка-до-майть, ой, тон ид-някс;

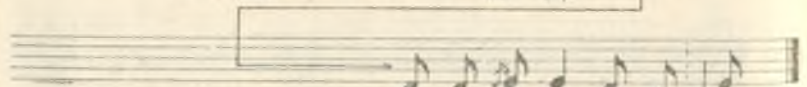
3. Ел-ма-няс-та и-ля-донь

Тя-дя-ня-да-а-ва-ня-да,

4. Ой, од-няс-та и-ля-донь(и)

ва-сянь-по-ла-ня-да, уй!

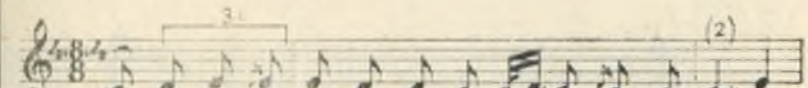
♩ ≈ 88

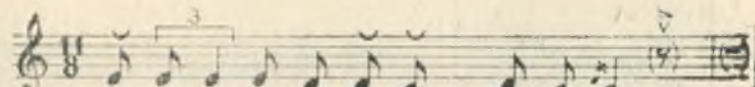
1. Ай, мярь-ган-тя-дя-няй, а-ва-няй,

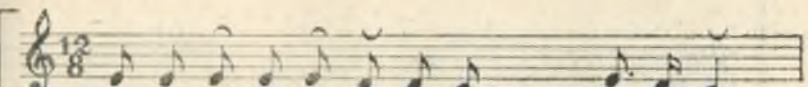
2. Э, тя-дя-ня-зе, мярь-ган, а-ва-ня-зе,

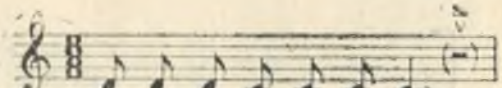
3. Эй, тя-дя-ня-зе, мярь-ган, ак-ша лоф-цо-ня-зе, уй!

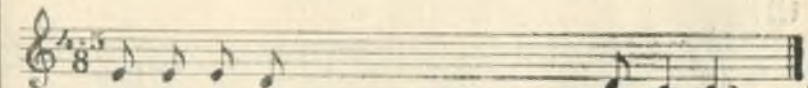
4. Тя-дя-няй, мярь-ган, тю-жя вай-ня-зе,

1. Вай, тя-дя-няй, мярь-ган, кин-ди, ка-до-майть,

2. Кин-ди на-ди-яф-то-майть,

3. Ой, тя-дя-няй, а-ва-няй,

♩ ≈ 158

I. И, ВАЙ, ОЖ - КА НЕ - ЖЕ - ДЯН МА - ЛА - НЯ - ЗОТ,

2. ЦЕ - РА - НЯЙ, КОР - МИ - ЛЕЦ - КЯЙ.

I. СЕ - ДИ - НЯ - ЗЕ, ЦЕ - РА - НЯЙ - А - ЛЯ - НЯЙ,

II. 2. ОЙ, МЕ - СЕН - ДЯН ША - ВА КУД - СА, ЦЕ - РА - НЯЙ,

3. ША - ВА КУД - СА, ША - ВА ЮРХТ - СА, УЙ!

III. 1. ОЙ, ЦЕ - РА - НЯЙ, А - ЛЯ - НЯЙ,

2. ЛИХ - ТИ НАР - МОН - НЯЙ ВАЛ - ДА СЕЛЬ - МО - НЯЙ.

♩ ≈ 152

I. НЯЙ, А - ЛЯ - НЯЙ, А - ЛЯ - НЯ - ЗЕ

2. А - ЛЯ - НЯЙ, ТРЯЙ - НЯ - ЗЕ.

3. А - ЛЯ - НЯ - ЗЕ, РАВЖ[А] МО - ДА - НЯ - ЗЕ,

4. ДА, А - ЛЯ - НЯ - ЗЕ, КЕЛЬ - ТОМ ВАЛ - НЯ - ЗЕ

I. 1. ОЙ, Я - ЛЯ - НЯ - ЗЕ, МО ДА АЛ(Ы) - ГА Я - КЛЙ - НЯ - ЗЕ,

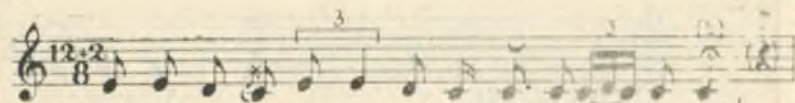
II. 2. НЯЙ, А - ЛЯ - НЯ - ЗЕ, КЕЛЬ - ТОМ[А] ВАЛ - НЯ [ЗЕ],

3. А - ЛЯ - НЯ - ЗЕ, ВАЛ - НЯ - ЗЕ.

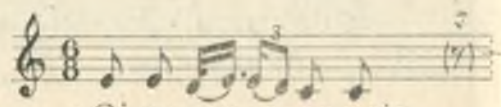
III

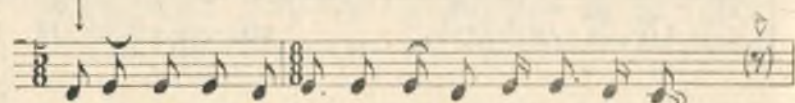
2 Код а - ги - ян, коз а мо - ляи,

3. Ой, ва - ся - ний - по - ла - ний тон, ой, п(ш) - кя - дяи, ни!

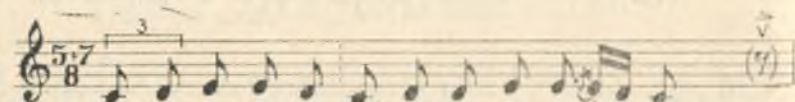

1 Ой, кин - ди ка - до - майть

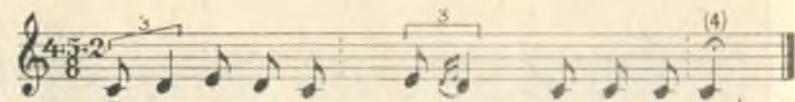

Ид - ня нень марх - та, 2. Курт(ш)ид - ня - не - це - ра - ня - не -

IV

3. Фкя - нясь кядь - ня - сон, ом - бо - цесь ню - рям - ня - сон;

4. По - тяс аф по - тяи пи - же кур - го - няц, ой!

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В бассейне реки Мокша и селах Коммунального района Мордовской АССР бытуют плячи о тяжелобольных. По своему мелодическому, ритмическому и ладовому строю они идентичны погребальным и поминальным плячам.

2. Публикации мордовских плячей: А. Шахматов. Мордовский этнографический сборник. СПб., 1910;

A. Väisänen. *Mordwinische melodien*. Helsinki, 1948.

Мордовские народные песни. Сост. Г. Сурзев-Королев. Саранск, 1969; Эзянские свадебная поэзия. Устно-поэтическое творчество мордовского народа, т. 6, ч. 1. Саранск, 1972. Запись и расшифровка напевов Г. Вдовина; Эзянские причитания-плячи. Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Запись, расшифровка напевов, статьи Г. Вдовина, т. 7, ч. 1. Саранск, 1972; Мокшанская свадебная поэзия. Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Запись и расшифровка напевов свадебных песен и причитаний Г. Сурзев-Королева, т. 6, ч. 2. Саранск, 1975; Т. В. Буянова. Народные сказители и певцы Мордовия. — В кн.: Народные певцы и композиторы Мордовия. Саранск, 1975.

Готовится к изданию в издательстве «Советский композитор» сборник эзянских плячей, собранных М. Чувашиным в нотации И. Касьяновой под редакцией Э. Алексеева.

3. Об этом сообщает Г. Вдовин в примечаниях к опубликованным им нотациям магнитофонных звукозаписей образцов эзянских плячей. См. подробно: Эзянские причитания-плячи. Устно-поэтическое творчество мордовского народа, т. 7, ч. 1. Саранск, 1972.

В настоящем нотном приложении представлены образцы напевов погребальных плячей (один образец пляча по тяжелобольному) морды-мошки. Большинство напевов зафиксировано автором в 1975—1976 гг. Два напева записаны экспедицией Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР.

В нотации материала использованы следующие обозначения:

1. Тактовые черты расставлены в качестве условных разделительных знаков, обозначающих начало и конец мелодической строфы, соответствующей стиху поэтического текста. Пунктирной чертой обозначена внутренняя аддитивная, совпадающая, обычно с полуступищем.

2. Для удобства анализа все напевы терцового амбитуса транспонированы в тональность «до», а квинтового — «ля». В комментариях указан первый звук, с которого начинается напев в оригинале.

3. Пауза в скобках обозначает время согласно единице счетного музыкального времени, не являющееся формообразующим фактором в мелодической строфе.

4. Конечная длительность музыкальной строфы по аналогии с песенными напевами дана в цифровом обозначении.

5. Незначительное увеличение длительности отмечено знаком ферматы без точки.

6. Незначительное уменьшение длительности обозначено знаком ферматы в перевернутом виде без точки.

7. Повышение звука меньше чем на полтона отмечено стрелкой, направленной вверх.

8. Понижение звука меньше чем на полтона отмечено стрелкой, направленной вниз.

9. Нисходящее глissандо обозначено двойной линией вниз.

10. Восходящее глissандо обозначено двойной линией вверх.

КОММЕНТАРИИ

КОММЕНТАРИИ К НАПЕВАМ

1. **Плач о матери.** Начальный зв. «ре». Зап. в 1975 г. от Шатейкиной Марии Петровны (1918 г. р.), жительницы с. Большой Уркат Ельнинковского р. Морд. АССР.

2. **Плач о сестре.** Нач. зв. «ре». Зап. в 1975 г. от Минейкиной Евдокии Федоровны (1913 г. р.), жительницы с. Алькина Ковылкинского р. Морд. АССР.

3. **Плач о матери.** Нач. зв. «си». Зап. в 1971 г. экспедицией НИИ от Гришиановой Марии Васильевны (1920 г. р.), жительницы с. Пичевка Белинского р. Пензенской обл.

4. **Плач о тяжелобольном брате.** Нач. зв. «ля-бемоль». Зап. в 1975 г. от Минейкиной Прасковьи Павловны (1919 г. р.), жительницы с. Алькина Ковылкинского р. Морд. АССР.

5. **Плач о муже.** Нач. зв. «си-бемоль». Зап. в 1975 г. от Короленой Анастасии Андреевны (1916 г. р.), жительницы с. Рыбкина Ковылкинского р. Морд. АССР.

6. **Плач о матери.** Нач. зв. «си-бемоль». Зап. в 1971 г. экспедицией НИИ от Захаркиной Елены Афанасьевны (1917 г. р.), жительницы с. Большая Белинского р. Пензенской области.

7. **Плач о матери.** Нач. зв. «ми». Зап. в 1976 г. от Ермаковой Марины Михайловны (1903 г. р.), жительницы с. Мамолаева Ковылкинского р. Морд. АССР.

8. **Плач о матери.** Нач. зв. «ми». Зап. в 1975 г. от Мальтисовой Марии Федоровны, жительницы с. Старое Дракино Ковылкинского р. Морд. АССР.

9. **Плач о сыне.** Нач. зв. «до». Зап. в 1976 г. от Надиной Веры Павловны (1897 г. р.), жительницы с. Кочетовка Инсарского р. Морд. АССР.

10. **Плач об отце.** Нач. зв. «ре». Зап. в 1976 г. от Мальтисовой Акулины Степановны (1908 г. р.), жительницы с. Новое Дракино Ковылкинского р. Морд. АССР.

11. **Плач о матери.** Нач. зв. «си». Зап. в 1976 г. от Ковайкиной Марфы Фокеевны (1903 г. р.), жительницы с. Морд. Вечкенно Ковылкинского р. Морд. АССР.

ПРИЧЕТЫ ПО МАТЕРИ

1. **Тядянязе-аванязе (Маменька-матушка).** ЛАИ. Записал М. Г. Имярек в 1974 г. от Е. Н. Родькиной, 55 лет, с. Потякши Краснослободского района Мордовской АССР.

2. **Тядяняй-аваняй (Маменька-матушка).** АФФ МГУ. Записала М. А. Чудаева в 1970 г. от А. С. Семякиной, 45 лет, с. Атюрьево Атюрьевского района МАССР.

3. **Ох, авакай, авакай (Ох, маменька, маменька).** ЛАИ. Записал М. Г. Имярек в 1974 г. от М. В. Мирошкиной, 38 лет, д. Лепченка Ельнинковского района Мордовской АССР.

4. **Ох, шкайнязе, мамакай-матушкой (Ох, боженка моя, матушка).** РФ МНИИЯЛИЭ, ed. хр. Л-511. Записал К. Т. Самородов от Чудаевой Д. Н. 75 лет, с. Булдыгино Zubovo-Полинского района Мордовской АССР в 1977 г.

5. **Вечная эряфти, ой, аванязе туй! (В вечную жизнь, ой, маменька уходит!).** ЛАТ. Записала В. М. Тюркина от М. И. Палаевой, 70 лет, с. Дамашки Курмадзевского района Оренбургской области в 1971 г.

6. **Вай, аваняй-матушкой (Ой, маменька-матушка).** Опубликовано в сб. «Мокшень фольклор». Мордгиз, 1940, стр. 96. Записала Н. М. Фадеева от Т. И. Кирдяшкиной, с. Морд. Пошаты Ельнинковского района МАССР.

7. **Ой, тядяняй-аваняй (Ой, маменька родная).** РФ МНИИЯЛИЭ, ed. хр. Л-495. Записала В. Поленова в 1964 г. от П. И. Порваткиной, 56 лет, с. Новей Инсарского района Мордовской АССР.

8. **Вай, тядяняй-аваняй (Ой, маменька-матушка).** РФ МНИИЯЛИЭ, ed. хр. № 139. Записал Л. С. Кавтаськин в 1939 г. в с. Лесное Ардашево Темниковского района Мордовской АССР. В записях Л. С. Кавтаськина фамилия сказителя не указана.

9. **Вай, тядякай-шкайнязе (Ой, маменька моя, боженка).** РФ МНИИЯЛИЭ, ed. хр. Л-493. Записал М. Г. Имярек в августе 1971 г. от Е. А. Захаркиной, 30 лет, с. Дамашки Белинского района Пензенской области.

10. **Тядянязе-аванязе (Маменька-матушка моя).** АФФ МГУ. Записала М. А. Чудаева в 1970 г. от Ф. П. Бабиной, 58 лет, с. Атюрьево Атюрьевского района Мордовской АССР.

11. **Тядяняй-аваняй, кинди каломайт? (Маменька-матушка, на кого оставила?).** РФ МНИИЯЛИЭ, ed. хр. № 119. Записал А. В. Очкин в 1936 г. от Т. Янгайкиной, 76 лет, с. Адашево Инсарского района Мордовской АССР.

12. **Тядянязе-матушканязе (Маменька, моя матушка).** РФ МНИИЯЛИЭ.

ед. хр. Л-493. Записал М. Г. Имярек в августе 1971 г. от Т. С. Осминой, 64-летней жительницы с. Пярыкина Белинского района Пензенской области.

13. Ватта явсни тядняизень-аваняизень (Ой, оплакиваю я свою мать-матушку). Опубликовано в сб. Паасонена Х., стр. 587—588, № 4.

14. Аваняй-шкайняй (Маменька, боженька моя). РФ МНИИЯЛИЭ, ед. хр. № 85. Записал А. М. Кудашкин в январе 1947 г. от М. И. Кудашкиной, 49 лет, с. Морд. Мясново Ельниковского района Мордовской АССР.

15. Вай, маманяизе-матяизе (Ой, маменька моя милая). Личн. архив К. Т. Самородова. Записал Т. И. Завертюга в 1969 г. от Ф. Ф. Кузуровой, 24 лет, с. Новое Выселки Zubovo-Полянского района Мордовской АССР.

16. Ох-ой, тядняй (Ох-ой, маменька). РФ МНИИЯЛИЭ, ед. хр. № 115. Записал И. Ф. Чумаков в 1939 г. от Ф. Дурушевой, 50 лет, с. Старые Кангуши Ельниковского района Мордовской АССР.

17. Тядняй-аваняй (Маменька-матушка). ЛАИ. Записал М. Г. Имярек в июле 1975 г. от М. М. Тумкиной, 42 лет, д. Лепченка Ельниковского района Мордовской АССР.

18. Вай, шкайняизе-тядняизе (Ой ты, боженька, моя маменька). РФ МНИИЯЛИЭ, ед. хр. Л-493. Записал М. Г. Имярек в августе 1971 г. от У. А. Казаной, 58 лет, с. Лявёвка Белинского района Пензенской области.

19. Тядняй-аваняй (Маменька-душенька). РФ МНИИЯЛИЭ, опус № 1, ед. хр. № 121. Записал Н. И. Черякин в 1936 г. в с. Адашево Инсарского района Мордовской АССР. В записях Н. И. Черякина фамилия сказителя не указана.

20. Вай, шкайняизе, тядякай-матушкой (Ой, боженька, матушка моя роденька). РФ МНИИЯЛИЭ, ед. хр. Л-493. Записал М. Г. Имярек в августе 1971 г. от А. И. Балаевой, 57 лет, с. Карсезька Белинского района Пензенской области.

21. Тядняизе-аваняизе (Маменька-матушка). ДФФ МГУ. Записала М. А. Чудалева в 1970 г. от А. И. Сенькиной, 50 лет, с. Атюрьево Атюрьевского района Мордовской АССР.

22. Ой, тядякай-матушкой (Ой, маменька, матушка). РФ МНИИЯЛИЭ, ед. хр. Л-493. Записал М. Г. Имярек в августе 1971 г. от М. П. Шичкиной, 48 лет, с. Карсезька Белинского района Пензенской области.

М. П. Шичкина этот текст сопровождала такими замечаниями о похоронном обряде с. Карсезька: «Когда у нас в селе умирает человек, его обмывают, одевают в национальный костюм. Покойника кладут и передний угол на лавку. На стол обязательно ставят мед в стакане. Зажигают лампадку, свечу. Пекут пироги, булочки. Приглашают обязательно хозяйку читать вслух и отпевать покойника. Родные, соседи, знакомые, пришедшие на поминки, «клемьсазь», поминают умершего. Хлеб нарезают на кусочки, обмазывают медом, дают присутствующим, и все поминают покойного.

Каждый приходящий на поминки несет что-либо: яйца, пироги и раздаёт присутствующим, чтобы они помнили всю умершую родню. Умершего хоронят чаще всего на третий день. В первые два дня, пока покойник лежит, хозяйка читает над ним молитвы.

После похорон угощают горячим обедом всех, кто принимал участие в похоронах (столов 7—9). Перед обедом подносят вино, в первую очередь тем, кто рыл могилу для покойника, а если родня умершего в состоянии, то угощают всех присутствующих.

На третий день, если даже покойник не похоронен, делают поминки при умершем (если можно, хоронят на третий или четвертый день). Накануне приглашают людей, хозяйку, и опять пришедшие приносят в чашках или в тарелках кутью, рисовую кашу с медом и изюмом и все это ставят на стол. Сами они начинают петь молитвы. Поют все присутствующие, кутью оставляют на тарелках и поминают родителей. Потом хозяйка угощает присутствующих (холодец, борщ, щи, лапша, каша — все равно какая). Если вост — подают рыбу и постные блюда, а если нет, то мясные блюда. Потом

все встают, молятся и расходятся. Все должно быть закончено до 12 часов ночи, а начинают в 8 часов утра.

Через восемь дней на девятый проходят поминки в такой же форме, затем на 20-й день — тоже самое поминовение, а потом справляют 40 дней со дня смерти — такие же поминки. Считают, что душа умершего через 40 дней уходит из дома и её провожают, оплакивают, т. е. исполняют плачи по умершему. Затем делают поминки через шесть месяцев и через год. Наряду все равно приглашается много.

23. Ох-ай, тядякай, шачфтыняй (Ох-ай, матушка родимая). Записал М. Г. Имярек в 1974 г. от Е. Н. Родыкиной, 55 лет, с. Потякши Краснослободского района Мордовской АССР.

24. Аваняй-шкайняй (Маменька моя, боженька). ЛАИ. Записал М. Г. Имярек в июле 1974 г. от А. П. Потапкиной, 65 лет, д. Морд. Полянки Ельниковского района Мордовской АССР.

25. Ой, тядякай, шкайняй-матушкой! (Ой, маменька, боженька-матушка). Плач напевом опубликован в сборнике Л. П. Кирюкова «Мокшэрзянь морот». Центриздат, 1929, стр. 54.

26. Аваняй, аваняй (Маменька, маменька). ЛАИ. Записал М. Г. Имярек в июле 1974 г. от Е. П. Верякиной, 55 лет, д. Лепченка Ельниковского района Мордовской АССР.

27. Ой, аваняй-кормилецкай! (Ой, маменька, кормилица моя!). ЛАИ. Записал М. Г. Имярек в июле 1974 г. от Н. Г. Сургаевой, 59 лет, с. Потякши Краснослободского района Мордовской АССР.

28. Ой, тядняизе-аваняизе (Ой, маменька-матушка). (ЛАБ. Записал Н. И. Бояркин в 1975 г. от Е. С. Рузаевой, 43 лет, с. Шадым Ковылкинского района Мордовской АССР.

29. Аваняй, аваняй (Маменька, маменька). ЛАБ. Записал Н. И. Бояркин в 1975 г. от М. П. Натейкиной, 57 лет, с. Большой Уркат Ельниковского района Мордовской АССР.

30. Шкайняизе-маманяизе (Маменька, ты моя боженька). ЛАИ. Записал М. Г. Имярек в 1972 г. от П. Д. Ошкиной, 45 лет, пос. Вадолыя Zubovo-Полянского района Мордовской АССР.

31. Вай, мярьган, тядняй-аваняй (Ой, скажу я, мать-матушка). ЛАБ. Записал Н. И. Бояркин в 1974 г. от Н. Г. Сураевой, 59 лет, с. Потякши Краснослободского района Мордовской АССР.

32. Ой, тядняй-аваняй (Ой, мать-матушка). ЛАБ. Записал Н. И. Бояркин от Е. С. Рузаевой, 43 лет, с. Шадым Ковылкинского района Мордовской АССР.

33. Шкайняизе, мамакай-матушкой (Маменька-матушка, моя боженька). ЛАС. Записал К. Т. Самородов в 1977 г. от М. Г. Чудалева, 75 лет, в с. Старое Бадиково Zubovo-Полянского района Мордовской АССР.

ОБ ОТЦЕ

34. Ох, аляняй-кельгомняй (Ох, отец мой любимый). ЛАИ. Записал М. Г. Имярек в июле 1974 г. от колхозницы Е. П. Морозкиной, 54 лет, д. Киржиманы Ельниковского района Мордовской АССР.

35. Аляняизе-кормилецкаизе (Отец мой — кормилец мой). Опубликовано в сб. «Мокшень фольклор». Мордгиз, 1940, стр. 92. Записал И. Чумаков от А. А. Радыновой, с. Адашево Инсарского района МАССР.

36. Ватта яван-каляя аляняизень (Вот расстанусь я с отцом-кормильцем). Опубликовано в сб. Паасонена, стр. 591—592, № 6.

37. Ох, алякай-тряняизе (Ох, отец мой — кормилец мой). ЛАИ. Записал М. Г. Имярек в июле 1974 г. от колхозницы М. М. Тумкиной, 42 лет, д. Лепченка Ельниковского района МАССР.

38. **Ой, алянызе, алянызе-трынязе (Ой, папенька, папенька — кормилец мой).** РФ МНИИЯЛИЭ, ед. хр. Л-493. Записал М. Г. Имяреков в августе 1971 года от М. Н. Кокаевой, 37 лет, пос. «Светлый путь» Белинского района Пензенской области.

39. **Ожу, пшкядян мон валнят (Хочу я слово вымолвить вам).** АФФ МГУ. Записала М. А. Чудаева в 1970 г. от Ф. П. Бабиной, 58 лет, с. Атюрьево Атюрьевского района Мордовской АССР.

40. **Аляний, аляний-трыняй (Батюшка, батюшка-кормилец мой).** РФ МНИИЯЛИЭ, ед. хр. № 85. Записал А. М. Кудашкин в январе 1947 г. от М. М. Кудашкиной, с. Мордовское Маскино Ельниковского района Мордовской АССР.

41. **Ой, алякай-трыняй (Ой, батюшка-кормилец мой).** РФ МНИИЯЛИЭ, ед. хр. Л-493. Записал М. Г. Имяреков в августе 1971 г. от А. И. Балаевой, 57 лет, с. Карсаевка Белинского района Пензенской области.

42. **Батякай, батякай. (Батюшка, батюшка).** РФ МНИИЯЛИЭ, ед. хр. записал М. Г. Имяреков в августе 1971 г. от А. Ф. Чекашевой, 53 лет, с. Карсаевка Белинского района Пензенской области.

43. **Ватта яван-калян алянызень-трынязень (Вот расстанусь я со своим отцом-кормильцем).** См. указанный сборник Х. П. Паасонена, стр. 589—590, № 5.

44. **Ой, алянызе-трынязе (Ой, папенька-кормилец мой).** РФ МНИИЯЛИЭ ед. хр. Л-493. Записал М. Г. Имяреков в августе 1971 г. от Е. Я. Плещужковой, 39 лет, с. Карсаевка Белинского района Пензенской области.

45. **Ой, аляний, аляний-трыняй (Ой, папенька, папенька — кормилец мой).** ЛАБ. Записал Н. Бояркин в 1976 г. от Е. С. Рузаевой, 43 лет, с. Шадым Ковылкинского района МАССР.

46. **Ой, мон вачкодъсайне кяднянень (Ой, я всплесну своими рученьками).** РФ МНИИЯЛИЭ, Л-511. Записал К. Т. Самородов в 1977 г. от П. Г. Полькиной, 57 лет, с. Ст. Бадиково Zubovo-Полянского р-на Мордовской АССР.

О СЫНЕ

47. **Пуромода, пуромода маланяс (Собирайтесь, подходите поближе).** ЛАИ. Записал М. Г. Имяреков в июле 1974 г. от В. В. Ефимкиной, 48 лет, д. Лелченка Ельниковского района Мордовской АССР.

48. **Цёранязе, Колянызе (Сынок ты мой, Колянька).** ЛАТ. Записала В. М. Тюркина в 1971 г. от А. И. Асабиной, 95 лет, с. Дамашки Курмалаевского района Оренбургской области. А. И. Асабина, несмотря на свой преклонный возраст, обладала хорошей памятью. Этот текст плача она сопровождала рассказом о похоронном обряде своего села: «Когда у нас в селе умирает человек, то не полагается смотреть на него. Умершего обмывают и одевают. В ладнях хоронить лучше. Кладут (взём пряс) на лавку в передней части дома. Женщину кладут поперек избы вдоль стены, по левую сторону, а умершего мужчину — вдоль стены по правую сторону. Вещи умершего вешают над ним. Потом их раздают в 40-й день на поминках кому-нибудь из бедных людей. Покойника оплакивают родственники. Тех, кто обмывает умершую женщину, одаривают, т. е. умершая заранее готовит для этой цели либо кресты, либо платки (пацят).

Тому, кто делает гроб и обмеряет покойника, дарят полотенце. Если гроб делают зятя, то каждому из них дарят полотенце, а если сыновья — им дарят полотенца или рубашки. Если родня живет в достатке, то зятя и сыновья привозят на похороны по четверти вина.

Умершего обязательно сутки держат дома. Потом несут в церковь. Поп отслужит службу и закрывает крышку гроба, потом уже покойника несут на кладбище. Когда опускают гроб в могилу, все присутствующие бросают в могилу землю. Покойника оплакивают. Весь народ идет домой. Их встречает

женщина с ведром воды, кружкой и полотенцем. Все моют руки и заходят в дом умершего. Их сажают за стол. Ставят на стол пищу и вино. На первое дают суп, щи, лапшу.

Приглашенные родственники несут с собой кто что может. Поминки бывают на третий, девятый, 20-й, 40-й день, а потом через шесть месяцев и через год».

49. **Цёраняй, цёраняй (Сыночек, сыночек).** См. указанный сб. Х. Паасонена, т. IV, стр. 593—595, № 7.

50. **Ох, пиже дьякянызе Вита (Ох, птенчик желторотенький, Вита).** ЛАТ. Записала В. М. Тюркина в 1971 г. от Е. К. Аношкиной 58 лет, с. Дамашки Курмалаевского района Оренбургской области.

51. **Ох, цёраняй, цёраняй (Ох, сынок, сынок).** РФ МНИИЯЛИЭ, ед. хр. № 70. Записал К. Т. Самородов в августе 1940 г. от М. А. Ковайкиной, 58 лет, с. Морд. Вечкенно Ковылкинского района МАССР.

52. **Мишанызе, монь фкянызе (Мишенька, ты мой единственный).** РФ МНИИЯЛИЭ, опись I, ед. хр. № 123. Записала Н. М. Фадеева в августе 1936 г. от Е. Н. Якушкиной, 70 лет, с. Адашево Инсарского района Мордовской АССР.

53. **Идыязе, Осенька лэфкскаязе (Сынок, Осип, птенчик мой).** См. сб. «Мокшень фольклор». Мордгиз, 1940, стр. 94—95. Записал И. Ф. Чумаков от А. А. Радыновой, с. Адашево Инсарского района Мордовской АССР.

54. **Вай, ожу мон тонь явсан, цёраняй-аляний (Ой, погоди, я оплакиваю тебя, сыночек мой).** ЛАС. Записал К. Т. Самородов в 1974 г. от Шумкиной М. И., с. Новая Толковка Ковылкинского района Мордовской АССР.

О ДОЧЕРИ

55. **Ой, куроқ тага сай поминкаце (Ой, скоро опять будет день твоих поминков).** РФ МНИИЯЛИЭ, ед. хр. Л-493. Записал М. Г. Имяреков в августе 1971 г. от А. С. Цыгановкиной, 70 лет, с. Карсаевка Белинского района Пензенской области.

56. **Идыязе, идыязе-стириязе (Доченька, доченька).** См: сб. Х. Паасонена, стр. 596—598, № 8.

57. **Идыязит-стириязят (Дитя мое — доченька).** АФФ МГУ. Записал Н. Ф. Исаякин в 1956 г. от О. И. Исаякиной, 42 лет, с. Старое Сидрово Краснослободского района Мордовской АССР.

58. **Стириязе, стириязе (Доченька, доченька).** РФ МНИИЯЛИЭ, ед. хр. № 70. Записал К. Т. Самородов 2 августа 1940 г. от М. А. Ковайкиной, 58 лет, с. Морд. Вечкенно Ковылкинского района МАССР.

59. **Стириязе, стириязе-баяраванязе (Доченька, доченька, барышня моя).** РФ МНИИЯЛИЭ, ед. хр. № 70. Записал К. Т. Самородов 2 августа 1940 г. от М. А. Ковайкиной, 58 лет, с. Морд. Вечкенно Ковылкинского района Мордовской АССР.

60. **Якстерь марьянызе — Таня идыязе (Яблочко красное — доченька Таня).** ЛАИ. Записал М. Г. Имяреков в 1970 г. от М. А. Дорожкиной, 52 лет, д. Лелченка Ельниковского района Мордовской АССР.

61. **Вай, Марьякянызе, Марьякянызе (Ой, Машенька, Машенька).** ЛАБ. Записал Н. И. Бояркин в 1975 г. от А. П. Костиной, 62 лет, с. Новое Дракино Ковылкинского района МАССР.

62. **Стириязе, стириязе-матанязе (Доченька, доченька моя милая).** РФ МНИИЯЛИЭ, Л-511. Записал К. Т. Самородов в 1974 г. от М. И. Шумкиной, 56 лет, с. Новая Толковка Ковылкинского района МАССР.

О МУЖЕ

63. Ох, васняний-поланый (Ох, суженый-нареченный мой). РФ МНИИЯЛИЭ, ед. хр. Л-495. Записала В. П. Поленова в 1968 г. от П. И. Порватовой, 56 лет, с. Новлей Инсарского района МАССР.

64. Вай, Васняний, Васняний — мось мазы лемнязе (Ой, Васенька, Васенька — дорожное мой имечко). РФ МНИИЯЛИЭ, ед. хр. № 20. Записал К. Т. Самородов в августе 1940 г. от М. А. Ковайкиной, 58 лет, с. Морд. Веченно Ковылкинского района Мордовской АССР.

65. Поланый-законный (Суженый ты, законный мой). ЛАИ. Записал М. Г. Имяреков в июле 1975 г. от Е. С. Кечинной, 49 лет, д. Лепченка Ельниковского района Мордовской АССР.

66. Вай, атияний-поланый, месендеть? (Ой старик мой, суженый, что надела ты?). ЛАИ. РФ МНИИЯЛИЭ, ед. хр. № 123. Записал С. Н. Фадеев 7 августа 1936 г. от А. Г. Араповой, с. Мамолаево Рыбкинского района Мордовской АССР.

67. Ох, васняний-поланый (Суженый-нареченный ты мой). РФ МНИИЯЛИЭ, ед. хр. № 115. Записал И. Ф. Чумаков в январе 1936 г. от Е. Ф. Козейкиной, 52 лет, с. Адашево Инсарского района МАССР.

68. Вай, поланый-матаый (Ой, муженек, милый ты мой). АФФ МГУ. Записала М. А. Чудаева в 1970 г. от З. И. Ведяновой, 69 лет, с. Атюрьево Атюрьевского района МАССР.

69. Ватта яван-калян васнянзень-поланазень (Расстаюсь я со своим муженьком-суженым). Указ. сб. Х. Паасонена, стр. 583—585, № 2.

70. Ожка монга явсесан васнянзень-поланазень (Погодите, вот я оплакиваю своего суженого-нареченного). ЛАБ. Записал Н. И. Бояркин в 1975 г. от А. П. Костиной, 62 лет, с. Новое Дракино Ковылкинского района Мордовской АССР.

71. Ватта явсян васнянзень-поланазень (Вот я оплакиваю своего суженого-нареченного). См. указ. сб. Х. Паасонена, стр. 599—604, № 9.

72. Ой, ожка пшкядяй васнянзти-поланазти (Ой, погодите, я обращусь к своему суженому). ЛАБ. Записал Н. И. Бояркин в 1976 г. от А. С. Сураевой, 59 лет, с. Шадым Ковылкинского района Мордовской АССР.

73. Васнянзе-поланазе (Суженый-нареченный мой). РФ МНИИЯЛИЭ Л-511. Записал К. Т. Самородов в 1971 г. от Е. В. Егоровой, 55 лет, с. Новая Толковка Ковылкинского района Мордовской АССР.

О ПРОЧИХ РОДНЫХ

74. Ох, бабаний-матаый (Ох, бабушка, милая моя). ЛАТ. Записала В. М. Тюркина в 1971 г. от Ф. Г. Асабиной, 58 лет, с. Дамашки Курмалзевского района Оренбургской области.

75. Ой, аканый-матаый (Ой, тетенька моя милая). АФФ МГУ. Записала А. А. Анашкина в 1975 г. от М. А. Кирдяшкиной, 62 лет, с. Старые Пичингуши Ельниковского района МАССР.

76. Вай, аканязе-аванязе (Ой, тетенька моя, матушка). РФ МНИИЯЛИЭ, ед. хр. № 85. Записал А. М. Кудашкин в январе 1947 г. от М. М. Кудашкиной, 50 лет, с. Мордовское Маскино Ельниковского района МАССР.

77. Ох, аканый-матаый (Ох, тетенька моя милая). РФ МНИИЯЛИЭ, ед. хр. № 85. Записал А. М. Кудашкин в 1947 г. от М. М. Кудашкиной, 50 лет, с. Мордовское Маскино Ельниковского района МАССР.

78. Аканязе-тядянзе (Тетенька моя, матушка). См. сб. «Мокшен» фольклор», 1940 г., стр. 97—98. Записал И. Чумаков от М. Киселевой, 42 лет, с. Адашево Инсарского района МАССР.

79. Ватта яван-калян сазорнязень (Вот я оплакиваю сестру свою). См. указанный сб. Х. Паасонена, т. IV, стр. 581—582, № 1.

80. Ой, сазорный-матаый (Ой, сестра моя, голубушка). ЛАИ. Записал М. Г. Имяреков в июле 1974 г. от В. В. Еремеевой, 57 лет, с. Большой Уркат Ельниковского района МАССР.

81. Вай, ватта яван-калян пъяльненизень (Ой, расстанюсь я со своим милым братом). См. указанный сб. Х. Паасонена, т. IV, стр. 585—587, № 3.

82. Вай, алыгняй, алыгняй, алыгняй (Ой, деверь, деверь, деверь ты мой). РФ МНИИЯЛИЭ, опсь 1, ед. хр. № 85. Записал А. М. Кудашкин в январе 1947 г. от И. К. Ивашкиной, 52 лет, с. Мордовское Маскино Ельниковского района Мордовской АССР.

83. Атыкай, атыкай, вай, батюшкой (Дедушка ты мой, батюшка). РФ МНИИЯЛИЭ, ед. хр. № 70. Записал К. Т. Самородов 2 августа 1940 г. от М. А. Ковайкиной, 58 лет, с. Морд. Веченно Ковылкинского района Мордовской АССР.

84. Ох, атыкай-алыняй (Ох, свекор мой, отец родной). ЛАИ. Записал М. Г. Имяреков в июле 1974 г. от М. Л. Веряскиной, 40 лет, д. Лепченка Ельниковского района Мордовской АССР.

85. Вай, Иван овняй-эзаный (Ой, Иван, зятек мой любимый). РФ МНИИЯЛИЭ, опсь 1, ед. хр. № 85. Записал А. М. Кудашкин в январе 1947 г. от У. И. Ивашкиной 55 лет, с. Мордовское Маскино Ельниковского района МАССР.

86. Ръзаный — ши валдоняй! (Сноха моя — красное солнышко!) Мокшен фольклор. Мордгиз, 1940, стр. 91. Записал И. Ф. Чумаков от Е. Ф. Козейкиной, с. Адашево Инсарского района МАССР.

87. Ой, стирязе — мось уноконязе (Ой, доченька — моя внученька). ЛАИ. Записал М. Г. Имяреков в 1970 г. от Е. В. Меряшкиной, 70 лет, д. Лепченка Ельниковского района Мордовской АССР.

88. Вай, атыкай-трайняй! (Ой, свекор мой — кормилец мой!) ЛАИ. Записал М. Г. Имяреков в июле 1974 г. от Е. И. Меряшкиной, 49 лет, д. Лепченка Ельниковского района Мордовской АССР.

Е. И. Меряшкина этот текст плача сопровождала рассказом о похоронном обряде своего родного села: «У нас в деревню уже 50—60-летние женщины готовят для себя и своего мужа одежду «на смерть». Это должна быть обязательно новая, непошенная одежда. Мужчины хоронят в белье, рубашке, костюме.

Умершего обычно кладут на лавку в передний угол. На окно ставят стакан с водой. Некоторые говорят, что душа умершего, покинув тело, окунается в воду, другие — что душа, настрадавшись в больном теле, утоляет жажду. Иногда вообще не могут объяснить, для чего это делается. Когда человек умрет, на стол ставят хлеб и соль. Они так же, как и вода, стоят сорок дней, считается, что все это время душа умершего находится на земле. Через некоторое время после смерти умершего обмывают. Это делают три-четыре человека, если умерший мужчина — мужчины, если женщина — женщины.

Умершего хоронят иногда на второй, чаще на третий или четвертый день после смерти. Все это время покойник лежит на лавке, в переднем углу. Только в день похорон его кладут в гроб. Пока покойник находится в доме, нельзя подметать и мыть пол, громко разговаривать. Гроб с телом умершего несут на кладбище на холсте или полотнце. Закопав могилу, обходят вокруг нее с лопатой один-три раза, очерчивая круг, иногда на могиле делают лопатой «окошко».

Возвратившись с кладбища, родственники покойного, прежде чем войти в дом, моют руки, а войдя в избу, сразу же заглядывают в устье печи. Старики и старухи нашей деревни объясняют этот обычай по-разному: одни говорят, что это делается для того, чтоб упокойнику было тепло на том свете, другие — чтобы не бояться его.

Похороны молодых несколько отличаются от похорон пожилых людей. Обычно их одевают по-городскому, делают более красивый гроб, а него

кладут цветы. Если умирает неженатый парень или девушка, то во время похорон подруга умершей дарит какой-нибудь девочке или девушке ленточку. Это отголосок бытовавшей у мордвы и других народов «свадьбы умершей». В день похорон устраиваются поминки. На них приходит очень много народу — все родственники и знакомые умершего. На поминки у нас в деревне не принято приходить с пустыми руками: женщины несут обычно пироги или какую-нибудь другую стряпню, мужчины — деньги. Поминки устраиваются на девятый, двенадцатый, сороковой день, через полгода и год после смерти. Накануне поминок топят баню, где моется семья умершего, предполагается, что должны мыться и умершие. На поминки приходят по одному человеку от каждого дома родственников. Обычно это пожилые женщины: молодые люди и мужчины редко в них участвуют.

ВНЕОБРЯДОВЫЕ ТРАДИЦИОННЫЕ ПЛАЧИ

89. Авась явсеса пожарса палф кудонц. (Женщина оплакивает сгоревший свой дом). ЛАИ. Записал М. Г. Имяреков в июле 1976 г. от М. Н. Тумкиной, 58 лет, д. Лепченко, Ельнинковского района МАССР.

Личный жилой дом М. Н. Тумкиной сгорел днём, когда всё трудовое население находилось на уборке сена. В деревне оставались только старухи и дети. Пожар возник внезапно, поэтому его вовремя потушить не удалось, и дом М. Н. Тумкиной сгорел полностью. Плач записан после пожара.

90. Явсема атамса-ёндолса шавфонь колга. (Плач об убитой громом-молнией). РФ МНИИЯЛИЭ, опись 1, ед. хр. № 85. Записал А. М. Кудашкин в январе 1947 г. от М. М. Кудашкиной, 50 лет, с. Мордовское Маскнио Ельнинковского района Мордовской АССР.

91. Явсема цёранц колга, кона ваясь ляйс (Плач о сыне, утонувшем в реке). РФ МНИИЯЛИЭ, ед. хр. Л-493. Записал М. Г. Имяреков в августе 1971 г. от М. В. Гришановой, 50 лет, с. Пичёвка Белинского района Пензенской области.

92. Явсема пожарса палф сазоронь колга (Плач о погибшей при пожаре сестре). РФ МНИИЯЛИЭ, ед. хр. Л-493. Записал М. Г. Имяреков в августе 1971 г. от Е. А. Захаркиной, 30 лет, с. Даньшино Белинского района Пензенской области. Е. А. Захаркина после оплакивания сестры нам рассказала, что её младшая сестра Рая была замужем, имела двоих детей, погибла случайной смертью. Она опустилась в погреб за соленьями, зажгла спичку — и вспыхнуло огромное пламя. А дело было в том, что в погребе стоял мотоцикл её мужа, бензиновый бак его протекал, бензин прошел через землю и проник в погреб. Достаточно было зажечь спичку, как огромное пламя охватило все в погребе. Пострадавшую в тяжелом состоянии доставили в больницу. После восемнадцати мучительных суток она умерла.

93. Явсема эсь эряфонц колга (Плач про свою жизнь). РФ МНИИЯЛИЭ, ед. хр. Л-493. Записал М. Г. Имяреков в августе 1971 г. от А. С. Цыгановкиной, 70 лет, с. Карсаева Белинского района Пензенской области.

94. Явсема, мзярда цёрась арай солдатокс (Плач на проводах в солдаты). См. указан. сб. Х. Паасонена, том IV, стр. 591.

95. Шавф алянь колга явсема (Оплакивание убитого отца). РФ МНИИЯЛИЭ, записал К. Т. Самородов в 1968 г. от Е. Г. Бурмашкиной, с. Курнино Ковылкинского района МАССР. Она причитывала по своему отцу, убитому на фронте в 1943 году.

ОБРАЗЦЫ МОКШАНСКИХ ПОХОРОННЫХ И ПОМИНАЛЬНЫХ ОБРЯДОВ С ПРИЧИТАНИЯМИ

96. Торбеевский районень Малышева велень калмаманы, поминдаманы обрянтне и явсематне. (Погребальные, поминальные обряды и оплакивания покойника в селе Малышево Торбеевского района). АФФ МГУ. Записал С. Н. Милёшкин в 1968 г. от С. Ф. Епишкиной, 65 лет, и Ф. В. Мелешкиной, 70 лет, с. Малышево Торбеевского района МАССР.

97. Атюрьевский районень Атерь велень поминдаманы обрянтне и явсематне. (Поминальные обряды и причеты села Атюрьево того же района). АФФ МГУ. Записала М. А. Чудаева в 1970 г. от А. И. Чудаевой, 62 лет, с. Атюрьево Атюрьевского района МАССР.

98. Краснослободский районень Сире Синдру велень калмаманы и поминдаманы обрядовой явсематне. (Похоронные и поминальные обряды с причетами села Старое Синдрово Краснослободского района). АФФ МГУ. Записал Н. Ф. Исаякин в 1966 г. Он сам был непосредственным участником этих ритуалов. В записях Н. Ф. Исаякина фамилии сказителей не указаны.

99. Ковылкинский районень Од Сомай велень калмаманы обрянтне и явсематне. (Похоронные обряды и причеты с. Новая Самаевка Ковылкинского района). РФ МНИИЯЛИЭ, папка № Л-511. Записал К. Т. Самородов в 1976—1977 гг. от дочери покойного, Ковыркиной Е. М. Основное изложение идет по её сообщению. Дополнительные сведения сообщили Егорова А. Т. и Егорова-Самородова Е. В.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

РФ МНИИЯЛИЭ — рукописный фонд Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР.

АФФ МГУ — архив филологического факультета Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва.

PAASONEN — Н. Paasonen. Mordwinische Volksdichtung. IV. Band. Helsinki 1947.

ЛАИ — личный архив М. Г. Имярекова.

ЛАБ — личный архив Н. И. Бояркина.

ЛАС — личный архив К. Т. Самородова.

ЛАТ — личный архив В. М. Тюркиной.

СПИСОК СКАЗИТЕЛЕЙ

Аношкина Е. К. (50)	Куярова Ф. Ф. (15)
Арапова А. Г. (66)	Мелёшкина Ф. В. (96)
Асабина А. И. (48)	Меряшкина Е. В. (87)
Асабина Ф. Г. (74)	Меряшкина Е. И. (88)
Бабина Ф. П. (10, 39)	Мирошкина М. В. (3)
Бурмашкина Е. Г. (95)	Морозкина Е. П. (34)
Балаева А. И. (20, 41)	Натейкина М. П. (29)
Вединова З. И. (68)	Оськина Т. С. (12)
Веряскина Е. П. (26)	Ошкина П. Д. (30)
Веряскина М. Л. (84)	Палаева М. И. (5)
Гришанова М. В. (89, 91)	Плещукова Е. Я. (44)
Дорожкина М. А. (60)	Полькина П. Г. (46)
Дурушева Ф. (16)	Порваткина П. И. (7)
Егорова Е. В. (73)	Порватова П. И. (63)
Епишкина С. Ф. (96)	Потапкина А. П. (24)
Еремеева В. В. (80)	Радынова А. А. (35, 53)
Ефимкина Е. В. (47)	Родькина Е. Н. (1, 23)
Захаркина Е. А. (9, 92)	Рузаева Е. С. (28, 32, 45)
Ивашкина И. К. (82)	Сенькина А. С. (2)
Ивашкина У. И. (85)	Сенькина А. И. (21)
Исайкина О. И. (57)	Сураева Н. Г. (31)
Казина У. А. (18)	Сураева А. С. (72)
Кечина Е. С. (65)	Сургаева Н. Г. (27)
Кирдяшкина Т. И. (6)	Тумкина М. М. (17, 37)
Кирдяшкина М. А. (75)	Цыгановкина А. С. (55, 93)
Киселёва М. (78)	Чекашова А. Ф. (42)
Ковыркина Е. М. (99)	Чудаева М. Г. (33)
Ковалкина М. А. (51, 58, 59, 64, 83)	Чудаева А. И. (97)
Козейкина Е. Ф. (67, 86)	Шичкина М. П. (22)
Коксаева М. Н. (38)	Шумкина М. И. (54, 62)
Костина А. П. (61)	Якушкина Е. Н. (52)
Кудашкина М. Н. (77)	Янгайкина Т. (11)
Кудашкина М. М. (40, 76, 90)	

СЛОВАРЬ УСТАРЕВШИХ И ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В МОКШАНСКИХ ТЕКСТАХ

Авозь — мать мужа невесты, свекровь.	Кали¹ — неужели.
Адерлямс — наряжаться.	Кали² — когда.
Адна — всегда, постоянно.	Калмонь ава — хранительница могилы.
Ака — тётя, старшая сестра.	Каркс — пояс, ремень.
Акля — золовка.	Карькс — обора.
Альгя — брат мужа, деверь.	Карьхья — ковш.
Альняка — старший брат.	Кой — обычай.
Атявозь — отец мужа невесты, свёкор.	Кор¹ — характер.
Атянь куд — отчий дом.	Кор² — упрёк.
Аф моли армак — неспособный ни к чему человек.	Кольгондемс — горько плакать.
Аяш — вет.	Корьмакай — кормилец.
Балдоз — младшая сестра жены, свояченица.	Крёснава — крёстная мать.
Банява — хранительница бани.	Крёсналя — крёстный отец.
Батька — крёстный отец.	Куда — сват.
Батя — отец.	Кудава — сваха.
Батякай — папенька.	Кудонь кирди — хранительница дома.
Батяняй — см. батякай.	Куляксамс — разузнать.
Баяр — богат.	Кядь руяня — носовой платок.
Вачкатомс — дрожать.	Ладонь сявня — понимающий.
Велень кирди — покровительница села.	Лажадомс — скучать, соскучиться.
Венець — венок.	Латта азомс — известить.
Вирява — хранительница леса.	Легченя — легко.
Гастямс — испортить, испортиться.	Лицаня — личико.
Гож — хороший.	Лишндамс — стать лишним.
Голай — всегда, всё.	Лудня — лист.
Дуган — младший брат сестры.	Людьямс — занять, опуститься.
Дядняй — маменька.	Лямбе валня — ласковое словечко.
Дяка — дитё.	Мамакай — маменька.
Дацька — подать, налог.	Маманяй — см. мамакай.
Еньц содай — смыслёный, понимающий.	Мандоня — палочка.
Журсемс — делать замечания, учить.	Масторава — хранительница земли.
Ифка — один (одна).	Матаняй — родимая.
Калдазава — хранительница двора.	Матравомс — одеревенеть, онеметь.
	Матрань куз — толстая, многолетняя ель.
	Моркш — стол.
	Мрга — часть дома перед печкой.

Нежестькнемс — приближаться.
 Новолемс — увядать, опуститься.
 Нужалгодомс — осиротеть.
 Нозозне нозомс — сосать-высасывать.
 Нула — пелёнка.
 Нярьхкамаз — польня.
 Обуфка — обувь.
 Озкс — праздник, моление.
 Ольксемс — оплакивать, причитать.
 Парьхи — шёлк.
 Паксява — хранительница полей.
 Покайнят — сапожки.
 Порембяль — еда.
 Потяй шаба — грудной ребёнок.
 Пряля — то же, что прялке.
 Пула — коса.
 Пяльня — младший брат сестры или невесты.
 Пянакудава — хранительница печки.
 Равжа модань азорава — см. калмава.
 Роштува — праздник рождества.
 Седнень пети васта — успокоитель.
 Семнишник — двухкопечная монета.
 Сёконя — кисточка из разноцветных ниток.
 Сельмаваня — зрачок.

Сельмовець руця — см. кядьруцяня.
 Сисем лянгань карьхть — лапти, сплетённые из семи лык.
 Смекамс — сообразить.
 Ста, станяк — так.
 Талека — доля.
 Тётмак — ребёнок.
 Титя — это.
 Толгиямс, почкиямс — окрепить.
 Тувоза — грубый, жёсткий.
 Уркстомс — обидеть.
 Уриямс — рыдать.
 Уроз — сирота.
 Хуть — хоть.
 Цюкор — пирог.
 Цятадемс — ударить.
 Шапама кши — чёрный хлеб.
 Шачф — рукодельная, мастерица.
 Шота — тело, труп.
 Шатол — свеча.
 Шятыта — возможно.
 Эзна — муж старшей сестры.
 Эрекста — живо, смело.
 Эрхтемс — см. цятадемс.
 Юрхтава — см. калдазава.
 Яраштомс — годиться, пригодиться.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ОБРЯДОВЫЕ ТРАДИЦИОННЫЕ ПРИЧИТАНИЯ	
О матери	
1. Тядянязе-аванязе	39
Маменька-матушка моя	40
2. Тядяняй-аваняй	42
Маменька-матушка	43
3. Ох, авакай, авакай	43
Ох, маменька, маменька	44
4. Ох, шкайназе, мамакай-матушкой	46
Ох, боженька моя, мать-матушка	47
5. Авать калмамста стиренц явсеманза	48
Причитания дочери на похоронах матери	59
6. Вай, аваняй-матушканяй!	70
Ой, маменька-матушка!	70
7. Ой, тядяняй-аваняй	71
Ой, маменька родная	74
8. Вай, тядяняй-аваняй	76
Ой, маменька-матушка	77
9. Вай, тядякай-шкайназе	78
Ой, маменька моя, боженька	79
10. Тядянязе-аванязе	80
Маменька-матушка моя	82
11. Тядяняй-аваняй, кинди кадомайть	84
Маменька-матушка, на кого оставила	85
12. Тядянязе-матушканяй	85
Маменька, моя матушка	86
13. Ватта явси тядянязень-аванязень	87
Ой, оплакиваю я свою мать-матушку	87
14. Аваняй-шкайнай	88
Маменька-боженька	88
15. Вай, маманязе-матанязе	89
Ой, маменька моя, милая	90
16. Ох-ой, тядяняй	92
Ох-ой, маменька	92
17. Тядяняй-аваняй	93
Маменька-матушка	94
18. Вай, шкайназе-тядянязе	95
Ой, ты боженька, моя маменька	96
19. Тядяняй-аваняй	96
Маменька-душенька	97
20. Вай, шкайназят, тядякай-матушкой, ой	97
Ой, боженька, матушка моя родненькая, ой	98
21. Тядянязе-аванязе	98
Маменька-матушка	99
22. Ой, тядякай-матушкой	100
Ой, маменька-матушка	100
23. Ох-ай, тядякай-шачфтыняй	101
Ох-ай, матушка родимая	102

24. Аваний-шкайный	103
Маменька моя, боженька	104
25. Ох, тядякай, шкайный-матушкой!	105
Ой, маменька, боженька-матушка!	105
26. Аванай, аванай	106
Маменька, маменька	107
27. Ой, аванай-кормилецкай	107
Ой, маменька, кормилица моя	108
28. Ой, тядянязе-аванязе	109
Ой, маменька-матушка	110
29. Аванай, аванай	111
Маменька, маменька	112
30. Шкайнязе-маманязе	112
Маменька, ты моя боженька	114
31. Вай, мярьган, тядяный-аванай	116
Ой, скажу я, мать-матушка	117
32. Ой, тядяный-аванай	117
Ой, мать-матушка	118
33. Шкайнязе, мамакай-матушкой	118
Маменька-матушка моя, боженька	119

Об отце

34. Ох, аляный-кельгомный	119
Ох, отец мой, любимый	121
35. Алянязе-кормилецказе	123
Отец мой—кормилец мой	124
36. Ватта яван-калян алянязень-трайнязень!	125
Вот, расстаюсь я с отцом-кормильцем	126
37. Ох, алякай-трайнязе	126
Ох, отец мой, кормилец мой	128
38. Ой, алянязе, алянязе-трайнязе	129
Ой, папенька, папенька-кормилец ты мой	130
39. Ожу пшкядян мон валнят	131
Хочу я слово вымолвить вам	133
40. Аляный, аляный-трайный!	134
Батюшка, батюшка-кормилец мой!	135
41. Ой, алякай-трайный	136
Ой, батюшка, кормилец мой	136
42. Батякай, батякай, ой, оцю ённызе	137
Отец, отец, ой, уму-разуму наставлявший меня	137
48. Ватта яван-калян алянязень-трайнязень	138
Вот расстаюсь я со своим отцом-кормильцем	139
44. Ох, алянязе-трайнязе	139
Ох, папенька, кормилец мой	140
45. Ой, аляный, аляный-трайный	141
Ой, папенька, папенька-кормилец мой	141
46. Ой, мон вачкодъсайне	142
Ой, я всплесну своими рученьками	143

О сыне

47. Пуромода, пуромода маланяс	144
Собирайтесь, подходите поближе	145
48. Цёранязе, Колянязе	146
Сынок ты мой, Коленька	148
49. Цёранай, цёранай	150
Сыночек, сыночек	151

50. Ой, пшке дяканязе, Вита	152
Ой, птенчик желторотенький, Вита	154
51. Ох, цёраный, цёраный	156
Ох, сынок, сынок	157
52. Мишканязе, монь фкянязе!	158
Мишенька, ты мой единственный	159
53. Иднызе, Осенька, лефкскаязе	161
Сынок, Осип, птенчик мой	162
54. Вай, ожу мон тонь явсан, цёраный-аляный!	164
Ой, погоди, я оплакиваю тебя, сыночек мой	164

О дочери

55. Ой, курок тага сай поминкаце	165
Ой, скоро опять будет день твоих поминков	166
56. Иднызе, иднызе-стирнязе	168
Доченька, доченька	169
57. Иднызят-стирнызят	170
Дитя мое—доченька	172
58. Стирнязе, стирнязе-баяраванязе	173
Доченька, доченька, барышня моя	174
59. Стирнязе, стирнязе, баяраванязе	175
Доченька, доченька, барышня моя	175
60. Якстерь марьянезе, Тани иднызе	176
Яблочко моё красное, доченька Тани	178
61. Вай, Марьяканязе, Марьяканязе	180
Ой, Машенька, Машенька	181
62. Стирнязе, стирнязе-матанязе	183
Доченька, доченька, моя милая	184

О муже

63. Ох, васяный-поланай	185
Ох, суженый, нареченный ты мой	187
64. Вай, Васяный, Васяный,—монь мазы дёмнызе	189
Ой, Васенька, Васенька—дорогое мое имечко	190
65. Поланый-законный	191
Суженый ты, законный мой	192
66. Вай, атяный-поланый, месендеть?	193
Ой, старик мой, суженый, что наделал ты?	194
67. Ох, васяный-поланый	195
Ох, суженый-нареченный ты мой	196
68. Вай, поланый-матаный	197
Ой, мужёк, милый ты мой	198
69. Ватта яван-калян васянязень-поланязень	199
Расстаюсь я со своим муженьком-суженым	200
70. Ожка монга явсан васянязень-поланязень	200
Погодите, вот и я оплакиваю своего суженого-нареченного	202
71. Ватта явсан васянязень-поланязень	203
Вот я оплакиваю своего суженого-нареченного	204
72. Ой, ожка пшкядян васянязти-поланязти	206
Ой, погодите я обращусь к своему суженому-близкому	206
73. Васянязе-поланязе	206
Суженый-нареченный мой	207

О прочих родных

74. Ох, бабаний-матаняй	208
Ох, бабушка, милая моя	210
75. Ой, аканяй-матаняй	213
Ой, тетенька моя милая	215
76. Вай, аканязе, аванязе	218
Ох, тетенька моя, матушка	219
77. Ох, аканяй-матаняй	221
Ох, тетенька моя, милая	221
78. Аканязе-тядянязе	222
Тетенька моя, матушка	223
79. Ватта яван-калян сазорнязень-Матюнязень	225
Вот я оплакиваю сестру свою	226
80. Ой, сазорняй-матаняй!	226
Ой, сестра моя, голубушка	227
81. Вай, ватта яван-калян пылянеязень-матанязень	228
Ой, расстаюсь я со своим милым братом	229
82. Вай, альгяняй, альгяняй, альгяняй!	229
Ой, деверь, деверь, деверь ты мой	230
83. Атякай, атякай, вай, батюшкай!	231
Дедушка ты мой, батюшка	232
84. Ох, атякай-аляняй	233
Ох, свекор мой, отец родной	234
85. Вай, Иван овняй-эзнаняй!	235
Ой, Иван зятек мой любимый	236
86. Рьяняй—ши валдоняй!	237
Сноха моя, красное солнышко	238
87. Ой, стирнязе—монь уноконязе	239
Ой, доченька, моя внученька	240
88. Вай, атякай-гряйняй	241
Ой, свекор мой, кормилец мой	242

Внеобрядовые традиционные плачи

89. Авась явсеса пожарса палф кудонц	247
Женщина оплакивает сгоревший свой дом	248
90. Явсема аямса-ёндолса шавфонь колга	249
Плач об убитой громом-молнией	251
91. Явсема цёрань колга, кона ваясь ляйс	253
Плач о сыне, утонувшем в реке	253
92. Явсема пожарса палф сазоронь колга	254
Плач о погибшей при пожаре сестре	255
93. Явсема эсь зряфонц колга	257
Плач про свою жизнь	258
94. Явсема, мзярда цёрась арай солдатокс	259
Плач при проходах в солдаты	259
95. Шавф алянь колга явсема	261
Оплакивание убитого отца	261

Образцы мокшанских похоронных и поминальных обрядов с причитаниями

96. Торбеевский район. Малышева велень калмаманы, поминдаманы обрянтне и явсематне	265
Похоронные и поминальные обряды с причетами в селе Малышеве Торбеевского района Мордовской АССР	274

97. Атюрьевский район. Атерь велень поминдаманы обрянтне и явсематне	284
Поминальные обряды и причеты села Атюрьево того же района	288
98. Краснослободский район. Сире Синдру велень калмаманы и поминдаманы обрядовой явсематне	292
Похоронные и поминальные обряды с причетами села Старого Синдрова Краснослободского района	297
99. Ковылкинский район. Од Сомай велень калмаманы обрянтне и явсематне	303
Похоронные обряды и причеты села Новая Самаевка Ковылкинского района	310
Музыкально-стилевые особенности мокша-мордовских похоронных плачей	317
НОТНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ	328
КОММЕНТАРИИ К НАПЕВАМ	342
Комментарии	343
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	353
Список сказителей	354
Словарь устаревших и диалектных слов и выражений, встречающихся в мокшанских текстах	355